

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

WIDENER LIBRARY

HX J9EN T

Slav 8946.7.100

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

Товѣ га тѣе уоѣфуру и ѣлатгауб енон
на Меѣе узѣе!

FRICKNER SC.

Австриѣ; Сісіуту,
Моралная Потѣств;
Согинжа
Отъ
Милопана Видакспива,
Дѣтвовспитателя.

Во Будиств
Листенви Всеучилища Мещанскаго.
1814.

ЛЮБОМИРЪ

У

ЕЛІСІУМУ,

Романтическа, но при томъ и морална лувѣсть,

сочинена

МИЛОВАНОМЪ ВИДАКОВИЧЕМЪ

ДѢТОВОСПИТАТЕЛЕМЪ,

ПОСВЯЩЕНА ЖЕ

ГОСПОДАРУ

ПАВЛУ ПЕРИШИЧУ,

Младому кулцу и гражданину

Новосадскому.

*Къ дѣти
Theodor = Пешчанецъ*

ВЪ БУДИМЪ

Писмены Кралевск: Всеучилища Пешчанскаго.

1 8 1 4.

✓
Slaw 8946.7.100

Indonesian

ЛЮБЕЗНЫЙ и ИСКРЕННЫЙ МОЙ
П Е Р И Ш И Ч Ъ!

Древо се на древо, вели наша Сербска пословица, осланя, а человекъ на человекъ. И естъ истина; мы еданъ безъ другогъ быти не можемо. Рука руку пере, а образъ обадвѣ. Какогодъ шпо у свѣту Фусическому дивный естествова порядокъ гледимо, и видимо како се една вещь на другу опноси, една другу помаже, оживлява и умножава; тако исто и у свѣту Моралному, у кой по-

кмо чловѣкъ принадежи, видимо
взаимно между нами содѣйствіе,
взаимно спомоществіе; любовь и
союзъ нѣкій, по коимъ мы удоб-
нѣ временое щастіе себи сниска-
вамо, удобнѣ у совершенство до-
лазимо, удобнѣ и пупь намъ къ
вѣчному блаженству опворамо.

Божество е само хопѣло намъ
разне склоности, разне силе и спо-
собности дароваши; и свакому по
особъ

особъ нѣку волю у сердце улипи,
да се едномъ допада едно, а дру-
гомъ се повољи друго: обаче тако
е оно наше вещи союзило, да и-
наче не, но еданъ съ другимъ со-
дѣйствовати морамо. Слѣдовател-
но свакій, кой се у доброму, бу-
ди оно кога рода было, дѣлу, пруд-
ди и наспой оное, не токмо на
свою, но и на всеобщу ползу у-
правипи и извершити, можесе ре-
пьи да таковый должностъ чело-
вѣ-

вѣческу исполнява, и Божіему о
нами намѣренію соопвѣтспвуе.

Но о, колико е насъ мало, ко-
имъ общее благо, общая полза
сердце у движеніе приводит! —

Я кадъ самъ пріе возврапившу-
ми се съ любезны мой ученицы,
Вашомъ же брапіомъ изъ Пеште,
на вопросъ Вашъ показао мое ово
овога лѣта сочинініе, Высте се за-
чу-

чудили, и похвалили прудъ мой; шпасамъ Вамъ рекао? „всуесамъ се прудію, кадъ ми мора у рукопису остапи“ ніе ми жао, придодамъ, шпосамъ се еданъ пупъ у подобномъ дѣлу, као человѣкъ преварію, и на пренумерацію се пауздао; него жао ми е што перву мою погрѣшку за правило мени узео нисамъ, но приложимъ паки поликій прудъ и на другое дѣло, и изгубимъ все време, коесамъ могао на

на ину мою ползу обратити. Ове
мое рѣчи побуде Ваше юношеско
сердце; Вы се мало промислите,
и рекнете ми. „Будупъи да се по
дѣло обще ползе каса, и да бы
шпета была, да такова книга, коя
сада первый крапъ на свѣтъ исходи,
пропадне и свѣта не види, и да
Ваши труды желасмый роду плодъ
не принесу, жао бы ми было; а и па-
ко се съ моіомъ братіомъ и на ову
годину ити разрѣшавате; за больше
ихъ

7

ихъ дакле Вамъ припоручити ; я
Вамъ за ню плащамъ , подайте нек'
се печата , подайте еданъ , буди
и два образца на мѣди изрѣзати ,
и книги за украшеніе приложити ,
япъу све платити “ — овосу Ва-
ше великодушне рѣчи были , коихъ
се и сами можете опоменупи . За
оваково убо Ваше , као младогъ
перговца благодѣяніе , за овакову
священну , кою на олтарь любимогъ
своегъ рода приносите жертву , не
УДО-

удостоявате ли се Вы, да я Васъ у овой моѣй книги споменемъ; кое-тъе за честь и Вамъ, и цѣлой Вашего реда класси служити? И бы ли отъ мене лѣпо и было, да я оваковый подражанія достойный, и рѣдкѣй еданъ примѣръ свѣту не исповѣдимъ? Слѣдовашелно любезный мой! я ово мое дѣло, овыи новый романъ Сербскѣй на Васъ, посредствомъ коего онъ на свѣтъ исходи, Посвящавамъ; Вамъ као
мое-

моему искренному пріятелю нѢга
за знакъ поне нѢкій мое къ Вамъ
признательности приносимъ.

За кое молимъ пріймите съ о-
нымъ усердіемъ, съ онымъ благополу-
шїемъ, съ коимъ сте за нѢга и
плашпи изволили; и увѣрени бу-
дите, да пьете ми со пимъ лю-
бовь Вашу сладку усугубипи, и
пріятелство Ваше, кое е мени па-
че сребра, и паче злата, увеличипи.

Ка-

Какову пакъ честь и любовь заслужити будете опъ моихъ благоохотныхъ читателей, кой пьеду поне пріятну нѣку забаву себи; ако нища друго, при овому роману имапи; я о тому молчимъ — и на разсужденіе памепнимъ мужемъ, и благоревнивимъ душамъ оставлямъ, кое желу да се свѣпъ умный вепьма и между насъ умножава, да больма и нашу милу націю

цію священномъ своїомъ лучомъ
Мінерва озарява.

Ако ли се свакому ово мое дѣ-
ло какове важности и не буде ви-
дило, и ако га зрѣлому, коимъ се
душа словесна пита, плоду свакій
и не буде уподобію; то поне може
га уподобити пролѣтному цвѣту,
кой очи наше увеселява, и плодъ
на иное време принести обѣщава.
— Отъ мале бо искре постае о-
гань

гань великій, и каплица водна, ако е и слаба, но честимъ на едно мѣспо капанѣмъ, и камень пшвердый пробіе; — и зерно е жира мало, но време произведе изъ нѣга гerdный распъ. — Попочипыи многіи, ако су и мали, составу рѣку велику кадъ се у едно слію. — Словомъ, све вещи велике, кое у еспеспиву гледимо, происходе опъ малыхъ. — Нипъ сѹ мудри у оно време Грецы на еданъ пушъ до о-
но-

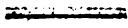
ноликогъ совершенства дойти могли, но све су се лагано и ногу предъ ногу на ону высину пужали. Наша е должностъ радити колико кой можемо ; зане ако тьемю руке прекрестити у нѣдра, а оно не тье нигда нишпа ни быти : но едни да пишемо а другїи да се постараю пластити, као штосте Вы Господару Перишичь, учинили, пакъ тье све добро быти, Нація тье се наша просвѣтити, облагородити,
и

и другимъ се славимъ народомъ
уподобили. Съ коимъ благожела-
ніемъ я препоручующи се у Вашу
къ мени любовь есмь са свакииъ
почитаніемъ

Вашъ искренный
пріатель
М: Видаковичъ.

Д р а -

Дражайшіи мои Читатели!

Древне вещи, старіи нѣкии обычаи, и дѣйствія челоуѣческа бывша, коя су, у времени давно вещь прошехла, и исчезла, кадѣ ихѣ гдѣе читамо, или и усшмено отѣ хога чуемо; и кадѣ ихѣ силомѣ воображенія уму нашемѣ представимо, мила су намѣ, и увеселявамо се со шимѣ: чини намѣ се, као да у онаи старий свѣшѣ одѣмо, и наше праоще, коихѣ смо кровь наслѣдна, гледимо. Ово е нашемѣ духу нешто природно; то намѣ и искусство само освѣдочава. Читамо ли гдѣе добродѣтельнаго мужа жише; каково благородно у сердцу на-

шему ощущавамо побужденіе! — Найдѣмо ли гдѣе у земли старый каховый новацъ: окрестъемо га и премо; чистимо и любопытствуемо, чій е было? Кадѣ е, и подѣ кои мѣ царемѣ сливенѣ? Дойдѣмо ли гдѣе у пусто мѣсто, и смотримо ли ту кахова древна, коя вещь у самы развалина леже, зданія; хѣхѣ каменіе маовина полала, по конма се ловишныцы слелли; и коя се змѣмѣ и гушперомѣ гнѣздо учмнила: станемо, и сѣ благоволеніемѣ сгледамо ихѣ; дивимосе, и обходимо у наоколо; пражимо каховый надписѣ: шко е ихѣ зидати дао? Кадѣ е то было, и шко е ту обитавоо? и проч: Пахѣ юощѣ ахо найдѣмо, да су то остатцы нѣхїи праощецѣ нашихѣ; то му се юощѣ више радуемо. Мы оповудѣ и науку нѣху собирамо; примѣри бо древныхѣ не на малое исправленіе наше бываю: и житіе кахового мудраго и добродѣтелнаго мужа кадѣ се лѣло, и по вхусу слыше, и живо уму нашемѣ

пред-

представи, служи намъ за огледало, у кое
мы огледаюшьисе сравнявамо поступке наше
сѣ послулцы нѣговы, и видимо у каховому
разнствію сѣ нимъ стоимо; побуждавасе у на-
ми чувство морално, и возревнуемо споламъ
добродѣтелнаго слѣдоваши.

За шо любезніи мои чишашели! Я Вамъ
овдѣе у лервон части ове мое романшѣеске
повѣспи, кою самъ Вамъ овога лѣша сочинію,
и кою Вамъ учшиво подносимъ, преспавлямъ
стараго нѣкоего Гослодина Любомира Соколо-
вича, и благовослипаннаго отроха Светозара.
Имена ова сама Вамъ явно показую, да'су
Серби были; а повѣспь тѣе Вамъ показати дѣ-
ла ихъ, шохмо сѣ разсужденіемъ чишайте.

Любомиръ е живіо охоло долъ четернае-
стого вѣха: онъ е бмо родомъ изъ Ерцегови-
не, мужъ благороданъ. Служіо е при С. Сте-
фану

В я

фану

фану Кралю Дечанскому подв оружіемв. Храбрость нѣгова, и мяцный разумъ; вѣрность своему Царю, и чистота нѣгова сердца нѣга су у чину войническому на высокій стелень полела была.

Обаче — шехъ што е онъ — подв спарость вещь свою — оружіе оставіо; и шехъ што е сладхе прудовъ своихъ плоде уживати почео; олочисе прошивъ нѣга за малу, и што не нѣгову погрѣшху злоба; коя му мало и главе дошла нѣе! — Судба е съ нимъ поступила почти као и съ Велізаріемъ, славнымъ онымъ при Іустиніану Греческому Царю, войводомъ.

Представяйтесь Вамъ овдіе нѣговъ честный Характеръ, духъ и сердце нѣгово. Видите, како е онъ мудро, и съ каковымъ отеческимъ усердіемъ Светозара, Чедомяла, и Дра-

❁~~~~~❁

Драгиню у пущыни вослишавао : Хошя да за
перво двое, долго време ни знао нїе быо, чїя
су дѣца была. Ясамъ увѣренъ, да тѣе ову по-
втѣсь свахїй правый Сербинъ со услажденїемъ
чишати.

Истинну да кажемъ, я знаютьи каховый е
шрудъ книгу одну писати, и пространномъ ю
свѣшу сообщити, и какову нашегу оный има-
ти мора, хей се у состоянїю не находи самъ
за ню у печатни лашити; можно, да се не
бы за садъ дѣла овогъ ни прїмїю; прошахъ е
особишо велихїй. Но будущи многїи мои до-
брїи овдїе у Новомсаду прїишли, многїи бла-
гоохотнїи Сербскихъ книгъ чишатели на то ме
побуде, напераю исхлоне: презрѣмъ сва неу-
добства, и ошважимсе писати.

За чепыри дана пущуюнїя ми еъ два моя
ученика у Пешту, мысль моя ни о чему дру-
гомъ

гомъ бавиласе нѣ , као о тому , шпа'шѣу ,
хадъ се съ дѣцомъ , мени на годину дана во-
вѣренномъ , намѣстимъ , лисаши почести? —
Оломенемсе најпосле ове исте повѣсти , кою
самъ иногда у нѣкому древному руколису , іошъ
у шурскомъ рапу съ нѣкимъ старимъ дякомъ
изъ Сербіе у монастыру Раваници (верднику)
чишао , или лаче да рехнемъ , више самъ опѣ
нѣга , хадъ ми е чишао , слушао ; понеже я шо-
гда као дѣше , честшишо ни чишаши нисамъ
знао . Чини ми се , да е была на 6. или 7. мо-
чаловѣ слисана : има тому вещь 21 година . Я
се самъ чудимъ , какосамъ ю и шпогодъ улам-
пиши могао . Сказывали су , да ю е слисао
нѣхій монахъ у Студеници . — Кою повѣсть я
за болшее милой и любезной юности нашей у-
веселеніе у романѣ Сербскій обратимъ .

Я съ дѣцомъ у колы лущуюшъи , цѣло ово
дѣло до Пешше у ламешки прохувамъ , и на-
чинъ ,

чинѣ, хакошѣ га лисаши, мени изобразимѣ ;
хое, хако дойдѣмѣ, лисаши почнемѣ. Издамѣ
одма и печашано обявлѣнїе на пренумерацію :
но хадѣ видимѣ, да ми нишко ни уха не о-
хрешѣ, кромѣ нѣколико изѣ Фушоха и изѣ
Новог'сада ; помыслимѣ у мени : Ово е хао и
сѣ Велимиромѣ ! — Опѣ срѣшѣ све зависи ; —
изгубимѣ и волю и до самага пролѣшїя пе-
ромѣ ударїо нисамѣ : хоя бо полза да лишемѣ,
хадѣ издаши не могу ? —

Между шимѣ у едно шїхо вече, хое лѣш-
ный мѣстѣцѣ прехрасно освѣшляваше, узмемѣ я
два моя любезна учениха, и увидѣмѣ прехо лу-
та опѣ моего сѣ нима обшталїца, у лорпу
Сербске церхве ; сѣднемо шу на зелену траву,
и заведемсе сѣ нима у разговорѣ. Лїле се
охоло сваше церхве шехѣ расцвѣщавати поче-
ле блху, сѣ конхѣ се прїяшний мѣрїсѣ вечер-
нимѣ зефїромѣ на насѣ развѣяваше. Они мене

замале, да имѣ што лѣпо проловѣдимѣ. Дѣ-
ца будущи добра, благе нрави и у науки сво-
ей прудолюбива; братія отѣ шетке и уха, и
Сынови моихъ исхренѣйшихъ у Новомсаду пріа-
шелей; старіи мала, ПЕТРЪ СТОЯНОВИЧЪ
Сунцахсїмѣ Латїнскій слушаше, а другій КОН-
СТАНТИНЪ ПЕРИШИЧЪ грамматїку: знаютьи
да невинна юность у беззлобной шохмо игри, и
лѣлы проловѣдки особише свое увеселенїе на-
ходи, почнемѣ имѣ ову ксту повѣсть Любо-
мира у Елісіуму казивали. И наводешь имѣ
у бесѣди, ко должности моїей и поучителне
примѣре, продолжи се повѣсть моя и на выше
вечери, кою хадѣ совершимѣ, почну ме учти-
вѣйше молиши, да ю слышемѣ и у Печашню
предамѣ, увѣраваютьи ме, дашь се найци
благодѣтель, кон'ше за ню плашши; како
штошъеду и погодити; што'су они мыслили,
шо е слѣдствїе показало, я знао нисамѣ.

За любовь инди нѣгову предузметъ дѣло на ново, и до хонца Августа едва га совершимъ: мало самъ у нѣму и похитио: време бо приближисе, да младище дома водимъ, а радсамъ быо, да дѣло изъ мое руке у Печатню предамъ, не знающи да шьу се олетъ у Пѣшту вратиши. Зато ако будемъ гдѣе као человекъ мало и похлизнуо, и еднака свуда израженія не будемъ имао, можете ми олроштиши: друго е съспи, и у одному духа расположенію нѣколико стіхова сочиняши, ком се могу у одному часу и шездесетъ лущи прогледати, прочитати и поправиши; а друго е у пустишнее у пространное поле, и за нѣколико мѣсѣцій мысли свое на безчисленне предмете разроѣвати, о свакому предмету по особѣ нешто говориши, и при шому све мысли у союзу шако держаши, да нигдѣе порядокъ естества не изстули! да ни гдѣе у чему ни будъ не погрѣши. Лагше е и преводчику, кой
ша-

шохмо на езыкѣ, съ коего преводи, и на свой
мора лазити, а дѣло му е предѣ очима гошпо-
во и урадѣно: Обаче оригінално што писани,
хао што е ово мое дѣло, иштесе Любезни
мои, време и безбрижно житіе; иштесе тиши-
на духа, и да му обстоятелства внѣшня не
полажу хакова преляшствія, хао што мени
моя полагају.

Кадѣ дойдѣмѣ у Новийсадѣ, залыпа ме
младый Господарѣ Перишичѣ, братѣ моихѣ у-
чениковѣ, хакову самѣ книгу предао у Печаш-
ню? Сѣшимсе абіе, да су о ной ученицы мои
нѣму луснили у ушеса! Кажѣмѣ му, хакова е
книга, и лопужим мусе, да ми нема што да
плаши. На кое онѣ осмѣяваютьсе „а, ели?
pecunia est anima regum! — Certe pecunia,
sed etiam ordo inter mortales, отговоримѣ му
я; колико Вы, придодамѣ му, нужднѣше
намѣ, консе о новцу шруднѣше, шолко смо-
мы

мы пошребни Вамъ, кои о науки и мудрости прелѣжавамо. Онъ на што замислесе и пошомъ ово ми рекне „будушьи да се толико за свой родъ прудише, кое ми е мило, и свакому правому Сербину мило преба да буде, и будушьи вели да се поредъ мое бращіе находише, не могу Вамъ опрешъи, я Вамъ за книгу Вашу плашьамъ! — Благо мени, ошговоримъ му, дакле рехо да ю Вамъ и посвацимъ. Зашто вели, мора што быти? То валя да буде, рехнемъ я, шако е моя воля, и шако правда ссобомъ доноси. Обаче моя воля ніе, придода онъ, и ямамъ узрохъ, зашто то не шьу. — О любезный мой Перишичь! примѣчавамъ я шай узрохъ, но увѣрени будише, велимъ, да вы за оваково дѣло, кое се общему благу хлони, ходъ памешни и великодушны людій чешъ и любовь заслужуеште; а прочимъ олросшимо, и извинимо имъ слабость ніову! — и шако ло доволно му разговору едва га скло-

охлони́мъ, да нѣму ово мое дѣло посвятимъ.
— Доздѣ предисловіе. —

Садѣ молимъ Любезніи мои читатели!
дозволи́те ми малое отъ Ваше стране стер-
пѣніе, едно примѣчаніе овдѣ сверху Сербскогъ
нашегъ езыка ставиши; нешь Васѣ ни шо об-
шерешши, а нужно е Вамѣ и ове мое кни-
ге ради знаши.

При-

Примѣчаніе о Сербскомъ языку.

Будутъ ли да мы сада, кои помало за свой народъ писати починьемо, доспа се у незгодному времену находимо: више насъ критицираю у языку, нежели и у дѣлу, но имаду и право; должность е како преводчика, шако и самага списателя, да толико позорствуе на языкъ свой, колико и на саму вещь, кою на нѣму изражава. Обаче камо намъ шакова грамматика, коя бы чиста свойства Сербскогъ языка содержавала, и коя бы правила, по кои ми да се сви еднако водимо, имала? — Мы смо Господину Мразовичу за Славенску Грамматику вовѣки должни благодарити, но нужна е намъ јошъ и Сербска. И доклегодъ ову не будемо имали, правилно и еднако писати не можемо; но увѣкъ шьемъ шумарати, и едни писати као што у срему говоре, другии као у Славенїи, шрешїи као у Ерватској, и ш: д: Боемци су чакъ ову нашу погрѣшку примѣнили.

До-

Добровскій нѣкїй у своей книги на Нѣмецкому езыку пише, да мы Серби у саданье време не имамо правилный и опредѣленный езыкѣ, на коему бы книге писали, но да едни пишемо церковнымѣ спѣломѣ, другїи просто, као што говоримо или помѣшано! — Зашто дакле мы не бы опузели ово ихѣ поношенїе? зашто се не бы напи, кои се добро у своему езыку разумѣваю, согласили, и одну писменицу на нашемѣ езыку сочинили? Ово бы перво основанїе было, на коему бы се наше просвѣщенїе съ много болшимѣ успѣхомѣ оснивати почело.

Нѣкїи наши захпеваю, да се пише Славенски а не Сербски, но молимѣ понизно, за кога? — за наше учене? — здрави врача не попребую! — Кои е конецѣ просимѣ, и намѣренїе едногѣ писателя, на кой онѣ, кадѣ што пишати предузме, дѣло свое управля? то, да своїомѣ книгомѣ, у коей онѣ и пороке и добродѣтель ясно намѣ пресставля, насѣ ползуе и поучи; да намѣ пороке сгнуси и омрази, а добродѣтель услади и у намию побуди. Но што ово више попребуе, нежели они, кои нису толико учени: младишпи, женскїй полѣ и простїи наши люди: обаче хошьеду ли ови славенску книгу и у-

зеши у руке, кадѣ ю не разумѣваю? Нигда!
— Е дакле шаковымѣ начиномѣ списашель
не получава намѣреніе свое, и онѣ нимало или
весма мало кога са своимѣ описаніемѣ ползуе.

Та ово е наравно, да мы кадѣ се сѣ ка-
ковымѣ лицемѣ и успменно разговарамо,
морамо сѣ нимѣ тако говориши, да оно насѣ
разумѣ! тако валя да поступамо, и кадѣ
што пишемо. Мы треба да будемо благо-
душніи, и настоимо о ползи народа нашего,
а не пристрасніи, да се токмо покажемо
нѣкимѣ, да мы знамо славенски и високо пи-
саши, и да насѣ само учени разумѣваю! Пер-
во е добродѣшель, и шеплая любовь своему
роду, коя е человѣколюбиве Персы доброгѣ
нашегѣ Обрадовича оживлявала; а вшоро е
гордость и суешно славолюбіе. Тко не чи-
та радо блаженогѣ Досіѣеа нашегѣ? и мало,
и велико; и старо, и младо охотно и сѣ у-
слажденіемѣ дѣла нѣгова чиста, и ползуесе:
понеже свакѣ разумѣ, што му се у книги
нѣговой каже. Хоши да овый Славный мужѣ
ниши е на ореографію, ниши на чуже рѣчи
позорѣ давао; обаче треба знати, у кое е
онѣ време и писао, има шому скоро 30. го-
дина; у каковомѣ е дакле совершенству он-
да нашѣ народѣ и было! —

Я

Я по моему разсужденію за общее доброд нашего народа находимъ, да мы пишемъ Сербски, да насъ весь народъ нашъ разумъ; а да нашъ старый языкъ Славенскій, кой намъ вовѣки у церковны книга остае, оставимо за Богослове, и за нѣка покло на ученна и высоки лица относетьсяе дѣла; да га взирамо као нашъ Священный языкъ, и дичимосе съ нимъ, као гречи наши съ Еллинскимъ. Да е славенскій нашъ языкъ богатъ рѣчивъ, и правиленъ; да е у израженіями сладакъ, нѣжанъ и силанъ, то е истина: и да мы изъ нѣга, као изъ источника лѣпы рѣчій узимати и нашъ Сербскій языкъ поправляти можемо, то намъ никто не брани; не узимамо бо изъ чужегъ языка, но опеть изъ нашего: Но да мы книге на нѣму за просвѣщеніе нашего народа пишемъ, видимосе не разумно захтеванье: нисмо мы шурды, да не можемо, и не смѣмо на нашемъ языку писати книге, но да се держимо другогъ языка у тому, као они што се Аравійскогъ держе, зато и есу онако просвѣщени! Любезни мои Читатели! за то што мы отъ славяновъ происходимо, нисмо више они, кои нисмо пріе были, но Серби; мы имамо нашъ языкъ, кой уничтожити не можемо, ниши

ее на ново у Славяне претворити; а и за
кой бысмо узрокъ шо желли? — Зашто се
Таліани и Францози у Латинскѣи езыкѣ, изъ
коего происходе, не повратъаю? Нїе имъ
нужда, да шо чине; они своимъ езыкомъ го-
воре, на своему езыку и книге пишу, пакъ
добро; ено до каковаго су совершенства до-
шли! — Сербски братіе моя Любезна! Серб-
ски пишимо, да насъ народъ нашъ разумѣ-
ти и опѣ насъ се што ползовати може. Обаче
пробесѣдити будемо мало и о тому: како
треба и Сербски писати, да намъ іоуць
каковый славянинъ не каже „ако шъемо пи-
сати Сербски, шо между и наше бабе книге
писати.“ Лѣпу честь дае своему езыку! —
Онъ е хотѣо заръ да рекне: мы можемо пи-
сати Сербски, но не шреба онако да пише-
мо, као што и просте наше баке говоре: и
и кажемъ, да не преба онако; но отовудъ
не слѣдус, да морамо писати славенски: аки
бы мы не имали езыкъ нашъ Сербскій со-
вершеній, него као што бабе говоре; та
не видимо ли, да сви народи имаду свой о-
собитый и книжевный езыкъ, на коимъ кни-
ге пишу, и кой имъ се опѣ Куйнскогъ езы-
ка мало разликуе; обаче сѣ шoliko се раз-
ликуе, да га и простѣ человѣкъ разумѣши

може; како не бы смо и мы таковый имали? — Него да пишемо Славенски! — Какотье простый нашъ земледѣлецъ разумѣти, какоотье женскій полъ, и машере наше, кое перво основаніе воспитанія дѣвцы своіой полагаю? — Дакле ниши валя да Славенски пишемо, будущи да народъ общин, овыи древный языкъ не разумѣ! ниши валя пуко простю писати, као што народъ и найпростій говори; понеже у свакой провинціи другоачіе говоре, слѣдователно морали бы и списатели у свакому предѣлу другоачіе и книге писати. Пакъ онда кадъ бы узео нашъ Сремацъ книгу, да чита, коя е у ерватской писана, онъ бы се смѣяо, понеже нѣке рѣчи, коимъ се онъ ніе навывкао, куріозно бы му у ушесы знониле; а Ерватъ бы се смѣяо нѣму: као што ихъ доста пупи ичуемо, гди се и успешно препиру и инаше.

У Срему и Банату кадъ чую, да кой изъ Славоніе и Ерватске; или изъ Босне, и Ерцеговине, рекне „вѣра ти Божія гдѣ си было? шо ніе лѣпо отъ тебе! пріе самъ и дѣте мое шило по тебе, и ніеси было дома: заръ ты не смѣшь мени дойти? и проч; — Оама му кажу „ово е шіакъ! како говори! — А не види да е шо лѣпо речено, и да е сва-

свака ова рѣчь нѣгова, управѣ Славенска; судити можемо, да су у старо време наши Серби тако и говорили. Засвѣдоочаваю то и нѣкии древни нѣови рукописи. *Вѣра, гдѣе, прѣе, дѣше, нѣеси, лѣло*, не смѣшь и ш; д: У чему се ове рѣчи разликую отѣ Славенски? Ни у чемѣ! А мы у овы земля кажемо: вера, гди, предѣе, дѣше, нѣеси, лѣпо, не смѣшь. Ова е свака рѣчь отѣ нашегѣ старогѣ езыка удалена.

Да е нашѣ народѣ Сербскѣй у саданье време у Срему, у Бачкој около Дунава, и у Банату кѣ Тиси, гдѣе се, као у цесарски держава, у највѣшьој маси находи; најпросвѣщенѣи (шпосе Сербовѣ тиче) и нанученѣи, шо е истина. Понеже у Сремски Карловцы, у Новомсаду, а и у Сомбору, давно вещь школе, ако не велике, шо поне грамматѣкалне на нашемѣ езыку имамо; у коима е сеюностѣ наша коликѣ толикѣ исправляла и исправлясе. А наипаче у Карловцы, као при двору и прѣе шогѣ ималисмо, не шокмо школе грамматѣкалне, но и Богословѣю и Гѣмнасию нашу, у коима су се лѣпе науке предавале: колыми у саданье наше време, Гѣмнасиѣ Карловачка подѣ мудримѣ управленѣемѣ нѣове Екселецѣе, Господина нашегѣ Архѣепѣскопа

Спратимировича, мужа колико у наукама искуснѣйша, толико и за свой любезный народъ благоревнива, тако е за ово г. лѣто процвѣтала, и такове преврасне успѣхе швори; да не само што е намъ толике изрядне Священнике произвела; но и юность сва, коя изъ нѣе у Академіе оплази, у полной мѣри свуда се похваљуе, свуда честь Гимнаси Карловачкой освѣдоचाва.

Поредъ свега тог' не слѣдуе, да и у Срему найбілье Сербски говоре, и да бы мы ньювѣ діалектѣ управѣ за Классическій узеши могли, на коему бы книге писали. По-неже и ту какогодъ и у Банату и Бачки, кромѣ многихъ рѣчій шурскихъ, Нѣмецкихъ и Мажарскихъ, кое су яко усвоили; многе су и свое собственне рѣчи извернули, и отъ Славенскогъ вѣтъма, него и у други предѣли, удалили! Зашто да кажемо — но вѣтъ нека у простому разговору и кажемо — обаче зашто да у книгами пишемо: дете, вера, дело, лепо, некій, сестри, смети, гди? ниси, нема: и проче овакове безчисленне рѣчи? — Кадъ чуемо да савѣ нашѣ народъ и дань данашній у оны земля, кое су перво наше отечество были, у коима су наши праотцы нѣколико шопина година царствовали, и
изъ

изъ коихъ смо земаля и мы произишли, чуюмо велимъ ихъ гдѣе све ове рѣчи чисто, или гдѣ кою сѣ маломъ весма премѣномъ изговараю. Увѣримосе дакле, да е оно правый нашъ и старый языкъ Сербскій, коимъ говоре наши опѣ полъ Сербіе кѣ Македоніи, у цѣлой Босни, Ердеговини, у Албаніи, Церной гори, а и у Далмаціи.

Истина, да и у овы речены предѣлы, опѣ како су по нещастію пали подѣ турчина, силне су рѣчи турске усвоили, кое бы све требало избацыти: обаче и у овы Цесарски страна, кромѣ турскихъ рѣчи (кое су зарѣ юощь опонудѣ донели, а многе оптурака и ѡвдѣ узели, кадѣ е турчинѣ преко сто година вѣшь скоро часть Мажарске держао) присвоише толике силне рѣчи Мажарске и Нѣмецке. Кое рѣчи изѣ оны земаля Серби, кадѣ овамо дойду, и незнаду: Какѣ: *салашѣ*, *умѣсто шанѣ*; *халаѣ* *умѣсто рибарѣ*; *хаіошѣ* — *ладьярь*; *марва* (опѣ *marha*) *стоха*. *Оцѣло* — *огнило*; *шаргарепа*, — *мерва* или *жуша репа*. — Нѣмец: *Виртшафтѣ*, *Домоспроишелство*; *Айрихтунгѣ*, *повульство*; *Фруштукѣ*, *подручакѣ*; и ш: а: *ткѣ* бы ихъ избронти могао, само мало напомнимъ, *дасу* *цаши* у оны земаля токмо сѣ

тур-

турскими рѣчи свой языкъ искварили, а овдѣе и съ Турскими, и съ Магьарскими, и съ Нѣмецкими; и преко свега шог' свое рѣчи собственне некако извернули! — Дакле да пишемо као што у оны земля говоре? — Не! — я на то не наводимъ: нигди мы предѣль земли нешъемо найти, гдѣ бы народъ тако чисто, и тако правилно, и по грамматикѣ говорию, да бы мы нѣговъ діалектъ за книжный языкъ узети могли. Сербинъ у оны страна многе рѣчи ружно, какогодъ и мы, изговара, кое Книгописацъ преба да исправи. Као што и Нѣмцы не гледу, како имъ народъ вообще говори, да онако пишу, но пишу, како имъ свойство языка доноси. Н: пр: Нѣмацъ, не токмо простъ но и гражданинъ, а и наученъ, у скоромъ говору каже: *Somet fein! i hob ihm gesagt!* — Но и у книгами да тако пише, Боже сохрани! Они пишу као што имъ грамматика доноси: *Saben wir fein; ich habe ihm gesagt* и т: д: Тако преба да и мы радимо. Ако у скорому изговору и кажемо *трхъ, хрвь, грхъ, шрнъ, дрво, грмъ* и проч: преба да пишемо *терхъ, хровь, грехъ, шернъ, древо гремъ*. Подобнымъ начинемъ, ако и кажемо, вера дете, лепо, дело, человекъ и т: д: Пишимо у кни-

га-

гами вѢра, дѢше, лѢпо, дѢло, человѣкъ. Понеже не кажемо благоверный, него благовѣрный; не кажемо детовоспитатель, него дѣповоспитатель; не говоримо великолепный дворъ, но великолѣпный дворъ; не велимо: благодѣтель, него благодѣтель, и не говоримо човсколюбіе, но човѣсколюбіе и п: д: Зашто бы смо ове и овимъ подобне рѣчи у проспому ихъ положенію другоячіе писали, а у сложенному другоячіе? —

Овакове велимъ рѣчи у писанію исправляши треба. Решьитье ми, може быти, шко „а зашто шы ниси у пвон дѣлы досада изданы, почность езыка наблюдавао? — Као у первы мои дѣлы нисамъ толико наблюдавао, но у овому сада есамъ и отъ сада тьбу заисто наблюдаваши.

Дакле во краѣ све шпосамъ досадъ казо, у пому се состои, да гледамо езыкъ нашъ исправити; перво отъ чужестранны рѣчий очистити, и свое собственне рѣчи увести. Второ граммашкѣу СлавеноСербску сочинити, и по ньой сви еднако да пишемо. Трето извернуше рѣчи исправимо, тврде, и безъ самогласна писмена, кое се изговараю, умягкшаймо и са самогласнымъ писменемъ растворимо, пакъ тьемо онда имати пра,

правый нашъ Сербскій языкъ и признати треба, да е се нашъ старый языкъ Сербскій, весма мало отъ Славенскогъ разликовао: то намъ свѣдоче они наши народи, кои у оны земля живе, као што рекосмо, коесу перво отечество наше было; свѣдоче и древни кое гдѣ Сербскіи рукописи.

Сада Любезни мои Читатели да видимо откуда мы Серби происходимо? и зашто се овымъ имъ-немъ зовемо? Зашто ли насъ Рацы наименоваше? — Яшю овдѣе укратко изъ Исторіе довести, поне за оне наше, кои Исторіе читали нису, налазимъ за добро.

У време оно, кадъ е се сильный и многочисленный народъ Славенскій изъ Асіе у Европу кренуо, первый крашъ населисе при Черному морю у Цѣркасіи; потомъ прејду у малу таршарию; оповудъ повуку се къ Дунаву, у саданю Бесарабію, Молдавію, и Валахію; но будущья толико ихъ е много было, да се ни у тѣи исты предѣлы сви смѣстити нису могли, пружесе и преко Дунава у Греческе провинціе, у долину сирѣчь и горню Муссію, нынѣшню Болгарію и Сербію, кое земле отъ Грековъ опму, и на нима се поселе. Они сви, докле су као еданъ вели-

кій

и́й народъ ове земле съ обе стране Дунава обитавали, звалисусе славяни. Но потомъ кадъ су вожди ихъ, еданъ едну, а другий другу часть изъ испогъ народа узимали, и ово къ востоку, ово къ сѣверу, или къ западу отводили, и по вѣшьей части Европу исполнявали; прѣиму себи и нова имена. Едни отъ вождовъ своихъ, као Москови, отъ Мосока, кой почти величайшу часть славяновъ узме, и къ востоко-сѣверу отведе, и као другий именовъ Чехъ съ едномъ частіомъ оде къ западу, и насели землю, кою по имену нѣговомъ, Ческомъ назову. Нѣки пакъ ошлучесе къ сѣвернымъ странамъ, прейду Карпатическе горе, и установесе у нѣки поля, кою землю Польскомъ наименую, и народъ Поляцы. И шяко далше часть отъ части дѣлиласе, и разни народи отъ еноговъ Славенскогъ народа постану. Као Моравцы, отъ рѣке Мораве, при коей се населу; Ервати отъ глагола ерваписе; Крайцы отъ крайне и ш: а:

Заоставша пакъ часть Славяновъ при первы свои у Европи столица, у едой сирѣчь и у другой Мусси, раздѣлисе шакожде временемъ на двѣ части. И они, кои су у долной Мусси узъ-дужъ Дунава были, назову

зову се Болгарами. Ово су име отъ нѣке воде узели. А они, кои су у горной Муссин обилавали, наименоуюсе Сербами. Обаче отъ какове су рѣчи Серби ово име себи узели, нѣе намъ толико извѣстно: едал' отъ мале нѣке рѣке, коя се и данась јошъ у Сербин Серпомъ нариче, или отъ града истога имене, за кой пишу, да е иногда поредъ те воде было; Боже — зна! Безсмертныи нашъ Господинъ Раичъ у своей Исторіи доказуе, да е име ово Сербинъ отъ Серпа узето, и доводи овако: да су сирѣчь Славяни у Гречески провинція заоспавшии посланникомъ пришедшимъ имъ отъ Грековъ, на вопросъ: Тко есте Вы, и каковыи есте вы люди, кои наше земле и далше узимаете? Као поносително и смѣющыи имъ се отговорили „Мы смо Серпови, коисмо дошли Васъ пожнѣти, и нашъ народъ у овы земля населити.“ Ели шако было, тко бы управ' знати могао? — Отъ Серпа могло е се произвести Серпинъ, и отъ ове рѣчи могло е време оно л на ђ: измѣнити, и учинити Сербинъ! —

Но што му драго, доволно е то, да смо мы нѣовы потомцы и зовемосе Серби, подъ коимъ су именемъ наши праотцы нѣколько столѣтсшвія Славно царствовали.

Него

Него откуда насъ потомъ иѣкии назваше Рацы? Ово е намъ болѣе познано: наши древнїи Серби, кад'се мало помало умноже, почну се у далше около себе стране разсѣвати; и шако они, кои у первому предѣлу, гди су ихъ праомцы населили были, заоспану; назову оне, кои се у оближне предѣле разсѣю *Рассїяны*, отъ глагола своего сѣяти - разсѣяти; како што се подобнымъ начиномъ найменовую и Москови: *Россы* или *Россїяны*, отъ рѣчи по ихъ изреченїю разсѣяти, *россїяни*. Чужїи пакъ народи, странну рѣчь изверну, и чистю ю не изговоре, отъ *Росса* произведу *Русса*, а отъ *Рассїяновъ* преименую ихъ, и назову ихъ *Расцы*! Потомъ оно с предѣ и, гди имъ е мало езыкъ записяло, избаце, и произиде рѣчь *Рацы*! —

Сви обаче овїи народи и сынови древныхъ *Славяновъ* къ новообрѣшенному своему имени не забораваю ни на древное отца своего име, кое отъ саме славе происходи, присокупити: запо и кажемо, и у книгами пишемо: *СлавеноСербски*, *Славено россїйски*, *славеночески* и ш: д:

Отъ имене дакле више реченогъ *Сербинъ*, узме име и цѣла она земля *Сербїя*.

бія. *) Но будущи да грекъ за субтілный свой языкъ письма σ не потребовао, а за чуже рѣчи не га хошео ни измыслити, но у мѣсто σ онѣ, или скрѣпи мл., или пише в. и тако у мѣсто Бібліа, као што сви народи пишу, онѣ пише Вівліа, у мѣсто Ба-білонѣ, пише Вавулонѣ; слѣдователно и отѣ наше Сербіе начину Сервію и сынове нѣне серви, кое латински значи слуге! — Да е по-не овимѣ именемѣ названа онда, кадѣ е подѣ Турчина пала, нека бы; но іоуѣ и онда су ю Грецы тако звали, кадѣ е славна, и мно-гимѣ окрестѣ себе землямѣ Госпоа была; и подѣ Царскимѣ се вѣнцемѣ между прочими щастливо царствующими народами блистала, и свѣтлала! — А оставимо што е была прочимѣ Славенскимѣ народомѣ, како Исто-рицы пишу, мапи, **) доказуютьи, да е нынѣшня Болгаріа и Сербія пришедшимѣ изѣ Асіе у Еуропу Славномѣ перва се, и по-стоянна столица учинила; и да е се весь.

на-

*) Коа е сирота много свое сынове у ово нѣко-лько година за свободу свою на кровавѣ ол-таре грознога Марса принесла и сѣ щастли-вымѣ успѣхомѣ приноси; шпа е обаче судба за ню заключила, Богѣ — вѣсть! —

**) Виглѣ о Славенскомѣ народу: de gente slavica.

народъ Славенскій изъ ове двіе земле разроѣо, и у далше стране разишао: само шпосу шу Сербн и Болгари, као корень Славенскогъ народа заостали. Слѣдовашелно Сербн су и Болгари найстаріи славяни, шо признаю и сами Россіяни; признаю Босмцы, и другіи народи. —

Но како измѣннсмо языкъ? Сербія наша заоставшу на себи часть Славенскогъ народа толико приплоди, и толико умножи, да простре Сынове свое до полъ Македоніе, до Албаніе, у Цернугору, у Далмацію, чакъ у Боку; у Славонію, Сремъ и Банашъ, и добру часть преко Дунава насели у Панонію, сашашню Унгарію. Но док' су се овако на части раздѣлили, измѣну и языкъ свой правый, и всеобщій, кон су имали: у свакомъ бо почти предѣлу другоачіе шану говорити.

Истина, не само мы Сербн, но и прочи народи Славенскіи велико су измѣненіе у языку учинили; шако, да кадъ бы кон хопѣли сада старый свой и всеобщій языкъ знати; шо кодъ насъ токмо Сербовъ и кодъ Россіановъ изъ церковны книга могли бы имати. Слѣдовашелно, мы бы нашъ языкъ Сербскій, имающыи при нами у цѣлости языкъ Славенскій, найлагкше у совершенство довели,

ли, и шаковый бы намъ сладакъ, нѣжанѣ и богашорѣчивѣ языкъ было, да ни одному у Европы языку не бы уступію. Какъ намъ лѣпо Сербинѣ нѣке рѣчи, кадѣ говори, сокрацава, и чистіе му изѣ уста теку, него Славенске спаре; на прим: *Кой, хол, кое*; а спари славяни на нѣкѣи мѣсти пишу: который которая кошорое; ове су рѣчи дуже и мало рапавіе. — Славенски пишу: азѣ есмь былѣ во вершоградѣ, а Сербинѣ каже: ясамъ было у вершу; како е шо лѣпо речено! — Ясамъ *лисао, читао, сѣдію, говорію*: Сербинѣ све ове рѣчи са самогласнимѣ писменемѣ о-кончава, кое спаріи Славяни са согласнымѣ, совершую: писалѣ, чипалѣ, сѣдилѣ, говорилѣ и п: д: И како мы Серби нѣке рѣчи болье Славенски произносимо, него и Россіани и пр: *мати, глава, брада* гласѣ спрана, преводѣ, преписѣ и многе овимѣ подобне рѣчи, кое Россіани ружно произносѣ: *мать, голова, добра, голосѣ спорона, переводѣ, перелисѣ* и проч: Подобно и ове глаголе неопредѣленогѣ време, мы лѣпо кажемо као што намѣ и у Славенски книга пишу: *искаши, ходити, писати, читати, учити* и п: д: а они сѣ нѣкимѣ сокращеніемѣ изговараю и послѣднее писма самогласно укидаю и: п: *искашь, ходишь,*
пи-

писатъ , читатъ , учишь и ш: д: Та рѣчь е
свака лѣпша , коя се са самогласнымъ писме-
немъ окончава; зашто дакле безъ нужде да
избадуо оно самогласно писмо. По нѣки мѣ-
сты и наши ове слѣдующе рѣчи противъ
свойства езыка изговараю: *менихарѣ теби-*
харѣ , нѣмухарѣ , себихарѣ! Ког' тѣе намъ вра-
га оно *харѣ* на краю рѣчи? — Нїе ли лѣп-
ше рѣшїи: мени теби, нѣму, себи? та ово
е и кратѣя рѣчь, чистїя и са самогласнымъ
се писмомъ окончава. Као и у Банату слу-
шаюсамъ, гдїе нѣкїи кажу: *Быюсамъ у церк-*
ву, видїюсамъ га на лїицу, гдїи зелень про-
дае! — Умѣсто да рекне: *быюсамъ у церк-*
ви, видїюсамъ га на пїяцы. — *Ишаюсамъ пе-*
редѣ Тамиша! врапїюсамъ се путомъ! — Ка-
ко е опеть ово речено? — Та правый Сер-
бинѣ каже *поредѣ* а не *передѣ*; и пушемъ, а
не путомъ. Но оставимо све то, нека про-
сти тако и говоре; не треба тако писати.
Напредѣ смо рекли, да и Нѣмцы прости по
гдѣкои мѣсты тако ружно говоре, да имѣ
се морамо смѣяти; обаче узмимо имѣ Кни-
ге, како лѣпо и правилно сви пишу! По-
ревнуймо дакле и мы Нѣмцемъ, и пишимо не
Славенски но Сербски, обаче правилно Серб-
ски. Мы у прошому говору ако и кажемо

нема, пишимо у книгами не има, ово е правилнѣ; понеже слажесе рѣчь отъ частице *не* и глагола *има*, дакле не има, а не нема, кое може значити *нему жеку*, коя не може да говори. Подобно и ово, ако и говоримо прѣсто: прѣдѣ поредѣ мене, треба да пишемо прѣиде, зане сложенѣ е и овый глаголѣ *иде*, или съ предлогомѣ *про*, дакле лѣпше е и правилнѣ е писати прѣиде нежели прѣдѣ. Прѣдѣ два дана! и ово е зло казано, треба писати *прежде*, или као што наши Серби у оны земля гворе: прѣе. Ясамъ у овому моему дѣлу свуда овакова исправленія чиню, и колико ми е време допустило трудюсамъ се шчностъ нѣву болю нашему языку ошдати, како што пѣете читатели мои любезни и видиши.

Но опоминемѣ, и молимѣ и друге наше учене младитѣе и любезне Сынове Сербске; цвѣтѣ Славнога нашего народа, кои се сада уче, да коимѣ бы Богѣ благословію труденѣове, те бы способне себе ощутили за народѣ свой што писати: нека наблюдаваю свойства языка своегѣ, нек' позорспвую на правила; и малое вниманіе може ихѣ руководити, лагкое се у своему языку исправляти; ако ющѣ и не имамо грамматику, а кадѣ будемо ню имали, ондатѣе за насѣ и болѣ быши. Съ коимѣ желаниемѣ препоручаемсе моимѣ читателемѣ у любовь и есмѣ свегда моему роду наслужби

Вашѣ

у Новомсаду Окшом: 3. 1813.

М. В.

Тиха нощъ плавѣтныя Неба сводъ звѣздами бѣше вещь посула; изъ между коихъ луна, ихъ Царица какъ по синемъ океану къ западу величественно пливаше, и свое слабога свѣта зраке отъ себе на еве по земли предмете низпуская, видъ нѣкій меланхолическій, обаче за блатосовѣстне душе, угодный и за чувствителна сердца пріятный дивно представляше. Сва живошна, сви звѣрие, скопни пернати сладкимъ се вещь покоемъ наслаждаваху: глубочайше молчаніе по цѣломъ естеству простиерто бѣше; и ющъ санъ у сузно Любомира око не уходяше; ющъ Морфей нѣгрове мокре шрепавице опягошити и у санъ принудити не могаше! — Ахъ суешна на овому свѣту славо челоувческа! Ахъ неистовно у смертнымъ корысти желаніе, и худодушныхъ дворяновъ похлѣбствіе! — У шамницы сущій овыи правдолюбивый мужъ,

А

У

у себи въздыхая говораше. “ Зависти, проклетя зависти, исчадіе пакленнаго врага! колике си шы быстре очи смертнымъ до данасъ заслѣпила; колике си оспріе уме имъ досадѣ зашупила! — О люди, люди! хопъешели кадѣ на она свѣпила небесна погледаши? хопъеште ли се кадѣ правосудія Божія опоменуши. — Мыслише ли умрети! — Каково зло кому сотвори хъ? кога ли обидохъ? Онѣ овако свѣштуя изведи паки писмо и на окну спрощу месѣца чишаши почне, кое е ветъ нѣколико кратѣ зарано іощѣ прочишао быо. На то двери шамничне отворусе, и букпиня. (факля) у руцы еднога подѣ наличіемъ у църны халина облеченога чловѣка освѣпили шамницу.

За овымъ устопце тронца уиду такожде подѣ наличіемъ (Ларвомъ) и съ мечемъ у руцы! — Любомирѣ на то тергнесе и за нѣколико магновеній недвижимъ учинисе; ови „слѣдуй за нами“ съ промѣнушимъ и громкимъ повичу гласомъ; слѣдуй за нами сужній и не бойсе ница! То рекшисхвати га еданѣ за руку: айде овамо, мы смо твои пріятели; кои смо ши на избавленіе дошли; шы си осужденѣ! несправедно осужденѣ, и како чуемъ на долгое време у шамницу; а малъ да не — но нешьесе у томѣ діаволско исполнити дѣло:

дѣло: нестьесе воистинну по ихѣ желанію сбы-
ши! За тебе е конь сво на двору (авліи)
преправленѣ, за тебе е мѣсто, гдѣ тыеши
живити, опредѣлено; ты се нища не брини,
но айде. — Я на долго време осужденѣ? и
малѣ да не! — айде само на полѣе, пакѣ
тыемосе пространіе, вадѣ съ побомѣ избѣ-
гнемо, разговориши; овдіе се намѣ време за-
носненію не дае. — Люди Божіи! я нисамѣ
радѣ бѣгати, но као правѣ на судѣ самѣ изы-
ши гоповѣ, у надежди не само пущенѣ бы-
ши, но и честь и све мое опузето добро
поврашиши; непріятеле мое посрамиши, и
невинность мою свѣту показати. Шта вы
говорите? я кадѣ бы побѣгао, шта бы самѣ
учинію, но лажь моихѣ непріятелей за исти-
ну потвердію, и мене, да самѣ кривѣ, авѣ. —
Што? на судѣ изыши, пущенѣ быши? Тверду
ши вѣру задаемѣ, рекне еданѣ, да, ако ты еѣ
нами сада не побѣгнешь, више нигда бѣла свѣта
видити не будешь! О! — о! — они су се
между собомѣ совѣщали, да тебе, буди ко-
имѣ начиномѣ на смѣрть предаду. — Мене на
смѣрть! тебе, тебе! есиль пріимію писмо,
да ти е сынѣ умрео? есамѣ, о есамѣ! но е-
ли то истина? Безѣ сумнѣ! нѣга су по свой
прилики опшрвали, и зато тебе изѣ шамни-

А я

це

це више пустишти не смѣду: но айде не губимо време! — Браше! и пріятелю мой, за що ми се не кажешъ, што си? Наравно да шьу ши се казати, но айде! — сошимъ изведу га на полѣ, посаду на коня и сами сѣдну на свое; пакъ бѣжи! —

Зора заплави а они спягну на Мораву рѣку, шу щасливо прејду, и оставивши Крушевацъ на десно, продру нѣке пустаре, и еднако подѣ налчиѣмъ на коньн похитѣ къ нѣкой гори; появи се вѣшь и златный отѣ востока кругъ; освѣтили на предѣ нѣма лежащей гори верховѣ высокихъ дрѣвѣсъ; воскипе стада по полю; затрубѣ пастырскѣ свирѣли; птичице пою; яганчишн блѣю; а они се еднако на коньн наглу.

Ево ихъ вѣшь у подножію самѣ горѣ, коя Сербію отѣ Македоніѣ дѣли. Кони имъ се у бѣду пену учинили бяху, и гошови пасти. Никне имъ предѣ очи еданъ лѣпъ и мало поближе отѣ планине, гай; дойду у нѣга и уморне коньѣ сяшу. . . Кому имамъ сада за избавленіѣ мое благодарити? рекне Любомиръ. На кой вопросъ ови свину на личія своя, и онъ удивисе, кадъ позна шу своего изѣ дѣшнства іошъ наперсна друга Милорада, кой му сада восхишнтелно притерчи

перчи, „О любезный Брате! Какое ты се радуемъ, што самъ те изъ тамнице избавио! — Ову самъ братиоу на то подкупио, я имъ захвалюемъ, не бы ихъ я съ ономъ багателомъ, што самъ имъ обѣщао дати, на то ни склонити могао, да они правду люблещи, пронути нису были изъ собственне свое добродѣтели то учинити.

Я любезный мой! рекне Любомиръ (полубивши се съ нимъ) искренно благодаримъ на швоему о мени толь усердномъ попеченію; но о испому моему избавленію я се толико не радуемъ, колико тебе видимъ, да се радуешь; я стрепимъ, да ты мене ради не дойдешь на мѣсто оно, одакле си мене извезо. Но што васъ пусти, за волю Божию до двери тамнице? Оставимо то за садъ, рекне Милорадъ, но деде да се мы мало прехватимо, и конье отморимо, пакъ у име Божіе пута да се латимо.

Поугрѣ веть и дань, заведу конье у шуму, и пусти ихъ пастти, а оныи сѣдну у еданъ густый хладъ, уморни онако напюсе изъ чушурце, палине (ракіе) изваду изъ торбе сыра, и одну пѣгачу; поручаю мало пакъ момке отпусте съ увѣщаніемъ, да ову шайну глубоко свакій у сердце свое за-
копа.

копа. Потомъ Милорадъ и Любомиръ поведу измежду себе разговоръ оный „ — Добрый мой Милорале! ты си себе у велику опасность мене ради бацію, кажи ми сада, кудъ си науміо са мноу? — Ништа се не старај Господине! моя е то брига, рече Милорадъ, Мы тьемъ сада прејши у Албанію, тамо я имамъ моихъ людій, кодъ коихъ у свакой безопасности пребыти можешъ. Ако ли хопьешъ, можемо у Македонію опити, и тамо я имамъ у Едісси нѣкогъ моего доброгъ пріятеля, и како сада нсймашъ никога, мопьшъ при нѣму како годъ у своему дому, докле ти е воля и докле не видимо, шта тье быти, задержатисе. Любомиръ, воистинну я самъ се прежде смерти, нежели овому моему паденію надао. Разсуди любезный мой! Какоеви су грозни и неправедни ови са мноу поступцы, какова ужасна у еданъ пунь и изненада щастія моего измѣна! ни кривъ ни дужанъ, пакъ дойти у мой домъ ночью и мене као какового злодѣя изъ постелѣ узети, и у шамницу опвести! А добро мое све попечашити! — сретѣанъ самъ быо соштимъ, што самъ прежде нѣколикѣ дана, као да самъ знао, землю нѣку продао, и донесе ми купецъ, кадъ е чуо, да самъ затворенъ

у

у памницу, пепь хиляда дукатна. Кога за молимъ, те оде и на село мое, моему Надзирашеля (провізору) и прїими и отъ нѣга шакодьеръ лѣпу сумму сребра; будутъи отъ чепыри године нисамъ быо отъ села рачунъ прїимао, како ме е была жалость кое за женомъ, кое за дѣпешомъ убила, нисамъ ни зацо ни марїо; сада дакле, при доброму се налазимъ новцу; могу буди гди угодиѣше живити, ако бы ми Богъ и їоуць оволико година приложїо, колико самъ до сада провео; но остае ми їоуць толико добро! — пакъ да бы Царь узео, не бы самъ ни браїо, Царь ми е и дао; но боимсе присвоитъеду мои неприятели.

То быти нешье! — нити може быти, режне Милорадъ; я ти добаръ стоимъ, да тьешсе ты опеть у свое добро повратиши; да тьесе твоя честность и невинность освѣдочити, и сотимъ сви се твон злоковарни неприятели посрамити, и изъ милости кодъ двора и цара испасити. Любезный мой! Добродѣтель е солнцу подобна, на ово, ако и нанду какови облацы, но свѣтлость нѣгову со тимъ уничтожити не могу; Добродѣтель тье опеть твоя возсіати. Но кажи ты мени, слѣ истина, да е тебе самъ

Князь

Князь Душанъ у памницу осудію, и зашто понайвише? Любомиръ: онъ истый. Но мене е кодъ нѣга облагао Никола Бучинъ, — Милодаръ: Тако самъ и я разумео: но молимъ те брате! зашто? та ни сте ли вы предъ тимъ у любви живили?

Любомиръ: те іоушь како! Но ево вещь чешыри године дана, отъ како ми се шай человекъ попео на душу. И нїе доволенъ со шимъ быо, (грѣшимъ што говоримъ: ербо за дѣло не знамъ) што ми е сына на другій свѣтѣ послао, него обштужи кодъ младога Князя и мене, и подпише мое име у число оныхъ, кои су се пропивили, да онъ за живота опщина не може на еромъ ступити! — А Богъ, кой свачіе не само дѣло, но и сердце и мысль познае, у тому ми е свидѣтель, да самъ се я, колико самъ годъ могао, и гди е годъ прилика собомъ донела, трудію; како Сына окренуши Родителю своему на повиновеніе и послушаніе, тако и отца склонити къ Сыну своему на примиреніе, и любовь; но всеу! — Я самъ самъ почти, отъ едне стране то чинію, а толики прочи у двору худодушна ласкатели рушилису, кварили, и общеплезне шуде мое уничтожавали.

Милор;

Милор: Ты да се ниси у то плео, много бы памешниѣ за себе учинио.

Любом: Е мой Милораде! Видишь како худо мыслишь! — ша кадѣ не бы я и мени подобни то чинили, да што бы? шежко оному мой брате! кой у своему званію шочанѣ ніе; кой кадѣ га народѣ, презнавши у нѣму какове важности, да може ошѣ нѣга ползу имаши, постави на достоинство, пакѣ шаковый гледи само за себе, да онѣ угодно живи, а за проче како имѣ драго; кое воиншину честный, совѣстный и благосмысленна сердца человѣкѣ чиниши не може. Да зашто самѣ я онолико долго и отрицаосѣ, у число дворяновѣ спупиши; него зашто, што нисамѣ нигда радѣ быо, наименше противѣ правде, и противѣ совѣсти твориши. Напослѣдокѣ како и самѣ знашь, нисамѣ могао Кралю, оной святой души волю опрешьи, спупимѣ; учини ме шаки Боларомѣ, даде ми добра, и пріими ми Сына, ахѣ онако млада юць, у дворѣ и намѣсти га у Канцелларіи.

Я колико самѣ могао, свагда самѣ се двора оштрегавао, но опеть по нѣколико крашѣ у години, кадѣ бы се што особито совершивало, морао самѣ опилазиши. Но кажи ты мени, молимѣ те, ако ти е што познато за
мога

мога Младена; ахъ любезно чело мое, и под-
поро старости мое, (поливши се сузамъ пре-
сѣцаше бесѣду) кажи ми како е умрео? —

Милор: А да како ти е явлено за нѣга?

Любом: Ево како ми (извадивъ писмо)
овый пише, да е сирѣчь у вечерѣ при Сто-
яну Ранкову градоначалнику у Дренови ве-
черао, а у ютру болестанъ освануо, а по
полдне умрео! явно бо доказателство со-
тымъ, да е отрованъ: здравъ е было отъ
дѣтинства, да га нигда глава заболѣла не.
И сада чуемъ, да е нѣговъ полкъ приніо
Вуядинъ Стефановичъ, и одма у Македонію
сѣ войскомъ опишао.

Милор: То самъ исто и я чуо. Но елѣ
могущи то вѣроващи, да е Господинъ Бу-
чинъ участіе какво шу имао?

Любом: А што бы то извѣспно знати
могао; я заключавамъ опшуда, што е онъ
испый предъ нѣкима говоріо. „Нетьесе
Младенъ Соколовичъ за оно безчестіе, кое
е онъ мени учиніо, главе нанети, ванъ да я
скоро умремъ. Онъ е вели изъ двора и ис-
предъ моихъ очію себе уклоніо, обаче до-
скочишью я нѣму, буди онъ гдѣ бы.“ То
су ми казали шакови люди, конимъ я безъ
сумнье

сумньє вѣрвати могу. Ешто му е и доско-
чио, садѣ се ополчи прошивѣ мене.

Милор: Но молимѣ ше, у чему е се онѣ
у двору кодѣ Бучина замѣрю, ше е у вой-
ну опишао?

Любом: Како у чему? Зарѣ ти нїє по-
знаша повѣспѣ та?

Милор: Мени воиспинну нїє. —

Любом: Еси ли ты познавао какову дщєрь
Нїколаа Бучина.

Милор: А! а! чуо самѣ я мало нешто о
тому.

Любом. Она е узрокѣ свему нашему злу
была. Мой сынѣ дѣше ошѣ 19 година, ка-
ковѣ е младитѣ быо, самѣ знашѣ, здравѣ и
благозрачанѣ, падне у очи шой дѣвицы, коя
е такодѣрь млада и лѣпа, како ми кажу,
была, и на оной шочки у своему вѣку стоя-
ла, сѣ кое е найлагкше и поползнути могла.
Залюбисе дакле у моего сына; ели какво
чудо, да се и онѣ у ню онако младѣ за-
любн?

И дѣвица познаювашн наравѣ родитєля
своего, да е чєловѣкѣ гордѣ и високоуманѣ,
нешѣ хотѣти бракосочєтанїю ихѣ склони-
тисє; побѣгне сѣ моимѣ сыномѣ нѣкудѣ; и
шайносе нѣгдѣ вѣнчаю. Послѣ нѣколико да-
на,

на, дѣло се шо опкрые, и Нікола пошла въ люде, ше ню ухватше и опцу опведу, шта е съ нѣомъ чинію, не знамъ; а мой сынъ побѣгне у войну. И будущи у исто време поговаралосе, да шѣмо съ Грецы рашъ имаши, прїиму мога сына драговольно, гди онъ за мало време постае Тысящникомъ, а потомъ и Полковникомъ; ахъ на вещь заръ жалосшь родителя свога! Пещъ година како га нисамъ видію, но нешъу га више нигда ни видиши.

Милор. А есилъ чуо, шшо ово дана за Краля?

Любом. Нисамъ ништа, а има што?

Милор. Е мой браще! Ніе добро! я самъ ючеръ отъ едногъ могъ прїишела писмо прїимію, (извадивши оное) ево читай; шай ми у кратко цѣлу повѣсть описуе, за шо самъ и похитію къ теби, да те пушимъ.

П и с м о,

Любезный мой Прїителю,

Здравствуй!

Я ево съ шрепещуцомъ рукомъ перо узинамъ, и являмъ ши оно, шшо ши нешъе быти мило чуши, како шшо и мени ніе было. Упрошасши четвертакъ у юпру Неродимла.

дима е Градъ нашъ съ войскомъ обколѣвъ
 Кралю у свои Резиденція суцу, кой едва съ
 нѣкомъ особитомъ хитростію избѣгне, и у
 Пешричь градъ себе склони, гди га Сынъ съ
 войскомъ паки обсѣдне; четвертый данъ у-
 хваши, и у Звечанъ у започеніе пошлѣ: Вой-
 ска е Душанова цѣло Косово покрыва, и дру-
 га му све еднако отъ Скадра спѣши; шпа
 шѣ отъ ову дъ слѣдоваши, не знамъ, Богъ
 шѣ даши, да добро буде

есмь

у Неродимли 20. Іуніа

Твой

1836.

искренный пріянъ

Райко Поповичъ.

Любом. Машешъ главомъ: хмъ! хмъ! хмъ!

Я самъ знао, да шѣ по тако быти, Мени се
 нещо предсказывало. Проклети люди, шпа у-
 чинише; до колико га ли бѣшенства онакова-
 го благодушнаго юношу, онаковаго послушна
 родителю своему Сына, доведоше. Не из-
 винюемъ у свему ни отца; обаче убиточни
 су совѣши были, кои су Сына шоанко избез-
 умли, да се противъ нѣга, — свога отца
 — вооружа! Двоица су шу любезный мой,
 или найвише троица, шому узрокъ.

Милор. Я отца ни мало не кривимъ, онъ
 е по благости свога сердца обѣцао сыну,

да тѣе му за живота уступити престолъ и дати му круну, а то е учинио у оной восхищителной радости, кадъ му е сынъ на десному крылу побѣду надъ Болгари одержао, и непріятели свота главу предъ нѣга до-нео, како що и самъ змашъ; ту си было: но други се ту уплешу, и опчину волю покваре; за коѣ сынъ, као еданъ младитъ славолюбивъ признасе *рерамошъенъ*, слѣдователно и уврежденъ быши.

Любом. Не баше отцу то обѣщати! имао е онъ съ чимъ другимъ Сына одарити.

Милор. Истина! но овдѣ е сераце родителско радостію восхищено, предѣлъ прешло, и видишьешъ да тѣесе Душанъ воцарити.

Любом. Тежко! Но што што позайми, оному се врапша. Нѣгово е велико раскавнѣе умилосливило Бога, и нѣму е грѣхъ оппущенъ; обаче! правда вѣчна заръ тако е' сабомъ доноси, да оно, што што узайми, врапшиши му се мора.

Милор. Тежко? — Нимало! ша бы нѣму то тежко было; ошацъ као благоразумный мужъ признаши тѣе и самъ свою погрѣшку, и люблетьи народъ свой, уступитъ му и самъ, као што е и великий Урошъ своему Драгупи-

гупину уступію: и сошимъ малимъ, всьсь зло прѣдупредію.

На то уотану и лагаю коньма идушьи, продолже ову бесѣду и весма Любомиръ скорбѣше: вѣруй ми Любезный мой Милораде! рекне, да ми ова новина сада, као каковыи тежакъ камень на сердце паде. Сва моя проча пуга, и самога Сына смерть, сада спрощу овогъ на страну! я спрешимъ, да се народъ, кой опца преко мѣре любви, не возбунтуе, и Сына онаковаго дивнаго юношу, онакову бодрю главу не убіе.

Милор. Е да! нешьє то до того дойти. Душанъ е паметанъ, и у великой мѣри благонраванъ младить окренутьєсе и смилovati на опчину крошость, све тьє добро быти!—

Сошимъ сѣдну на конѣ, и предузму путь преко плавине кѣ Македоніи. За нѣколько дана ову преезду безбѣдно и мирно, дойду у едно мало село *Леоніду*; спрощу Олимпга горе, отъ коесе *Ѳессаліа* починаше. Овдѣ се мало време зауставе, сѣ намѣреніемъ попомъ ошиши, у *Ларіссу* — лѣпъ градъ поредъ рѣке *Пенеосъ*. —

Ту у простому селцу ни честнипога гостилника не достану, но с' лшу конѣ предъ еднимъ опъ другихъ нещю опмѣннимъ домъ,

момъ, и дупъаномъ, и будущи у време обѣда, домашинъ ихъ драговољно на обѣдъ позове. Улѣзшимъ имъ у собу, застану при столу Нестора Харалампіа, нѣкоегъ изъ Лариссе шерговца. Человѣкъ овыи старъ и слабъ, но любезанъ и богатъ бѣше. При обѣду каже, да е пошао, на своя полска добра, коя одапле на едно полъ часа отпстою. А кадъ се извѣсти, шко е Любимиръ, како е пострадао, и да е радъ у Ларисси за нѣко време склонитисе, и у пошан живити, докле не види, што тѣе быти; позове ихъ на свое добро. Изъ многогъ и о разнымъ вещьма при столу разговора, допаднесе старому Нестору Любомиръ, возлюби га тако, као да е се съ нимъ отъ дѣтинства познавао. Предъ саму ношъ опростисе съ домашиномъ, и съ мракомъ стѣгну на полско добро.

Прекрасный овыи предѣлъ, кой Елісіумомъ зваху, полиъ простога ешества пріятности, восхиши сердце Любомира, и онъ зажели ту остати. Несторъ приѣвшивши нѣгову волю, обѣща му, да тѣе га ту драговољно, докле годъ хоще, буди и чрезъ цѣлый животъ держати. Домъ красивый отъ самогъ камена созиданъ, подрумъ и стѣе дивно устроене, вершъ великій съ маслинами

и свакоякими плодными дресви, преко коего великій потокъ печаше, на коему исподъ верта и една воденица баше! У наоколо поузвишена зелена бердашца съ гдикоюмъ по нима мирисномъ липомъ окружена, пихими гаеви, измежду коихъ злачне ливаде, съ полскимъ украшене цвѣтїемъ воздухъ чистъ увѣкъ свѣжъ и укрѣпителенъ. У полне кадъ бы солнце яко угрѣяло, прохладителни бы Зефѹри отъ Олѹмпа горе часъ на часъ тихо дихали, и отъ благовонныхъ полскихъ цвѣтовъ прїятнѣйшїй оный мирисъ по воздуху бы развеявали; а умилно невинныхъ птичицъ пѣнїе уважаваше овдїе свую у простой природы прїятность. О любезный мой Милораде, умиленъ рекне Любомиръ, кому могу я сада за ове прїятности, коима се печално мое сердце наслаждавати починѣ, вещьма благодарити? Теби ли, кой си ме овамо довео, или овому Господину, кой ме као непознана овако прїятелски прїима? Не намъ отговори Несторъ, не намъ, но благому есшества Зиждителю, кой намъ свима у овима прїятностями любовь и доброту опеческу показуе. Тышьешь овдїе заисто спокойно, безопасно, и щасливо, ако будешь хотѣо и цѣлый твой остатокъ жи-

В

ВО-

воша провести; хопя не бы было радъ, да се таковый мужъ у овой пустыни закопа. Я то вещь у души моёй предчувствуемъ, драгій мой Пріяшелю, рекне Любомиръ; я отъ садъ како ни кога неймамъ, не маримъ за свѣтъ, и сва нѣгова великолѣпїя. А и я како годъ и ты придода Несторъ, нигда ни кога неймамъ кромѣ одну и шо слабога здрачвя, као што самъ и самъ, жену. Учиниши тьбу найпосле то, да шьусе съ нѣомъ овамо преселиши, пакъ да насъ види Богъ. А неймашъ дѣчице у пиша Любомиръ. Тога самъ щастїя до данасъ, а чинимсе и на вѣкъ лишенъ, рекне Несторъ. Третїй данъ полазетьи Несторъ съ Милорадомъ у Ларїссу, зовне свое слуге, (ком у одной низкой при попоку, близу воденице кушпицы обитаваху) на само, и препоручи имъ, да имаду отъ сада овогъ Господина, како годъ нѣга самогъ чествовати; Онъ е мой рекне имъ прїяшель, мой братъ; онъ се у ваше послове ништа мешаши нешье, но као Фїлософъ посвятїо е будущи себе овой тихой пустыни, радъ е спокойно дне свое проводити, а има ошкудъ живити; зато само налажемъ, честь и сваку, кою бы онъ отъ Васъ потребовао послугу, да му неопречете, и што-

годъ.

годъ нѢму учините, признайте вели любезна моя дѢцо, да сте мени самому оно учинили; ербо е онѢ еданѢ особишый мужѢ, кога я самѢ и любимѢ и чествуемѢ.

ПотомѢ рекне Любомиру, драгій Брате, я сѢ МилорадомѢ оплазимѢ у градѢ. А ты остаешь овдѣе, како годъ у своему собственному добру, ниши мысли иначе; него шпо е годъ мое, шо е и твое: о како се я тому радуемѢ, придода, што тѢу имати поне отѢ сада кому дойти, и у мудромѢ сѢ шобомѢ разговору по кой дань весело и по воли провести. Любезный мой ХаритонѢ (ово му е име онѢ самѢ нарекао; да се подѢ первымѢ не бы откудѢ за нѢга чуло) лѢпѢ е и памешный разговорѢ душе наше раана, сѢ коіомѢ се она пипа, и наслаждава. Я тѢу ше заисто, како ми послови мои шерговачки дозволу, опеть посѢшити, а кадѢ дойде зима, и ове естественне прїятности повелѢніемѢ ихѢ зиждителя и Бога исчезну, снѢгѢ све покрѢе, а мы тѢемо у градѢ, пакѢ тѢемо найти забаву намѢ, и тамо у лѢпому дружству и измышленнымѢ человѢческимѢ увеселенїамѢ. А како пролѢшїе дойде, и блага природа опеть своя любезна нѢдра отвори, и прїятности свое благоподашливомѢ

В я

сво-

своіомъ рукомъ изъ нихъ намъ просыпати почне, мы смо шу перви, кои пьемъ сладке нѣне уживати даре. Слуге пьеду мое овдіе тебе како годъ мене взирати, я самъ имъ казао, сваку отъ нихъ послугу имати можшь. А кадъ ти се време подолго учини, спустнсе и доле мало у село, ошди Арістиду, оному терговцу, кадъ кога смо ономадъ обѣдовали, и онъ е единъ любезный человекъ, и дивный живописецъ, да му мало пара има. Любомиръ му на свему усердно захвали, пакъ се опрости съ нимъ и Милорадомъ своимъ, кога за моли, да му оде у нѣгово, кое е онъ пришьавао село, Савине, гди е имао Любомиръ отъ рождене сестре свое едно дѣте, кое е безъ отца и матере сирото остало, и каже му, ако буде хошѣло, да найде себи съ кимъ годъ прилику, и дойде му шу, као уяку своему; и проче нѣке учинивши му о селу наредбе, полюбисе съ нимъ и оппусти га. Ови оду у Лариссу, а онъ остане шу, съ великимъ задовољствомъ, на полскому добру.

Онъ, да е по свѣшту спражіо, не бы заръ могао за себе шакво угодно, кое бы му се толико понравилось мѣсто, нигди найши; само га едно мучаше, шшо о отечеству ниша

шта разумѣти не могаше; а вѣсть за Сыномъ се, будущи и тако га отъ нѣколико година нѣ было видѣю, мало по мало утѣши, и самому време ону на сердцу печаль за нимъ умалявати почне.

Но нѣкоемъ времену дойде му Неспоръ, и одведе га у градъ, но овый нѣ могао долго у граду се задержавати, накупуетъ нѣке потребне за себе вещи, и книга, пакъ се опеть у свой Елісіумъ врапи. И будущи, да е слабо Гречески знао, дадесе на шай езыкъ, и хошя да е вѣсть близу 50 лѣта старъ было, за двѣ године тако га извикне, да е могао не само буди каквогъ Греческогъ Списателя, Поесту, или Філософа разумѣти, но и весма лѣпо говорити. У оваковому съ книгами упражненію ни осѣтио нѣ, какому двѣ године пропекоше. Сада пакъ научивши Греческій езыкъ, отворио е себи пушь у священне храмѣ оне, гди се Бози сладкимъ напїяю Нектаромъ, садъ ни толико више не маряше за свѣтъ. Я, ово говоряше онъ у себи, нигда ни пожелити не бы умео, ко е мени самъ Богъ дао. Чуе нѣке и разне гласове изъ отечества, да е се Душанъ воцарїо, да е Стефанъ умрео и пр: обаче нѣгова сусе чувства за то мало зашупила была, нѣ

нїе толико ни марїю, нека чине шпо имѢ драго; ОнѢ люби мирѢ и наслаждавасе шихога покоя, за свое у младости пруде, кое е онѢ у рапови, као войникѢ подносїю; кадѢ бы му се досадило читати, а онѢ се заузме преко зелены шума, и цвѢтоносны ливада прохождавати; и слушаше умилное пшца пѢнїе, а кадѢ се умори, легне на мегку и мнїсну праву, и заведесе у лѢпе мысли, као у каковїй шихїй санѢ, докле га годѢ гладѢ не опомене, да треба дома ити, гдї га прекрасный обѢдѢ чека.

ЕдномѢ доїде му НесторѢ са своїомѢ супругомѢ и АрїстїдомѢ у госте, и пошто се два дни шу почасте, и весело проведу, навали ЛюбомирѢ на Нестора, ше му прода цѢло ово полско добро. НесторѢ прїими гостове новце и вратисе са женомѢ у градѢ. ЛюбомирѢ испрашивѢ ихѢ, заузмесе кудѢ пройти, за разпрезвениши мало главу, понеже да е при обѢду сѢ гостима весма весео быо, и чашу двїе вїна преко свогѢ обычая за любовь ихѢ испїю. И будущи по полдне солнце яко землю разгреяло бяше, разслаби га, спустисе убо у еданѢ густый и прїятнѢйшїй подѢ зеленымѢ дровомѢ хладѢ, и шу сладко проспава; кадѢ се пробуди савѢ

ОЗНО-

озноенѣ и жеданѣ, поиде на изворѣ свой, у шуми поредѣ верша, кой е онѣ свакий данѣ пио, да се ту уміе, прохлади и оне се лѣпе водице напие.

Но спустивши се низѣ едно мало бердаще, кѣ овому, не мало удивисе, кадѣ смотри ту поредѣ извора на зеленой рудини повіено дѣше, гди спава! на персима му се нешто спротьу солнца прекрасно блисташе. Погледи около себе, нигди никога ту више не види. Приступи убо кѣ дѣшету, но страхомѣ тронуть, почне одма напругѣ, и на самы персты лагано уступи, кадѣ у мѣсто драгоцѣнне какове вещи спази едне ужасно воликє змїе главу, коя се поредѣ дѣшета савила, и главу му на перси метула, пакѣ шако угрѣяна спава!

Господинѣ овый уступивши назадѣ, даде се у бригу, како тѣе овогѣ невинногѣ младенца сада избавити, а вещь чїе му драго было. Са шпапомѣ, кой у руку имадѣше, не сме, да се усуди, а особито, да ю не разсерди, пакѣ да не угризе дѣше, ако юощѣ буде живо. Измысли найпосле едно средство, похипи дома и узвари овчїя млека, успе у одну ведрицу, пакѣ донесе, и полагаю на едно пры корака исподѣ дѣшета на землю

млю меше, и вратисе опеть на прагъ, тако да га змя осѣшила нѣе, прилегне за еданъ кустарникъ, и запне стрѣлу свою, пакъ чека ю, да къ ведрици на млеко дойде. На еданъ четвѣрть часа осѣпивши ова, опѣ врутѣа млека испареніе, дигне главу, и нюши, сѣ кое спране те пріятне паре нѣне ноздерве голицаю, спазн найпосле и остави дѣше, пакъ управъ на млеко.

Любомиръ рекне у себи; дозволишьу іой нексе найпрѣ, као предъ свою смерть, добро напиѣ, баремъ некъ зна, зашто е погинула; но ова како дойде и главу у ведрицу мету, у еданпушь до едне каплѣ, као на шмеркѣ млеко у себе саспе, пакъ стане ведрицу праздну нюшити, и облизиватисе. Любомиръ по видѣвши счѣпа стрѣлу, управи и угадаъ управъ на ню у бѣло исподѣ врата, понеже у верхѣ чворугасте главе не бы іой шкодити могао; и како она издигне главу, да іощь едномъ у ведрицу завири, овый ши намъ испушти стрѣлу изъ лука, и згоди ю како е хотѣо; станесе савіяти и примешати, но стрѣла іой, коя се у ной задержала бѣше, свудъ около врата раздере. Любомиръ садъ приперчи, и са сѣкиромъ ю умертви; пакъ сѣ радостію приступи дѣшету, кое се пробу-

будило бѣше, и почело плакати. Дигне га у своя наручїя, и онако повїено понесе дома, осмѣваюшьсе на свою веселу предъ дворомъ челядь, ево дѣцо! вели, *добити*, коіой се нисамъ надао: я безъ труда добыхъ Сына — но іощь докѣ видимъ, можъ да е и дѣвойка. — Слепусе ови около нѣга, гледу; дѣте отъ едно деветь или десеть мѣсецы быши видяшесе, пуно и бѣло, као млекоу наливено, образчїи округли и румени, сѣ прекрасны и свѣшлы, као у Амора очицама. Каже Господинъ, како га е отъ змїе избавїо, унесу га у собу, и развїю. — Мужко! — Найде поредъ нѣга и едно писмо; дѣте даде окупати, и писмо сѣдне читати, кое се овако починаше:

*Благородный Господине Соколовичь
свагда высокопочищаемый!*

На тебе паде жребїе, да овогъ невинногъ младенца опранишь, и воспиташь. Онъ е Хрїстїанинъ и отъ Хрїстїановъ православне наше воспочне церкве законно рожденъ; ниши мысли, да су нѣгови родители они предѣлъ преступили, кой нима священнїй законъ полаже. Онъ е крещенъ и муромъ святымъ помазанъ. Нѣму е име Свешозаръ. Родители су нѣгови честни и отъ племне
бла.

благородна! обаче! — но Богъ вѣсть вся. — Видимсе нѣшто [излишно быти за нѣга да те молимъ, понеже колике е важности дѣло, изъ нужде отбачена младенца, прїимити и опраниити; воспитаити и человѣкомъ га учинити, ты самъ болѣ, него я знашь. Можно, да тѣу я отъ Бога по щастїе исплакаити, кадгодъ предъ твое сирѣчь ноге пасти, сузамъ ихъ полиити, власы мое главе брисаити; и молчащими успмы доказаити, колику благодарность любовь у родителскомъ сердцу за благодарїанїе чаду учинѣно раба.

Любомиръ, слегнувъ рамены, насмеесе и мысли, шко бы по быю. Найпосле шпо му драго рекне, я тѣу га имаити за сына, онъ тѣе мени мѣсто мога Младена быти. Одма стане промышляваити о нѣговому воспитаїню. У овакому отъ людїй и свѣта удаленому мѣсту (ходяютьи по соби самъ у себи говораше) могу я и хотѣу му даити во первыхъ воспитанїе сасвимъ естеспвенно, и человѣку свойспвено. У свѣтѣ га пушпаити нешѣу, докле годъ духъ нѣговъ не ошупи сладость простога живота, о Богу му нишпа споминяити нешѣу, доклегодъ сердце нѣгово не окуси прїятности ове, кое намъ у благодатной сѣ неба роси падаю: докле

годъ

годъ дѣше само неискуси изъ естественныхъ законовъ *силу Божию, премоудрость и благость* нѣгову, и докле дѣйствително не позна, да су перва два нѣгова свойства овый, и све проче свѣтлове изъ ничего сотворила, а претое храни и содержава; и да се перво може нареши отецъ, второ духъ святыи, а претое сынъ, кое ништа друго нѣ него сама благость, и чистѣйша цѣлому своему созданию любовь, наипаче же человѣку. Овый ми се пущь види найудобнѣе умъ и сердце младогъ человѣка къ доброму концу, за кой е созданъ, управити, и нѣга постоянно добродѣтельнымъ учинити.

Онъ оде едномъ у градъ Лариссу и приповѣди своему Неспору овый случай, како е сына добыо. Дай га мени молимъ те, рекне овый. Не могу, ти га Любезный мой даши, отговори Любомиръ, понеже мени е дѣше вовѣрено, и ясамъ се вещь завѣщао, да тѣу му оцацъ быти: но труднѣе, да га лѣпо воспитаю, онъ тѣе мени, ако Богъ да, у мѣсто мога Младена быти, мое тѣесе сердце съ нимъ тѣшити, я и тако никога неймаю, онъ тѣе мени на смертной постели очи зашворити, мени свѣтѣу по смер-

смерти ужешъи, и кой пупъ на момъ гробу:
Опче нашъ, очипати.

Найде му инди сада Неспоръ' едну сироту, но весма честну и паметну жену, да му около погъ дѣтета ходи; кою Любомиръ доведе у свое пуштыническо обитаніе, каже їой у свему, како валя съ дѣтетомъ да поступа; два главна правила онъ нъой изложи, коя е она у первому дѣтета воспитанію наблюдавати должна. Перво сваку негу и послугу около нѣга, да буде дѣте здраво, и сохрнисе у ономъ состоянію и цѣлоспїи невредимо, у коему та е мапи природа на свѣпъ овый донела. Второ: Да га одма, како проговарати почне, обучава право мыслиши, лѣпо се разговарати, добро отъ зла разликовати, и свободнымъ быти. Не мазити га, и нѣговой неразумной воли у свему снисходити: Да га чува отъ младыхъ у дому, и слугу, кои не имаюшьи правилногъ воспитанія обычесивую у шали блядословиши, псовати, срамотно говорити, о вампїри, вештицама, и инымъ коєкаковымъ ношнымъ плашнямъ проповѣдати, и прочая овакова, коя су пропивна Хрїстіанскому уму, пропивна разуму, и погибелна роду чловѣчскому. Да га умыє свако юпро чистомъ

спомѣ, но са свимѣ хладномѣ водмѣ, да га на време успава, на време му ешти даде, и на време кудгодѣ мало, на свѣжій воздухѣ, буди и какова зима была, само нека е чиста погода, изведе, и проч: кое ова честна старица охотнѣйше извершивати почне.

Между тимѣ временомѣ, Любомирѣ разуме, да е Стефанѣ Душанѣ славу побѣду надѣ Греками и Болгари одержао, колико имѣ силне землѣ и кралевства отео, и себи присвоио; да е царство свое распространю, и себе вторичею за Царя крунисати дао, и шаковымѣ начиномѣ силанѣ се и непобѣдимѣ учиню. Но при свему тому Народѣ Сербскій, кой е Стефана дажѣ до обоженія почитовао, и любю, много жалаше за нимѣ, и необычно му се видило ново име Душанѣ, а не више Стефанѣ по църквами споминяши; кое Душанѣ разумѣвѣ приими на себе любезное народу своему име, Родителя своего, и не ктому Душанѣ, но Стефанѣ назовесе. Чуе и то, да е онѣ свимѣ благонарочнымѣ и Силноименистымѣ Велможамѣ и Господіямѣ Дворяномѣ, кои су се опца были придерживали, а нѣму се пропивили, безѣ найменше казни опростио; и на знанье дао, да се и они, кои су были страха ради отѣ нѣга по смер-

смерти отца кое куда избѣгли, врату у опечествѣ, обѣщавающыи имъ се твердо, да штогодъ мысле, да су у опцу изгубили, шо шведу у испога отца Сыну найти.

Но Любомиръ привыкшисе у простому овдѣе и безмолвному мѣсту никако се склонити нѣе могао, да се врати, хотя да му Милорадъ пише, да га Краль захпева и пражн. Пише му и за сесшритъа, да тѣе му га послати; како што га на пролѣтѣе и пошлѣ. Дѣше ово бѣше около свои 16 лѣта. У испо време Арїстидъ у Леонїди преда свою шерговину зешу, а онъ почне опеть свой занашъ радити; быо е искуснѣйшій живописецъ, кому Любомиръ препоручи свога сесшритъа, да га научи у своему занашу. Онъ опреди време, у кое тѣе му оплазити, и време, кадъ тѣе га онъ самъ при себи имати; у книжевными науками учити, и у благонравїю наспавляти шако, да овый попомъ малому Светозару Наставникъ и управишель способенъ може быти. Дѣше ово именемъ Косма, острога велми ума бѣше; у млады свои лѣты благосмысленъ, и зрѣлогъ разсужденїа видяшесе: Онъ велике успѣхе у науки швораше.

Лю-

Любомиръ измысли начинъ, како се може дѣцы, за нѣово младо поняшѣ, наука лагко и болѣ предавати. Онъ зовне свога Аріспіда и рекне му, да му извая (измолуе) одну найветшью собу цѣлу, тако да по своду извая плаветно Небо, Солнце, и около нѣга планете са свои знаковы, кое га обшичу, како шпо е мѣсецъ, наша земля, Меркурій, Венусъ, Юпітеръ, и проч. На стѣни пакъ отъ восточне стране, савъ старый и новый завѣтъ: перво како е Богъ сотворио овый свѣтъ, Адама и Еву, и како су изърая за прѣшупленіе свое изгнани. Потомъ, како е Каинъ убію Авела. Ноя, съ нѣговымъ Ковчегомъ, Авраама и при Ангела, паденіе Содома и Гоморре. Моусеа, како е Израилшане изъ Егѣпта извѣо: преко цѣрвена мора преишао, и пр: Слѣдующимъ начиномъ предмете особитога примѣчанія достойне изъновогъ завѣта. На южной стѣни цѣлу повѣсть естѣственну, у три царства, либо раздѣленія. На сѣверной до полъ стѣне Физическа, нѣка и Механіческа орудія, образія, землемѣрія. А отъ полъ стѣне живе образе умныхъ предметовъ; како шпо е добродѣшель, честность, смиреніе, крошость, правда, истина, и проч: спрощу овыхъ
зле-

злобу, безобразіе, бѣшенство, свирѣпство, и п. д. сваку живо да изобрази по свойству своему.

Арїстїдъ се прїими дѣла, и за три мѣсеца сѣ два своя ученика соверши.

На то дойде му человекъ изъ Ларїсса и донесе му гласъ, да се Несторова Супруга пресправила. Ова у толико година сѣ едномъ токмо дщерїомъ обдари Нестора, но изъ постелѣ се више и не двигне. Оде му Любомиръ и пребуде у нѣга нѣколико дана, и пошто га мало поушѣши, вратисе сѣ нимъ заедно у пустыню. Покаже му свое и Арїстїдово дѣло, кое онъ велми похвали, и рекне: Знашь ли што? Я тѣу узети мое дѣше, а више и тако никога неймамъ, пакъ тѣу се лѣпо овамо преселиши. Воиспинну хошео самъ ти рещи, отговори Любомиръ, па, човече нешьещъ и самномъ заедно толико іощъ живити, колико си живїо: приода; но продай, што ти е за продаю, а што нїе, покупи пакъ дойди, да спокойно у оваковому красному мѣсту остатокъ живота свога проведешъ; о како бы мени то мило было, кадъ бы си ты то учинїо; За што не бы? рекне Несторъ, ево ти моя рука и рѣчь у залогн, да тѣу се до недѣлю дана

дана са свимъ овамо преселиши, та а тѣу се оваѣе, у овому пуспому и планинскому мѣсту, при таковой красной и здоровой води, и свагда на свѣжемъ воздуху и безъ бриге чисто подмладиши, и вѣкъ мой продолжиши.

Сопимъ оде у градъ. Онъ долго време не долазаше, нити Любомиръ за нѣга што чупи могаше: кадъ алъ едномъ сто ти му челоуѣка на коню. Овога е Несторъ скорѣйше по нѣга послао; айде Господине у градъ шаки, повеоче на Любомира, старый Несторъ вели на смертной посшели борисе съ душомъ, и единако тебе захшева, да само двѣ рѣчи съ тобомъ, докле нѣе издануо, проговори. На ове рѣчи смутисе Любомиръ, сѣдне абѣе на коня и оде. Богъ те е самъ донео, рекне болный изъ постелѣ, кадъ га види. Любовь моя, приложи, къ сладкомъ момъ чаду, показующи рукомъ на свою отъ полъ године вѣшь дщерь, и искреннѣйше съ тобомъ проговориши желаніе, задержавала су ми чинимисе духъ мой до овогъ часа у мени; я полазимъ на другій свѣтъ, но Бога ради прѣими мою Агапію, и буди їой оцацъ у мѣсто мене. Любомиръ се на то заплаче, и примакне споллицу къ крешпу, „Любезный мой Прѣителю! рекнему, я сожалуемъ, да

С

ше

пре внезапно у шаковому спанѣю, чему се ни-самъ надао, сада видимъ, обаче любезный мой, не губи надежду, ты не тынешь можеть быши, сада у той болести умрени, буде ли наипосле воля Божія тако заключила, я пи се за ово твое единче завѣщавамъ, да тыю той онай быши, кой си той ты бшо, и да той ни у чему не тыу дати познати, да е она родителя своего изгубила.

Несторъ на то даде призвати нѣке ту у граду старѣйшине, и два Священника, предъ коима завѣтъ учини шаковъ, да Любомиръ, кой се отцемъ нѣгова дѣтета завѣщава быти, по издыханію нѣговомъ, наслѣдникъ съ дѣшетомъ всѣхъ, како движи-мыхъ, тако и недвижимыхъ благъ нѣ:овыхъ буде, а да дѣте исто узме себи, лѣпо га воспита, и срьшно учини. Потомъ опрости се са свима, и спокойно у наручїями Любомира пусти духъ свой.

Другїй дань предаду му хладно и упокое-но тѣло земли, пакъ све, што е за продаю отъ нѣговыхъ вещей было, Любомиръ про-да, и у одну сумму съ готови новцы, што е имао, учини, пакъ преда нѣкимъ тергов-цемъ, кои су и сиропински оптицы были, подъ лихву говоретьи, да онъ едне перпере
от-

опшуду непошребуе, но да се дѣтешу за нѣгово будуће щастіе новацѣ у перговачкими руками приплодява и умножи.

Сопимѣ узме дѣте, и враписе у свой домѣ. Но, хвала Богу, рекне младѣйма своима, сада имамѣ и сына и дщерь. Онѣ ово двое дѣце тако присвои, и тако ихѣ возлюби, да ни помыслиши нѣе хошѣо, да имѣ нѣе правый ошацѣ. Онѣ малу Агапію наименуе Драгиня, онѣ заповѣди своимѣ младѣимѣ, да му ово двое дѣце у свему тако взираю, и тако пазу, као да су онѣ нѣгове собствѣенне крови, нити да се кой сѣ временемѣ усуди предѣ нима говорити, да они нису братѣ и сестра, и нѣгова рождѣна чада.

Овыи Божій чѣловѣкѣ имаюшѣи доволно у себи вѣжества, и о воспитанію чѣловѣку единому свойспвѣномѣ велико искусство, кошому еше любезнѣйше цѣлому чѣловѣчеству сердце, са строгимѣ умомѣ, и моралнымѣ характеромѣ; судити е, како е онѣ сада ово двое нѣму особито вовѣренныхѣ дѣце воспитати могао. Колико ли се сѣ правымѣ, кое шокмо онѣ благаго сердца происходи, усердіемѣ у доброму дѣлу успѣши може, нанѣ паче гди и нужно взыскуема средства у-

С а

правѣ

правѣ соотвѣтствующую оному концу, коему се наше намѣреніе клони, како што е овый Господинѣ свакой способѣ къ своему намѣренію имао, во еже бы лѣпо ова два невинна младенца воспишао.

Онѣ е ихѣ одма, докле су стали проговарати, обучавао вещи, кое ихѣ окружаваю, и повседневно у очи имѣ падаю, распознати и нима, како се коя зове, из-а-шта быва, каковаго е коя качества, на што служи и пр. коя се дѣлству исполковати могу, казывао: извсо бы ихѣ на зелену ливаду, и шу бы сѣ нима сѣо на мекану траву, пакѣ бы имѣ показывао разнога шара цвѣтке, и надѣ гдикоимѣ трудолюбну пчелиду, коя га на танки свои крыли облетье; оный медный изѣ нѣга сокѣ, кой у ношной роси изѣ воздуха пада, сиса, купи и у кошницю относи. Показывао бы имѣ разногѣ вида величине и украшения лептирове, како су нѣки чисто бѣли, нѣки пакѣ жупи, нѣки цѣрни, и као да су имѣ крыла отѣ финога кумаша, и златомѣ извезена. Кое какове мале бубице, како се гдикоюй цѣрна крыльца спротѣу солнца блистаніемѣ прелываю, и садѣ плаветный небесный шарѣ, садѣ жупый и златный отѣ себе издаю; учи ихѣ само шакове позна-

знавати, а откуда, и како то бива, свагда бы имъ рскао: Я тьбу вамъ све то казати, и вы тьете све то отъ мене чути, и знаши, обаче докле нарастете. Онъ нима о Богу нигда слова не говораше, изъ намъренія вопервыхъ имъ дѣла Божія у законы естественны показати, и колико е могушье, познати имъ учинити, пакъ кадъ ови спану имъ силу и премудрость ону, коя ихъ е произвела, и коя ихъ точно содержава, проповѣдати, онда тье ду они сами, како шпо е уму челоуѣческому свойствено, запытати, што е тай, кой е ово све произвео, и кой съ овымъ дѣлымъ созданіемъ управля и влада? Кои тье имъ се вопросъ, за у еданъ путь имъ Святой оный спрахъ Господень съ чистѣйшомъ къ нѣму любовію, и высочайшимъ почианіемъ у сердце, као начало сваке премудрости и твердо основаніе сваке добродѣтели улити; съ особитымъ нѣкимъ благоговѣйнствомъ и страхомъ разрѣшити и исполковати, Будущи, да онъ по своему разсужденію не налазаше за добро, дѣше одма, шекъ кадъ проговарати почье, учни и молитисе Богу, приносити га Икони да пади Богу, и прочая овакова! Кадъ юощъ дѣше никакова понятія о тому нѣма.

Имае

имаду обычай дѣтету розгомъ надѣ вратомъ спнояти, и такога пресиявати, да се Богу моли. Исшина, да они по чину изѣ добра намѣренія, обаче нѣе тако добро; како шѣе кукавно дѣше любовь праву кѣ милоспивому своему Создателю у сердцу зачести, кадѣ га пуку и шибая, да се моли, а не кажу му управѣ кому, и не исполкую зашто? У таковому сосшоанію нѣгово се сердце зашвори, и душа му се обуче у црне нѣке мысли, пакѣ чипа оне молитве и не мыслѣши на Бога, но или за избѣгнути ону на орману сѣ црвеномѣ паншликомѣ свезану розгу, или за достати комадѣ хлѣба, кой му е преправленѣ, кадѣ соверши молитву. Тако данасѣ, тако супра, докле му се све оне святе молитве препворе у Механісмѣ, пакѣ онда кадѣ почне молитву чипати, лепи му пуспому езыкѣ, као по леду, а умѣ му никакова на свѣшпу сѣ онымѣ рѣчма содружія нейма. Оно може све молитве наизустѣ изговорити, и у исто време цѣблій планѣ, гди шѣесе сѣ другомѣ дѣцомѣ у игру омапши, у себи направити; пакѣ у игри у за сваку бездѣлицу Бога ми! тако ми Бога! — Изѣ овакова убо разсужденія нашѣ овый старый

рый Господинъ особитый начинъ предузме, свою ову дѣцу воспиаши.

Онѣ познающыи, да е человекѣу свойственно добрымъ быти, и да неваляю случайно шокмо и опшуда постае, што се добро у почетку не упущи; шрудю е се дѣцы у малыми волевыхъ вещьма опворити правый вкусъ, и побудити у нѣма волю къ свакой добродѣтели, кой тѣе имъ вкусъ и воля къ добродѣтели, пошомъ, съ младимъ ихъ умомъ соразмѣрно у сердцу распити, и къ совершенству своему приуспѣваши.

Но да видимо, шта тѣесе овому Господину сада догодити. Онѣ едногъ вечера съ Арістидомъ у селу вечерао, и поздно поиде дома. Арістидъ га, као госта своего, доникле испраши, и вратисе дома, а овый самъ съ единымъ у руцы штапомъ лагано идяше своему дому, мѣсечина као данъ, скинуо капу, прохлаждавашесе ношнымъ и чистымъ Воздухомъ; и лѣто будущыи; ношь крапка, около 12 часовъ доиде дома. Евдоксія домостроишелница и дойкиня сада малой Драгини, (Светозарь му великій баше, около своихъ 5 лѣта) ужеже светью и покаже му нѣко писмо, говоретьи: Господинце! едва самъ до-
че-

чекала, да дома дойдете, чигайте вели по писмо, и видите отъ кога вамъ е“.

Старацъ узме и чипа, кое се овако починаше:

„Благородный Господине,

Любимый Харішонъ!

Рѣдкѣ су честному человѣку прилике, да съ малимъ шокмо трудомъ своимъ, безъ свакогъ ущерба собственнаго добра, благородно какво, и великому своему духу поволно дѣло учини; за кое бы се нѣгово благосмысленно сердце, попомъ тихо, обаче непремѣнно веселило. Вами се такова сада на руку дае, кою не пропустише, нили пощадите труда, супра на ноцъ около 11 и 12 часовъ пупъ отъ Вашего, масленнаго вопъняка предузени, и управъ узъ дубраву, но све передъ попока, докле не дойдете на край дубраве, гди се два удоля починю, отъ коихъ узмише десно, и подъ оглавакъ Кефалонъ зовомый дойдите. Ту пьетесе мало на средъ поляне, подъ онымъ великимъ распомъ зауставити, и причекати два юнака, кои пьеду по васъ дойти, и коима вы можете сѣгурно и безъ свакогъ страха слѣдовати; и съ нѣма на мѣсто опредѣлено, гди пьете нешто особито чуши, дойти.“

Лю-

Любомиръ прочитавъ писмо, почне по соби горе и доле ходати, чудисе дѣлу о-вому, мысли и разсуждава, хотѣе ли се на то разрѣшити, или не. — Тко ти е дао ово писмо? уныта Еудоксію, — едно младо момче, опговори ова. — Пакъ шта ти е рекло то момче? — Ништа, даде ми писмо и рече, да предамъ Вамъ, пакъ сотпимъ оде, и доклесамъ я надписъ прочитала, нѣга не стане.

Любомиръ по долгомъ размышленію заключи у себи ити. Супра данъ на вечеръ никомъ ништа не говори; но чека, докле му младій полежу. Кадъ то буде, узме на себе войническій свой оклопъ и шлемъ, буздованъ, копіе, и саблю, пакъ у име Бога айде! Текъ што онъ дойде на опредѣлено мѣсто подъ растъ, и іошь ни опдохнуо нѣе, како е се узъ бердо уморіо было, ето ти му два церна человѣка изскоче изъ шуплѣгъ раста предъ нѣга! обоицы голи мечеви у руку засвѣплесе! —

Любомиръ тргнесе, и абіе меча се свогахвати, Юнацы! повиче, я самъ може быти преваренъ, — Ови, ниси воиспинну, но добро си намъ дошао, еси ли ты Харітонъ? — Есамъ я, опговори Харітонъ мужественно,

НО

но што сте вы? Слѣдуй за нами пакъ тѣшь
 знати, рекну ови. — Куда? и докле? — На
 верхъ ове горе, нѣ далеко, не бойсе ништа.
 — Я као человѣкъ чисте совѣсти толико
 се и не боимъ, найпосле вели, вы узрите;
 сошимъ поиде за нима, еданъ съ другимъ ни
 рѣчи не говорѣши; и предъ саму зору, ево
 ихъ къ нѣкимъ древнымъ зданіямъ; кадъ
 ближе, алъ оно само запусѣене развалине,
 съ двѣ стране стѣне бяху іошь цѣле и вы-
 соке, обаче подъ ведрымъ небомъ безъ най-
 меншегъ покрова. Ови подревши сквозъ
 густо шиблѣ, изыду на одну травомъ гото-
 во обрастлу стазицу, коя се изъ нѣке ду-
 бравѣ змѣвно управъ у развалине пружаше,
 и кою ветъ хотя сѣнь отъ едне высоке
 стѣне дохваташе, ничто менше толико е
 изкривудана, да су едва іошь за едно полъ
 часа у развалине дошли. Мѣсець почне
 свѣтѣ свой губити, мрачность стане исче-
 завати, и малый славуй сокрывенъ у зеле-
 но листвіе, запое. Но хвала Богу; ветъ смо
 овде, рекне еданъ, списнувши руку Любомира.

На то нѣкій гласъ са стране съ више
 „елъ онъ? повиче — Онъ е, рекне еданъ отъ
 овыхъ. — Обамо съ нимъ! — (ови) айде
 съ нами! —

Лю-

Любомиръ : Шта пьете вы люди са мноу?

Вождь : Драгій Господине, наравно е, да се ты отъ насъ као отъ непознапыхъ у овому пустому мѣсту мало и плашиси морашь, него увѣресе, да си онаковымъ люда дошао, кои тебе не меньше почипую, колико што те искренно любе; Айде само замномъ, швоему духу нѣ свойспвенно плашиси, опоменисе шкочи!

Любомиръ поиде за нима. — Дойде къ нѣкимъ гвозденымъ врашма, коя имъ се шаки отворе, *Вождь* ухвати *Любомира* за руку, а прочи за нима, и тако сквозъ нѣкій сводъ у помрчини долго поиду.

Напослѣдокъ рекне *Вождь* *Любомиру*, да мало спане, причека шу, докле онъ светъбу донесе, и ни пошто напредъ да не иде. *Любомиръ* послуша. Овий оде, но више се не враши, *Любомиръ* являсе у помрчини другимъ, но и отъ оныхъ нейма ни едноу! Шта, ово нѣ числѣ посао, рекне у себи, и поиште кудгодъ исходъ. Поиде на трагъ, но естѣ! найде нѣка врата, много ближа, него на коя су ушли, зашворена, пина са штапомъ на одну и на другу спрану, вѣне! усудисе мало напредъ, но и шу му
сретьа

срѣща не послужи, напипа предъ собомъ нѣку бездну, у кою мало нѣе упао. Но мое неволѣ! што тѣу садѣ? Кой те бѣсѣ овамо донесе? —

Мало за шимъ осѣти нешто предъ собомъ, на кой шумъ пружи штапѣ, и напипа у мѣсто оне бездне, нѣке даске, кое покуцавѣ сѣ штапомъ, усудисе на нѣи стапи, сѣ намѣреніемъ прейти, и далше кудѣ исходѣ спражити. Но текѣ што онѣ на нѣи спане, и штапомъ далѣ пипати почне, даске му се подѣ нимъ угубати начну, онѣ се шпергне и хотяше сѣ нѣи искорачити, обаче време му се на то не даде; цѣлый оный подѣ нимъ сподѣ, купно сѣ нимъ спустисе у нѣку мрачну глубину и лагано на землю падне. Посѣди сада недвижимъ, и слуша около себе, на еданѣ путь осѣти, да му нѣко руку на раме мету. — Тко си? упыпа старый Херой. На кой вопросѣ непознанный тихимъ гласомъ рекне му; „Едногѣ младитѣа овдѣе живошѣ сада перво отѣ Бога пакѣ отѣ тебе зависи, но рецы; да е швое сестре изѣ Савіне сынѣ, и узми га ссобомъ.“ — то рекши исчезне. Любомирѣ (у себи) мое сестре Сынѣ! изѣ Савіне мога села! — На то отворусе предѣ нимъ мала нѣка
Вра-

враташца, и изыде еданъ у юначки халина съ лучемъ у руцы и подъ налицемъ мужъ, оли овамо Господине! повиче на Любомира. Любомиръ по гласу позна га, да е ово бывшій нѣговъ Вождь, кои га е шу довео, приступи му. Овый га ухвати за руку прѣшелски, списне ю, пакъ лучь истый у руцы на самомъ прагу угаси, и шако га у нѣку собу у мракъ уведе.

Непознанный. Садъ ты меня кажи, обаче безъ наименшегъ околиша, управъ, откуда си?

Любомиръ. Я самъ изъ Херцеговине! —

Непозн: Изъ когъ мѣста?

Любом: Изъ Савіне моего собственнаго села, зашто (сердито), што си ты, да мене испытующь?

Непозн: Но! но! но! не лютисе, изъ добра намѣренія пытамъ. Колико има, како си изъ отечества дошао?

Любом. Има петь шесть година.

Непозн: Кога ющъ имашь ты у Савіни отъ твоихъ?

Любом: Имамъ едногъ нешьяка, отъ мое рождене сестре дѣте.

Непозн: Добро, како му се име?

Любом: Косма.

Не-

Нелозн: Јошпѣ болѣ, опѣ колико е година?

Любом: Душа е благо, нисамъ му бабине чувао.

Нелозн: Хмѣ, ипо бы нужно было знати.

Любом: То е найлагкше.

Нелозн: А како?

Любом: Ошипипи у испо село, пакѣ пыпати бабе, оне шѣ ду знапи, кое су му бабине чувале.

Нелозн: О! далеко ме човече оправляшь.

Любом: А шпа ши я знамѣ.

Нелозн: А бы ли шы познао шо момче?

Любом: Што я знамѣ! шежко бы га познапи могао, быо е малый, садѣ мора быти великый; дѣца распу.

Нелозн: Зашпо си изѣ опечества овамо дошао?

Любом: Ты се далеко са мномѣ упушашь! —

Нелозн: Я бы радѣ знапи.

Любом: Но я нисамъ радѣ казапи, понеже не знамѣ сѣ кимѣ говоримѣ.

Нелозн: Я шѣу ти се казапи.

Любом: Ондакѣ шѣу и я шеби казапи, зашто самъ овамо дошао.

Не-

Нелозн: Поштенъ человекъ нейма узрока, зашто бы се таю.

Любом: Но мударъ има узрокъ зашто непознаннымъ тайну свою, буди найболя была, не казуе.

Нелозн: Отвешъ си дерзновенъ! —

Любом: Као свакий правый человекъ.

Нелозн: Да си шы правъ, не бы шы изъ отечества побѣгас.

Любом: Ты мене сопимъ вредьашъ, но узмисе на умъ.

Нелозн: Ты меня дакле претишь, не признаюшь, да си у мои руку.

Любом: Я се тебе не боимъ, докле е овый мечъ у мои.

Нелозн: Старино, отвешъ се силишь.

Любом: То е знакъ, да те се не боимъ.

Нелозн: Алъ си шы еданъ! —

Любом: Противъ еднога се и ополчавамъ, ако людски непьешь? — Я самъ на вѣру позванъ.

Нелозн: А како си се могао непознаннымъ вовѣрити.

Любом: Поштенъ человекъ отъ себе на Характеръ другихъ заключава.

Нелозн: Но сила се пуши превари.

Лю-

Любом: Я садъ первый пущь у моему живошу.

Нелозн: Я знамъ, да се ты каешь, што си овамо дошао.

Любом: Само за еданъ узрокъ.

Нелозн: За кой?

Любом: Не морашь знаши.

Нелозн: Боишь ли се, да садъ овде не погнешь?

Любом: То ты пышай пвою жеву, ако ю имашь, а не мене.

Нелозн: Тъуши! повиче (и ухвати га рукомъ крѣпко за перси)

Любом: А! тако ли е? садъ тѣмо видити, (сотимъ преснега о землю, пакъ едномъ рукомъ ухвати га за грло, у другой дигне мечь, а деснымъ колѣномъ спане му на перси) деадъ садъ курвинъ сыне! да видимо, кога е мапи млекоу болѣ доила! —

На то у еданпущь сакривена бывши свѣтѣ засвѣпли, и два юнака на помощь ономъ исперче. Любомиръ се исправи, но има шта и видити, нин ющъ деветь около едне трапезе сѣду, кои садъ повичу: „Доспа доспа юнацы! оставтесе; миръ и любовь на мѣсто страха и гнѣва.

Лю.

Любом: аа! има васъ и више. О лѣпо дружство воиспинну. Похвале достойно юначество, едногъ челоуѣка домамиши, пакъ се као разбойници прошивъ нѣга ополчиши, срамъ васъ буди! штепа што тимъ езыкомъ говорите; обаче по свой прилицы вы нисте Юнацы, но разбойници, нисте Серблино — врагъ васъ знао, шта сте. Ови се на што насмею; „Но ты си заисто рекнуму и едно и друго; мы ше за перво похваляемо, а за вшоро любимо и почитуемо. Велимъ ли я вамъ (рекне еданъ прочимъ) да е ово чудный Светаць.

Прости намъ дивный Херой! (пружаютьи му руку и полюбившисе свакой сѣ нимъ) прости намъ рекну му, за ову шалу, кою смо изъ наше къ теби любви за искусити племенитый духъ швой учинили.

Любом: Ова е шала подебела была, но шта му драго, само ми е жао, што самъ овога мало осрамотио, обаче некъ ми опрости, и припише вамъ, кои сте га на што нашеншали.

Любомиръ отъ овыхъ ни едногъ познати не могаше, они нѣга посаду за столъ и приведу му изъ друге клетке едногъ младишья, Познашь ли ово момче, рекну Любомиру.

D

Лю-

Любомиръ Двигнувъ рамены: Не опоминѣмсе, да самъ га гдѣ видію.

Онн: Онѣ се каже; да е швое сестре Сынѣ.

Любом: То може лагко быти (опоменувниси шпа му е оный пришаптао, притворно рекне) я нмамъ вели едногъ могъ нештѣка у Савіни, за кога самъ поручію да ми дойде.

Младишь на то приступивши маши му се руцы, „ Я самъ дражайшій мой Уію! я самъ, и самъ е Богъ Васѣ овамо донео, я бы самъ быо може быти, животѣ мой изгубію. То рекши поліесе сузамъ, и уныло главу свою старому Херою на персы наслони.

Люб: Ты си Косма?

Млад: Я самъ и пошао самъ быо Вамѣ, но помешемъ пупь, и нагазимъ на нѣке войнике у Епѣру, шу ме ухвату и даду ми оружіе, при мѣсеца вещь, како подѣ оружіемъ служимъ, будемъ и у одномъ съ Грецы сраженію, найпосле побѣгнемъ, но пелый данъ ме ухвату, я се станемъ молиши, да ме отпусти, да самъ іощь младъ, и за оружіе неспособанъ. Кажемъ, да нмамъ у Леоніди вреско ове планине Уяка и да самъ нѣму пошао; онда они: —

Юна-

Юнацы: (прихватя му рѣчь) Мы смо се зачудили, и сви радостію пронуши были, Господине, кадѣ смо чули име швое, и едно за увѣритисе, елѣ истина, да е онѣ швой, а друго наша е особията желя была, шебе видяши, сѣ шобомѣ проговорити, и извѣститисе, гдѣ си, садѣ е наше желаніе исполнено, овогѣ маадитѣа узми собомѣ, а мы шѣмо се вратити, ошѣ куда смо и дошли. Но кажи намѣ, гдѣ шы живишѣ; шы шѣешѣ намѣ ошѣ велике потребе быти?

Любом: Я живимѣ сада у Ларісси.

Напо еданѣ момакѣ донесе палине, хлѣба и полѣ ягнѣта печена: но шекѣ шпо овый на сполѣ шо посшави, огласи имѣ на полю шруба, а ови дѣипе на ноге, счепая оружіе, пакѣ еданѣ за другимѣ прочѣ! — Сѣди шы Господине пакѣ ручай, рѣкну Любомиру, мы ако се до едногѣ часа найвише до два не вратимо, а шы иди откуда си и дошао; Косма зна пупѣ, куда се изыти може.

Любом: Богѣ да просити! Я болѣ у овый махѣ ни захпѣваши нисамѣ могао, идише вы, срѣтъанѣ вамѣ пупѣ, и ондакѣ се овамо вратили, кадѣ я васѣ пожеліо. Дедѣ Сынко, сѣщы шы шо печенѣ. Сопимѣ нашочи чашу палине, попіс, пакѣ унде у ону малу собицу,

изъ кое чрезъ еданъ прозоръ види, да е вешъ данъ, но облачно и почео дождъ шихо роминяши, отвори нѣка друга врапа, отъ конхъ се нѣки степени, до едно нѣи до горе починяху, онъ саде айде узъ ове, и изыде подъ еднымъ великимъ и съ едне спране срушенымъ бегомъ на полъ. Гледи около себе, съ горне спране шума, но къ югу проспрана поля зеленусе, преко конхъ видяшесе великій друмъ, и многи люди, нѣки на коньма, нѣкин пѣше нымъ идяху.

Любомиръ враписе напрагъ, и каже младитъ; да нѣка войска друмомъ иде. То су Сербли, рекне ови, освоили су вешъ цѣлу Македонію, пакъ сада спупаю и у Епуръ. Душанъ се вели яко осиліо, малъ да нешье све Греческе земле освоиши.

Любомиръ. Дедъ Сынокъ да мы поручамо, пакъ да се одаведе уклонимо, само да насъ дождъ не ухвати; я на нѣи чекаши нешьу, но кажи ми, молимъ ше, шко су ови люди? —

Младитъ: Они су отъ Босанске Границе Уводе — Свободный Хоръ — кой войническому закону не подлеже, но иду напредъ, предъ войскомъ продиру сквозъ чуже земле, плѣну и узнемираваю народъ ирежде, нежели правилна войска дойде.

Лю-

Любом: Но откуда они мене познаю?

Млад: Я не знамъ; докъ самъ имъ казао за Ваше име, захотѣли су Васѣ видити. Еданъ отъ нихъ, оный подъ брадомъ, многе е за Васѣ похвалне рѣчи изговорю; каже да е съ Вами у нѣко време воевао, кадъ сморать первый кратъ противъ Болгара имали.

Любом: Може быти! Како се теби име?

Млад: Константинъ.

Любом: Гди си се родио?

Млад: У Пекѣи.

Любом: Откуда ты мене знашь?

Млад: Я самъ се случайно сасшао съ Вашимъ Космомъ у одномъ Госпилнику, кадъ е Вами ишао; и онъ ми е све казао; куда иде, кому, и како Вы близу Леониде у Тесалѣи живите и проч:

Любом: Пакъ како си овамо дошао; шпалли си овимъ скривю? —

Млад: Луда моя глава Господине! — поквара ме оцацъ, а я се разсердимъ, пакъ одемъ за наперкосити му и подпишемсе у войну, потомъ дойдемъ у раскаянѣ, и побѣгнемъ. Но будущи у шудбой земли, куда самъ знао, падне ми на умъ Вашъ Косма, дай рекнемъ у себи, да идемъ ему, и при ономъ Господину (за Васѣ) нѣко време пребудемъ,
докле

докле се за мене забораџи: Но ови ме ухапше, и познаду да самъ войникъ, а самъ се исповѣдио имъ и казао управъ, они ниџи науме, да ме пошлю на прагъ. Я знаютьи шта бы ме шамо као бѣглеца дочекало, болъ ме убиште, рекнемъ имъ, него да ме на прагъ шилъште. Потомъ позовемсе на Ваше име, и кажемъ имъ, да самъ Вашъ, и Вамъ пошлю. Они за увѣришисе о томъ пошлю по Васъ. Я кадъ самъ разумѣа (при овой рѣчи тргнесе, и зарумени, но Старый не узмешако на умъ) кадъ самъ разумео, да сте Вы дошли, замолимъ Бога ради слугу оногъ, кой намъ ово сло донесе, да предвари што скоріе, и Вамъ пошайно пусти у уши, да ме признаште за свога сестришъа; Мени е щастіе овдѣе, како сами видите, послужило, и я Вамъ до тысящу кратъ благодаримъ, понеже шко зна, шта бы отъ мене было.

Любом: А шко е писао оно писмо мени?

Млад: Я самъ писахъ — (пергнесе о петь) писао.

Любом: Сынокъ! я самъ сада тебе ради овако старъ лагаша морао, но шта му драго, совѣшьшье моя мене у томъ извиниши, зане добро самъ дѣло учинио; но —

Млад:

Млад: (прихвати рѣчь) о сладкій Господине! не само извиниши, но и радостію Васѣ упомти може, да сте едногѣ младитѣа, кой е изѣ недосѣатка разума заблудивѣ, у зло пао, избавили. —

При овимѣ рѣчма потеку му сузе низѣ нѣгове младе и лѣпе образе, и по долго умоакне.

Любом: Небойсе Сынко: я тѣу те узепи способѣ, пакѣ тѣу те по испеченію едне године, ако пріе не смѣшь, послапи опцу. Но садѣ да идемо. Мало за шимѣ спремусе одаде, затворе све лѣпо, пакѣ оду; и по полдне спигну дома; и будупѣи после малогѣ дожда, бѣшесе разведрило, и време се пре-красно учинило. Косма узео малогѣ Свето-зара, и нѣкудѣ опишао бѣше.

Константинѣ нашѣ сада борисе по памети, како тѣесе сѣ Космомѣ, кога нигда у животу іощѣ видіо нѣе, саспати, и Богомѣ га заклещи, да рекне и онѣ спарцу, да га познае, и лажѣ му потверди за истину. Но овдѣе му лоша сретѣа буде! — Онѣ оде подѣ еданѣ великій орахѣ и заспи. Между шимѣ Косма сѣ Светозаромѣ дойде: Есил' тѣ Сынко имао нѣхогѣ младитѣа у Пекіи познана, упыша га Старый, именемѣ Константина?

Косма:

Косма: (потъушивъ) Нисамъ нигда у Пекѣн ни быо.

Любом: А гаѣгодъ у пугу кадъ си ѡвамо нишао, еси л' кому казывао за мене, кудъ идешъ?

Косма: Боже сохрани! одну рѣчь никомъ я о тому проговорю нисамъ. Мени е Господинъ Милорадъ острѣйше запрестю быо, да никомъ ништа о томъ не говоримъ, А за што?

Любом: Промыслисе добро? —

Косма: Не пребамисе мыслиши, кадъ добро знамъ.

Любом: Е ништа! садъ ти вѣруемъ. Има нѣко момче, кое е садъ дошло самномъ, позывасе на тебе, да га ты познаешъ; но како видимъ, онъ лаже; айде са мномъ!

Пойду къ нѣму, но овый кадъ види, да е се у своему чайнѣю преварио, и да тѣе му се лажъ опкрыти, устане и хипро се сакрые, потомъ узъ нѣку яругу побѣгне; ови се враше напрагъ, и Любомиръ призна, да е онъ све, што е казывао лагао; жао ми е, рекне при столу прочимъ, што ову шайну опъ нѣга не изслѣди.

Предъ нощъ узме Светозара за руку, и съ Космомъ изыде мало проходатисе; они

ла-

лагано поредъ потока ходяюпши, разговаряюсе, малый Светозаръ сагибашесе, и полско цвѣтъе сабираше. У еданпуть смотре предъ собомъ червеность нѣку у воздуху. Найпре помысле, да се мѣсецъ и за берда радъа, но мало помомъ искусе, да е огань. Любомиръ имао е шу нѣке по ливади пластове, уплашисе, да му ихъ кто нѣе упалио. Узми дѣте, рекне Косми, и скоро носи га дома, пакъ дѣщерчи овамо, да идемо видиши, шта оно гори. Косма општерчи и враписе на трагъ, похите шамо гди горе, но ово много далъ, него што су мыслили, баше; врашусе на трагъ.

Кадъ сутра дань, предъ само полдне, Любомиръ съ Космомъ, како е у вершупу нешто радіо, уморіосе пакъ сѣо, да мало оппочине; алъ сто пи му нѣкогъ спарца, води едно мало дѣтенце за руку, дойде предъ старогъ, скине капу, и почнесе молити. „Господине! помилуйте ме сиромаша! — Светозаръ смошривъ дѣте, любкосе на нѣга омене, остави ягнѣ, съ коимъ се играше, пакъ съ нѣкомъ радостію притерчи му, и почнусе заедно играти, — Пострадао самъ Господине, приложи Спарацъ, нейма полъ године дана, како самъ мою бабу, съ којомъ
самъ

самъ 45 година живіо, сараніо, а юче ми домъ изгоре.

Любом: А гди ты живишь?

Стар: Зна овый младый Господинъ, (за Косму) сто таки за онымъ великимъ холмомъ.

Косма. Есть, и я самъ юче кодъ нѣга быо, и за Васъ пышао Сирома челоуѣкъ!

Любом: А едъ швое то дѣтешце?

Стар: Двигнувъ рамены (Ахъ мой Господине, и то ми е една брига на врашу! Мос е кукавно, поклемъ нейма никога кромъ мене.

Косма на то рекне: Господине нека Вамъ приповѣди повѣсть о овомъ дѣтешу; (къ старцу) деа чико кажи Господину, како си то дѣте добыо.

Стар: Господине! то е было овако: Сааъ тѣе при године быти, едно вече сѣдимъ я съ моіомъ покойномъ предъ колибомъ и съ готвовомъ вечеромъ чекамо наше дѣте, докле овце напон; кадъ алъ сто ти намъ три челоуѣка, съ овимъ нешимъ дѣтешомъ предъ насъ, добро вече "назову намъ; гледимъ на нѣя, двоица млада, а еданъ постаръ, лѣпо обучени и оружје на нѣма, еси л' ты старче, упыша ме еданъ, овдѣе домашинъ? — Есамъ,

оп-

ошговоримъ я. А како се ты овдѣе жи-
вишь? Као сиромахъ человѣкъ велимъ му, и-
мамъ нешто овчица, и мало земле. А отъ
кога си ты купио ову землю? запыша ме.
Отъ нѣкогъ Господина, рекнемъ му я, изъ
града.

На шо они следусе еданъ на другогъ и
окрену съ езыкомъ нѣкимъ, кой я нисамъ
разумео, пакъ онда опеть къ мени. “Знашь
ли шта е? — ты ово дѣше да прѣмишь,
и за време да га держишь, ранишь и негуешь
како годъ свое, пакъ тѣетисе поштено пла-
тишти. Моя спара, Богъ да ми ю прости,
милоспива е была на малу дѣцу, а и шако
ѣой оно дана дѣше мало умерло было, прѣ-
ми га драговошно. Понудимъ ихъ на залогай
хлѣба, и чашу вина, него они нимало се за-
державати не хопѣше: хипимо вели, да насъ
нощъ овдѣе не запече; но лагку нощъ, гле-
дай само придода еданъ, за шо дѣше, како
наиболѣ знашь; и сопимъ оду. Моя узме дѣ-
ше у колибу, развѣе га, кадъ алъ у кошу-
лицѣ ушивено едно писмо, и у нѣму 12 ду-
каша. Я будущи книгу нисамъ учѣю, одемъ
у село священнику, те ми прочиша: пише, да
е дѣше крещено, и именуесе Чедомиль; Чѣе
е и како е, Богъ бы га знао. Моя га е дер-
жа-

жала и неговала болѣ, него свое рождено, и при послѣднемъ своемъ издыханію пригерла га своимъ леденымъ персима; полюби га, пакъ ми рекне: Харітоне добрый мой Харітоне! заклинѣмъ те вели именемъ Божіимъ, за ово дѣше, како мое упокоено шѣло земли предашь, узми га и носи у градъ моему Господину (кодъ кога е она дѣвойкомъ іоуць служила была; и кой ми е поредъ нѣ шу исту землю, гдѣ сѣдь живимъ, дао) едно вели да се не пашишь овдіе съ нимъ, а друго може га оный чловѣкъ сретнымъ учиниши.

И тако я іой се завѣщамъ, по преставленію нѣному то учиниши, кой завѣщъ ни данась іоуць нисамъ исполніо!

Любом: Теби е Харітонъ име?

Стар: Харітонъ на служби! —

Любом: То смо мы именацы дакле, а и сосѣди, пакъ се іоуць ни познавали нисмо — А за што ниси дѣше одноо, и желаніе швое жене исполніо? —

Стар: Хошѣо самъ Господине то учиниши, но будущи имамъ едногъ Сынчипѣа около своихъ 16 лѣша, кой као и свако' дѣше, кадъ му се маши преспави, весма шужиши почне, но съ овимъ малымъ тако бы

се

се много крашѣ забавіо; да се чисто ушѣши, и за маперь заборави, я то видетьи жао ми буде, распавити ихѣ; нека ихѣ велимѣ іошѣ кои мѣсецѣ заедно; довео самѣ имѣ одну честну старицу, сироту жену, шѣ ихѣ послужуе; но колико бы ми годѣ на умѣ моя покойна пала, свагда бы ми совѣсть пребацыла, да іой заклетву нисамѣ исполніо, (при овимѣ речма ударе честному спарцу сузе на очи) Ономадѣ (настави спарацѣ) предспавимисе Сиропа у сну, „Харіпоне веди, да опѣ Бога найдешѣ! ты іошѣ мое желаніе исполніо ниси, іошѣ кукавно по дѣте однео ниси! — Тергнемсе и за сна, заплачемсе пакѣ паднемѣ на колѣна предѣ Свямый Хрістовѣ образѣ. „Господи опрости ми мое преступленіе, и помилуй мою Сумеону, рекнемѣ; мое тѣе данась перво дѣло быти дѣте опнети, и за нѣгово щастіе промыслиши. Но мое неволѣ и овдіе ми се нѣко препяшствіе догоди.

Испый данѣ по полдне, кадѣ се вещь оправимѣ сѣ дѣшетомѣ да га опнесемѣ, одемѣ нѣкомѣ спарцу, шакожде Пастыру, моему Сосѣду, да препоручимѣ Сына сѣ овчицама, докле я изѣ града дойдемѣ, да мало да позорѣ, као на дѣте.

Кадѣ

Кадъ алъ мени каже (спарацъ истый, да мога дѣшепа нейма отъ юпра кодъ оваца, и да ми е онъ самъ овце у полдне напою. Я се на то смушимъ, и станемъ дѣте коѣкудъ по ливадами тражиши. Предъ саму ношъ, кадъ самъ се хошео ветъ дома врашиши, нѣ л' велимъ откудъ дошао, нагазимъ на нѣга у триви; Люто га грозница испресла, лежи сиромыхъ, и ништа о себи не зна; дигнемъ га шу лагано, и одведемъ дома, гди заспанемъ мою сшарицу, (служкиню) на мене изгледаюшъу. Нейма отъ моего пуша ништа, рекнемъ їой, мо гледай за ово дѣше, сво се сирото разболѣло. И тако мой Сынъ двѣ неделѣ одлежи; и я се отъ нѣга никуда махъи нисамъ могао. Ошведемъ га, пошто му болѣ буде, овцамъ, и врашимсе дома съ бабомъ, коя ми е допле овце чувала, и съ овымъ малимъ. Кадъ алъ на враши мое колибе нешто стон крешомъ написано! — Читаши не знамъ, ниши има шко, да ми каже. Пройде неделя дана, ешто ни ми отъ нѣкудъ спранна человекъ, на преношѣе, овый ми прочиша „Сшарче! вели, ако ты до двѣ неделѣ дана шо шудѣе дѣше не однесешъ у градъ, и не предашъ кому, зло шьешъ пройши. Нуто мое неволѣ, кому га

сада

сада знамъ носити; мой спарауѣ, — отъ кога самъ ранѣницу узео — умрео. Наумимъ найпосле носити га и предаши буди кому; и данашній дань на то опредѣлимъ. Кадъ си-ношь, алъ мени вѣко запали колибу! и дол-е самъ я сѣ бабомъ сѣ ливаде доперчао, изгоре ми све што самъ имао.

Любомиръ саслушавъ спарца, машисе у джепъ, и обдари га сѣ толико, да е могао сву свою штету намириши; обѣщавающыи му, да га и у напредакъ оставити не буде; а дѣше исто узме себи. Спарауѣ захвали овомъ Господину, полюби дѣше, и врашисе напругъ.

Светозаръ и Драгиня одма се сѣ овымъ сдруже, као да сусе Богъ зна отъ кадъ познавали. Господинъ му даде лѣпе, као и у Светозара халинице направити; пакъ запо-вѣди Косми, да га помало поучавати у пи-сму и чтенію почне. Косма бы ихъ ови шрое извео кудъ на ливаду, пустио бы ихъ играшисе, а онъ легне сѣ кинтомъ на шра-ву и чита. Дошао бы кадъ што и Старый, пакъ бы сѣ умиленіемъ гледао, како се Све-тозаръ сѣ Чедомилемъ на штапитыи у мѣ-сто коня ушеркуе; како еданъ на другогъ древене саблѣ пошеже, а сестра имъ отъ

пол-

полскогъ цвѣща по наученію свогъ надзира-
теля Косме, вѣнце побѣде плеше: Како бы
себи, отъ высокихъ струковъ шраве, пред-
ставляли непріятелску войску, на кою бы
се съ голы мечевы устремили и сѣкли. Онъ
изъ нѣове невинне игре примѣчаваше свой-
ства нѣове младе душе, и искущаваше ка-
чества нѣовогъ чистогъ и беззлобногъ сер-
ца. Призове ихъ нѣкій путь къ себи, за-
веобысе съ нима у разговоръ, запышкивао
бы ихъ кое шна; приповѣдао бы имъ, кос
бы они радо слушали, и на захшеванѣ нѣго-
во, оптимали бы се, кой бы на память мо-
гао све казати. Светозарь му е было хи-
стріегъ понятія, но маѣгъ стертѣнія у
науки, а Чедомиль баше шихъ, но лѣпогъ
разсужденія. Косму е, кой ветъ юношескій
имадаше вѣкъ, у науками весма лѣпо упу-
щю, морално га воспншао, и за Наставителя
овимъ двома, способна учиню; онъ намѣра-
ваше нѣга наслѣдникомъ своимъ сотворити.

По маломъ времену умре му старый во-
деничарь, кога е онъ отъ свега радо имао;
овому оспане вдова, жена, юощь помлада,
и безъ дѣце. Любомиръ пошлѣ по старца
Харіѣона, и окупи га, ше ову узме, пресели
му и овчице, направи му спанѣ, и шпало-

— ге,

ге, упути га у дѣлу воденичарскомъ, и лѣ-
по као два сосѣда почну се живити. Онъ е
нѣга често на обѣдъ а јошъ више на вечеру
призивао, и тако бы съ овимъ простимъ
и беззлобнымъ старцемъ, време радо и у
задоволству провео, съ нимъ се нашалио и
насмеяо; да не бы буди за какво гражданско
дружство промѣнио: особито што е овый
шаливъ человекъ быо.

Едно вече, сѣли су у вершу вечераши,
алъ епо ти имъ отъ некудъ спраница чело-
вѣка, по хаљини познаду га, да е изъ како-
вогъ града, понуде га за сполъ сѣспити и
вечераши. Воденичаръ послуша доникле нѣ-
гову бесѣду, како овый полѣпичи, како му
мастне рѣчи изъ уста теку, пакъ се загле-
ди у нѣга; Господинъ се на то насмее, но
иначе! рѣкне му, познаешъ ли ты тога Го-
сподина, кадъ га тако гледишь;

Воденичаръ. Ая! а заръ е ово Господинъ?

Любом: Но — поштенъ человекъ и Го-
сподинъ да како! —

Воден: Я не разумемъ ни што онъ го-
вори! —

Спран: (преваливъ на нѣга очи) Не раз-
умешъ? та злати срѣтъа еднимъ езыкомъ
говоримо.

Е

Воден:

Воден: (мери га очима и горе и доле) Бога ши, еси л' быо дома, кадѣ су ти те хаLINE крoли?

Стран: Зарь си ши поликій прoстаѣ, да јоуць люди, у оваковы халина, видіо ниси?

Воден: Та ено како те и дѣца глeдe, и чудусе, гдѣ ши рукави еспи сметаю.

Стран: Она дѣца по свой прилики, више имаю памeши, него ши.

Воден: Хмѣ! што ши е граждинѣ! — (Господинѣ се на шо насмѣе, и на странногѣ намигне, да га јоуць мало задирне)

Стран: Старче, кажи ши мени, што нбу те пышати?

Воден: Нисамъ а спарадѣ, а самъ се лане оженіо, ако хопьeшь да знашь.

Стран: Бышье шай врагѣ. Еси л' кад-годъ быо гдѣ у граду?

Воден: Есамъ, но едва и самѣ памнимѣ.

Стран: Зато се ши и чудишь момѣ халинама. А да ши дойдeшь у шїи швои у градѣ, штерчала бы се дѣца на тебе, као на чудо.

Воден: За што?

Стран: Мыслили бы, да си дивїи чeлoвѣкѣ.

Воден:

Воден: Врага! тако памешну д'вцу у граду имаше? Бога ти, како ти е име:

Стран: Сип'весео!

Воден: Дакле си мало пріе безъ имена быо? А приземе:

Стран: Ты мое приземе не умешь не изрешьи.

Воден: Некдеръ чуемъ.

Стран: Искаріото — педопонейскосмрннскій!

Воден: (намргодившице) Исусе мой! — какво е то приземе! у моему животу нисамъ чуо; Искаріо - Искаріот; валь да Иуда Искаріотскій; кой е Христа продао; Зашто много се отъ н'бга и не разликуешь! — и онъ исту браду и халине има.

Стран: А зарь си ты н'бга познавао?

Воден: Та ето у Селу Майсторъ Артистидъ такове съ боіомъ прави.

Стран: Правый си Зукванъ!

Воден: На мою душу еси! — Какевъ занашъ знашь?

Стран: Я правимъ отъ брашна валюшке.

Воден: Ели, то е инди швой занашъ съ моймъ скопчанъ; я правимъ отъ жипа брашно; то ты безъ мене никуда ни камо.

Е я

Стран:

Стран: Добро, мотъишьемосе слагати.

Воден: Да како, — као бадемъ и суво
грождье.

Стран: (угрѣявшисе отъ добра вина)
Скине Капу, а овый га смотри тьелава.

Воден: Шта жалостанъ неймашь вещь
ни косе?

Стран: А кол е теби полза отъ твое?

Воден: Као и теби отъ твое браде.

Стран: Бога Вамъ Господине, откуда е
Вамъ овый шакламанъ?

Воден: Не не Господине, но овамо ты
самномъ, кажи ты мени, имашь ли што у
той бради?

Стран: Шта бы самъ имао?

Воден: Та и онако знашь! живописная малая
съ великими, гади, ихже нѣсть числа.

Стран: О авеша! — (сопимъ успане и
нѣкудъ изыде) но више се не врати.

Кадъ Служкиня дигне танъиръ, али подъ
нимъ една цедулица съ надписомъ; „ Теби
Господине благодари на вечери твоей Любе-
звѣйшій, и прости ми, што ти се казао ни-
самъ, быти тѣе време и тому.“

Сада немало удивисе Господинъ овому
послу, онъ размышляваше тко е, но свѣдѣти-
се не може. Тьупи, старцу оному ништа

не

не каже; Кои си, да си, рекне у себи, можно, да тѣу те знаши.

Нѣгова Драгиня прекрасна дѣвица наста- не вѣшь на 7 годину: чыпати и писати по- мало е почела, Светозарь ю е, кой е отѣ нѣ постарѣи быо, у шому найвише наставляо. Но добрый оцадѣ, видѣши да бы ово дѣ- ше лишено было овде оне науке, коя се отѣ красногѣ пола изыскуе, опнесе ю у градѣ Лариссу, и преда ю нѣкой честной Го- спожѣ на науку, плати за ню добро, и пре- поручи ю, као свое собственно дѣше.

Нѣнѣ е разшпанакѣ отѣ любезна два своя брата, Светозаря и Чедомиля, кое она за свою родѣну братѣю держаше, весьма тежакѣ быо. Но ови су ню, са старимѣ своимѣ опцемѣ, испочетка нѣколико кратѣ посѣ- тили, кое е нѣой, докле се мало при своѣой Госпожѣ навикла нѣе, за велико утѣшенѣе слу- жило. Потомѣ су едно другомѣ писали, и она е се свагда са своѣомѣ Госпожомѣ хва- лила, да ю ни родѣна мати не бы могла болѣ ни любезнѣе держати, него ова Госпожа.

Любомирѣ о свима прома, како годѣ да ихѣ е родѣо, промышляваше. Онѣ сѣ неиз- сказаномѣ радостѣю на Светозаря и Чедс- миля гледаше, како су дѣца ова здрава, пу- на,

ца, и румена, као ружица, поредъ тога дѣ-
 погъ разума, добра и любезна сердца, ему
 послушнѣ обоє и умиляти; ꙗко ихъ не бы
 любю, ꙗко ли за нѣгово щастіе не бы про-
 мышлявао? Но колико ихъ онъ вещьма лю-
 бяще, толико га неизвѣстіе о нѣма чѣи су
 мучаще. Онъ бы ихъ обоє са своимъ се-
 стрисьемъ у Юпру кудъ у поле извєо;
 чрезъ зелене и цвѣщне долове, по свѣжемъ
 и благовонномъ воздуху провер, нѣкѣй путь
 бы ихъ на какво поузвишено бердаще из-
 вєо, и ту бы сѣди поуморени на зелену,
 капицама нощне россе као бисеромъ посушу
 траву; пакъ слушающѣ благоумилно около
 себе како пщичице пою, чекали бы и погледа-
 ли на воспощну страну, да ее небесна врата
 отворе, и златный имъ се кругъ — солнце
 — на оризоншу покаже, да га се нагледе у
 оноѣ ющѣ багряноѣ нѣговой одежди, како се
 тихо и дично къ синѣму (плавешному) неба
 своду диже, докле се нѣ обукло у блиста-
 телный свой свѣщъ, кой око наше засѣня-
 ва, и зрѣніе наше затупава, гледати се не
 да. Ту бы имъ полковао, какове е оно у-
 жасне величине, и у каковой отъ наше земле
 высини стои, какова ли е умоу нашимъ
 непостижима она скоростъ, у коеѣ оно

луче

луче свое до наше земле спусти, и у нѣма теплошу свою преко данѣ по цѣлой половини земнога круга просыпа, поверхность нѣну, и свако по нѣой биліе угрее, и сошимѣ учини, да она у земли начална и первобытна жилица, либо коречакѣ или каково сѣме, ако е и шoliko малено, да га мы голимѣ очима нисмо у сосполнїю видѣши; угрѣано набубри, сокѣ, кой га окружава, и кой е свакому былїю млеко, и живошна пища, у себе прїими, и како шо буде, распиши почне. Земля му, коя га покрива, онако слабому веществу непримѣтително уступа, да изникне, да нарасти, и плодѣ по своему роду принесе; ако другїй не, шо поне праву, на препитанїе безчисленнымѣ животноымѣ! —

Казываше имѣ, каково е дѣйствїе онага у земли сока, кой различнѣйшегѣ шара, различнѣйшегѣ образа и величїне растѣнїя производи; поверхность землѣ покрыве, и накинїи! — коя растѣнїя на време свое расту, на време сазру, на време погину, изумру и нестане ихѣ, и на мѣсто ихѣ падне снѣгѣ, кой е хладность изѣ воденыхѣ испаренїемѣ у воздухѣ возвышеныхѣ часцидѣ сотворила; како овый покрывши землю, влажи ю, и ква си, нове їой силе дае, и за ново дѣйствїе ю
пре-

преправля! — Како се сва животно питаю земнымъ плодомъ, и како едно другому на взаимну помощь и на взаимну пользу служи. Она овца, придодао бы у бесѣди, коя пасе онде зелену траву, на велику бива намъ пользу; докле е жива, дае намъ свакога пролѣтїя по еданъ плодъ изъ себе, кой плодъ мы отъ части употребимо на наше препитанїе, отъ части пакъ оставямо на умноженїе нѣнога рода; дае намъ млеко, кое се у нѣномъ желудку отъ оне зелене пише чрезъ печенїе крови сотвори; отъ млека правимо скорупъ, правимо сыръ, и масло, и отъ овыхъ различна по вкусу нашему измышлявамо ястїя; дае намъ и по два кратъ у едномъ лѣту вуну, кою мы предемо, шкано и халине намъ правимо, съ коими наше шѣло покрывамо не токмо противъ зиме, што нужда изыскуе, но и на украшенїе наше употребимо. На послѣдокъ ю заколѣмо, добыемо отъ нѣ за рану нашу месо, добыемо за свѣшье лой, добыемо за разне потребе кожу, много пущь и самъ рогъ неотбацимо! — Како ли намъ она мзла пчелнца надъ цвѣтомъ лепи! Каково е нѣно субтїлно дѣло, кое примѣтити не можемо! Видимо, гди цвѣтъ облеще, видимо, гди на нѣга падне, но ка-

ко

ко ону сладку, коя е нощьомъ на нѣга пала, росу собира, и кошицу намъ медомъ наполни, не видимо; Мы изъ Сатій, кой се отъ самыхъ и совершенно шестоугольныхъ нѣкихъ преградъ состояе, течну матерію исцѣдимо, и разна пріятнога вкуса ястія отъ нѣга правимо, а тверду матерію, кою восакъ зовемо, за свѣще, и другу потребу нашу узымамо.

Погледаймо Любезна моя дѣчице! говораше имъ, оно древо, у пролѣтіе цвѣтомъ посуто, каковый пріятный мирисъ отъ нѣга се по воздуху просыпа! цвѣтъ временемъ спадне, и на мѣсту нѣговомъ угледамо младый и зеленъ плодъ, кой преко лѣта расти, попомъ созрѣ, и другій мирисъ отъ себе давати почне; мы дойдемо подъ таково, съ благоволеніемъ на нѣга гледимо, узберемо, и уста наша пріятнымъ нѣговимъ сокомъ прохлаждавамо. Древо таково мы отъ гусеница чистимо, подкресавамо, отъ зиме хранимо, и пр:

Мы узоремо землю, бацymo у ню зерно пшенице, ово никне и стогубымъ плодомъ исплаши намъ трудъ нашъ. Изъ овакове церне землѣ, каковый мы прекрасный, снѣгу подобный, пріятный, и питашелный хлѣбъ достасмо! —

Орс

Ове быстрѣ свуда по прави каплице, кое су ючерь шеплопомъ солнца у воздухъ са земле дигнуше, и ношасъ опетъ на землю пале, какво прекрасно дѣйствиѣ имаю! сваку правку, свакій цвѣтакъ, жаркостію солнца преко данъ клонутый, на квасе, и у животъ га новый повраше.

И тако далъ, ако о вещи, изъ конхъ весь овый свѣтъ оостои, разсуждавати ѣстано, видимо дивный цѣкій порядокъ, дивно, отъ едне вещи на другу, отношеніе, и соотвѣтствіе. Тко е инди тай, кой е ихъ тако устроіо? Какова е то сила была, коя е отъ себе толике свѣтове произвела! — Какова ли е премудрость, коя непрестанно у порядку ихъ содержава? Тко простире облаке у поднебесну высину, кои се изъ тончайшихъ воденыхъ часщицъ состояе; чіа ихъ сила пошомъ раствори, и на жедну землю проліе? — Тко заповѣда громовомъ, да онако съ ужаснымъ шумомъ землю запресу; шко ли пламенымъ онымъ молніямъ, да се по воздуху онако хитро извію, и шавне облаке просѣцаю? И какова е много крашъ она сила изъ нїи, коя у гедна и висока зданія удари и разруши; найвишше древо разбіе, изъ корена извали, и огню га преда. Чимъ пове-
лѣ-

дѣнїемъ солнце за 24 часа цѣлый нашъ кругъ земный обшече, шко ли даде мудрость чловѣку, да онъ то за едно магновенїе ока умомъ своимъ учини! — Чловѣкъ силомъ воображенїя кадъ узлети горе, и оне безчисленне свѣтлове, кон се намъ као сребрене нѣке почке нощомъ предъ очи по плаветному своду предспаве, смапра, любопытствуе, пражи и изумѣва средства, како тѣе ихъ величину измѣрити, како тѣе ихъ движенїе, отъ естества имъ опредѣлено, дознаши! — Саадъ сведе мысль свою на поверхность земле, и не само она шѣлеса, коя му у енѣшня падаю чувства, какова су, дознае, на нѣке класе ихъ раздѣлюе, и свойства нѣова непышуе; но ющъ и она малѣйша живошна, коя бы се по велико число на верхъ игле у громили скупити могли, изнашао е начицъ, чрезъ увеличително спакло, ихъ гледати, и видешъи ихъ, да се живопомъ движу, видешъи, да имаду уста, слѣдовашелно и утробу, чресла, ссраце, жилице, чрезъ кое кровь протиче, и проч: дивисе, какова е ова маленость, какова видъ нашъ избѣгающа субтїлность, у каковой ли мѣри она мала усташца пишу узымаю!!! Све то умъ чловѣческїй пражи, цѣло естество протиче, и све нѣгове

законе прилѣжно испытуе; пакѣ найпосле удивленіемѣ о непостижимой силѣ, коя е ово произвела, пораженѣ уздаце и сошымѣ глубочайше почитаніе, и внутреннѣйшу благодарность оному верховному Существу, кое е свакой правки бытіе дало, а само ни отѣ кога нѣе таково прїимило, почувствуе!!!

Любезни мои! (наставіо бы Старый) Не пюкмо мы разумомѣ, изящнѣйшимѣ даромѣ — украшени и словесностію, вое же бы намѣ внутренняя, наша чувства изражавати, обдарени человѣцы, Оное невидимо Существо славимѣ, хвалимѣ и величамѣ; любимѣ, чествуемѣ, и молимо му се; но и свако живоотно, свако и наименше пресмикающесе созданіе, что више и само оно биліе, свакій цвѣтакѣ, свака правка, и свако древо, вода, и снѣгѣ, огонь и воздухѣ, словомѣ свака вещь на свѣту, проповѣдающьи намѣ силу нѣгову, у закони естествоенны, по коима она бытіе свое получава, по коима дѣйство нѣко отѣ себе производи, по коима се изѣ одногѣ вида у други прешвори, другій образѣ на себе прїими, кое мы держимо, да е погинула, да е више нестало на свѣту, свака велимѣ вещь вѣчну ону премудрость, вѣчну и несравенну силу слави и велича.

Чест-

Честный овыи спарауѣ у оваковой са свои младыи бесѣди провео бы добру часть времеи. Онѣ открывающыи ныювомѣ младомѣ уму законе естествои, навео бы ихѣ на то, да га запытаю, каково е то верховѣйше Существо, отѣ коего толика сила происходи, за мошны овыи свѣшѣ сотвориши; толика премудрость, за умѣши таковыи у порядокѣ ставити и содержавати, и най-после толика благость, за хошѣши то учинити, кое е и челювѣка, измежду свѣю прочихѣ одушевленныхѣ тварей участника свое мудрости, и дѣлѣ рукѣ своихѣ вѣдѣнїя удостоило? — На кой вопросѣ божественный овыи мужѣ тихо бы се на нїи насмѣяо, пакѣ бы погледао на небо, и наводниле бы му се очи, уздануо бы и потыупивѣ мало рекао бы имѣ: „Мы таково существо Богомѣ именуемо.“ О любезна моя дѣцо! возопїю бы, сѣ каковымѣ страхопочитанїемѣ, сѣ каковымѣ благоговѣнствомѣ и сѣ каковымѣ трепещущомѣ любовїю ово свето име Богѣ на наша уста изретьи требамо; Онѣ е существо самобытно, существо вѣчно, и свезнающе, всемогуще и милостивѣйше.

Кадѣ бы уишао сѣ ныма у вертѣ, учїо бы ихѣ, како треба дрѣвеса каламити, како

раз-

разсаде пресадывати, цвѣтве поливати; и проч: стао бы при бодликовой молодой ружицы, и рекао бы: Овыи красный и благовоный цвѣтакъ намъ Бога отъ самога свога бытія толкуе, онъ е юче у зеленомъ преплешку затворенъ чекао невидиму руку Божию, да га развие. Богъ е заповѣдио солнцу, да по учини, онъ е се ево отворио, шко му даде ову руменилостъ, шко ли ули у нѣга балсамскій мирисъ? само по себи ште не могло быти, ниши себе сшворити, но естѣ творецъ, кой е по учинію, и истый еданъ и всеобщій свію тварій творецъ мора быти; понеже видимо, да све вещи, изъ коихъ се Сусеемаіически овыи евѣтѣ соспои, есу между собомъ у вѣчномъ союзу, една другу у бытію своему помаже, една другой иный видъ дае. Ово растѣніе, ове зелени потребу, као што емо рекли, изъ земле сокове, и гдѣ овыи къ нѣовомъ, животу довольни нису, захтеваю воду. Но како бы вода на свако дойти могла, кадъ не бы солнечна теплота у малѣйшимъ частицамъ шакову у воздухъ подигла, кою ако у велику массу собере, разліе ю у облаке. Облацы за мало време по въздуху на крылы вѣпренны волнуюе, потомъ проспуге у киши на землю; ако

ля

ли е вода у малой массы, што у пикой и прохладительной ношней роси пада.

И тако даалше; ако спадосмо испышывати, видиши можемо, да ове на свѣту вещи у союзу спюю, и невидима иѣка сила сѣ нымиа чрезѣ чепыри начална почепка, огонь, воздухѣ, воду и землю управлѣ и нѣи содержава, кою силу и мудрость мы Богомѣ зовемо.

Онѣ е овой дѣцы не само оне, кое у внѣшна чувства падаю, науке казываю, као што су повѣсти разныхѣ, отѣ много спотина година народовѣ, као што е повѣсть еспешвенна, Землеописанѣ; као што е Землемѣриѣ, Спатѣспѣка, и. ш. д. но и высоке науке, Логѣку, како треба правилно мыслѣти, правѣ судѣти, и свакога предмета, кое внушреннему чувству принадлежи, свойство познаѣти, Фѣсѣку, како треба законѣ еспешвенне, по коима се сва пѣвеса владаю, испышывати и дознаѣти, Математѣсѣ, Метаматѣсѣку, и проч: а наипаче науку моралну, коя сердце облагоображава, коя нравы украшава, коя дѣло ума просвѣщенѣе уважава, и чело-вѣка совершена швори: безѣ кое бы сва вышереченна вѣжества, као дѣвѣтѣ безѣ мирѣса или. као найлѣпше ело безѣ соли было. У
овой

овой е послѣдной онъ самъ живѣйшій имъ примѣръ быо. Како годъ што е о овой говорію, тако е самъ дѣломъ своимъ, колико ю е любію, показывао.

Светозарь му е, кога онъ особино любаше, у 14 своего возраста години, у свима овима науками сила совершенъ быо. Челомиль е шакодьерь спротиву своихъ година лѣпе успѣхе чинію. Ніе више ни еданъ предметъ на изваяной у соби стѣни остао, кой не бы они на изуствѣ нѣму истолковати знали, кое бы онъ съ великимъ удовольствіемъ слушао.

Само то, што му се іоуць за нужно видяше ову дѣцу кулгодъ у каковый градъ послати, гдѣ бы сву ову Θεоретическу науку у практику привели.

Но на то се онъ лако разрѣшити не могаше, да се не бы дѣца у многолюдномъ мѣсту, безъ нѣговогъ собственогъ Надзирательства, видѣтьи многе ружне примѣре, и раскошне нѣке гражданске обычае поварили, нравъ свою измѣнили, и да не бы оно добро сѣме, кое е онъ у нѣова млада сераца, испочетка, докле іоуць низакакво невалялство знали нису, сѣво, изгубили, пакъ бы се не само лишію желасмогъ плода, но на ветъу жа-

жалость свою при лѣпой науки, и свободномъ. обаче недозрѣломъ разсужденію, гори бы послали, него они, кои се нмало учили ни су; и кои едно изъ природне свое прототѣ, друго изъ нѣкоегъ къ своему благочестію сирахочитанія, коликъ толикъ задержаваясе, поне отъ великихъ пороковъ и грѣха. Хотя веляше, да се по велики градовы, гдѣ науке цвѣтаю, многи добродѣтелей любители и поклонницы находят; много честныхъ и челоуѣколюбивыхъ людій има.

Напослѣдокъ поуздавшисе на Косму, юношу памещца и благодравна, разрѣшисе послаши Светозара у Ларіссу, а Чедомиля іощь едну годину при себи да задержи. Онъ види Светозару едно вече овако говорити почне: “

„ Сыне мой Любезный! Не само, што законъ естественный, а што тѣе рѣши законъ Божій, свакому отцу строго налаже, да се за свое дѣте, како тѣе га сретногоу учинити, брине и стара, но и твое повиновеііе, твоя она кротка сыновня къ мени любовь, коя се отъ свакогъ доброгъ дѣшета изыскивати мора, а наипаче лѣпи твои, кои ма си отъ Бога провидѣнъ дари, мене обвезую толико, да ми се мало види за швое будуще щастіе, ова наука, кою ты при ме-

F

ни,

ни, у простому овдіе мѣспу почерпавашь, безъ пракше, коя се у разными содружешвы получава; слѣдователно мое е намѣреніе, да я тебе пошлѣмъ съ Космомъ у Ларіссу.

Ты си младъ мой Сынокъ, текъ што си ступію ногомъ твоіомъ у овый свѣтъ, и долгій (може быти) путь, до свога гроба почео; шко зна, како тебе щастіе съ тобомъ поступиши, какове ли шьешь ты судбе у твоему живошу преко главе твое премешнути. Теби е нужно свѣтъ познаши! нужно нрави людій искушти, преко свію оны наука, кое си ты при мени слушао, имаду іощь нѣке, кое ти свѣтъ, и содружества челоуческа подапи могу, а я не. Оне се сосное у всеобщи граждански обычаи, політики, и взаимномъ спомоществію. Ты си при мени прошо и естествоенно до данасъ воспитанъ, и твое цѣло воспитаніе изъ два шокмо главна правила, коя самъ ти увекъ препоручивао, сосносе; кажи ми коя су то? — Светозаръ съ пристойномъ учтивостію, „да возлюбимъ мудрость, и добродѣтель“ ошговори. — Тако любезно дѣше мое, рекне Спарый, шако, имашь право, ово двое, докле си живъ, за свято да почиуешь, ово двое челоука къ совершенству води; а колико вѣтъма шко у со-

совершенство дойде, толико се вѣтъма са-
 мому оному совершеннѣйшему Существу при-
 ближава. Тебн су о овому правила простран-
 но казывана, обаче она препяпствіе, коя се
 намъ за дойти кѣ совершенному — нашему
 щаспію — на пупъ полагаю, искусію ниси.
 Ние доволно едногѣ младитѣя толико обла-
 гонравити, да се онѣ шокмо отѣ свакогѣ
 невалялства задержава, и сваку честногѣ че-
 ловѣка должностъ, по мѣгущьспву своему,
 исполнява; но пошребно е научити га, како
 валя, да се злы людій, и лукавогѣ подѣ ви-
 домѣ пріятнелства, обычая; убиточногѣ изѣ
 какове корясти ласканія, и худодушне зави-
 сти, и прочихѣ оваковыхѣ уклониши, и у
 случаю предохранити зна. Све ово шы си
 отѣ мене чуо, обаче докле годѣ собствѣн-
 нымѣ опытомѣ не познашь, каковыхѣ хи-
 шрыхѣ и злоковарныхѣ людій по градови има;
 нешѣеду шы за доволное у свѣшпу и швоему
 живошу наспавленіе служиши мѣщн.

Людн се раздѣлюю на многе классе, и
 свака класса особышый за себе, и по званію
 своемѣ сходный Характерѣ има, и свакій по-
 шомѣ челѣвкѣ по склонности своего сердца
 и духа; по силн воспитанія и просвѣщенія,
 има свою собственну нѣву шудѣ. Благовос-

питаный дакле младишь, дужанъ е по своему благородному Характеру, наблюдавающыи морална, коима е запоенъ, правила, правъ быши, истину любиши, свакомъ се по пристойности учтивъ показываши, никогъ не увредиши, никогъ не озлобиши, но при свему тому опасенъ валя да буде, да и нѣга другій не увреди, да и нѣму другій обиду какову не нанесе, да се чува предъ другимъ, особливо предъ непознашимъ, да бы му се таковыи, колико му драго, любезанъ показывао, да бы му и Богъ зна какове знаке пріятельства открывао, да бы му и златна берда обѣщывао, да се чува велимъ, докле га годъ не види, приключава ли онъ оно у персима, кое у виѣшнему показуе виду. Всуе ме е, вели Сербска пословица, оцацъ научіо, да я другогъ не варамъ, кадъ ме ніе научіо, како да се чувамъ, да мене други не превари.

Истина, да имаду нѣке и природне у гдѣкоимъ людма слабости, кое овдіе изятіе праву, люди, кои не изъ правогъ намѣренія вредъ кому учине, но изъ невѣжества, или легкомыслія. Нѣкій пакъ изъ нужде, ако шѣду иначе и добра сердца быши, гледу, да другогъ преваре и обману. Ови су манѣгъ осужденія и позывающыисе на нѣову природу

и

и сердце, да бы су иначе добри были, есу сожалѣнія достойныи.

Зане кажесе, силномъ е легко быти Великодушну! Но валя се намъ и таковыхъ чувати, да намъ не шкоду; Словомъ, нужно ти е познати, сва она ухищренія, сва лукавства людій, све луде обычае, и жалостна слѣдствія овыхъ, како голь што су ти нуждне быле оне добродѣтели, кое самъ ти свагда препоручивао познати. *Зло* познати, да ти служи на охраненіе шокмо швое и ближняго швоего, а *добро* познати, да на ползу не само швою, но и швоихъ ближнихъ поживишь; да исполнишь должность человекеску, и покажешьсе предъ Богомъ, да си му быю вѣрный рабъ, и да си оне, за кое се и у Евангелію говори, шаланте швое на добро употребію; за кое крѣпкимъ упованіемъ надаписе можешь, ономъ сладкомъ и любве полномъ отеческомъ на день онъ самага Бога гласу; кой тѣе ти ретьи: „Вѣрный рабе! надъ маалымъ си ми вѣренъ былъ, поставляю тя нынѣ надъ многимъ, прїиди въ радость, и наслаждавайсе вѣчне славе, вѣчна покоя при оному, коего си волю исполнявалъ, и коего си законъ свяшый швердо хранилъ.

Сыне

Сыне мой, мени потежко пада, тебе тако млада, тако јошъ зелена у пространный, свѣшъ отпустиши, боетьмсе, да не поклизнешь; и да врагъ чловѣкъ изъ твоегъ сердца то благо — морално — сѣме, кое самъ пи я посѣяо, не исчепрка, не украде и на мѣсто и бга зло не посѣе, изъ коего бы у мѣсто чиште оне и злапне пшенице, за небесну житницу, непопробный коровъ, за вѣчный огонь — никао. Но што знамъ, кадъ е зло съ добримъ на овомъ свѣшъ помѣшано, морамъ те послаши. У велики по градовми содружествы истина, да има, видишьеш и самъ, сила ружны обычаевъ, тамо е зависть, тамо притворство, тамо Ласханіе, лянство, расхошь, безстыдіе, и шта пи я знамъ; обаче видишьеш и добродѣтели людій, видишьеш хрістіанску кропость, искренно пріятелство, учтивость, благоумилно оно и самимъ ангеломъ возлюблено сныдѣніе, видишьеш моралный Характеръ, видишьеш како единъ другомъ снисходи, и другъ друга честію болша твори. Не псуесе тамо мой Сынок! вѣра и душа! како што бы си у просты мѣсты чупи могао, не вичесе тамо при чаши вина, да пуцаю гредице, као што простацы чине, нетьеш чупи срамотныхъ и безстыд-
ныхъ

ныхъ рѣчій, ни отъ слугу почти, а кольми отъ Господара, као што е при нѣки селяни чупи. Тамо се науке у горды и высоки зданія предаю, тамо е Священство научено, кое народъ свой у великолѣпными церквами побудителнымъ словомъ у недѣлю, и празднике къ свакой добродѣтели ободрава, малодушне и уныле, сладкомъ своимъ, съ высоке Каѳедре бесѣдомъ утѣше, на пушь спасенія изводу. Тамо е Полиція, тамо Магистрати, Господа научена, облагодравлена, слуге Божіе, и бдителі надъ свакомъ классомъ людій, да между собомъ право поступаю, да еданъ другогъ не вреди, и не закида. Тамо су торговине богаше, тамо безчислені занати, видитьешъ, како се свако шруди, и шащи свой хлѣбъ, и нужна за свой живомъ снискати. За то мое дѣте! я тебе у име Бога радсамъ послаши, да ты сва ова видишь, сва разсмотришь и себе ползуешь, удаютьсе перво на Бога, кому се и молимъ, и кому те препоручемъ, пакъ на оне мое совѣте, кое си отъ мене до данась чуо; да тыешъ ты то твое невинно сердце пронести сквозъ свѣшь, и опеть явга у той истой цѣлости напругъ донести, да тыешъ ты мою честь храниши.

Све-

Светозарь: Я изъ Вашихъ Любезный о-тацъ! рѣчій быо самъ се найпре уплашю, кадъ сте ми сшали гражданске нѣке пороке описывати, и гошовъ самъ быо рѣшь: Я шамо не идемъ, гдѣ ми толико опасну быши надлежи; да се не покваримъ, сада пакъ привелисте ме бесѣдомъ Вашомъ у нѣко умиле-нїе, слушаютьи, каковесе шамо и добродѣтели находе, съ радостїю идемъ. Богъ и Ваше молитве мене тьеду отъ зла обычая храниши, и любовь моя и почитанїе мое къ Вамъ на шо тьеду ме крѣпиши, да све оно, што Ваше родищелско сердце жели, у мени доживите.

Старый заплакавшисе мало, и у себи рече „ мой Сынко, шко зна, шко ти е родитель, можно, да е и каковъ владѣй быо! но то знамъ, да те онъ испый не бы могао вепьма любити. Паки нѣму, “ Дакле Сыне мой, кадъ имашъ волю, драго ми е, а што ми се завѣщавашъ, да тьещъ се за любовь, кою къ мени, као отцу имашъ, трудити и шацити, да добръ будешъ, особито се радуемъ, опузимашъ ми сумню, коя бы ме узнемиравала, дашъ ми надежду, да безбрижно у швомъ отсуштвїю живимъ. И будешъ ли добаръ, будешъ ли за себе успалацъ, попрудиш-

лишлесе съ прилѣжаніемъ о науки, и будемъ ли я увекъ за тебе добре гласове чуо: увѣренъ буди, да ошадъ у свѣту нїе толико любїю сына, као што тѣу я тебе любїши. Напрощивъ отступишь ли ошдъ правоѣ пута, по коемъ самъ те я водїши почео, пута добродѣтели; измѣнишь ли на зло, буди найменше, твою наравъ, знай, да тѣу те се тако опрешъи, и тако те извъ могъ сердца изгладити, као да те нигда познавао нисамъ, пакъ ено мени Сына (на успавленогъ Чедомиля у крешу) но зашто я бы волео то не доживити. Сада разсуди, и свагда се на ове мое рѣчи, на ову мою сузу, коя извъ моего сладкимъ чувствомъ исполненогъ и любовїю къ теби пораженогъ сердца истыче, позови; она шѣте за найменше преступленїе кадра быти казнити.

На то видешъи младїшъа, да и нѣму суза низвъ лице попече, прешане мало говорити, напочи чашу вина, и напїесе; Доста сыне! рекне му, нешѣу ти више говорити, шы си мой, я тебе любимъ, я самъ увѣренъ, да шѣшь ты добаръ быти, и Косму у мѣсто мене елушати, садъ нди спавати, а супра у ние Бога, зоромъ шѣмо се кренути. Драгиня твоя сестра, едва шѣте дочекати,
она

она вещь зна, и самъ іой писао, ты тьешь ньой почесто отписти (Светозарь полюби му руку, и оде спавати) Старый мало настави бесѣду съ Космомъ овако:

Ты тьешь Сынко сада у Ларісси езыкѣ Греческій, ако се потрудишь, за годину дана, добро научуши, у дому гдѣ тьеше быти, и на кои шьу вамъ препоручително писмо даши, друголячѣс и не говорю, него Греческій, а проче науке што се тиче, отилазитъешь у тамошня училища са Светозаромъ заедно, нити га куда сама пушай безъ тебе. Докле се промыслимъ мало, може быти, да шьу вамъ и овогъ (за Чедомня) послаши. Я бы васъ и самъ тамо одвео, но ономадъ у вечерѣ, кадъ самъ оно поздно отъ Аріспіда дошао, затечемъ нѣко писмо на мене, отъ кога е, не знамъ, Евдоксія ми каже, да іой е нѣкій старадъ у самый мракъ предао, (коє кадъ отворимъ, и видимъ, гдѣ ми нѣкій у тры чешыри версте пише, да се дань два задержимъ дома, да тье ме покоднши, и особитый нѣкій разговоръ самномъ имати. Тко е писао, име му не спон!

Онъ овако при чаши вина сѣдешъ, и уредбе за любимогъ свогъ Светозара, Косми налажешъ, лупи нѣко изъ едногъ малогъ,
отъ

отъ южне стране верша, на прозоръ! — Ови се на шо припаложе. Старый устане, даде свешью у кухню изнепти, пакъ у мраку пристули къ прозору, шко е? повыче! на шо нѣкій опздолъ шанакъ и ясанъ гласъ, опворите дворъ и пустише ме унушаръ, не бойшесе ништа, своисмо люди.

Старый. Но шкосо, кажимисе?

Гласъ. Еште л' Вы доматъинъ овдіе?

Стар: Може быти, да шы за бывшегъ овдіе Газду пыташь, радъ си съ нымъ говорити? —

Гласъ. О не шилите ме шамо, гдѣ е онъ, нисамъ іоуць за шо! некъ чека Харонъ при брегу. Коцѣта іоуць кою годину; но опворайте скоро, своисмо люди! —

Стар: Тко си, да си, докле ми се не кажешъ, опворити ши нешью.

Гласъ. Еште ли принмили писмо мое?

Стар: Есамъ нѣко, но безъ имена.

Гласъ. Оно е мое.

Стар: Дойди ми супра.

Гласъ. Та вещь видимъ, да шако мора быти, съ Богомъ!

Старацъ учинисе, као да затвори прозоръ, но іоуць мало на прозору позадержисе и чус, гдѣ нѣко шихо говори; „Айдемо доле

у воденицу! Мало за тимъ сто му воденичара. Старый повыче " Харітоне! еси ли ты? Я самъ Господине отворите! А шта тыешь? — Еданъ младъ Господинъ съ нѣкимъ старцемъ дойдоше ми на пренощіе, запытаю ме ели дѣте — Светозарь — при Вами, и были бы сте дозволяли, само да га виду. Я имъ рекнемъ, да то сада быти не може, него супра. Но они кажу, да се не могу, ниши смеду за животъ до супра овдіе задержавати.

Старый: Но шко су и откуда су?

Воден: Не знамъ, нешье да ми се кажу;

Стар: Я дѣте сада будити не могу; оно спава, а супра, како и самъ знашь, полази рано на путь; шко ли бы што съ моимъ дѣтепомъ имао, то е чудно нѣко и неразумно захшеваніе!

На то гласъ изъ помрчине: Сладкій Господине! учините хрїстіанску любовь, ево тыу я съ моимъ старцемъ оружіе положиши, а Вы имате свое слуге, вооружайте ихъ, ако се насъ бонте, и пусстите насъ унутра, само да дѣте Ваше видимо; и да Вамъ руку полюбимъ, пакъ таки идемо. Да е намъ могушье, мы не бы смо то сада у невреме

време захтевали; обаче Богъ зна, кошъемо ли мы къ тому щастіе кадъ имаши.

На то Старый изъ друге себе пробуди три слуге, даде имъ оружіе; узме и самъ свое, унесе свещу у велику саалу, пакъ заповѣди слугамъ, да отвору брану (капю) и спранные пуспу унушаръ. Младъ еданъ момакъ иде напредъ, а у черны калина подъ просѣдомъ брадомъ спарацъ за нымъ. Слуге ихъ съ голы мечевы слѣдую; а Воденичаръ запалю велику цѣпаницу луча, и узео ньюда два меча, пакъ ихъ прати, не бойтесе Господине! рекне Любомиру, осмѣвающьесе, я носимъ и два меча, ево; а до нужде добра бы была и цѣпаница. Простиште намъ Любезный Господине, рекне овый младый, прости те намъ, што Васъ овако поздно узнемиравамо; Сузе су ове мое (заплакавшисе) вещественный знакъ мое радости, што Васъ видимъ, кога особито почитуемъ; оне су чиста роса изъ мое къ дражайшемъ Вашемъ Сыну Светозару любви, мое къ Вамъ благодарности; оне испичу изъ сердца сладкиѣ сада чувствомъ поражена; Светозаръ е толико мой, коляко и Вашъ, ово шье ми може быти послѣдній благаго Промысла у живошу даръ быши, кой душу мою сада радостию пре-

превише звездѣ восхищава, и сердце мое давно печали посвящено, небесномѣ сладостию исполнява.

Сотимѣ падне предѣ Старогѣ, и зацѣпившице отѣ плача, пригрли му холѣна, и мало умолкне.

Старый: (дижушьи га горе) Тко си ты любезный мой? отккры ми дакле шайна швоа приключенія, кадѣ ме толико почипуешь; какво ли самъ ти добро учинио, кадѣ ми се толико благодаранѣ показуешь; и откуда ли ты (мане рукомѣ на слуге, ови изыду), и како мога Сына знашь? какову ля нѣму любовь имашь, да ниси ты? Но! —

Младичъ: Гдѣ с Свепозарь? само да га видимѣ.

Старый: Сѣ лучемѣ у руцы увеле га у другу собу, мыслешьи у себи, ово мора каковый сродникѣ дѣшешу быши, и покаже му рукомѣ на успавлѣно дѣше. Овий стане сѣ склоплѣнымѣ при кресту рукама, и гледи мало на дѣше, како су му у шихому сну два округла образчешья поруменила. Любезна невиносше! машешьи главомѣ рекне, аггеле земный, благо теби, сладка крови! и плодѣ (шихо) жалостне мое любви; О всесильный Боже! ты чуешь ова, у моему сердцу молчаща

чаца чувства, коя шеби благодарє, што га оставіо ниси, мой езыкъ изговорити не може? Сопимъ лагано къ дѣшешу приступи, дозволише ми добрый опче, рекне старомъ Господину, да цѣливамъ ове любезне на лицу нѣговомъ чершице, кое су не само подобне, но са свимъ равне оному, за конимъ ми сердце мое венє, я шѣу шо лагано учиниши, и нешѣу га опѣ сна, у коєму се оно сада наслаждава, општоргнути. Сопимъ полюби дѣше, и свой образъ мало на нѣговомъ подержавъ рекне: Ово є доста за мене, у себи говорашє, о доста и много, я га видимъ, онъ є сретъанъ, вѣчный є Промысль нѣму добротъ отца дао, мое є желаніє сада исполнено. —

Спарый ухвати га крошко за руку, и поведе напрагъ у Саалу. Но што си ты молимъ те? Хошьєшь ли ми се казати еданпуть? Да нїє шо дѣше! — Но! На шо уидє старацъ нѣговъ „Господинє! Старіє є ютро опѣ вечера, Мы идемо доле у воденицу спаваши, време є, да и сами оппочивашє, а сутра шѣемосє разговориши. Господинъ двигнувъ рамены, буди ваша воля, зовнє Харітона, и заповѣди му, да имъ дадє вечерашни, и лѣпо имъ намѣсти, гдѣ шѣду спаваши.

Ови

Ови се инди опрѣсте и снѣдусе доле, Воденичарь ихъ отвѣде у воденицу, а Господинъ се зашвори и легне спавати; но едва и што предъ саму зору очи свѣде. Онъ се боляше, да овый нѣе дошао по Светозара, и да му га, ако садъ не, попомъ не отвѣду, кое бы нѣму весма шежко было. Онъ не-шерпѣливо чекане, да се о дѣлу овому извѣсти. Онъ е любіо и Чедомила, но у много вѣщей мѣри Светозара.

Кадъ сване, успане Старый, обучесе и похити доле спранные сѣ добро ютро поздравити. Найде воденичара са сѣкиромъ предъ домомъ, кой кадъ га види, насмѣсе на нѣга: Е мой Господине! вели, наши госпи вѣть оладили! — Шта? опишли вѣть? — Оп-ишли! — Давно? А шко ихъ зна, нитъ самъ я ни моя осѣпили. А молимъ те, еси ли што докучити могао, шко су и откуда су шти-люди? —

А Богъ бы ихъ знао, синочь мало по-вечераше, пакъ намѣсти имъ жена, и легну спавати, угасимъ свѣтлю и самъ легнемъ: моя заспи, а и ясе учинимъ, као да спавамъ; кадъ алъ онай младый почне старду спротъ себе, на другомъ кревету говорити, но ша-ко, да имъ изъ цѣде бесѣде нисамъ могао

СМЫСЛА

смысль докучити, и будущи, да су лагано говорили, нисамь имъ сваку рѣчь чупи могао; емо едно што е важнѣйше искусимъ, да е сирѣчь оный младѣй женско! — Женско? — На мою душу женско, опговори годеничарь, понеже чуо самъ, гди старомъ каже, я самъ се вели бояла, да ме Старый не позна, я самъ се бояла, — ово мора жена быти, помыслимъ у себи. На кое спарацъ: То се ниси могла бояти, гдѣ бы онъ тебе познао, кадъ е ово девета година, отъ кадъ те е у шаковы мужки халина видю. Опетъ она: Я самъ была луда, вели, што му се онда нисамъ явила, но у бесѣди, мал' се нисамъ издала, да самъ женско. О како ми е вели онда жао было, што дѣте мое загрипти нисамъ могла; но хвала Богу, придода, и теби, моя е се воля у томъ испунила. Кадъ самъ ово видила, лагше ми е сада и за оно.

Сопимъ се припаложе, я ихъ оставимъ на миру, некъ се реко изспаваю добро, пакъ кадъ сване, хопъу да ихъ уземъ съ момимъ Господиномъ на Ексаменъ, слушахъ доникле, хопъеду ли ющъ што почети, но оный брадатый дромедаръ заерчи, потомъ заепимъ и самъ. Кадъ се пробудимъ, ал'

ніи нейма, нитѣ самъ я ни моя жена осѣпши могли, кадѣ су изышли. —

Ао штета човече, што имѣ у трагѣ не уидосмо, рекне Старый. — Кадѣ е ово девеша година, опѣ како те видѣо ние хмѣ! — Знамѣ дакле, опоминѣмсе, и сѣтъамсе мало я, тко тѣе быти та персона, каже потомѣ Косми за Константина, кой е преже 8 година сѣ нымѣ изѣ оне Пешпере дшао быо; и одма потомѣ побѣао; да е и а нста персона морала сада овдѣе быти, и како се доказуе, да е жена! мора быти, да е маѣи Светозару! — Но што му драго рекне, я нешѣу о щомѣ главу рабѣяти, да гледимѣ дѣше отправиши, предѣ коимѣ све сбывшесе премолчи.

Любезно мое дѣше, почне му на походу говорити, ты у име Бога полазишь сѣ Космомѣ у градѣ, я самъ за васѣ лѣпо уредѣо, быти тѣе вамѣ добро у свему, како годѣ кодѣ мене, само ово ти напослѣдку препоручемѣ: Храни себе у свакой чести, буди шрудололюбивѣ у науки, буди покоранѣ Косми, твоему брату, а што е найважнѣе *страхѣ* и *любовѣ* кѣ Богу Сыне сладкѣй, свагда да су ти у серацу, свагда у памѣти твоею, работай Богу твоему Сыне! со страхомѣ и радуй-

дуйсе нѣму съ шрепешомѣ, пакѣ тѣшь сре-
шѣанѣ быши, и исполнишьешъ лѣша многа.
Гдѣ те годѣ случайно прилика нанесе злыи
и пагубный примѣрѣ отѣ кога видиши, окре-
ни главу, обрати око швое, да не види, да
те не соблазни, уклони зарано ногу швою,
и благовременно бѣжи отѣ зла, пакѣ тѣшь
сшвориши благо и ощути тѣшь радость
у души швоей. Храни здравіе, наблюдавай
мѣру у елу и пишію, послу и спаваню. —
Ово ти е за садѣ досша речено; я шбу до
мало времена вамѣ дойши.

Светозарѣ се заплаче, цѣлива му руку,
Старый га съ ошеческомѣ милостію пригрли,
и полюби у чело; Богу те препоручемѣ Сыне
мой любезный, шы у име нѣгово идешъ,
мысль тѣе моя свагда на шебе быши, а сер-
це тѣе мое увекѣ радостне о теби гласе
желиши. Полюбисе и съ Космомѣ и ошпу-
сти ихѣ.

Сада за нѣколько дана Любимиру нео-
бычно баше безѣ Светозара и Косме. При
вечери рекне еданпушь своемѣ Воденичару, да
се оправи и сутра рано съ нымѣ куда у
ловѣ изыде. Овыи на шо буде готовѣ, Ста-
рый Господинѣ препоручи Евдоксїи Чедомиля,
изложи младымѣ послове, и узме оружїе, и

рано са старцемъ и однимъ слугомъ изыде. Дивни предѣли у мѣсецу Априллію одмаме ихъ далеко, захтесе спаромъ Господину нѣколько дана у овой невинной забави прове-спи. Случайно дойду къ нѣкоемъ маломъ Острову, кои съ едне стране отъ свега узано море отъ тверде землѣ раздѣляваше, найду ту два рыбака съ чамцемъ, кои ихъ пренесу у овыи; говоретьи, да се они ту често находе, могу ихъ опеть, кадъ годъ хошьеду, напругъ извести. Три дана су по овомъ маломъ, и плодномъ острову ходили; нису се могли довольно нагледаши, какови су ту красни верти, какови Вощьяны, маслине, лимони, померанже, смокве, како е лѣпъ урадьенъ, какови су красни домови и стас.

На пытанье нѣово, кажу имъ ту люди, да е пай Островъ нѣкогъ изъ Фессаліе Губернера. Къ южной страни одажде починю-се высоке горе, на средѣ коихъ знаменитый овыи, и у Поестами чудесный Олимпъ, гдѣ су у нѣко време Мусе обитавалѣ, узвишенъ, изъ далека се видяши могаше. Къ Сѣверо-востоку прошеглосе море, коимъ се чакъ у Аѳонъ отбродити може; на лѣву страну моря простране равнице, накупъене честы селы, и богаты градовы.

За-

Зажелисе старомъ Господину известисе на полѣ; пройшьисе и разгледати ову красну землю. Но текъ што се они низъ едно бердаще къ морю спусте, удари якій дождь: Они похите, да се гдѣ подъ какво древо склоне. Громы ужасно удараху, молнія имъ чисто очи засѣняваху, полешу низъ гору буице, и густы облацы къ земли бяху клонули, красный се день у тавну ночью претвори. Ови се обонца у голу воду учинили. Слуга имъ е быо напредъ опишао, да имъ превозъ, докле се они сидю, найде, на нѣга бяху и заборавили. На сретью ньюву падну имъ у очи на одной шумомъ окруженной поляни, и вкѣи пластови сѣна; и будущи у поляни, никакова древа великогъ не бяше, подъ кое бы побѣгли были; доперчу къ овимъ пластовомъ, и при земли еданъ у одномъ пласту, а другій у другомъ испуавши сѣно, начини себи рупу, и увукесе унутаръ. Богъ да прости, рекне Воденичаръ, овдѣ можемо Господине и пренѣштити. Дождь почне тише падати, и громы престану, но вельсе и ночь починаше.

На едаяпуть чую гласъ, гдѣ нѣко виче. Ово тѣе быти нашъ слуга, рекне воденичаръ. Тко му драго отговори Господинъ,

я одавде сада не излазимъ, и како самъ се лѣплю угрѣло, ни до супра ти изыпи нешью. Воденичаръ се на гласъ опзове, и ето ши имъ слуге, мокаръ задуваоце, за Бога люди гдѣ сте? повыче, обзирутьсе около себе, гдѣ тѣе ихъ ту видити. А кадъ смопри и едногъ и другогъ, гдѣ имъ се само глава изъ пласта помолила, напрегнесе отъ пешка смея. Господине, та што е то отъ Васъ? — Не пытай, што е, рекне овый, но учепркайсе и самъ у еданъ, пакъ тѣути, докле та олуя пройде. Та я самъ нашао овдѣ доле едногъ сшарца, Пустыникъ е, што ли е, Богъ бы га знао, кой насъ прима на пренощіе; но айдете, доклесе нѣс. смеркло, пакъ га нешємо мопыи найни; отъ кадъ Васъ я шражимъ; заболѣ ме вещь глава выкаютыи Васъ: а дождь е ево вещь гошово преспао — Ел' шо далеко? — Нѣе далеко, таки смо шамо.

Извукусе инди ови, и сѣ мракомъ дойдѣу предъ одну пещеру, Добрый е Старацъ запаліо быо цѣпаницу лучи, и метуо прелѣ пещеру свою, да ови виду, гдѣ тѣеду дойти. Кадъ унушаръ, алъ нейма никога, огонь прекрасный разгрѣло пещеру, сѣбану ови онако мокри и шану на себи халине сушити;

мы-

мыслу, да е домашинъ нѣкудѣ мало изышао. Кадѣ ал' у едномѣ углу отворесе мала една враташца, и изыде едно у черны хальница дѣте съ кадилницомѣ у руцы. Добро сте намѣ дошли, учтиво поклонившисе рекне: и Господину, кога у опшѣнны хальна види, приступи кѣ руцы — Богѣ ми те лѣбю сыне, но, камо намѣ домашинъ? — Садѣ тѣе таки дойши, свершуете вечерню, отвѣща отрокѣ.

Сотимѣ узме у кадилницу нѣколко угленовѣ, и поиде опетѣ кѣ онымѣ вратма. А гдѣ е то, упыта Любимирѣ, смѣмо ли и мы тамо? О за што не! отвѣща благообразный отрокѣ, свободно е свакомѣ уйти, гдѣ се Богу служи. То рекши, отвори имѣ врата. Дедѣ ты именаче напредѣ, рекне Господинѣ осмѣваютьсисе, Воденичару: ерѣ самы вели я еднрушь патію у непознаной пещери. Господине я себе не удостоявамѣ предѣ Васѣ! Я тебе сада те чести удостоявамѣ, ербо е швоя глава попча, ако што изѣ помрчине лупи. На то дѣте општерчи чрезѣ оный сводѣ напредѣ, и друга имѣ врата отѣ едне лѣпе капелице отвори. Кадѣ тамо, ал' спарацѣ еданѣ, бѣо као овца клекао предѣ Иконостасомѣ, на кому двѣе воштане свѣще горяху, и молисе Богу, дрѣвна нѣка Икона
Сва-

Святогъ Георгіа бѣше на среду положена, предъ нѣомъ у сребrenomъ маломъ кандилцу маслинъ (зейпинъ) горяше. Мирисъ пріятный цѣлый овый храмъ исполняваше. Гости су тихо приступили, и стали старцу созади, очитаю и сами по одну молитву, пакъ сгледаю храмъ и старца, како се пріятно и усердно Богу моляше. Дѣте кадилницу опешъ изнесе; вратисс и поредъ овогъ старца клеке; и са старцемъ тако прекрасно, као аггелскимъ гласомъ запое, да овыхъ сердца во умиленіе дойду. Онда се нашъ Господинъ опомене, да е сутра Святой в: муч: Георгій.

Старацъ совершивъ молитву, исправисе, спази госпе, и даде имъ знакъ рукою, да цѣливаю Святе образе. Потомъ поздравилхъ и полюбисе съ нѣима.

Добросте ми дошли, любезни мои гости, рекне имъ, радуемсе, што е вамъ случай овый мое обиталище открьо, да васъ примимъ, упокоимъ, и съ чимъ будемъ могао; по должности хрстіанской дочекамъ. Прости намъ ошадъ, рекне Любимиръ, што те овако у невреме бунимо. Мы отъ тебе ништа не захтевамо, кромѣ за преношъити намъ у суву, лѣпо време насъ данасъ измаи, што бы се надати могао овому дожду.

О!

О! ово е благодаць Божія, рекне Спурідонъ,
(пустыникъ) мы смо вєшь дождь жєлили.

Сопимъ увєде ихъ у свой малый на сводъ
опъ камена домъ, стакне огонь болше, и по-
нуди ихъ сѣспи. Я мало пріє кажемъ дѣ-
тєшу, да мєтє дрєва више на огонь, и запали
лучь предъ домомъ, да бы стє видєли дой-
ти, между -шимъ рекнемъ, можємо вечерню
совершити.

Онъ сада заповѣди дѣтєшу, тє донєсє
изъ єднє клєтє лѣпы маслинки, мало и пє-
ченє рыбе, єданъ кондїръ прїятнѣйшегъ вїна,
и два хлѣбчитѣя. Сѣднє и самъ сѣ нѣма,
и вєчєраютьи пыта ихъ, опкуда су, и куда
намѣраваю. Кажу му ови, да су изъ Леонїдє,
и да су само прохладєнїя ради мало изы-
шли. Мыслилисмо, придодє Любимиръ, овдїє
прєйти на другу страну, за провидити и о-
ный предѣлъ, пакъ насъ єтє ухвати дождь.
Оный, кой овдїє нїгда нїє быо, рекнє пусты-
никъ, има заистє штє видити. Ако иматє
волю, и заутра будє намъ лѣпо врємє, мо-
жємо заєдно, и самъ намѣравамъ прєйти.

Богъ да прєспї, опговори Любимиръ, и
тако смо непознани, мопьитѣшь намъ оп-
чє штє показати. Жао ми є, приложї Спа-
рацъ, да тѣу Вамъ моратї у штєу желанїє
оп-

ошрешъи, Васѣ сирѣчь свуда провссти, и нѣ-
 колико дана сѣ Вами пробавити, будущи
 мое е намѣреніе у Аѳонѣ, и заупра рано
 очекуемѣ люде, да ме пренесу, но мопьитѣ-
 сте, ако хопьете, доникле самномѣ пройтъи-
 се. Ови на то соизволу.

И тако заупра шекѣ што Солнце бра-
 нуло бѣше, ето ти имѣ едногѣ момка, айде
 опче, на тебе се вѣшь чека; ораница е ов-
 діе шаки подѣ брегѣмѣ.

Старацѣ се абіе спреми, и дѣше свое
 сѣ овимѣ момкомѣ, кой му слуга бѣше, ту у
 дому остави, и сѣ гостима заедно у разго-
 вору спусписе кѣ мору, и сѣдану у Ладѣи-
 цу. Време ведро, солнце пролѣтне, море у-
 шишано, зелене шуме, кое е сада дождѣ о-
 прао, краемѣ мора, као да су рукомѣ саж-
 дене; благоумилный Зефѣри мирисѣ сѣ пол-
 скихѣ цвѣшовѣ по чистомѣ въздуху вѣю,
 челѣвка крѣпе, бодрѣ шворе, и у чудно нѣ-
 ко расположеніе духѣ му привоуду. Момцы
 здрави и искусѣишій на води, упру весла
 добро, полѣту као на крыли, и по полѣне
 приступе кѣ нѣкомѣ брегу, кой отѣ тверде
 земле, на двіе милѣ измежду воде, у море се
 пружіо. Тусе момцы добро одморс, и сви
 се скупа почасте. Но нашемѣ старомѣ Го-
 спо-

єподину, кой ніє по мору бродити навикао, буде мало зло, и принужденъ буде съ воденичаромъ и съ своимъ слугомъ на суво изыти. Онъ се опроси єбъ честнымъ Старцемъ Спурідономъ, и пойдѹ сувымъ къ нѢкомъ маломъ градѣ, у кои ихъ є овый упутію; и на нѢкогъ свогъ познамогъ у испому мѢспу Архішектона препоручію. Солице вєть къ западу клоняшєсе, и овый угледаю градъ. Старомъ Господину буде бѣльє, и главамѹ се отъ мореплаванія разшрезвени.

Напытаю домъ Архішектона, и са самымъ мракомъ приспѣду. Овый нѢкій особитый Госпололюбивъ мужъ любезнѣйше дочека ихъ, а кааъ разумъ, да су отъ старогъ Спурідона на нѢга упутьєни, іощь радостнїи буде. Хотѹ му, рекне, заисто, кааъ се састанемъ, захвалити, хопя вели, да самъ се на нѢга мало и сердію, гдѣ ми оно нештє да врати, што самъ му толико пущы позаймію. А имате каковъ рачунъ между собомъ, упытна Воденичаръ? Те великій, рекне овый, сила ми є кукавацъ дужанъ, и не знамъ, како штѹ се съ нимъ намирити. Любимиръ мыслєши, да му є што у новцу дужанъ, преправанъ будє за нѢга положити, и рекне му, „ Я имамъ отъ нѢга налогъ, и Вы можєте отъ

опѣ мене прѣимиши, колико е годѣ Вамѣ дужанѣ. Онѣ се на то насмѣе. Нѣе ми вели дужанѣ любезный Господинае у новцу ништа, но толико ме е пути у ономѣ своемѣ пустыническомѣ дому угостию, пакѣ никако не тѣе, као да е се заклео, да ми баремѣ на залогай хлеба и чашу вина еданѣ путь дойде. Но за то ништо, мы тѣемосе поравнаши. Хвала му лѣпо, што ми е шу любовь учинио, те е Васѣ поне послао.

Текѣ се они овако разговараю, и вечера се преправляти почне, ал' ето ти имѣ два юнака; Ели ово домѣ Господина Плакѣде Архитектона? — Есть, отвѣща домашинѣ. Два странна Господина рекну ови, поздравили су Васѣ, да имѣ учините любовь, и прѣимите ихѣ на пренощиѣ. Сѣ драгомѣ душомѣ, отговори овый, макарѣ и двапутѣ два, а јошѣ толико ихѣ было, нека изволу дойти, моя тѣеду се врата добрымѣ людма у полѣ ношѣи отворити, и сераце мое посѣщенію таковыхѣ нигда се не затвора. Ови се поклону и оду. „Ето братѣе моя срепѣе мени, којой се нисамѣ надао, а отѣ юпросѣ ме вели сверби носѣ, пакѣ кажемѣ мојой жени.“ Жено! Я или тѣусе данасѣ опиши, или сѣ кимѣ свадаши, и чупати: Пи! вели ми,
што

што ти драго, само се мани свадбе. Но како тѣу самъ пиши? Вѣно захтева друштво, а ето хвала Богу, исполно ми срещуѣ, Жено, коли и пецы, пакъ се не брини ништа. — Кадъ ал' ето ти имъ на врата два испрацна Господина и едно дѣше; назову добро вече! поздравесе лѣпо и домашинъ се съ нима цѣлуе “Радуемсе Господо моя, да имамъ тѣу честь Васъ у мой домъ прѣимити, хопя да нисамъ имао срегнѣу Васъ прѣжде познавати. Извините любезный Господине, рекне еданъ, ову нашу продерзливостъ, да смо Вамъ као непознати дошли. Тому се я наипаче и радуемъ, опговори Домашинъ, познати су мон свакиѣ пунѣ, а Васъ случай садъ нанео, пакъ Богъ зна кадъ.

Любимиръ ихъ гледи, по одѣлу Сербли, но Гречески изрядно говору.

Еданъ отъ нихъ, кому се вѣтъ: честь творяще, висока спаса человекъ, около своихъ 36 до 37 лѣта, но у лицу совершенѣйша красота, да га живописецъ описати не бы могао. Очи велике и мало граорасте, погледа благородна, но проостра, оберве широкѣ, и беркови чисто цѣрни и велики. Дѣше поредъ нѣга младо, около своихъ 15 лѣта, пуно и лѣпо, овому шако подобно баше, да

ни

ни наименша на нѣговы ружичны образы чер-
пица разнствіе показываше.

Домашинѣ ихъ понуди сѣсти „Ако се
не варамъ, рекне имъ, Вы сте изъ далека?
Доспа изъ далека, отвѣща первый. — Серб-
ли? Прави! — Драго ми е. Но тко е мени
шу любовь показао, те е Васъ на мене упу-
тио? Мы смо потребовали, рекне странный,
честный домъ, гди бы пренотѣли, и тако
насъ люди овамо упуше. — Богъ да прости!
Жено вечеру! —

Стани мало Человѣче! нисмо мы отъ
глади побѣгли, треба найпре пышати, есмо
ли гладни.

На то Любимиръ прихвата рѣчь, мо-
лимъ, есте л' войническогъ чина? На служби
есмо. Изъ кога сте полка? — Изъ Святогъ
Савве. — Тко е Вамъ полковникъ? Садъ е
намъ Богданъ — Любимиръ потъутивъ „Из-
вините мое любопытство, рекне имъ, и мо-
лимъ, гдѣ се сада съ полкомъ находи Г. Вуя-
динъ Стефановичъ? Познаете вы нѣга, у-
пыша странный Господинъ. Чуосамъ за нѣга,
рекне Любимиръ, — Онъ е сада у Босной от-
говори странный. — Владалисе како тай чело-
вѣкъ? Хмъ! ни е ни полакъ за онога, на кога
е мѣсто дошао, человекъ шежакъ, и доспа

вспѣ

вещь и старъ. Покойный нѣкій Соколовичъ (ако сте чули за нѣга) ал' вещь тому нма достна година, младъ е быо, но много е више опъ овогъ важио. — Погинуо е? — Погинуо сирома, О! оно е здравъ дѣчко быо.

Любимиръ слушаютьи ове похвалне за свогъ Сына рѣчи, смутнее духомъ, ударему сузе, но успане и окрене главу мало на спрану, да га не смопре; потомъ изыде и на пролюсе исплаче; олакшавъ сочимъ своему сердцу, вратисе опеть, и застане ихъ, да у другой соби на нѣга съ готовомъ вечеромъ чекаю. Онъ се посади на опредѣено нѣму мѣсто, но вечерати ништа не могаше, само напочи чашу вина и пьютьи поведу о разнымъ вещми разговоръ.

Домашинъ на госте и заборавио, жена му донесе опеть ело на сполъ, Та шны, вели му, Госте и не нудишь? — Я? Боже сохрани! то мой обычай ние. Ело е предъ нима, шко хоще, нека се маша, и колико му сердце иште, некъ еде; и мене нишко не нуди; болеспни се люди нуде; а здравымъ донеси на сполъ, пакъ се не брини. Волимъ нѣ съ виномъ нудити, понеже самомъ ми сладко не нада. Напочивши чашу предъ свакогъ, узме свою. „Да васъ Богъ поживи, любезни мои

го-

госпи! испивъ, Хо! хо! хо! како ми сладко паде. Та Господине (на Любирира) што си се ты смерзао, погледай само на мене, како се сладимъ, пакъ пьешь одма и ты волю добыши.

Военначалникъ: (Любириру) Вы сте Господине нешто невесели? што стесе тако замыслили?

Любом: Не воистинну! мой е, темпераментъ шаковый.

Воен: Узмите кой залогай, да сладье чашу вина попиесте! Любмиръ узме парче печеня.

Любом: Мыслимсе нешто за ову саданю Епоху; силне землѣ тай человекъ освой. —

Воен: Тко, нашъ Царь?

Любом: Вашъ Царь. Я се воистинну нисамъ надао. Господару! ние то шала, за вѣкоцко година шта онъ учини! —

Воен: Съ помощію Божією добро успѣва, онъ е у намѣренію дошь многа учинити.

Любом: Онъ онако младъ Кралемъ посташи, внутренній брань и бунтовнике смирити, Босанскогъ Бана покорити, шоліке силне, землѣ отъ Грека опузети, и себе по вторый крашъ за Царя вѣнчати; отъ Архїєпископа Патріарха поставити, и шта ти я знамъ, — шо е много! —

Воен:

Воен: Доста е заисто учинію,

Любом: Како се народъ съ нимъ хвали?

Воен: Весма добро,

Любом: То ми е драго! Чуемъ, да е дѣте закоме установію, и садъ у миру спокойнспвуе.

Воен: Уредъуе све еднако, но у миру, не вѣруемъ, да шѣ долго спокойнспвоваши. Греке не може да шерпи; говорисе, да шѣ опеть рашъ прошивъ нѣи дитъи.

Любом: Болѣ бы му было, да се ветъ смири, доста му е, на што му више? —

Они овако разговараютьсѣ, домашьинъ задрема, а н дѣте отъ сна клонуло бѣше. Ел' шо Вашъ сынъ упыта Любомиръ? Мой, шо едно више и неймамъ отговори Военачалникъ. Домашьинъ заповѣди, да се дѣте шу намѣспѣи, и самъ да легне, а нѣи оста-ви разговаратисе.

Само едно да нѣе учинію, рекне Любимиръ за Душана.

Воен: Што е отца увредіо? Е молимъ Васъ, Богъ види свачіе дѣло. Онъ е признао и самъ свою погрѣшку, но што бы, бы, онъ се шруди сада ню съ добрыми дѣлы загладити, и загладитъе ю. — Человѣческое е поклизнути, а нѣе у свему ни онъ кривъ. —

И

Лю-

Любом: Я воиспинну нѣга и не обвинюемъ толяко.

Воен: Него — Опца?

Любом: Ни опца. Криви су у шому дво-
рѣни были.

Воен: Имате право, еданъ Ца вь чрезъ
добре свое придворне по найвише великимъ
постаеть, и славнымъ се учини; а збогъ злы и
худодушны препяштвуесе у благородны свои
предпріяшїями, бездѣйствителенъ, слѣдова-
телно остае и безславенъ.

Любом: Но и опѣ Царя много зависи,
какови придворни треба да буду. Нѣгово е
перво за шайне свое Совѣтнике избрати лю-
де мудре, благосмысленне, искренне и побож-
не; люде великодушне и моралне; безпри-
страстне и добродѣтелне, люде праве Філо-
софе, кѣ тому у Политически дѣлы искусне,
пробиране, постояне, и себи и народу вѣрне
и непоколебиме. Кое добродѣтели и самъ
да се шащи приобрѣспи. Помомъ, да у со-
гласїю сѣ таковы устрои добре законе, кои-
ма перво себе, пакъ онда ни да подвергне,
и учини тако, да закони, кои общу волю
свїю у себи содержаваю, дѣйствителну силу
имаю, а не онѣ. Себе да призна нѣма под-
чинѣна, опѣ нѣи ограничена, и поставлена,

да

да нѣову святость храни; да себе помысли вѣрногѣ раба Божія, надѣ многими поставлена, и доброгѣ отца своего народа; о кому шолко миллионовѣ душа зависи, за кошье онѣ отвѣтъ давати.

Восн: Вѣруемѣ любезный Господине! да бы онѣ сѣ таковымѣ люда сретѣанѣ быо, но гдѣ тѣе онѣ такове обрѣсти? У цѣлому може быти народу не бы, се таковыхѣ правда нашли, кой бы све те добродѣтели прищажавали, и кой бы у нѣма постоянни были; и онѣ бы самѣ морао, више нешто отѣ чловѣка быти, да таковымиѣ у внутрѣнность душе нѣове проникнути може, и такове себи избере. Обаче е чловѣкѣ чловѣкѣ, буди онѣ Царь быо, буди шко му драго, Естественнымѣ е текѣ онѣ слабостемѣ подвергнушѣ.

Любел: О любезный мой! не шужимосе само на Естество, и слабость нашу, може чловѣкѣ кадѣ хотѣе, свакій добарѣ быти, ако и не може свакій особите какове, и за высоко званіе способне даре имати. Доволно е у добродѣтели равными быти; а у способностями, какове кой прищажава даре, онаково тѣе и дѣло отѣ себе почети. Добродѣтель е дарѣ душе, а способности и душе и шѣла; отѣ добродѣтели свако дѣло

добрый почешакъ свой узима; а дари су средства, коима оно конецъ свой получава. Мужъ добродѣтеленъ, нека бы и мале даре имао, у соспоянїю е више ползе чловѣчеству причинили; него онай хишрый способный, и у многима стварма искусный и безъ добродѣтели, сердца неваляда, пакостна, злобца, завистлива, їушь что вишше, колико е таковый способни, шoliko може быти са своимъ невалялымъ сердцемъ обществу и ближнимъ своимъ погубелни. А што каже те проца се такова не бы могла найти, — може Господине! о може! но я бы желю свакомъ Владѣтелю поне едногъ соверщеннѣ мужа, и искренна друга имати, кой бы му подпора быо, кой бы га и олѣ наименшегъ поползновенїя хранио; кой му не бы ласкао, но сваку бы му погрѣшку искренно казао.

Воен: О молимъ Васъ, рѣдко се найде, кой бы искренно своему Господину погрѣшку какову усудио се казаши; няпко му се не радъ замѣрити.

Любом: Та што зло и есть, во памстанѣ замѣрити нешье; а правѣ и искренѣ истину му казати за што бы се боло?

Воен: Есть, негде рѣтко каже Душану, да онѣ нейма право, што се опеть на Греке днже? —

Лю-

Любом: Ако има право, не може му се ни казати.

Воен: Нѣму право дае нѣгова гордость.

Любом: Не бы самъ по о нѣму мыслиши могао. Вы сте нѣга мало пріе извинявали.

Воен: Я знамъ у чему, но знамъ у чему се на нѣга и пужити могу, онѣ е человекъ сила неправъ; на заслуге нимало не пази.

Любом: Може быти, да се Вы у тому вараше. И то е едно нещастіе за Владѣтели, што они не могу у пространной своіой держави сва видити, свакога заслугу измѣрити, и пристойно комуждо награжденіе учинити. Обаче я на Васъ гледаюшьи, Вы шаково и не потребуете; ако сте благороданъ, Вы служите за свою, и Фаміліе свое чesть, а не за плату. Вы нисте наемникъ, но Сынъ. Вы не служите нѣму, но своему опечеству, о коему и онѣ самъ данъ и ношъ главу разбѣл.

Воен: Истину говорите, я и не потребуемъ друго награжденіе, но саму одну признашелность, обаче я ю неймамъ.

Любом: Кога сте степенa у званію?

Воен: Я самъ Поглаварь. (Сопникъ, Капетанъ)

Любом: Вышшій, или нижій,

Воен:

Воен: Та шо ми шежо и пада, што самъ
нижій.

Любом: Колико има, како служите?

Воен: Има вещь 10 година. Я кажемъ,
да е онъ у другомъ добаръ, но само што
нѣке погрѣшке има.

Любом: Као человекъ, я сожалемъ, да
се Вы на нѣга тако тужите.

Воен: Не само я, но и многіи се на нѣга
туже.

Любом: Не пріймайте му за зло люди
Божіи! Человекъ се заплео у рагмове, не па-
да му свашто на умъ. Я самъ отъ многихъ
сѣ радостію слушати могао, да нѣга отъ
свега похваляю, а народъ га особито люби.
И да ми опростите, Вы сте первый кодъ
мене, кой се на нѣга тужите.

Воен: Господине! — Есте ли Вы нѣга
кадгодъ видѣли? Изъ Ваши е рѣчи судити, да
сте Вы нѣга кадгодъ и познавали. —

Любом: Доста самъ га пупи, као дѣше
іошь, и на руку мои имао.

Воен: Душана?

Любом: Душана истогъ. Но я се да-
леко сѣ Вама упуцамъ; молимъ при Вами
некъ остане.

Воен:

Воен: (сѣ удивленіемъ гледища га) Господине, Вы се самномъ свободно разговарайте; увѣришесе, да се сѣ онакимъ человѣкомъ разговараше, кой шайну уме храниши. Гдѣ сте се Вы родили?

Любом: Моя шайна, истина, ниподѣ какову крѣпкѣ више паспи не може, но текѣ нисамъ радѣ, да ме свакій зна. Я самъ се родіо у Херцеговини.

Воен: У Херцеговини! — Тако Вы сте Серблинѣ? —

Любом: Како годѣ и Вы.

Воен: Пакѣ шко Васѣ овамо чакѣ дошера?

Любом: Злоба и зависѣть человѣческа.

Воен: Како се Вы зовете?

Любом: Вы сте познавали Младена Соколовича, кога сте мало пріе похваляли, оногѣ младогѣ Подковника, на кога е мѣсто Вуядинѣ Стефановичѣ посшавленѣ?

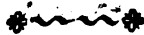
Воен: О како не бы познавао, онѣ е быо мой любезный. Мы смо заедно и воєвали. Господине, а да Вы нисте (внимашелно гледи га)

Любом: Нѣговѣ оцацѣ!

Воен: Вы нѣговѣ оцацѣ? — Вы Соколовичѣ?

Любом: Я испый, ако сте чули за нѣга?

Воен:

Воен: О чуда шпта ми казасте! Како не бы чуо, а гдѣ сада Вы обитавате?

Любом: У прекрасномѣ мѣстѣ, у тихой пустыни, уклонѣнѣ ошѣ свѣшта живимѣ, као у Раю; исподѣ Олимпта горе, близу одногѣ Селца, коесе Леонѣда именуе.

Воен: А Ваше Добро ошузето е, Вамѣ?

Любом: Право мое Добро ошузети ми нису могли; а припяжанѣ моя, коя самѣ за време уживао, на частѣ имѣ. Чиста совѣсть и добра моя дѣла самномѣ су, што я знамѣ и онаѣ, предѣ коимѣ се ништа сакрыпти не може. Ова у власпи моихѣ непрѣпелей нису. Изѣ почешка нѣколико година болѣло ме сердце за моимѣ единцемѣ; но Небо е се на мене смилovalo, и у мѣсто нѣга одногѣ, даруе ми два, као два аггела, кой су ми исполнили праздно у момѣ сердцу сына моего мѣсто, кое я любимѣ, сѣ конма се сада шѣшимѣ. Они су ми дѣло мое увеселенѣ, моя радость и подпора мое старости. Испина, и данѣ данашнѣй шежко ми, кадѣ се опомемѣ, за Сыномѣ буде, но што знамѣ, шѣшимсе со тимѣ, да се овакови примѣри промыслomѣ Божиимѣ сбывати на овомѣ свѣшту мораю.

Воен:

Воен: Господине Сладкій (загерливши га), прїимите цѣлованїе отъ мене, у мѣспо Ваше-га Сына; у мѣспо Вашего единца; а моего искренногѣ друга и брата. Сопимѣ полюби-се съ нимѣ, и Старомѣ се превале двїе су-зе низѣ лице, онѣ мало умолкне, потомѣ „Хвала Богу на свему“ ркне, пїймо овогѣ добротѣ вїнца, пакѣ айдемо спавати.

Воен: А мени се сада текѣ воля кѣ раз-говору отворила.

Любом: Е! я не бранимѣ, можемо їощѣ кою продолжиши.

Воен: Кажите Вы мени Господине! како е отечество съ Вами поступило, тко е было Вашѣ неприятель, и за што Васѣ обвинише? Вы сте были и затворени? —

Любом: Я есамѣ, но за што су ме обви-нили, я самѣ не знамѣ; кадѣ злоба кому на-вѣштуе, и завистѣ проклета зубы зашкрипи, она измысли узрокѣ и найде начинѣ, како тѣе кому досадиши. — Ели Вамѣ откудѣ по-знато было, да самѣ я при блаженнопочивше-му Стефану Краю у особишой милоспи и любви было?

Воен: То самѣ чуо, но шта тѣе далѣ быши?

Лю-

Любом: Я кадъ самъ по сраженію и славной оной съ Болгари при Струни побѣдранѣнъ врагѣсе дома, положимъ оружіе и ошавимъ военну службу, съ намѣреніемъ оставше дне моего живота спокойно провести. Добрый Краль награди ме съ однимъ селомъ; учини ме Боляромъ, и принуди ме преко мое волѣ у число Дворяновъ ступиши. Узме ми и Сына онако млада, іощь у Дворѣ, и постави га у Канцелларію. Онѣ као дѣше у нѣчемъ погрѣши, и замѣресе Николи Бучину, Кралевскому Вісперу, и побѣгне у войну. Я будущи, да самъ у Дворѣ рѣдко опилазію, поздно стварь ову разумевъ. Тежко ми буде, одемъ и дѣло испытамъ. Погрѣшка е мога Сына естественна, мала и прощаема была; но овый злобный человѣкъ толико се прошивъ нѣга ополчи, да му спане смертію угрожавати; и преко другихъ и менн претипи, да тѣе онѣ у двору мою столицу извернути; и име мое изъ Каталога второга реда Совѣтниковъ избрисати. Я на тѣ нѣму поручимъ, да е онѣ малый то учинити; а да бы и учинію, мало бы ми у томъ шкодиши могао. Онѣ спане мене кодъ Краля облагивати, но не пріими му се шарь (фарба): мудрый бо и благодѣшелный Краль ніе чрезъ чуже

чуже очи гледао, нишѣ за нѣгова неправедна на мене доношенія ушеса имао; но найпосле сгнусивсе на нѣгове блевотине, безѣ обиновенія рекне му „Престани, человекѣ ономѣ мужу злобити, цѣло твое отѣ нѣговогѣ вели Сына уврежденіе подобно е одногѣ комарца угрызенію; кое ты самѣ разчешавашѣ, самѣ и своевольно глубоку рану себи правишѣ; не пристои се драгій мой по великимѣ мужемѣ, немой себе за ништо готово безславити, ни ти мене у шо заплетати. Увѣри ты найпре све оне, а има ихѣ заисто много, кои Соколовича старогѣ добро познаю, любе и почитую; да е онѣ непоштенѣ человекѣ, пакѣ тѣу онда и я быти готовѣ, поне нѣга отѣ двора удалици; а да онѣ вели мою доброту на зло употреблява, и да е више, нешто бы пребало, предѣ, а многѣ своимѣ Кралемѣ, као што ты кажешѣ, продерзливѣ, шо не радо отѣ тебе чуемѣ; я самѣ у полной мѣри нѣга искусію, да ми се до данасѣ шай человекѣ нигда безобразно продерзливѣ показао ніе. И шо нѣму као Філософу моралный характерѣ и ироническій нѣговѣ духѣ собомѣ доноси, да се самномѣ свободно и дружескій разговара; соштимѣ га я радіе имамѣ, и више любимѣ. Драгій мой Бучинѣ! наста-

ви

ви Краль, сила пути швое заслуге, твоя кѣ мени благоувѣшлива вѣрность приведе ме на шо, да пожелаимъ она качества, коя Соколовичъ има, у теби видяши. Мени е жао, што ты онога мужа не познаешь. Я самъ желю и стараюсе васъ у тѣснѣйшій союзъ любви привести, пакъ да се онъ отъ тебе у придворны дѣлы поучи, и уобычай, а ты отъ нѣга оный простодушный характеръ, оный свободный духъ, и оно бѣзпристрастно сердце присвоишь. Вѣруй ты мени, Любезный мой Бучинъ! да шье дойти време, те тьешь се ты каяти и стыдиши, што се толико на оноу челоуѣка ополчавашь, — и проча овакова изговори му Хрїсполюбивый оный и благоразумный мужъ, оный добрый оцацъ отечества своего, и дика рода челоуѣческаго, но всеу! “ — Онъ у мѣсто да бы се посрамю, и отъ кривоу о мени мнѣня, кое му не разумъ, но злоба дае, отступю, распалисе гнѣвомъ юощь вещьма. Онъ се, и спина, пришаложи, и припворно предъ Кралемъ смири, но не престане начине испраживаши, како шье мени досадиши.

Извинише драгій Господине ову мою простосердечну съ Вами бесѣду, не мойше помыслиши, да се я што предъ Вамъ хвалимъ.

Боже

Боже сохрани ! Я самъ имаю искреннѣйшегѣ
пріятеля, кой е самъ рѣчи ове Кралеве слу-
шао, и мени пошомъ казао, кою доброту
Краля, и нѣгово не само о мени, и о свако-
му доброму лѣпо миѣне, како паметногѣ
мужа, премолчати нисамъ могао. Мы се ов-
дѣ разговарамо искрено, а сада Богу хвала
неймамъ никакову нужду предъ Вами се прав-
дати. Я ниши више потребуемъ Царскогѣ
ломилванія, ниши у отечество мое возвра-
щенія; дни се вель моего живоша исчисляваю,
и парка што но рѣчь, ножнице све да пре-
сѣче сѣду мою жицу преправне держи. Я не
могу доволно вѣчномъ Промыслу благодари-
ти, што ме е отъ мятежа избавію, што ме
е изъ мреже злоковарныхъ людей извео, у
шихо присшанище, гдѣ а сада щасливо дне
мое проводимъ, довео, и блаженства безъ
сваке смѣсе, горести, мене сподобію; а из-
бѣгнувъ ровъ, кой ми е мой непріатель из-
рыо; мирно Вамъ сада живимъ, мирно тѣу и
конецъ живоша моего, уздамсе, пріимши.

Истина (настави Любомиръ) едно ми
тежко на сердцу остае, што тѣу се сирѣчь
у гробъ спустиши, и невинность мою Душа-
ну освѣдочити не тѣу, но стварь быти не
може, изявленіе бо мое невинности бацые
бы

бы кодъ нѣга у образу могъ непріятели, а што нисамъ радъ.

Воен: Ништа за то, некъ бацы, за што бы учтивость Ваша таковому человѣку опрекла са слезами пожнѣши плодъ беззаконій своихъ? Вы у тимъ ништа погрѣшили не бысте; но іошь помыслите, да бы то за увѣщаніе другимъ беззаконнымъ служити могло.

Любом: Не могу то чинити! мени не допуцаю проче нѣгове добродѣтели. Онъ хотя да е мене увредіо; естъ еданъ у велики дѣлы ошмѣнный мужъ, и га сожалуемъ, да е нѣка особита слабость морала быти, коя е нѣгово у многими стварми добро сердце, оно-лико завладати могла. Онъ е се мало спотакао, кое е могло у магновенію ока быти, могло е пѣтомъ дойти и у раскаяніе, но со-шимъ горе за нѣга. Онъ за мене сада не зна, да бы се самномъ оіесть помиріо, да бы еданъ другомъ опростили, и да бы грызеніе совѣсти, кое нѣга безъ сумнѣ мучи, избѣгао.

Воен: Е мой Господине! кой се совѣсти свое, да га за неважялство какво не мучи, бои, тай и не прѣступа ону, кою му она пошави, границу.

Любом: Обаче нѣгово прѣступленіе нѣсе изъ саме зависти, и изъ онакове злобе роди-
ло,

ло, коя не бы узрокъ свой имала. Само што е узрокъ оный у сравненію погибели, у кою е онъ мене низринути хоще, малый, сѣдователно ниши може быти крайнегѣ осужденія, ниши сасвимъ извиненія.

Воен: О непознаной вещи не знамъ судити.

Любом: Я тѣю ю Вашѣ учинити познанау.

Истый Никола Бучанъ имао е одну дщерь, коя се у двору залюби у мога Сына, и безъ сваке надежде, да шѣе иѣнѣ фодителъ нѣвомѣ бракосочетанію соизволиши, падне у отчаяніе, и иѣкуда съ нимѣ побѣже. Онъ распалѣнъ, као свакиъ добрый оцацъ праведнымѣ гнѣвомѣ, поище дщерь свою и могъ сына, као едногѣ прелстителя невиннога дѣвства. Сынъ мой уплашисе, остави ню у иѣкоемѣ селу при едноиѣ терговцу, како самъ я чути могао, а самъ оде у войну. Терговацъ дознавъ, чѣ е дщи, пошайно ошцу яви, овый пошлѣ люде, те ю ухвате, и мешу подѣ зашворѣ, докле оцацъ дойде.

То мой Сынъ, кога е се као свакогѣ младогѣ, у подобной прилики, мысль непрестанно о нѣой бавила, чуе, похиши нѣшѣомѣ и ню избави, пусти ю, пакъ се опешѣ на свое мѣсто у войну враги; а она иѣкуда побѣже;

не; но по нѣколико дана паки буде ухващѣна, и ошцу опшведена.

Нешю я, рекне Бучинѣ предѣ нѣкима, безѣ опшмащенія Соколовичу бадавцу опросшпши, и срамоту мени учинѣну оставиши, ако бы се я и главе не нанео; испребишю я, прайдодя, нѣговогѣ ошца изѣ числа Силноимениныхѣ, ванѣ ако уиремѣ: Поздравите вы, опшговоримѣ я преко нѣкихѣ, Госпожица Бучина, да се я нѣга нимадо не боимѣ, баше онѣ дщерь свою болѣ чувао; она е тражила моего Сына, а не мой Сынѣ ню, о томѣ су ме многи увѣрили, нехѣ се чува, рекшемѣ, и шернѣ у здраву ногу не забада.

Шта е дакле онѣ о мени, и како е пословао, Богѣ бы га знао. Доста жо, да е данпушь дойду ношюмѣ по мене, и мене опведу у шамницу, жена ми се преже тога на едно полѣ године прѣставила бшла, и за Сына прѣимимѣ на нѣколико дана прѣе, него што шю у шамницу дойши, да е вещь Полковникомѣ постао, кое мене, као свакогѣ ошца ушѣши. Послѣ нѣко време едно вече, насло нимсе у шамницы на прозору, гледимѣ люде, како се по улицама проходавао, и мыслимѣ, докле шю се я овако пашили; за кой ли узрокѣ зашворенѣ морамѣ быши. Ништа ми

ка-

казано ніе кромѣ то, да е заповѣсть отъ двора, да морамъ за нѣко време затворенъ быти, докле се дѣло, кое се на мене потвара, не засвѣдочи. Кадъ ал' ето ми едногъ подъ прозорѣ, непознаногъ пріятеля, съ овымъ рѣчма „Брате Любимире ты си затворенъ, а може быти и не знашь зашто? Тебе е, вели, Бучинъ Вістеръ кодъ Душана облагао, и име твое у Кашалогъ между оне, кои се нѣму прошиве, да онъ за живота отчина на престолъ ступиши не може, записао. И зашто те е самъ Душанъ, као одногъ, коиму грану на путь метъещъ, затворити дао. Но гледай, пиши му и моли га, ускори, докле горе ніе было, понеше чудни вѣспрови отъ двора дышу, и чудне гласове изъ Неродимле пріимамо! — У Краля се не уздай! Сынъ хоще да обвлада! Сопимъ пружи ми едно писмо и оде! Тко е быо, не знамъ. Отворимъ писмо, на прозору силомъ отъ мрака грабетни, докле нѣколико рѣчи прочитамъ, громъ ме удари, охладни ми кровь у мени, и сердце ми се жалостію исполни, кадъ разумемъ, да ми е сынъ умрео. — Сладко дѣше мое, послѣдняя ушѣха моя, и она ме остави! Ушерну ми сва чувства у мени, черне мысли обперете ми печалну мою главу, савъ пренемогнемъ и

бесиленъ клонемъ, подкраде ме мало санъ, но текъ што шрепавице сведемъ, абіе паки презнемъ, и радъ бея вѣровати, да ми се она жалость, коя ми сву ушробу мою раздраше, и сердце мое немилосливо грызаше, у сну токмо представила бѣше. Гледимъ мѣсецъ сквозъ прозоръ, до полъ тамнице освѣтлѣю ми, извадимъ дакле писмо, приступимъ къ прозору, радъ бы опеть чипати, но не могахъ. На шо двери се на тамницы отворе, и мой нѣкій прѣшель съ лучемъ у руцѣ укажемисе. Слѣдуй за мною, повыче ми, иначе си пропао! Я се едва разрѣшимъ съ нимъ изыши. Потомъ къ моѣй шуги, приложи ми се нова, коя ми крайню мѣру опчаянїя дополни! — Краль ухващенъ и у тамницу отъ Сына спавленъ! — О ты немилослива судьбо моя! у горести рекнемъ, хопьешь ли се еданпушь ветъ уморити мене бѣдна гонетьи?

Но добрый мой прѣшель доведе ме у овый красный предѣлъ, позна ме съ однимъ честнымъ Богъ да ми га прости, — умрео е. — мужемъ, изъ Ларіссе града, кой ми потомъ своя полска добра прода, на коимъ самъ я наумію и животъ мой окончати.

То су моя сва приключенїя, коя до днась я никому шако, као Вамъ Господине
сада,

сада, открьо нисамъ. Време е, да спавамо, а сутра ако имате волю, можемо и другу матерію у разговоръ узети.

Старый человекъ спокойна духа, и навлаженъ малко, како легне заспи, а спранному найду нѣке неспокойне мысли, предъ саму зору едва му дозволе очи свести. Кадъ се пробуди, рекне старомъ, „Господине Вы мени нестьете любовь ошрешъи у разговору самномъ хиляду двѣе коракѡвъ учинити, понеже я отходити морамъ. Изъ драге волѣ, отвѣща, по е мой и обычай свако ютро кудъ годъ се мало пройти. На по, епо имъ и домашьина, разбарусіосе, поднадуле му очи отъ спаваня. И я самъ человекъ вели, — здраво самъ поранію! Срепъни се вешъ досадъ и опили, а я садъ успаемъ: но жена е крива, нисамъ я. Та што е шо Господо моя, кудъ се вы спремае; да шта бы си шы хопео, рекне воденичаръ, кой изъ друге собе набури главу, да и данась кодъ шебе оста немо? — да како, и сутра іощъ, прави госпи пры дана остаю. Жено ускори съ ручкомъ; побѣгоше госпи! — Драгій мой, мы морамо отходити, рекне Военачалникъ. За што любезни мой госпи, валь да вамъ ніс добро кодъ мене, ше ме тако скоро оставля-

те, ша я самъ мыслю, пекъ да се мы данасъ частимо; первый данъ се ни у што не брои; онъ е само служю, да се познамо, а отъ садъ да се гостимо.

Любом: (насмеявшисе) Вы сте нѣкѣй особитый человѣкъ! Вамъ е госполоубіе природно, као да сте между Серблемъ воспитани.

Домашинъ. Изъ собствение корысти Господине я радо госте дочекуемъ, понеже наравъ шакову имамъ, да самъ ни у Раю задоволянъ не бы могао быти, а съ гостима сладье едемъ, сладье пьемъ, слѣдовашелно сладье и спавамъ. Само одну погрѣшку имамъ, кою нисамъ радъ поправиши: Како се добро наввасимъ, госте оставимъ, пакъ пражимъ крешетъ. Као и синошь, простите ми, што самъ васъ одма оставю, и самъ сада жалимъ, што нисамъ могао време съ вами провести; но како тѣу, кадъ ми се одма очи крписти почну. Жено! дай што имашь де! — Епо ти имъ домашнице съ лѣпомъ палномъ, хладнымъ печенѣмъ, и однимъ великимъ колачемъ; а служавка за нѣомъ носи кафу, кою предъ госте мете. Право Жено! ты знашь, што е за мене, рекне домашинъ, пакъ се наклопи на леченье, на часть Вамъ на церна поливка, за којомъ се ни чаша вина

по-

попити не може; я нѣу се мучити сѣ овимѣ, но скоро бокалѣ! — Ако кой изволи и мой другѣ быти, прѣими нѣу за особити милоснѣ. — На частѣ ни сѣ белымѣ лукомѣ, рекне Любомирѣ. — А! Богѣ да проснѣ! опговори домашнинѣ. Жено! бела лука скоро, я се не бы вѣра и Богѣ ни сѣпнѣ, да она паснѣ вѣра много хладномѣ печеню поможе. Хо! хо! хо!

На то Воденичарѣ, попнѣо кафу, пакѣ изгледа, хотѣелисе што друго донети, а кадѣ види, да не има ништа, само едно спакло са шливицомѣ, нѣволико чаша, и еданѣ великнѣ Колачѣ на сполу: но ниписе нѣБговѣ Господинѣ, ни ни они спранни машаю; пришлюнисе кѣ домашнину, опсѣче кришку хлѣба, пакѣ се наклопи на печенѣ. А! а! ево мени правогѣ друга! рекне домашнинѣ. — А Бога ти, шта е оно, што мы серкасмо? лагано пита Воденичарѣ, домашнинѣ се насмее „Тѣуши, велимѣ, пакѣ еднѣ што печенѣ, оно е само господска понуда. Нигда опговори овнѣ у моемѣ животу нисамѣ онакво пицѣе пнѣо. Та я видимѣ, да ты неймашѣ волю оно пити, рекне домашнинѣ, поклемѣ се ты нешто затежешѣ; и хощесамѣ те одма звати, но нисамѣ могао дружеству ни волю кварити. Та я мыслимѣ, да е оно некаква поливка, пакѣ чекамѣ

камъ кашиву: попомъ кадъ види, да они серчу, посерчемъ и я, но не знамъ шта е оно! нит' е слано, ни папрено! моя жена много лѣпше направити зна, она лѣпо посоли, о-папри, како што прѣба, а оно нитъ е слано ни папрено, Богъ бы га знао, шта е! — Нитъ шта Брате! и я нигда за оно не маримъ, рѣкне домашьинъ, а Господа оно отъ свега радо имаю. Но! садъ видимъ да Господа не знаду, што валя! — та зла имъ сретъа, за онимъ се ни чаша вина попити не може! Домашьинъ се напрегне смеяти. Та што се смеешь, као будала, не кажемъ ли ты истину? Байме отца (крестетьисе) — но! иматьу шта жени казати.

При томъ Военачалникъ устане, извади кесу, домашьине! (пруживши му шаку дуката) мы Вамъ благодаримо на дочеканю! — Боже сохрани, да я отъ васъ што прѣимимъ, рѣкне домашьинъ. — И Любомиръ вадетьи новце „вѣра Божія, валя да прѣимите“ — немойте ме, я Васъ молимъ, сощымъ вредити. — Не! не! — то мора быти! Мы туне ништа не захпевамо! — Мора быти? — простите ми Господо моя, по закону естественномъ мени нитко границу у тому полижити не може; отъ могосамъ Добра я Господаръ, и власть
имамъ

имамъ оное по желанію мога сердца распола-
 гаши! — Обаче ниси ты насъ дужанъ туне
 частипи! Алъ кадъ я шако хощу, и мое
 сердце у помъ нѣко удоволствіе находи? —
 Хмъ! я Цару царево, и Богу Божіе дамъ; а
 проче е мое, могу, съ кимъ я хощу, дѣлши.
 — Алъ мы нисмо на то спали! — Боже са-
 чувай, да я то мыслимъ! Не! не! прїимите
 Вы, што се Вамъ съ благодарностію дае, пакъ
 тѣшпите! Я да прїимимъ? — не бы ша! —
 Е добро! рекне Воєначалникъ, нашъ Госпо-
 даръ домашинъ има право, да е свакій чело-
 вѣкъ отъ свогъ Добра Господаръ, то е испи-
 на, и да онъ има власть са своимъ Добромъ
 располагати, тко може тому противослови-
 ти? — Нитко Господине! отговори дома-
 тинъ, нитко ту власть не има! — Имаше
 право, рекне Воєначалникъ, почи дакле ту
 Шлиовицу, да піемо, пакъ да идемо; Изъ драге
 воље, — рекне домашица, и спане шлиови-
 цу почипи, — Вы не можете, вели, себи пред-
 ставипи, съ каковомъ радостіомъ мой мужъ
 васъ прїима. Мы у маломъ овомъ мѣсту
 рѣко ту сретъу имамо, да насъ шако оп-
 мѣни люди посѣте. Мы ваше посѣщеніе за
 велику честь прїимамо.

Вое-

Военначалникъ. Домашьине! —

Домашьинъ. Некъ заповѣдаю! —

Воена: Вы кажете, да свакій человѣкъ има власть са своимъ Добромъ, како хоще, полагаши, и я признаемъ, да вы имате право! —

Домаш: О Господине! а тко бы се о правди законовъ естественныхъ и сумняо? —

Воена: Дакле мы Вамъ усердно благодаримо на Вашей любви, на части и на свему. А вы домашьице (пруживши шаку дуката) прѣимите изъ руке мое оно, што я Вамъ драгостью покланямъ! —

Домашьинъ и Домашьица. Сладкій Господине! не мойте намъ то чинити! еда ли сте са свимъ наумили оно, што е нашемъ сердцу мило, опузети?

Воена: Я Васъ молимъ, не мойте ни Вы моей воли предѣлъ полагаши: по закону бо естественномъ власть имамъ другомъ све, што имамъ, ако хощу, поклонити. А кадъ бы-сте знали, съ каковомъ радостіомъ я Вамъ подаемъ, не бысте рѣчи рекли, и шко Вамъ дае, имали бысте право више захтевати, но быти шье време! — И съ Богомъ любезни мои!

Домашьинъ на Воденичара съ великимъ Бокаломъ „попегни кукавче! ево Господа иду. Ей! шужанъ! шы бы было за мене. Я ти бра-

те

те велику Господу милуемъ, любимъ, и почитуемъ; а особито Сербле, но не могу'у свачему да се съ нима сложимъ. Вѣруемъ! рекне Воденичаръ, ты бы радъ овакога имати, кои чаше суши као я. На то Домашинъ — Псѣ! — Господа иду! — Жено! Феньеръ, да виду Господа ситысе. Насмејусе ови и захвалему на свему, и полюбесе съ нимъ: онъ ній любезно испрати, но Воденичара едва оппусти.

Военачалникъ замоли онога Господина, кои е съ нимъ у вечеръ јоштъ дошао быо, и о кому ни при вечери, ни опъ юпросъ никакова рѣчь нѣ была; дасе удали мало съ дѣшетомъ, — иѣговимъ Сыномъ — и Воденичаромъ напредъ, и дага чека на опредѣленомъ мѣсту у пушту, кои преко едне велике планине пресѣцаше, и онъ съ Господиномъ Любомиромъ заоставшиъ поведе слѣдующій разговоръ“

Воен: Ваша синошь Господине! бесѣда у чудне мысли мене бацы, я нисамъ до зоре заспаши могао.

Любом: Сожалуемъ! А ясамъ заиспа прекрасно спавао, и сошимъ сладье што смо ношь прекратили. Сожалуемъ, да самъ Вамъ я

у

у тому узрокъ быо, и опростите ми; при чаши вина рекнесе и гдѣ коя више.

Воен: Ясамъ самъ себи дѣйствительный узрокъ могъ неспокойствія, а не Вы! Я Вамъ благодаримъ, што га ми е синошь содержаніе бесѣде Ваше открито: Вы да сте ми Опацъ родьеный, я не бы вѣшь о Вами сожалѣніе могао имати, што су съ Вами тако поступили, ни ти бы се могао вѣшьма люпити, да е мени самомъ ша неправда учинена.

Любом: Человѣкъ благае душе и може сожалѣвати, и то не мене, но ній за нїове худодушне поступке; обаче люпитисе неймате право; и какъый е узрокъ Вашегъ, што кажете, неспокойствія?

Воен: Неймамъ право, велите, люпитисе? на такову неправду не люпитисе! не само да се люпимъ, но ненавидамъ и опечество и оногъ, кога служимъ! Онъ е Душманъ а не Душанъ, зашто се дае очародѣствовати! —

Любом: О! о! о! (ухватившига кропко за руку) много сте рекли драгій мой: „ненавидимъ опечество; ненавидамъ кога служимъ! Онъ е душманъ! какове су то рѣчи, Вы морате жестокосердный человѣкъ быти! — Та я не бы опечество мое ненавидио, ни любовь мой

момъ Владѣтелю опрeкао, да бы ми се ющѣ онолико зла причинило.

Воен: Хмъ! Я се морамъ чудити! благо Вамъ Філософи, кадѣ толико себе умѣрити можеше. Та нѣ ли хошео Вамъ животѣ узети, какво може нди вѣще зло быти? Нѣ ли Вамъ Ваше *Добро* узео, и Васѣ у чуже царство отправио.

Любом: Да ми е хошео животѣ узети, о шомъ ющѣ сумнямъ! — А што ми е Добро опозето, оно ми е отъ Цара и дано было.

Воен: Сумняте? Но я знамъ, да е тако хотѣло быти. Мыслише, да е едногѣ лишіо живота? Захвалише само Вашимъ Пріятельмъ; а *Добро* Вы сте кровію заслужили были, да се Вамъ даде.

Любом: Што е име Ваше?

Воен: Ненадъ! —

Любом: Ненаде брате! да се разговарамо искрено и као паметни люди съ разсужденіемъ. У чему се Вы увреждени находите, кадѣ се Вы тако на Душана сердите? — Што ли е Вамъ опечество криво, дага ненавидите? Хотя да я и не вѣруемъ, да сте Вы то у спрогомѣ смыслу казали.

Воен: Чудно воистинну Ваше пытанье видим се. Уврежденъ самъ у шому, што ми се
не

не да оно, што самъ заслужю, а сердимсе на то, што су Вамъ отузели подъ старость Вашу оно, што сте као младъ съ трудомъ спекли были. Словомъ сердимсе на неправду.

Любом: Е мой брате! Дайте Вы мени такову землю, у коей се никакова неправда не швори! Покажите ми шакове люде, гдѣ бы сви праведни, сви добри, безъ неправедныхъ и безъ злыхъ были! нейма тога подъ солнечнымъ свѣтомъ. А кадъ е тако, пристои- лисе цѣло едно общество, у кому се толи- ко честныхъ, толико добродѣтельныхъ людѣй находи, презрѣти нѣколико ради невалялыхъ? — Зло е на овомъ свѣту съ добрымъ смѣ- шано. За нѣколико зерна куколи и непошреб- не шраве не треба, да презремо сву пшени- цу, не треба, да оставимо цѣлу ниву.

Воен: Но треба куколь истребити, не- треба непошребну шраву почупаши.

Любом: Добро говорите. Но кадъ е зло съ добрымъ скопчано, можемо ли мы оно зло безъ нарушенія добра истребити. Кадъ еданъ человекъ н. п. многе добродѣтели има, и по- лезне за общество даре припяжава, пакъ най- дусе у таковому и нѣки пороцы, кои много маньй обществу вредъ чине, него што они

да-

дари Добро проузрокую, е ли совѣшно шаковаго изъ общества испребиши?

Воен: Отъ доброгъ инди Владѣтеля сви завису.

Любом: Благодареніе буди Небу, Вы шаковаго сада имате! —

Воен: Ималисмо! —

Любом: И имате! — О! бодру главу имате, великій духъ съ вами управя, само акого будете умѣли почитовати, акого будете хопѣли любити и слушати. Што се годъ отъ одногъ Владѣтеля изискивати може, светьете у нѣму, ако будете умѣли, найти. Има скоро вешъ 15 година, отъ акогога я видіо нисамъ, но позываютьсе на нѣгове, кое самъ іошпѣ у младости искусіо добродѣтели, и слушаютьси, какосе за нимъ говори, а найвише разсуждаютьси дѣла нѣгова, могу ретьи, да у многима не само опца, но и самога дѣду, славногъ оногъ Милушина, кои е 47 скоро година скѣптрѣ держао, превосходи и надвышусе.

Воен: Господине! кога я чуемъ, да нѣга шако хвали?

Любом: Онога, любезный мой, кои истину говори.

Воен:

Воен: Вы неймате право! —

Любом: О чему нимало не сумнимъ, мо-
рамъ право имаши.

Воен: Но молимъ Васъ, кое су то до-
бродѣтели, коимъ Вы нѣговиу као са свѣзда-
ма украшавате главу, каковилису тѣи дари,
сѣ конми онѣ и предке свое надвышуе.

Любом: Правда, Любовь къ челоѣчеству,
трудолюбіе, и лоспоянство; овосу у нѣму
врожденне, ясамъ ихъ у нѣговомъ дѣшинству
искусіо и познао; за овима *Бодросшь* духа,
Мудросшь, *Побожность*, и *Милосердіе*. Ове е
отѣ доброгъ свогъ Родителя приобрѣо.

Воен: Дакле е право имао, што е и Васъ
затворити дао? — и милостивъ е быо, што
е Вамъ Ваше *Добро* опузео?

Любом: Онѣ е право имао. Онѣ ніе са-
мо мене, но како самъ попомѣ разумѣо, и
друге многе затворити дао, докле ніе свое
намѣреніе получіо, а попомѣ е све пустіо,
и вратио имѣ Добра ніова; онѣ е пражіо и
мене, обаче я се нисамъ хотѣо вратити: за-
любіосамъсе у тихій мой животѣ, а особито
уби ме жалость за Сыномѣ, изгубимѣ сву волю.

Воен: Даклемѣ спе му се и Вы истина
пропивили, да онѣ за опчина живота круну
пріими?

Лю-

Любом: Не я! воистинну не! у шому е онѢ преваренѢ, но я нѢму не замѢравамѢ, могао е лагко преваренѢ быти. БучинѢ е человекѢ краснорѢчивѢ, а имао е кѢ шому и друга способна средства нѢга оволшебствовати; нѢма е обонцы познашо, колико е мене покойный Краль любю, а особито што самѢ и самѢ отѢ мене Душану мыслиши дао, да я опчину спрану держимѢ: будущъи нѢколико самѢ му крашѢ у очи казао, да се смири, и не вреди доброгѢ Отца, кой бы му и тако безѢ сваке распріе драговолю уступію, обаче народѢ га отѢ свега радо има, не може му волю да поквари. ЯсамѢ скланяю и едну и другу спрану, да се помире, и изѢ между себе лѢпымѢ начиномѢ поравнаю: но всеу! молюсамѢ найпосле и мѢнистре, ишаосамѢ отѢ едного до другого, да дозволи отцу, некѢ исполни у шому Сыну волю; да е сынѢ еданѢ изрядный и благонадежный Юноша, да шѢмо у нѢму све оно найти, што мыслимо у Отцу изгубити, а изгубили небы, онѢ бы опетѢ као благопослушливѢ СынѢ више отѢ ошчины уста зависію, и опчинымѢ се аукторитетомѢ водію, обаче они као вещи отѢ мене гласу моему послушанія нису могли дати: но едни увѢщавали отца, да не да за сво-

га

та живоша скупшрѣ нипошто, да е то непристойно и срамотно за нѣга; а другѣи напрошивѣ ободравали Сына „Ишти, и не оставляй, кадѣ си дѣло почео; шерзай, иначе можешь быши по смерти нѣговой исключенѣ, и као еданѣ славолюбѣемѣ ослѣпленѣ, коисе прошивѣ опца диже, опѣ свѣю презрѣнѣ, наипаче опѣ оныхѣ, кои се сада опца придерживаю, и опѣ коихѣ шаково дѣло найвише зависи. И тако ено до шпа дѣло доведоше. За то велимѣ ниши толико Опца, ни Сына кривити могу, но дворане. Найпосле кадѣ сынѣ себи путь кѣ ерону продре, поишшусе сви они, кои су сѣ опчине стране были. Господинѣ Вістерѣ, кои е увѣкѣ о тому наспоявао, да се мени освѣшти, запише име мое сѣ прочими, и найде на то лажливу свѣдочбу, те пи мене у шамницу! Шпа бы далье самномѣ слѣдовало, не знамѣ: прѣштели мене избеаве, и я овамо побѣгнемѣ. Сада разсудише, у чему е мени Душанѣ кривѣ, зашто ли бы се могао я на нѣга сердити? —

Воен: Просшите ми, што пѣу Вамѣ рѣшѣи! ако Вы о нѣму шако искренно и постојанно мыслише, и шако великодушно онолику себи обиду учинѣну сноситѣ, као што говорите, Высте еданѣ особитый человекѣ.

Лю.

Любом: Драгій мой! и сонимъ ништа особито не показуемъ, што право судимъ, и Богъ некъ ми неумишный судія буде, ако иначе мыслимъ, него што говоримъ. Я се не сердимъ на моего неприятеля, человекъ се мало уврежденъ нашао, а холерическій оный у нѣму шемпераментъ доведета на то, да преиде мало границу, но што му знамъ, Богъ милосливый, кои е мене опетъ утѣшио, нека му опрости; и што не само сада кажемъ, но колико се годъ пуши ономемъ, како я сада славно живимъ, и колико годъ на мою дѣвчицу поглядимъ, то исто Богу рекнемъ.

Воен: Благо Вамъ съ Вашимъ сердцемъ! —

Любом: Е! мой Господине, не приписуйте ову мою крепость само моему сердцу, но благости Божіей, коя ме е помиловала, те не шернимъ сада никакову пятюгу; а да е то, не знамъ како бы могао о моемъ неприятелю мыслиши; у шѣсни бо обстоятелствени измѣнисе у человеку и наравь, ожесточимусе сердце, пакъ мора сиромана на онога шужити, кой га е нещасна учинио, но овако благодаримъ Богу, и пращамъ по тысящу кратъ моему неприятелю. И сожалюемъ, да е онако опѣ Сина мога уврежденъ.

К

Воен:

Воен: Коликосте време подѣ оружіемъ служили?

Любом: Двадесетъ и двѣ године! —

Воен: Когасте достоинства?

Любом: Бысамъ 7 года Полковникъ.

Воен: Що Вамъ е оцацъ былъ?

Любом: Войникъ и онъ, подѣ Милушиномъ юштѣ постао е Тысящникомъ, и солнимъ е и умрео.

Воен: Какъ заштосте оставили военну службу, кадѣ сте шако лѣпо поступили были.

Любом: Достанемъ ране и оставимъ; инсамъ ни было у шомъ намѣренію, да мой мечъ о стѣни заердѣ, но Крадь ме салепи, да дойдемъ у дворъ, и шако заостанемъ, о колкосамъ се я пошомъ и каю!

Воен: На Васъ гледающы Вы быште и овы Ваши година войническу службу ошправляти могли.

Любом: Шта! Я бы самъ радъ видипи младипша, кои бы ю шако ошправляо као я! — Ясамъ се сада у красномъ ономъ предѣлу чцшо подмладію.

Воен: Заштосе дакле не, вращите у Опечество?

Любом: Нигда више! Я мое опечество любимъ, и свакому дцстпѣ желимъ; я мога Цара

Царя почишемъ, и за нѣга се Богу молимъ; обаче безъ какове силе врагѣосе не бы; мени е добро, а и опечество наше милостивому Небу хвала, како и сами знате, нигда болъ спояло нѣе. Само некъ Промыслъ вѣчный поживи Душана, светъе добро быти.

Воен: Но не бы као Отацъ! — не! —

Любом: Немойте по решьи. Отацъ како и сви знамо, быо е добаръ, но овый е у многи стварйй юшпъ больи.

Воен: Были быште Вы предъ нымъ тако смѣли решьи.

Любом: Бы воиспинну, зашто не бы? —

Воен: Но кадъ бы онъ чуо за Васъ, и молю бы Васъ, да се врашите; были быште по учинили.

Любом: Мени по не бы мило было, и я бы се тежко опъ пихогъ моегъ живопа на по разрѣшили могао: обаче любовь моя къ нѣму, и высокопочишанѣ као моему Цару опрешьи не бы могло, а бы са свакомъ моѣмъ подданическомъ покорностіомъ на захдсванье нѣгово охопнѣйше и оружје овако сѣдъ припасао.

Воен: Покорность, као своему Цару; но! — обаче любовь, хмъ! — не знамъ какову быште му праву имаши могли. Права се любовь

радъа изъ признательности каковаго благодаренія, а Вы сте отъ нѣга юшѣ увреждени.

Любом: Боже сохрани! я се ни наименше отъ нѣга уврежденъ не признаемъ; а кудапше ми вѣща признательность отъ оне любви, кою онъ дѣломъ своемъ роду показуе, и кон се онолико за опечесство шруди.

Воен: Тко зна! —

Любом: Дѣла брата нѣгова сама показую. Та онъ е учиню за ови ю. 15. година више, него ли нѣгови предцы отъ сто година.

Воен: Кадъ бы онъ чуо те Ваше похвалне за нимъ рѣчи, пале быму на сердце као благій мелемъ, ублажиле бы оное и много за нѣка у раскаянню ушѣшило.

Любом: Чуе онъ отъ дворяновъ, и ушеса дьдудуму съ похвалами затупити; има шамо, кон му лѣпше около ушеса шрубити умеду. Само бы я желю съ нимъ поне еданъ часъ пробесѣдяти, и мое му сверху нѣкихъ вещей разсужденіе дружески сообщити, кое заиста бы му къ предосторожностн у повседневномъ съ нима обращенню служити могло.

Воен: Вы бы сте то желали?

Любом: Я бы желю. Не зато, што бы я нѣга особито чимъ научю; има онъ науке доволно, има онъ разумъ прекрасанъ; но само
што

што е, колико самъ га я предъ тимъ познавао, искренна сердца и милостивъ, а нужно му е, да е нѣкій пущъ мало припворанъ и спрогъ; разумомъ да се води, а не благими сердца своего чувствами.

Воен: Искренна сердца, и милостиву быти, ово су добродѣтели Господине! особите, и у маломъ чловѣку похвалне, а кольми у Царю, на каковъ бы инди вредъ оне нѣму быши могле?

Любом: О молимъ Васъ на великій! Каковы при нѣму ласкашеля има! Каковы лукавы людій, отъ коихъ онъ треба сердце да огради, и ушеса отъ ласкашелна ихъ гласа да зашвори. Камо шо щастіе за нѣга, да му іощь кою годину Архіепіскопъ Даніло поживе, оно е быо Божій чловѣкъ, онъ га е истина у многима и наспавіо.

Воен: Господине! (ухвативъ га за руку) Вы мене съ Вашомъ бесѣдомъ сасвимъ у друго расположеніе метусте! са свимъ моя внутреня чувства измѣнисте, и сва моя ружна предпріятія унищожисте! Ясамъ синошь другій быо а садъ самъ другій. Я кадъ самъ синошь отъ Васъ разумѣо, какосте пострадали, самъ будущи незадоволенъ у моему званію, помислимъ, да пѣу у Вами поне нѣко моей
шуги

шуги участіе найти, и моему тежкому сердцу сошимъ, штошьусе Вамъ, кои подобно неправду терпите, изядати, мало олакшати: обаче Вы сасвимъ друголячіе мыслите; Вами Вашъ філософіческій духъ велику ко ушѣшенію отраду дае, и видимъ, да Вы у свему почтено мыслите, и право разсуждавате; но їоуць никако ми изъ главе избити не можете, да я сѣ покойнимъ сердцемъ гледимъ горе отъ мене у вешьой кодъ Цара и двора чеспи, него шпосамъ я. Кадъ бысте Вы знали мое заслуге, и заслуге моего Отца, Вы бы сте ми сами за право дали. Ясамъ вешь наумію быо моемъ отечеству службу опрешьи, и управъ овако подъ оружіемъ у странну кудъ Имперію иши, гаѣ, бы любовь и вѣрность мою подданническу завѣщаю, пакъ буди бы и прошивъ моего отечества было, не бы крови пощадію. Быосамъ у надежди и Васѣ на то склонити; и Вамъ искренно исповѣдамъ, но садъ видимъ, да нейма отъ моего Плана ништа; видимъ, да остаете при своей добродѣтели непоколебимый.

Любом: О любезный мой! Немойте починаи! опступите отъ такове худе мысли! Отечество свое оставити! — Ние по Вашей благородной души свойспвенно. Вы быете

сте сошмѣ увредили совѣсть свою; дали бы сте нешто неощѣнимо, кое у души и совѣсти Вашей признаете, внутреннѣ сирѣчь оно благо добродѣтели — и славу Вашу, коя Вамѣ у свакомѣ помыслу сердце веселѣемѣ исполнява, за еданѣ токмо вѣшьи шпѣль? — Вы кажете, да се само зато сердите, штосе Вамѣ оно не дае, коесте Вы заслужили, а я имѣ драговолю прашамѣ, што су ми отузели не само оно, што су ми за мое заслуге дали, но што ми е и отѣ мой Родителя остало было; и не само прашамѣ, но кадѣ бы нужда изискивала, до послѣдне каплѣ крови я бы моему опечеству и садѣ послужио.

Воен: Малосе кои найде, кои шако мысли.

Любом: О! довольно ихѣ има, кои право мыслу; природный разумѣ нашѣ ссобомѣ доноси овако мыслиши: но мало ихѣ е, кой око твору, што му здравый разумѣ шворити налаже.

Воен: Строго Господине, отѣ свега Вы захшевате! — Вы бы сте хотѣли, да чловѣкѣ шoliko разумомѣ своимѣ овлада внѣшня чувствва, да онѣ постоянно добродѣтеленѣ буде, ни наименше не взираютьи на корысть какову; — кое быши не може — свакий има право плодѣ своихѣ прудовѣ желити, и безѣ

ОВО-

овога губи волю прудитисе. Простый земледѣлецъ запо се у жаркому лѣту труди, землю воздѣлава, да у Есень плодѣ сбере; ученикѣ у млады свои лѣпти запо о науки прилѣжава, да снискавѣ себе мудрость, у старость лагкше живити може. Херой, войникѣ сѣ обнаженнымѣ мечемѣ лепи у косѣ неприятелю, да славу себе обрѣше и: п: д: свакій се позыва на нѣку корысть свою, кояга напредованю побуждава и бодри.

Любом: Вообщѣ люде судѣтѣи тако быва. Обаче вѣруйтѣ Вы мѣни, да е едно токмо снисканіе корысти слабо средство ко исполненію должностей своихѣ, ако челобѣкъ внутреннимѣ нѣкимѣ душе свое побужденіемѣ укреплѣнѣ нѣе. Ако онѣ изѣ собственне свое воле то не твори. Мы имамо врожденно у нами чувство морално, и мы валя дасе по овимѣ владамо. Свакій треба, да позна себе, позна даре свое; позна должности онога званія, у коемусе кой находи; пакѣ да опредѣли себе правила нѣка, по коима онѣ постоянно и точно свою должность да исполнява; а при свему тому границу, кою му разумѣ полаже, да не прѣлази, штогодѣ твори некѣ се на добродѣтель позыва, пакѣ онда ако му противный случай каково изятіе учини, и лишн-

га

га у нѣгови добры дѣли желанія, не получи сирѣчь свое намѣреніе, онѣ се пѣвшии може сопимѣ, што признае, да е должность по всевозможнымѣ своимѣ силамѣ исполнію; должность правога челоуѣка, коя есе отѣ нѣга изискивати могла, учинію, а што мусе отѣ другихѣ шо не признае, зато нишпа! признае онѣ у своме сердцу, а признателность нѣгова кадрапѣе га быши сладкимѣ утѣшеніемѣ наградити. Кой за свако свое добро дѣло мазду свою отѣ людій тражи, шога сердце не може праву сладость чувствовати. Пріятніе е души нашои кадѣ мы сами признамо, дасмо више што добра учинили, него што бы се отѣ насѣ захтевало, а манѣе се намѣ платило, него што смо заслужили.

Вы, истина, кажете, да Вы другоуѣ награжденія отѣ Владѣтеля не потребуете, само еданѣ знакѣ признателности; и шо е вещь корыстолюбіе! Оставьтесе любезный мой! шога. Немойте быши сѣ шолько честолюбивымѣ, да ако се Вамѣ не призна, уврежденіе шолько найдете, да нѣку освѣту тражите! итаково честолюбіе ніе благородно, и великимѣ людма непристойно е; немойте быши на друге завистливѣ. Будите Філософѣ, будите мораланѣ челоуѣкѣ: ово е великимѣ душамѣ свой-

ствен-

ственно. Исполняйте само должность свою, и позывайшесе на добродѣтель, коя шѣ Васѣ вѣчно наградиши, а не на мазду, не на признательность и славу человѣческу, то е малымъ душамъ свойственно, то е све безѣ добродѣтели, благородному мужу мало и ништа, као дымъ, кои скоро исчезне. Найпоеле можете свое заслуге Владѣтелю своему преко прѣпелей покорно предложити. Онѣ валя да буде своимъ подданникомъ толико великодушанъ, колико отѣ нѣи захпева, да му буду вѣрни, и добри. Онѣ и изѣ собспвенне Ползе свое треба да то чини: служи бо вишшымъ за дѣйствишело средство кѣ побужденію вѣрности, любви, и ко исполненію должности званія своего.

Восн: Свака рѣчь Ваша има мѣсто. Но како шѣ Владѣтель мотѣи знаши, што е ко заслужію, да му пристойно учини награжденіе?

Любом: Садѣ сте дошли на мою рѣчь! Зато не треба на нѣга роптати, не треба о нѣму ружно мыслиши. Сладкій мой Господине! Зачните любовь своему Царю, као отцу цѣлога народа, запишите ову зланными словы на сердце и на вѣки сохраниште ю. Вы не можете себи представити, како е шежакѣ оный вѣнецѣ на священной нѣговой главы, рѣдки су

су за нѣга спокойни часи, рѣдкѣ ношѣи, у
 конѣ се онѣ упруженѣ сна насладити мо-
 же: великолѣпне палате за нѣга су као една
 на жаркому солнцу отѣ песка пустыня. По-
 печенія и бриге, кое онѣ о своему народу
 денонощно носи, обтерете му главу и запу-
 пе сва чисто чувства у нѣму, да онѣ ни-
 какове пріятности, никакове радости у нѣма
 не осетѣа. Една шокмо любовь своего наро-
 да нѣга увеселява, некѣ му се ова отрече,
 шта му остае? Прошла су она луда и вар-
 варска времена, кадѣ су Цареви безѣ попече-
 нія о своему народу живили, кадѣ су све свое
 задовољство у сластни и кое какви увесе-
 леніяи находили. Мысмо, Богу хвала! сада
 хрїстїани, моралнымѣ свѣтомѣ осїани; наши
 су Цареви прави опци наши, и мы треба да
 будемо покорни сынови нѣови, да ихѣ люби-
 мо, да ихѣ почиуемо, и да се за нѣи Богу
 молимо; — и кон годѣ то не чини, шай са-
 момѣ Богу грѣши; но тко шѣе то дѣломѣ
 свѣту доказати.

Воен: Господине! (Зауставши се мало съ
 нимѣ, списне га за руку, и любко га гледи)
 Вы съ Вашомѣ бесѣдомѣ нова чувства ули-
 стѣ у сердце мое! овый часѣ, у кой самѣ се
 я съ Вами састао, Вышѣете сами видити, ко-
 ли

лико е мени важанъ, и колико е мени (пригтер-
лявшига къ себи, полюбисе съ нимъ) нужно
учишисе, ющъ да люде познамъ; Вы шьете
се сада зачудиши, съ кимъ сте говорили; но
Вы шьете мени опроспити! — Вы сте има-
ли и право за мномъ зло говориши, я Вамъ
не бы умео замъбриши! но правоша сердца
Вашегъ ние Вамъ допустила.

Любом: Што шье те со шимъ да ми ка-
жете? Тко сте Вы, шта ли бы самъ я имао
кадъ съ Вами, да за Вамъ зло говоримъ? —

Воен: Погледайте ме добро, хошьели Васъ
подобие лица моегъ оному, кога сте добро
познавали, мене извѣспна сотвориши? —

Любом: (гледига, двигнувъ рамены) про-
стите, я Васъ не познаемъ! —

Воен: Я Вамъ зашо и не замъбравамъ, дав-
но е и было. —

Любом: Но! —

Воен: Вы сте мало пріе рекли, да бы сте
желали съ Душаномъ, Вашимъ Царемъ гово-
риши? — Богъ е Ваше желаніе исполню! Онъ
спои предъ Вами, онъ Васъ за руку держи!
онъ Васъ любви као едногъ честногъ мужа,
као правогъ Філософа, а почиуе као искрен-
ногъ Пріяшеля, и као Отца своегъ. —

Лю-

Любом: (Тронуть удивленіемъ, и восхищенъ радостію) погледнѣ га внимателно: на шо Царь открые свое персы, и покажему Гербъ царскій, звѣзду съ крестомъ и четиры огнила опъ чистога злата! *Любомиръ* кадъ види, падне предъ нѣга на колѣна: „Царю мой! — Господине мой — шо рекши поліе свое честно лице сузамъ, пригерливъ нѣгова колѣна спусти главу свою, и умолкне.

Царь Душанъ абіе дигнега. Примите цѣлованіе дивный херой, увѣришисе, да я Васъ за Вашу строгу добродѣшель любимъ, и за Вашъ изящный разумъ почитуемъ; а кромѣ того опоменишисе, дасамъ я Вамъ обвезанъ.

Любом: Проспите ми Ваше Царско Величество! внезапное ово откровеніе мене с смушило; о коль блаженъ часъ овый за мене, плачемъ рѣчи пресѣцаше, реклему.

Царь. Нисамъ се ни я воистинну овому случаю мадаши могао, о коемъ се особито садъ радуемъ.

Любом: Вы Душанъ! — Вы Царь мой? — О! Красный Сыне Сербскій, любезна опрасди свате лозе Неманича! суза ова некъ Васъ увѣри, колико Васъ любимъ, као Царя моего, колико Васъ почитуемъ, као какво божество предамноу.

Царь.

Царь. О томъ любезный мой! нимало не сумнямъ, Ваша е искренна бесѣда као аѣ непознашимъ, мене о томъ доволно увѣриши могла; она е мени лекцію дала, кою во вѣки забораваши нешьу, я Вамъ благодаримъ, и о-вый дань у числа моихъ щастливы дана бромъ. Я Віспера мога Бучина любимъ, но безъ наказанія му пропустиши не могу, него опешъ у тому предѣлѣ, коима доброта сердца Вашегъ полаже, преступити нешьу: као Царь валя да за преступленіе нѣгово нѣга казнимъ, а као *Душанъ* знамъ, како шьу шо чиниши. Словомъ изъ между правде и изъ между милосердія онъ тѣе казниѣ быши.

Любом: Я Васъ молимъ за нѣга! моя воля нѣе, да Вы нѣга мене ради казните. Оно исто нѣгово уврежденіе мени бы непристойно было, кадъ бы къ сердцу пріиміо. Онъ е бы по своіой слабости малодушанъ; я по моему великодушію нѣму пращамъ. Само то едно молимъ, дайше му познати, да нѣе право имао, што се на мене за онакову малу стварь оно-лико ополчѣо быо, да е шражіо погибель мою! — тому може за правило у будуще служиши; нѣму е шо нужно познати: понеме се у онаковомъ состоицію находи, да кадъ хо-
шье,

ше, може многимъ шкодиши. Но любовь му Вашу опрестъи немойте.

Царь. Дивный мужъ, храбрый херой мой! Колико си храбръ у млады свои лѣти съ мыщомъ и оружіемъ было, толико си сада силанъ-разумомъ спраспи свое побѣждавати; рѣдкій, и подражайя достойный примѣре! Я се радуемъ, шпосамъ те нашао, любовь швоа мене увѣрава, дашьешъ шы мою волю исполниши, и самномъ иши; за кое я молимъ.

Любом: О Царю! Нѣ Ваше молиши, но заповѣдиши; долгъ мене обвезуе съ глубочайшимъ почитаніемъ и са свакимъ подданническимъ повиновеніемъ Вашу волю исполниши; обаче я бы на вѣки изгубіо оно, што е сердцу моему мило, и души моей пріятно было; а што е спокойный мой животъ; онъ е кратокъ, дозволиште ми у безмолвію га провести; у тихой пущыни, коей самъ се вещь посвящю. О како бы шежо моему сердцу было, оно и за мене свято меспанце, у комусамъ сво скоро 15 лѣта щаспливо провео, сада подъ старость оставиши! Какову ли быште отъ мене ползу отъ сада имати могли. Дряхлая моя старость изсисала е вещь све крѣпости мое; некъ одемъ сада у многлюдный градъ, некъ промѣнимъ овый укрѣ-
пи-

пителный въздухъ; некъ предумемъ другій начинъ живота, кому се вель привыкнути не могу, што бы друго то за мене было, него незадоволенство съ моимъ жребіемъ, неспокойство и мученіе скланяющыи себе силомъ у новъ живощъ, кому вѣкъ мой више сходаніе. Кадъ бы какова нужда изыскивала оружія се хващипи, скоріе бы се воиспину склонипи морао; мое шѣлесне силе зашо юцѣ нису, сасвимъ исчезле, и ако има каковый у шйма недоспапокъ, благосклонна на шо у мени воля лагко бы таковый надополниши могла: Но Богу хвала! на шо нужду неймаше.

Царь. Я Вамъ царскую мою рѣчь дамъ, да Вы ништа на свѣшу не бысте ранили, но само дасте при мени у двору, и кадъ бы годъ я изишао, свагда бы Васъ са собомъ узо. Ясе нимало у шомъ не варамъ, да бы оше Вы мени и отечеству свомъ на ползу были. Живили бы спе кодъ мене привагтно као Філософъ безъ свакогъ званія, кой начинъ живота не навлачи на себе око зависпаво, ниши добія себи неприятели; я бы самъ съ Вами о мои пословы шайне имао разговоре; и нишо бы мы на само заключили, о тому нишко ништа не бы знао, а съ моимъ Висшеромъ я бы Васъ помирю.

Лю-

Любом: Еданъ само челоуѣкъ може у двору безъ свакога званія, као што Вы кажете, быти, и у царской милоспи живити; но я нисамъ радъ шай быти, я ларву терпити не могу. —

Царь. Кои е дакле шай? —

Любом: Да ми не замѣрите што тѣу Вамъ ретѣи, я знамъ, да Вы о мени худо намѣреніе имати не можете: Дворный будала! кой особитый мужъ преба да буде; а мене сви добро познаю, да я не могу припворства да терпимъ, но што ми е на сердцу, то и на езыку.

Царь. (насмеее) Кажите ми дакле сами, на кой се начинъ склонити можете!

Любом: Кажите Вы мени найпре, или Вы мене захтевате изъ собственне свое потребе, или изъ любви, да ми што по воли учините. Ако е перво, на вещь Вамъ ползу могу одаде быти, гдѣ тѣу и поживити больше него у граду; ако е вшоро, то валя да ми оно учините, што е мени по воли, а не што е Вамъ.

Царь. Обое! —

Любом: Добро! Единого смо мнѣнія. И самъ самъ радъ за високу царску милоспъ, у чему могу, услугу мою показати. Небо е милоспиво благоволило толике народе Вамъ

подчинити; Выше съ Вашимъ мечемъ Царство до Архіпелага простерли. У овы исти новозавладаны предѣлы Вы имате свога правителя (Гувернера) и како чуемъ у Едиси, а по е овдіе близу. Учинимо дакле наредбу, да преко нѣга сошвѣствуемо, пиште Вы мени, а я пшю Вамъ; и тако што бы сте годъ ошѣ мене, ако што у мени находите, успменно имати желили, имати можете чрезъ писмо, но тако да ову нашу тайну нишко не зна. Яшъусе трудити у свему волю Вашу исполнити: а Вы мою волю исполнявайте сошпимъ, што тше те ме у моему, души моей пріятному Елісіуму, гдѣ самъ сада, оставити.

Царь. Ели то Ваша крайня желя? — Естелъ Вы задоволни съ шимъ? —

Любом: О есамъ! Милоспивый Царю, есамъ и конечно со шимъ задоволянъ.

Царь. Буди воля Ваша, и я самъ задоволянъ съ Вашимъ предложеніемъ. За обдержаніе Ваше да честно, и угодно живити можете, моя тше брига быти.

Любом: Я Вамъ усерднѣйше благодаримъ, но увѣрени будите, да я више имамъ, него што бы мой простый животъ захпеваши могао.

Царь. Но Вы имате и дѣщицу? —

Царь.

Любом: Два сына и одну дщерь! —

Царь. Ваша рождена дѣца? —

Любом: Духовна токмо моя чада, но они за другогѣ отца и не знаду.

Царь. Вы сте ній усвоили? —

Любом: Усвою! Но любимѣ ихѣ као мою рождену дѣцу.

Царь. Тако Высте имѣ благодѣшлный о-щацѣ?

Любом: На служби, но они у мени праваго отца вираю.

Царь. А отѣ своихѣ никога не имате?

Любом: Едногѣ токмо Сестришьа.

Царь. Естелѣ Вы у состоянію ту дѣцу воспитати?

Любом: О есамѣ! Зашто не? я не по-шребуемѣ на то великогѣ прошка.

Царь. Какова сте Вы пришажавали Добра?

Любом: Я самѣ имаю у Светогѣ Савве Прінціповини село, именовѣ Саввине; но шомѣ с по паденію моемѣ ошузешо.

Царь. Я га Вамѣ даемѣ напрагѣ, и ко шому сваке године двѣ шысаце Перперѣ.

Любом: (двигнувѣ рамены) За село, кое ми е Вашѣ любезный Родитель поклонію быю, я Вамѣ особито благодаримѣ, и молимѣ, да бы га и моя дѣца съ моимѣ Сестришьемѣ

Л я

наслѣ-

наслѣдипи могла ; а новаца Вамъ не по-
пребуемъ.

Царь. Вы имате отъ данась село Ваше на
вѣкѣ, у Вашей тѣе воли быти, кому хо-
тѣете по смерти поклонити, само наслѣд-
ницы Ваши да се подъ именемъ Вашимъ под-
писую : И двѣ тысяще перперѣ, као што
Вамъ реко, свяке године отъ мене свога Царя
Вы тѣе ше имати (Со шимъ машисе у своя
нѣдра и извади еданъ Злапный на злапномъ
ланцу крестъ) пріимите и овай Знакъ моего
къ Вамъ Пріятелства, и Знакъ увѣренія, да
я Вамъ со шимъ поврапьямъ честь Вашу,
поврапьямъ Вамъ *Добро*, Выше отъ данась
Болярѣ, мой до смерти любимацѣ, и кавалерѣ
перваго реда надъ коняницы (по рекши обѣ-
симу на врагѣ) краси съ шимъ добрый мой
старино юначке персы швое, у койма благо-
родно, колико самъ искусію, сердце, и непо-
колебимый духъ пребыва, Богъ да продолжи
швой добродѣтельный животъ!

Любом : (Падне предъ нимъ на колѣна)
О благодатное Небо! — Царю мой! (проліе
сузе) я Вамъ благодаримъ, и више благода-
римъ, него што бы речи имао изказати (Царь
га дигне, полюбисе съ нимъ) Прости лю-
безный мой пріятелю! прости и забориви сва,

КОЯ

коя су вепь мимоншла. Я пьу и дѣцу твою временемъ кѣ себи узепи, я пьу нима умѣсто тебе опацѣ быти.

Со тимъ пойду лагано у пихому о разны вещи разговору. Прежде нежели самъ я съ Вами говорю, рекне Царь, мени е Ваша невинность познана была, мени е Ваше житіе опкрывено. Милорадѣ е Вучичѣ Вашѣ пріятель?—

Любом: Мой искреннѣйшій опѣ много година.

Царь. Поштенѣ человекѣ. Онѣ ми е све за Васѣ казао. Я самъ нарочито кѣ Вамѣ пошао быо. Я самъ цѣлу Зиму у Аѣону провѣо, и сада, кадѣ самъ се съ Вами састао, опешѣ тамо идемѣ, но непьу се тамо ни еданѣ данѣ задержавати.

Любом: Но како смѣете, молимѣ Васѣ! шако ходити?

Царь. Зашто не? Тко ме зна? Моя толко силна войска, ешо на Македонски граница спои.

Любоміръ нѣму сада на многе нѣгове о войны вопросе украшко, но ясно опговори съ учпивимѣ увѣщаніемѣ, што бы се не весма на свое у оружію щастіе лакомо, што бы себе умѣрао, пристрашной своіой жели границу полагао, и свако свое дѣ-

ЛО

ло изъ благаго намѣренія починаю; што бы народе отъ кровопролитія, колико е могушье, защедеяво, колико е могушье, милоспивъ имъ бы : позываютьъсе увекъ да има надъ нимъ око, кое све види, има нелицемѣрный судія, кой мѣрило правде у руцы держи, да више пупи Божество аки бы сердце наше искусити хотѣло, возвыси кога изъ ненада, отвориму путь ко устремителномъ его желанію, вручиму судьбу, и учинига, да отъ нѣгове волѣ многима щасіе или нещасіе зависи; токмо да види, хотѣли му вѣрный рабъ быши. Хотѣе ли благодушно съ онима людма, кои су му за време вовѣрени, поступати; хотѣли ихъ као любезну свою дѣцу, а себе као чадолюбива отца взираши. Очища му, кое су оне царске добродѣтели, съ коимасе онъ краси, и како найудобнѣе може ихъ себи присвѣдши; каже му, у чему се права слава еднога благочестивога и челолюбивога Царя состои, и како она вѣчнѣта отъ рода въ родъ у памяти нарадовъ, коима е онъ благодѣтелствоваво, останаши може. Молита кропко, да се опомене славныхъ своихъ праотцевъ, да воспослѣдуе стопамъ ихъ, да подражава ихъ смиренію, ихъ крошости и милосердію. Дасе остре-
гава

гава злобу и презрѣніе окрестныхъ народовъ навлачили на свой, да временемъ не улуче и они благополучну за себе прилику и не изблюю праведный свой гнѣвъ на народъ и ѿговъ, да пази что бы съ радостнымъ онымъ славе восклицаніемъ не соединію многихъ плачь и воздыханіе, что бы му вѣнецъ правдомъ возсію, а не у крови невинныхъ огрезао. И проча овака общепользна поученія онъ Ему у простиой бесѣди, обаче съ таковымъ усердіемъ, съ таковымъ благотворительнымъ жаромъ, и побудительнымъ речма изговори; да овый Богомъ прославленный Царь во умиленіе дойде, и твердо му се завѣща совѣте и ѿгове са златыми словами на сердце свое записати, и свагда ихъ у памяти повторавати.

Приспѣду вещь своему, кое на ихъ изгледаше, дружеству, младый Урошъ исперчимъ на срѣщеніе, „Ово е Сынъ мой, рекне Царь, и сладко утѣшеніе мое, надежда народа, и подпора мога простраянога Царства, (по изрекавши наводнемусе очи) подайте му дивный мужъ цѣлованіе, отъ Вашегъ благожелательна сердца, и родительскій благословъ, да бы га намъ всеблагій Богъ поживіо.“

Лю-

Любомірѣ Заплакавшисе простре свое радостію препещуще руке на царское чадо, и пригерлившига своимѣ любовію за свой родѣ лишушымѣ персемѣ „ Сладка надеждо наша! любезный цѣбте на верху святе и Богомѣ прославлене лозе Неманине, Богѣ да те поживи, и благодать свою на тебе изле! — Цѣлуй Сыне десницу, рекне Царѣ, овомѣ Господину; она е иногда непріятелемѣ нашимѣ угрожавала. — Благообразный отрокѣ заруменисе и учпиво старцу се поклони и полюбига у руку“ Любезный Родителю! рекне, отѣ кадѣ на Васѣ изгледамо! Сыне сладкій! познаешь ли овогѣ Господина? — Тко ихѣ небы познавао, нѣжно осмеяваютьсє опговори младитѣ, кадѣ смо синочь заедно вечерали? — Добро га упамши, нѣговѣ честный видѣ, нѣгово лице да задержишь у воображенію твоємѣ. Ово е Господинѣ Любомірѣ Соколовичѣ изѣ свепогѣ Савве принціповине. Онѣ е еданѣ честный, и почитанія достойный мужѣ, нашѣ Пріятель и мой Любимацѣ, кога я особито почитуемѣ. Зато и теби препоручуемѣ, да га и ты любишь, и почитуешь! — На то младый поклонисе сѣ пристойнымѣ почитаніемѣ, радуемсе, да имамѣ честь познати ихѣ. — Желимѣ Сыне,

да

да га и болше познашь, познашьеш у нѣму сваку добродѣтель. — Иди мало дружству, сто насѣ одма; нека слуге оправе конье, пакѣ пьемом иши. — Све е готово, само да дойдете, опговори младый, поклонисе и оде.

Любезна отрасли, рекне Старый гледетьи за нимѣ: Богѣ да те благослови! — Благем се нрави опрокѣ види, лице нѣгово само свидѣтелствуе, Небо тѣе милоспиво намѣ нѣга поклониси.

Царь. Више се за нѣга любезный мой! не го за душевно мое спасеніе Богу молимѣ: за нѣга се прудимѣ, за нѣга овуда ходимѣ. Мысль моя на нѣга оплакша ми пруде мое.

Любом: Долгѣ оный священный на то Васѣ обвезуе; любовь, кѣ своему чаду сердце родителско у движеніе приводит. Настойте прилѣжно добро му дати воспитаніе. Признайте, даше те со тимѣ твердо основаніе положить, на коему тѣе любезный Вашѣ народѣ щастіе свое зидаши. Но Вы сѣте за путемѣ, да Васѣ не зедержавамѣ; у име Бога идите, ясе вратѣамѣ у мою пріятну пустыню, гдѣ мене любезна тишина, мирѣ и спокойствіе чека.

Царь. О! Я се Вамѣ того блага лишавамѣ! Ясе у моемѣ царскомѣ черпогу тишине не наслаждавамѣ.

Любом: Вѣруемъ! вѣруемъ Царю мой! Высте покой свой за покой любезногъ Вашегъ народа дали, любовь шокмо нѣгова къ Вамъ да подкрѣпляетъ Васъ подъ шимъ тежкимъ бременемъ, и сладчайше оно воспоминаніе, что Вы за многе живите, да шѣши Васъ, да Вамъ духъ Вашъ ободрава. Промыслъ небесный, кои е у Ваше руке жребіе толико мѣллоновъ душъ вручїю; угошовїю е за Васъ у оной вѣчности о Царю, радость, угошовїю прїятнѣйшу пишину, и безконечно веселїе, кое е у сравненїю земнаго сердце наше наслаждающаго веселїя као една капля воде спрочь Океана! — Я живимъ сада за мене самага, обществу бесполезенъ. Едино шокмо мое утѣшенїе, что самъ у млады мои лѣшпы поне нѣку ползу обществу причинїю, хопя не смѣмъ рѣшпы, да самъ у полной мѣри, колико ме е долгъ мой на то обвезиваю, исполнїю; ничто менше оно е души моеї прїятно и сердцу моему сладко. Садъ вепъ кадъ су силе мое изпаяле, и не могу што бы хопео, сладчайше утѣшенїе мое находимъ у шому, что ми неизвѣстна нѣка судба два опрока дала, кое самъ радъ воспитати и обществу поклонити; да они наставе ону, отъ кое я вещь престаемъ, обществу своему приносити ползу. Мое е пред-

предпріятіе благо и дае ми надежду, да ще ми Божество исполни у помѣ желаніе. Сада молимъ, не задержавайтесе, на Васѣ дружество очекива. —

Царь. Я бы самъ отъ Васѣ желію, кадѣ бы самъ шу любовь кодѣ Васѣ имати могао, да ме послѣдуеште и кои дань самномѣ проведете? Ипъишьемо заедно у Аѳонску гору, но нешьемосе тамо ни еданѣ данѣ бавиши. —

Старый мало потъушивѣ, „Сѣ драгомѣ душомѣ Ваше Величество! рекне, за одну недѣлю дана могу се разрѣшити.

И шѣко Любомирѣ врапи Воденичара и свойѣ слугу дома, препоручи Воденичару домѣ и све добро свое, пакѣ сѣдне на коня, и сѣ Душаномѣ оде у Аѳонѣ, гдѣ само еданѣ данѣ проведу, и врапесе у великій на Македонскіймѣ границамѣ. Лежирѣ, кое воинство сада Царь премѣсти у Тессалію, покріе шаторы цѣла Фарсалійска поля. Ту Любомирѣ сѣ нимѣ неразлучно проведе 5 месецій. Едва вещь чекаше, да се у свой Елісіумѣ у свое безмолвно обиталище врапи. При концу Селтемвриа Царь вознамѣри сѣ однимѣ частію воинства врапитисе дома у Призренѣ, а проче воинство шу у ново завоеваны предѣлы преско зиме намысли оставиши. Онѣ обѣари
Лю-

Любомира богато, даде му и два прекрасна коня, и тако га тежко отъ себе оппусти; пошле само два по нѣговомъ захтеваню съ нимъ момка, тега дома допраше, гдѣ кадѣ дойде, застане свою челядъ здраву, и све на миру. Съ умилѣнымъ сердцемъ сгледаше садъ около себе све предмете; дресеса, коя е ющъ подѣ цвѣтомъ оставію, зрѣлымъ плодомъ садъ опягощена дремаю, отъ коихъ пріятный мирисъ тихимъ вѣпришьемъ по чисто-му воздуху свуда разсыпашесе. Уиде у вершѣ, гдѣ застане любезногъ свогъ Чедомиля, кои му съ восхищеніемъ притерчи, онѣ га при-герли опечески своимъ персемъ „Сыне мой любезный! Есилъ што за братію твою чуо? — Юшѣ по опшествію Вашемъ они дана опговори опрокѣ, писао е Свепозарѣ, и писмо нѣгово до данасъ затворено на Васѣ чека; опшерчи и донесе му.

Старый писмо опвори, но весма се изѣ нѣга оскорби! оносе починяше овако.“

Дражайшій Отацѣ,

Высокопочитаемый!

Нетьете мошьи себи представити, съ каковымъ тежкимъ сердцемъ я перво ово писмо Вамъ пишемъ! Великолѣпный овый градъ, и сви богати у нѣму предмети, кое я до данасъ

насъ видію нисамъ, многовидна обоого пола ношава, и лѣпи гражданскіи благородни обычаи восхите одма мое сердце, исполнега прїяшнѣйшимъ веселіемъ. Но оле! судба, о коей ни мыслили нисмо, ние ми дозволила долго се съ нимъ наслаждавати! — Вамъ е познашо, колико самъ я сладку мою сестру любію, и колико е она мене нѣжно миловала, како самъ се я радовао, да ю видимъ, да ю опѣ Васѣ поздравимъ, да ю загерлимъ; но! герли ю церна земляца! Она е намъ умерла! насъ за вовѣкѣ оставила, пруне ветъ млада и зелена подъ земліомъ! — Ахъ! немилостивый серпѣ смерти зашто не пощади красный цвѣтѣ, зашто га покоси у первому своему развипку! — Здравствуйте любезный Опацѣ! и не пожалите съ Вашимъ што скоріе пришествіемъ ушѣшити печалнога Сына, и совершенно извѣститисе о смерти любезне дщери свое; цѣливамъ Вамъ руку и пребывамъ

Повиннѣйшый Сынъ

Вашъ

Светозаръ Соколовичъ.

Старый овый Господинъ смупнсе, похити съ писмомъ у домъ; Евдокіа на то изнесему друго много после писано: опвѣри — опѣ Косме! —

Дра-

Дражайшій Господине уяче!

Особито почитаемый, здравствуйте!

Писмо, кое е Вамъ Светозаръ у почешку нашегъ овамо пришеспивія писао и печальный за любезну нашу Драгиню случай, да е умерла, явіо, не сумнямъ да ниспе прїимили, опговоръ обаче на нѣга до данась не имамо. За кое молимъ покорнѣйше, не пощадите шруда, и у мѣсто шпобысте намъ писали, паче сами дойдите. Мысмо Богу хвала обоє здрави, и што се нашегъ соспоянїя шиче, ни на што се шужиши не имамо, шокмо да Васъ видимо, съ Вами се кои дань подтѣшимо, и о важному дѣлу, што се Васъ шиче, съ нѣкимъ овде да се са старымъ Господаромъ разговорите. Есмь са свакимъ почитанїемъ люблешьи Вамъ

Вашъ

Покорнѣйшый Сынъ

Косма Войновичъ.

Любомиръ шай дань у бриги буде и цѣлу ношь безпокойно проведе. Супра дань рано сѣдне на коня и у Ларису оде. Светозаръ кадъ га види, шпронутъ радостїю похишиму на Срѣшенїе, полїе свое ружичне образе сузама „Сладкїй Опацъ! изгубилисмо Драгиню! мы ю ни зашпали нисмо! — Божїя е воля, любезно мое дѣше была, рекне старый, не

пла-

плачи! она е долгъ свой естеству опдала, садъ се вѣчнога са свои Родители наслаждава покая; не плачимо! Заборавимо! судбе Божіе познание намъ нису, зашто е ню съ овога свѣта тако у первомъ цвѣту преселію. Жребіе смерти, кое е на ню рано іоуць пало, све насъ ожидава.

На шо Косма „Я имамъ Господине овдіе отъ едногъ старогъ Господара, за кога самъ Вамъ и писао, налогъ, да како Вы дойдете, абіе му Ваще пришеспвіе извѣстно учинимъ; я идемъ по нѣга, онъ тже садъ самномъ дойши.

Оде Косма, и доведе са самымъ мракомъ едногъ старца „Добры мой Господине ступивши у собу, рекне старацъ, я Вамъ желимъ добры вечеръ; и радуемсе о пришеспвію Вашемъ, на кое самъ я давно ветъ изгледао “ — Любомиръ га поздрави и понуди сѣсти „Како е Вамъ име упыпа га. “ Мени е име Кіліанъ, отговори Старацъ.

Любом: Вы имате, како ми дѣда кажу, самномъ нѣкій разговоръ.

Кіліанъ. Имамъ Господине, но радъ бы съ Вами насамо говориши. — На шо дѣда изиду, и старацъ поведе слѣдующимъ начиномъ бесѣду „Добры мой Господине! Несторъ е по-

покойный, отъ когасте Вы и землю купили, добро Вамъ познанъ было? — Несторъ Харалампіе, Высте му и при погребу были!

Любом: Есамъ! Онъ е мой особитый пріатель былъ.

Кіліанъ. Опоминемсе добро, но отъ оногъ времена я Васъ видиши нисамъ могао. Онъ е Вамъ у присутствію моему свое дѣше — дѣвицу — при своемъ издыханію вручио, Васъ молю и заклео, да іой у мѣсто нѣга Отацъ будете? —

Любом: Есть истина!

Кіліанъ. Онъ е ніой оставіо дѣпу сумму у готову новцу, кою стѣ Вы дали подъ лихву (интересъ) имате и писменно?

Любом: Имамъ да како! —

Кіліанъ. Добро! — Высте то испро дѣше потомъ дали овдіе у градъ нѣвкой Госпожи старой, и честной жени Сумоніди на науку?

Любом: Есамъ.

Кіліанъ. Та Госпожа пролѣтось умре. Она е имала одну сестру у Палми преко мора исподъ Олуппа, едномъ маломъ граду, коя дойде и онай истый дань, кадъ смо Сумоніду саранили, дѣвойче узме и опнесе. Не пройде двіе недѣле, алъ намъ гласъ дойде, да е и то дѣше умерло. Садъ дакле она Госпожа

по-

йойиште отъ Терговца; коимасте дали нов-
 це, себи. Я се на то ополчимъ, и кажемъ,
 да то быти не може, да е дѣте то исто
 Вамъ као Отцу предано, дасте Вы ню вос-
 пишавали, и о нѣой родителско попеченіе но-
 еили, дасте Вы живи; но да пошлю по Васъ
 и съ Вами соверше, кому тѣе се што оспа-
 вили. Не они умѣсто што бы ме, као
 ешара человекъ, и шoliko година сиротин-
 скогъ Отца послушали, найдусе отъ мене у-
 вреждени, разсердесе аки бы я изъ собствен-
 не корысти нѣшто учиню, а душе ми мое,
 помыелю нисамъ на то, ниши ми треба, я
 имамъ Богу квала за ово јошъ мало време,
 докле Божія буде воля, довольно ко умѣренному
 моему живленію, довольно и прететьи тѣе ми.
 Имамъ два прекрасна Сына, кое самъ оженю
 и сретъне учиню; воду шерговину и живу у
 изобилію; кое можете и отъ другихъ овдѣ
 у граду разумѣти, — Согласусе инди исти
 шерговцы, коимасте новце дали, пакъ нѣку
 тугу даду оной Госпожи а проче подѣле из-
 между себе! — да су сиромаси, не бы ме сер-
 це болѣло, но сви су шроица богати; а има-
 мо овдѣ у граду сирота наши довольно, не
 бы велимъ болѣ было, ако е за раздаванѣ, даши
 нищымъ и убогимъ, него да бѣсни люди поеду:

М

Лю-

Любом: Добрый старино! Ели то тако? —

Кіліанъ. Како годь што Вамъ кажемъ, казашьеду Вамъ и другїи: но молимъ Васъ сладкій Господине, не мойте оставити. Узмите себи полу, то можете безъ наименшегъ совѣсти уврежденія чинити, *право* бо са собомъ доноси тако, а полу подайте на сироте наше.

Любом: Боже сохрани! да бы самъ я одну едину драхму опшудъ' потребовао; я даемъ све на сироте.

Кіліанъ. Богъ да прости! сладкій Господине! Богъ да Вамъ душевно спасеніе зато даде. Но Вы пьете имаши сада труда, докле отъ нїй те новце изчупаше; зубати су сви тронца! —

Любом: Добро! добро, Старино! видишьете супра.

Кіліанъ. Ясамъ имъ казао, дашьу Вамъ явиши; но они мене іошь изсмею, и нѣке хулне рѣчи за Вами изговору, што ми нїе требе, ниши ми се као старому человѣку пристон, говориши! — Высте овдїе познани, а шьу Васъ упушиши, гдѣ треба да опидете.

Любом: О, нїе отъ потребе! вѣць самъ я пому занашу. Супра я шаки идемъ у Магистрашъ, писмо имамъ при себи. Онитъе-

ду на судейскій столѣ безъ наименшегъ отлаганя новце донести, а што су оной Госпожи дали, на часть їой: и кадъ донесу, я знамъ што тѣу чинити.

Со тимъ старца отпусти, и рекнему, да дойде сутра, кадъ се позове у Магистратѣ.

Пыта по томъ дѣцу, какосе находе, ель имъ по воли шу у граду, какосе Светозарѣ влада и проч: Кажему Косма, да се ништа на нѣга тужити не може; само то, што дѣте никако волю нейма шу у граду заостати. Добро! рекне старый и самъ самъ у намѣрению сада преко зиме дома Васѣ водити, пакъ у име Бога на пролетѣе послашъ Васѣ сву троицу (за Чедомиля) у Аѣнну: Подалеко е, но весма ми то мѣсто похваляю, виднѣемо, како тѣе се Вамъ допасити. Светозарѣ неисказано обрадуесе, кадъ разуме, да тѣе дома иши.

Сутра дань Любомирѣ оде у Магистратѣ, прияви дѣло свое, и одма сва тры Терговца дозову. Поведу за новце распрю, и станусе они найпосле со тимъ изговарати, да они чиеу за себе новце тѣе присвоили, но за Сиротѣе, будущи да и тако прави наслѣдника нейма, и да с нѣова должностъ као поглаваровѣ

и сиротинскихъ попечителей о тому промышляваши.

Любомиръ нима докаже, да е онъ правый наследникъ тій новаца, засвѣдочити имъ писмомъ може, и рекне у Магистрату, ако му довле не сотворе, дашь ихъ самомъ Царю шужиши. Магистратъ сада пришегне ове тако, да су морали абіе подпуно сумму донести, и на судейскомъ столу Любомиру положиши.

Любомиръ потомъ узме испе новце, пакъ оде Архіепіскопу, кои шу обитаваше, каже за случай овый, и совѣтуесе съ нимъ, какво бы у публикуму благодѣяніе со ти новцы учинію; понеже онъ ихъ не попребуе, но запо самъ вели и узео, да ихъ на сироте подѣлимъ. Архіепіскопъ честный и разумный мужъ похваливъ нѣгово великодушно дѣло и совѣтуе му, да купи насредѣ града еданъ великій домъ съ многи дупьани, опъ коихъ преко године нѣколико тысящъ перперъ за кірію може дойти, и то да буде на сиротинску спрану, кве основаніе опъ рода въ родъ остае.

Любомиру се овый совѣтъ понрави, онъ шо учини; домъ купи, и у Магистрату подцише, потомъ публицирасе, и сви му захвале.

Архіепіскопъ нѣга съ нѣкимъ Магистратуалнымъ Лицамъ позове на обѣдъ. По обѣдѣ

бѣду кадѣ изиде, удивисе множеству Сиротѣ предѣ дворомѣ: пыта, што е то; кажу му, да су дошли Ему захвалици за учиѣвно имѣ благодѣаніе, и да они желе испога Господина, кои е то учиѣю, познати, и Ему успешно благодарити. Дюбомирѣ извади спо перерѣ, и даде Светозару, да имѣ раздѣли, пакѣ нека иду, ніе онѣ по потребе да чекаю.

Светозарѣ кадѣ раздѣли свима, спотиму едне сироте сѣ двое малы дѣце: едно на персима держи, а друго за ручицу води; но у приличномѣ одѣванію баше „Сладкіи Господине! рекне Светозару, удѣлите и мени. Младитѣ се сада смуши, што ѿой не имадаше што дати. Имашѣ ли ти мужа, упыта ю. Имамѣ онговори ова, но больше бы было, да га неймамѣ, со тимѣ ударе ѿой сузе. На то еланѣ старацѣ приступи Светозару, и рекне“ Господине! има, не мужа, но кашпигу на врапу, дань нощѣ пѣе, а ништа не пѣе да ради, пакѣ ю ѿощѣ кукавицу шуче и пребія. — А ел' она добра? пыта младитѣ. — О добра е сирота! добра и верспна, али се на зло намѣрила. Пакѣ защо се не удашѣ за другоѣ, кадѣ онѣ не валя? — Е мой Господине! ніе свободно — Онѣ кога? Не допушта, вели законѣ. Еси ли се ти шужила у Магистрату? — Колико пуцїи,

тій, но не помаже ништа! — Не може ніюй у томъ Магистратъ помощи, рекне стараць, но Священницы Господине! по е ніовъ посао; они кадъ бысе хотѣли смилевати, могли бы ю отъ нѣга разставити. Светозаръ сожалително на ню гледетьи, пошъупи мало, потомъ отпусти све, а ніюй рекне, да причека. Уиде отцу „Сладкій Отаць! (заплакавшисе) Но! што е? пыта га старый: Една жена сирота съ двое дѣчице касно дойде, кадъ самъ веть све раздао быю, штоште ми дали, не имамъ што да той дамъ. Пакъ што плачешъ мое дѣте! Заръ мыслишь, да я теби ветьу дати, да и ніюй удѣлишь? Не мыслимъ то, но жао ми е (съ плачемъ рѣчь пресѣдаше) добра жена и верстна, кукавица, ал' има мужа пияницу, пакъ ю туче. — А како ты знашь, да е она добра и верстна, упышаю га Господа, кои іошь при столу съ Архіепіскопомъ сѣдяху? — Каже ми она, и еданъ стараць, кои ю познае. Може быти, рекне му отаць, да и она и шай стараць правду не говоре. — О отаць! сузе нѣне! — а у старца е бѣля коса него Ваша! Сва Господа дойду во умиленіе гледаютьи на нѣга и разсуждаютьи чистоту сердца, и беззлобіе нѣгово; како му само право мыслиши дае. Почну му дал-

далше въпросе чинити; обаче онѣ имѣ пресѣче: Дайте Вы мѣни Опацѣ! да я нѣой удѣлимѣ, да сирота онде не чека, лако е Вамѣ сада извѣяпи, разговоре, кадѣ сте обѣдовали, ал' да ню видите. Сирота держи едну малу и лѣпу дѣвойчицу поредѣ себе за руку, какогодѣ и покойна наша Драгиня, кадѣ е онолика была. —

Колико щѣешь, да ти дамѣ? — О молимѣ Васѣ, мѣне не пытайте! Колико бы я юй желю, дапи, онолико искапи не смѣмѣ, найболѣ бы было, кадѣ бысте ю сами видѣли, болѣ бысте о нѣой сожаловали.

На то Старый кушающѣи га, извади му 10 драхмѣ. Ево подай юй. Онѣ прѣими и сѣ негодованѣмѣ на нѣга погледн, пакѣ изиде; спане у ходнику и спражи по свои жепови юощѣ; Старый му се дагано создаи приближи, и гледа што ради. Штощѣешь со щимѣ? вnezапу уцыша га. — О сладкій Опацѣ! просните ми, хошѣу, да юй дамѣ и ово, што я имамѣ; я не пощребуемѣ; а Вы сте юй мало дади. — А зашто ниси више искао? — Нисамѣ могао предѣ Господомѣ, Старый онда извади зо перперѣ. Ево сыне мой любезный подаи юй, но при томѣ не заборава, да мо-рамо мы у раздавнѣю милосшынѣ правило, кое намѣ

намъ здравый разумъ дае, наблюдавати: гн. е, сироту помиловати, и обдарити, обаче умѣрено, и спрощу нашегъ дохода, иначе тьемо сами у оскудность пасти; Богу хвала, увѣнчана насъ више, кои можемо што дасти, него оны, кои су у шаковому Сиромашству, да могаю просити: свакий дакле по мало, пакъ тьеду наше сироте намирене быти. Иди садъ и подай юй. Онъ захвали и съ радостію доле се сперчи, Ево драга моя! — но еси ли гладна? Сладкій Господине! што ме имате више пытати, кадъ сте ми шолко дали, да могу полъ године шпедетьи съ ово мои двое дѣти ранише. Небо милостиво да на Васъ свая благодать изле; Сердце мое любезно! — Я же имамъ рѣчий, съ коима бы Вамъ довольно захвалити мога. —

Не мени, рекне онъ, а Вамъ нисамъ то дао, но мой Ошадъ. Знаю душо моя! Знаю! желала бы му щедру десницу овимъ сузамъ моимъ оросити, благо нѣговомъ сердцу съ Вами, благо нѣговой души съ красными дарами! Рѣдка Добродѣтели! какова су дѣйствія швоа, какова сила надъ гдѣкомъ сердцемъ.

Она овако говораше, обаче добродѣтельный овыи младитъ и не слушаше, но сагнуосе пакъ милуе и любити поредъ нѣе мало дѣвойче

„ О

„О лѣпа моя, милуешь ты мене? — Полюби Рано младогъ Господина у руку, рекме мапи, но овый“ Не милуемъ я то; спаре люде у руку треба любити, но некъ ме полюби у образъ. Ангеле любезный! рекме мапи, любіо ми ше духъ свящый благодатию своєю, — Како їой е име? упыта, Пелагіа, отговори мапи. А! — то ніе лѣпо име! Драгиня, Драгиня! да ю зовеште, ясамъ имао сеспру, кою смо звали Драгиня, овако исто была е лѣпа, као ова. Но причекайше мало, Ошперчи у собу, у коей младби обѣдоваху; гледи на ны, заискао бы што, а не смѣ, спыди-се „Шташьете младый Господинъ, нешье по ди садъ и съ нами пристати? упыта е съ чѣ. А Вы бы сше ми дозволяли съ Вами обѣдовати? — О! изъ драге воље, за што не! — Вы имате сожалѣніе рекне онъ, о гладному? — Они се насмѣю „Да како! отговори оный, а особито вели кадъ смо сыши, пакъ не можемо више да смо: но сѣдише, ако имате волю ести, — Ясамъ сышъ, благодаримъ Вамъ, рече младитъ, но има овдіе една сирота жена съ двое дѣтице, подайте їой молимъ Васъ ести, да ю дозовемъ, ево може овдіе сѣсти. Господине! а елъ што мадо, пыта служи-
тель,

пель. Младо и прекрасно двоє дѣвице, отвѣща
Светозарѣ.

Служи: Та не пышамъ я за дѣцу, но за
машерь сли млада.

Свето: Нїе тако ни стара, али е добра
сирота.

Служи: На часть Вамъ све добре на свѣ-
ту, само мени доведише младу и лѣпу.

Свето: Хошбуль ю увести? О како тѣе
она Вамъ захвалити.

Служи: Но доведише ю, да видимо, какова
е прилика (Фигура).

Свето: Радоспанѣ похити по нѣ, выче
їощѣ сѣ ходника: Ходи драга моя! ходи; зову
Васѣ добри люди, да Вамъ еспи даду. Жена
дойде у ходникѣ, а овый беззлобный ошрокѣ
узме ю любезно подѣ руку, као да му е ма-
ти, пакѣ ю уведе. Но слуге, у конма чув-
ство морално нїе тако развїено; конма сера-
це нїе тако благоображено, и кон шокмо у
безстыдномѣ блебетаню, кадѣ се на еду и
налупаю главу вїномѣ, свое особито увеселенїе
находу, напрегнусе сада отѣ шежкогѣ смѣ-
ха, кадѣ видише ову честну: но у лицу по-
ружну жену. То е дакле лѣпо? —

Свето: Кон вамѣ е врагѣ! што се смѣ-
сте? (гледи на жену, коясе засстыдила баше,
хо-

хотѣете ли на нѣой што таково примѣнити, што бы смѣха достойно было, но ништа) што вамъ е люди Божїи! имате ли вы памети, сѣдите Вы драга моя! сѣдите! и яшью сѣсти поредъ Васъ, а ова тѣе мала до мене, пакъ ручайте, а оны некасе смѣю. Не видите ли, да су пїани, не примайте имъ за зло. Жена се заруменила блше, я нїма Господине не замѣравамъ, млади су, здрави су; наранѣени и напоени, могу се смѣяти.

Служи: Алъ за волю Божїю Господине, гдѣ ю найдосте?

Свето: Бога ши, еси ль ты заборавїо оно, шшо у С. писму пише гладна нараниши, жедна напоиши?

Служи: Нисамъ нигда ни знао.

Свето: А зашто не читаш!, пакъ бы знао?

Служи: Какотъбу читаши, кадъ нисамъ научїо?

Свето: Шта наопако ни читаши не знашь! — да што 'си ты за человекъ, кадъ ни читаши не знашь! — За то се ты смѣещь безъ узрока, као будала, шшо ты ниши читашь ниши пишешь.

Служи: Кадъ ме нїе имао кшо научити.

Свето: А не учи Васъ Господинъ?

Служи: Кои Господинъ:

Све-

Свето: Вашъ Господинъ Архіепіскопъ?

Ови се на то іоуць вешма смѣяни почну; онѣ погледи на ній и вертешъи главоѣ рекне: Боже мой! што ти е проешъ человекъ. Та и нашъ Воденичаръ книгу не зна, но зато не людѣ као ты; што се смѣешь?

Служи: Та кто Вамъ се не бы смѣло, кадѣ кажете, да насъ Господинъ Архіепіскопъ учи читати.

Свето: Какъ? Зашто не бы васъ учио читати? да како мой Отацъ учи насъ.

Служи: Вашъ Господинъ Отацъ Васъ као Сына може учиши, алъ нашъ насъ неше.

Свето: Зашто га дакле служише? —

Служи: За новце и за рану.

Свето: Валя да се вы добро не владате, зато онѣ васъ неше да учи; ашбу иѣга читати.

На то Архіепіскопъ, кон съ Любомиромъ предъ врати стоаше, и слушаше просту ову бесѣду, зацѣниосе отъ смѣха овомъ дѣшету, отвори врата и погледи унутаръ.

Свето: А! сво Господина (истерчи предъ иѣга) Господине! едѣ истина, да Вы ове нешеете да учите читати.

Архіеліскопъ. Есть истина.

Свето: А за што? —

Ар-

Архіел: Зато што се добро не владаю.

Свето: (кѣ нѣма) А! а! есамъ ли я ка-
зао, да е шай у зрокѣ! видите, да сте сами
криви. Господине! я имамъ Васѣ за едно мо-
лиши.

Архіел: Да чуемъ! —

Свето: Ови сада мыслу, да тѣу я Васѣ
молиши, да ихѣ учите; но естѣ! Господинѣ
тѣе и самѣ по учиниши, кадѣ се добро уз-
владите: ел' тако Господине?

Архіел: Безѣ сумнѣ! но зашто тѣешѣ
шы мене молиши?

Свето: Видите ону сироту жену при сто-
лу, и оно двое дѣчице? —

Архіел: Но шта далье?

Свето: Она има мужа пѣяницу, кои ю сва-
кѣй данѣ туче, као што самѣ мало прѣе ка-
зао. Я самѣ судію, да се опѣ нѣга распави,
пакѣ да узме себи другоѣ мужа, кои ю не-
тѣе тучѣи.

Архіел: Ты си добро судію, ал' по [За-
конѣ не допуца.

Свето: Зашто Господине? Со шимѣ из-
ашѣемѣ шпотѣете Вы ню, као едну добру
душу, опѣ зла избавиши, зато се законѣ
не руши. Законѣ ништа друго нѣе, него пра-
вила нѣва на што успросна, да мы по нима

вла-

владаютьсье сретни будемо. Но кадъ кой ова правила не наблюдава? —

Архіел: Онъ се зове Закона преступникъ!

Свето: А за нѣгово преступленіе кое дужанъ терпипи? —

Архіел: Онъ, што бы другій! —

Свето: Наравно, да онъ, а не другій невинный! — Зато велимъ, да ова сироша жена не должна терпипи невалялогъ мужа; я не вѣруемъ, да е то сходно Закону хрїстіанскому.

Архіел: Добро сердце мое! Но кадъ се найде и жена пасія кость, кою добаръ мужъ не може да терпи, а мора, да ю туче, што шьемо онда? —

Свето: Разспавипи, и злу жену злomu мужу дати, пакъ што имъ драго, кадъ нису добри, а добру жену дати за добра мужа, опъ конхъ тѣе се и породъ благъ као вѣтвѣ одъ добра корена произвеспи. Тако доноси правда, тако здравый разумъ съ собомъ, а што е правди, и доброму разуму сходно, оно священному Закону пропивно быти не може.

Любом: Хошьє сыне што Господинъ учипипи, хошьє, и я се молимъ, но айде да ѣдемо.

Ар-

Архіел: Но кадъ се Господинъ моли, яшью
ню за другогъ мужа удаши.

Добрыи младить на то весео утерчи жени:
Но моя драга! ясамъ теби отъ Господина дру-
гогъ мужа измолю, но айде да му полюбишь
руку, о како е онъ добаръ, како се я о томъ
радуемъ, айде само, да му захвалишь! —

Жена дойде и цѣлуе добромъ Архіепіско-
пу руку. Онъ ю посовѣтуе и ушѣши, каже
іой, дашье онъ нѣногъ мужа даши къ себи
призвати, и со тимъ ю отпусти. Потомъ
и Любомиръ опростисе съ Архіепіскопомъ и
прочима, пакъ се врати са своимъ Светозар-
емъ и Космомъ у свой блаженный Елісіумъ.

Светозаръ е пао Чедомилю около врапа,
отъ радости ништа нису говориши могли, чи-
ста любовь ова два беззлобна дѣлеша возбуди
спарогъ Господина „Любезна невиносте! у-
милно гледешь на ній рекне у себи, съ како-
вымъ воспоргомъ сердца ваша нелицемѣрне
любви пріяшностъ чувствую, какво бы за
смершне блаженство было, кадъ бы су се ша
сладка чувешва, коя ваша весела сердца
сада у вашему злѣшному вѣку исполняваю, не
измѣнила. Но оле! рѣдко е столь чисто,
столь искренно пріяшество; столь нужну и
праву, коя бы корень свой у самому сердцу
има-

имала, любовь безъ наименше кадъ и кадъ
алобе, и безъ сваке корысти кодъ отраслыхъ
видѣши! у многому сердцу она процвѣла, о-
баче цвѣтъ нѣнѣ абіе урене.

Онѣ имѣ установи часове, у конма пѣ-
дусе учипи, расположи и установи предмете
у науки, и отреди имѣ време игри, либо
каковому послу, у коему бы и тѣлесне свое
силе, здравія ради упражнявали. Онѣ преду-
ме Светозара испытывати, штасе за то
нѣколко мѣсецій у граду ползовао; шта е ви-
дію, шта е чуо, што е научію; владитѣ му
стане проповѣдати, и еѣ таковимѣ поряд-
комѣ свашто му опише, да Старому мило
буде. Што е за похвалу было, знао е умѣ-
рено похвалити, што мусе пакѣ допало нѣе,
више е премолчао, аки бы о тому и понятія
правогѣ не имао. При свему тому дѣше мое!
рекне благодѣтельный Опацѣ, ты имашь мно-
ге іощѣ недостатке у обхожденію са свѣ-
томѣ. За ово мало време я ошѣ тебе тако
млада и захпеваши нисамъ могао, да се више
ползуешь. Зато ако буде Божія воля, на про-
лѣшіе послашѣте сѣ братіомѣ твоіомѣ у
Аѣину: дозволиши тѣу Вамѣ, ниши тѣу на то
прошка штедиши, дасе свуда и по окрестны
мѣсты пролазите, да познаше люде, искуси-
ше

те обычае нїове, и научитесе сѣ кимѣ, и како у свакој прилики говориши треба, кое тѣе се особито временемѣ отѣ тебе изискивати, понеже судьба е теби, о коей ни мыслїю нїсамѣ, проспранный путь кѣ щастїю отворила, хошѣули се я на то за живота мога разрѣшиши, да те испымѣ путемѣ пуспимѣ, не знамѣ, времѣтѣе ме шому само-научити. Моя е воля, мое е желанїе, да Вы Отчеству своему на ползу будете. Мысмо должны цѣлый родѣ чловѣческїй любити, и ближнѣму нашему безѣ свакога разнсвїя на ползу и утѣху быти, кое не само нашѣ священнїй законѣ изискуе, него и сама природа на то насѣ обвезуе, понеже е наше щастїе сѣ щастїемѣ ближнѣгѣ нашегѣ соединѣно: обаче своему отчеству, гдѣсмо рождени, и своему роду, кога смо членѣ, по нѣчимѣ вѣтъма смо обвезани. Сѣ каковомѣ тѣву и (настави Старый) радостїю у мрачни се гробѣ спустити, ако ми Божество у тому желанїе мое исполни, те Васѣ еданѣ крашѣ совершенне и на ползу общества способне люде видимѣ; кою му и я, хотя да самѣ спарѣ, іощѣ не отпрчемѣ, но живимѣ у той надеждѣ, да тѣву му еданѣ путь рѣтъи „ Се азѣ и дѣти моя, яже ми Богѣ далѣ есть. “

N

По

По пришествію ніовомъ сада Светозаръ нѣколико дана немогашесе довольно дивне ове пустыньє нагледати. Чиняшемусе, да су сви предмети у опсустствію нѣговомъ нове пріятности отъ благога Естества получили. Онъ са своимъ любезнымъ Чедомилемъ садъ на еданъ, садъ на другій холмистъ пеняшесе, и съ умиленіемъ сердца зелене лугове, мрачне дубраве, и измежду ній гдигди извите цвѣтоносне ливаде гледаше. Мѣста нѣка и велика древа, подъ конмасу съ добрымъ своимъ Отцемъ много кратъ сѣдали, и мудра нѣгова поученія слушали, живо га садъ опоминяху „овдіе смо, рекао бы Чедомилю, сѣдали, овдіе е намъ отацъ то и то говорію, и знашь ли, кадъ смо се овдіе играли, кадъ смо съ оногъ древа младе ппичитъє хватали и прч. Само кадъ бы га каковый предметъ Драгиньє опоменуо, клонуо бы духомъ, и осѣтію бы шежо на сердцу, но брату не хоташе то на паметь преводити.

Доста бы имъ пути Старый, кадъ ихъ види, да уморни дойду, рекао „За Бога дѣцо! кадъ се тако далеко пролазитѣ, и на то волю имате, зашто не сѣднете на коньє, него се тако моритѣ. Но они бысе изговарали, да на коньи не могу, гдѣ бы они ради, дойши.

Кадъ

Кадъ имъ не бы врушына кудъ далъ допустила изити, а они бы ушли у вертѣ, преко кога великій потокъ печаше, и ту бысе найпріе окупали у едноу великомъ виру, кои имъ е атацъ за шо и направити дао: ископао на средѣ пошока велико и округло на подобіе едноу гумна мѣсто, у дублину мало више ошъ полъ человѣка, пакъ и ошдомъ и свудъ у наоколо поставіо сѣ дасками, преко средѣ овоу купѣла бистра вода тако печаше, да се дно увѣкъ видяше. Ово е по мнѣнію старога Господина едно полезнѣйше као здравію а особито младе дѣце, средство было, но и оно е имало нѣка правила, коя су ови младитѣи у тому наблюдавати морали, сирѣчь уморанѣ, угрѣванѣ, на вѣпру, одма по обѣду, или кадъ е време смушно и облачно, ни пошто у воду не ити; и кадъ бы се ушли купати, шо полъ часа, до три четврти, више не, и шо что бы све по мало у движенію были.

Кадъ бы се окупали, сѣли бы у вершу на зелену траву, пакъ или бы изъ книге еданъ другомъ што читао, или бы Светозаръ младемъ брату што приповѣдао, што е ошъ Косме слушао, но у приповѣданю, гдѣ бы годъ на матерію шакову дошао, изъ кое бы мо-

ралну науку благонаравія извести могао, тако бы аѣпо и сусеемапически говорио, као да изъ книге чита. Старый бы изъ ненада у дертѣ дошао, стао бы подааско и, сѣ радостію слушао бы ихъ. У вечерѣ пытао бы Чедомля, шта му с братѣ казивао, кое бы овыи ошѣ рѣчи, до рѣчи наизусшѣ изговоріо. Они као дѣца у чему годъ и скриву, но онѣ бы ихъ шако сѣ рѣчма на раскаяніе довео, да имѣ е горше падало, него да бы ихъ босмѣ казнио.

Не може свакій себи представити, како е дѣте, поѣти свако, на добро удобосклонимо, само кадѣ му се сердце исправи, кадѣ му се основаніе правоѣ воспитанія у нѣга положи, и кадѣ се мудрымѣ начиномѣ насшавляши почне. Любомирѣ е имао обычай у разговору примѣре различне доводиши, у коима бы дѣци свака добро и честно дѣло усладителнымѣ рѣчма похваліо, и ползу ону, коя по добромѣ дѣлу слѣдуе, ясно бы имѣ исполковао; а на прошивѣ небреженіе доброѣ дѣла, а іошшѣ више, ако шко по нещаснѣ ступи у неваляло, шако бы имѣ живо описоа, шако бы имѣ гнусно оно учиніо, и пагубна ошшуду слѣдешвіа истолковао; да су се они о невалялству и помыслиши грозилы.

До-

Доволно е было нѣговомѣ Светозару, кадѣ бы га и за мало какво преступленіе съ негодованіемѣ погледао; а кадѣ бы му рекао: Ао мой сынко! нисамъ се шому отѣ тебе надао, ты опричешъ менѣ желаемый плодѣ благочестивога сѣмене, кое самъ я прудолубно у швое млада сердце сѣяо, пожнѣши; швое, ако се и мало преступленіе быши види, опузима ми надежду, да шбу я радость у теби доживиши. Зато моему сердцу мора тяжело пасти! поправи сладкій сыне погрѣшку швою, и поврати со шимѣ моему сердцу ушѣху; иначе я шбу принужденѣ быши оно чинити, што ми разумѣ пекущійсе о швоемѣ благополучію чинити налаже, и што ми моя къ теби опеческа любовь заповѣда. Скогѣ е као безсловесный и неразумный за бой, а не человекѣ, кому се може доказати, што е у право добро, и што е нѣговомѣ благородномѣ характеру сходно.

Дань по дань почне се лѣто измидати, небеса умале теплошу свою, и воздухѣ хладній постане, зелена Естества одежда обветша и листвіе съ древесѣ падати почне, умилно пшичицѣ пѣніе престане, правасе осуши, све пріятности исчезну, магла се подигне. Хладни дожди са сѣвернымѣ вѣтромѣ принуде и сва-

ко

ко животно зимне себи искапи обиталище. Сѣда зима настане и све предмете у бѣлу ризу облече, быспри се пошоцы смерзну, све се у-шиша.

Любомирѣ сада наново за свое младитше училище отвори. Первый дань, кадѣ шьеду науке свое почести, торжественно праздную. По томѣ свакиѣ дань 2 часа предѣ полдне, и еданѣ предѣ вечерѣ почно имѣ е науку предавао, проче време они оу на невинно свое употребили увеселеніе.

У полѣ зиме случайно дойде имѣ шу нѣжкій пушникѣ, овый е было родомѣ изѣ Паріса, царствующегѣ у Французской града, и родомѣ правый Французѣ, младѣ человекѣ о-коло своихѣ 34 лѣта, именемѣ Жанѣ, Сербски е чисто говориши знао. На вопросѣ Любомира каже, да е іощѣ малый сѣ опцемѣ своимѣ у Албанію было дошао, и разумѣвшій да се при Кралю Стефану многиѣ опѣ Французовѣ у войнической служби находе, прејде у Сербію, и пріими и самѣ войническій чинѣ, у коему щасливѣ буде, и получи за свою храбрость у Рашу сѣ Болгары лѣпо достоинство, но пошомѣ при новому Кралю у едномѣ сраженію сѣ Греками предѣ нѣговима очима падне. Каже за себе, да е было у петой вой-

войни мусікантѣ; како што га по томѣ виде, да е искуснѣйшій у тому занату. Онѣ приповѣди, како е было двѣ године и полѣ кодѣ Грековѣ зароблѣнѣ, и опшудѣ, кадѣ Сербли онымѣ предѣломѣ обвладаю, избависе, псеиде у отечество, гдѣ само едногѣ старогѣ дѣду, и шoliko Добро имадыше.

Но Любомирѣ га совѣшуе, да остане при нѣму до пролѣтѣ, да се зими на шоль далекій путь не пушта, дагые га онѣ драговошно держаши, и на пролѣтѣ самѣ о нѣму, како шые га у отечество послаши, попеченіе имаши.

Овыи заостане, и неимаюшыи другогѣ посла, предузме Любомирове младитые у мусіки и Французскомѣ Езыку поучавати. И тако онѣ до Гьургьева дна у крайнѣй любви весело съ нима проведе. Дѣцасе отѣ нѣга како у мусіки тако и у Езыку весма поучу, честанѣ мужѣ будущи, задержад бы га Господинѣ до смерти; обаче ніе могло быти, сѣмпатіа е нѣга у отечество яко вукла. Любомирѣ га обдари лѣпо, отведе га у еланѣ на Архипелагу градѣ и шу му найде прилику на одной малой галіи до Рагузе и тако га пошые.

Кадѣ се врати дома, узме дѣцу и опне-се ихѣ у Аѣину. Намѣсти ихѣ кодѣ нѣкоегѣ Даскала на препитаніе. Овыи мужѣ именемѣ

Пар-

Парменіонъ бѣше около своихъ 54 лѣта старъ, Філософъ иначе быо е доста добаръ, у разнымъ наукама искусанъ, знао е и Сербски но покварено, и у предаваню приличанъ е быо, но Сребролюбацъ отъ свѣта, нигда се новаца насытити не могао, человекъ омаленъ, дебео и мало горбавъ съ просѣдомъ долгомъ брадомъ. На пытанье Любомира, кажу многи, да е добаръ, 32 године како непрестанно школу ту держи, но Каракшера е (рекнѹ) доста свакояка.

Нашъ старый Господинъ радъ бѣше съ публични се, кой ту предаваху Філософію, профессори састати; но овыи на еданъ данъ прежде нѣга разышлисе бяху съ избрачныи нѣви свои ученицы кое когдъ кога по окрестни мѣсти на полска Добра, новое пролѣтѣе торжествовати, и кадъ разуме, дашьеду се по обычаю до конца Маѣа тамо задержавати, рекне Косми, да ако имъ се при истомъ Спарцу Парменіону не уздопада, да найду себи за новце на другомъ мѣшту. Остави имъ новаца, и вратисе у свой Елісіумъ.

По нѣколико дана као у непознатомъ мѣшту, хотя да е по древности и знаменитыи нѣкѣи зданіями много лѣпши отъ Лариссе, досадисе Светозару у време Школскогъ упражне-

не-

ненія шу самомъ безъ више дружства быти. Пышаю у вечеръ Спарца свогъ, былъ и они имали на данъ два кудъ изити, и съ кимъ провеселишисе. О! да како, рекне овый; но кудашьє Вамъ больше увеселеніє отъ моегъ верпа, придода. Имадыше бо великій сниже дома вертъ свой. Младитъи га моле, да ихъ кудъ далъ изведе, кажу му, да они прошка не жалу, само да имъ по воли учини, буди што спало: нешьє спарацъ нипошто. Най-после овѣи се заузму самѣи и другій данъ по полдне у дивной нѣкой шуми спуцаютьшисе жедни у одну дубраву да траже воде, чую нѣку мусіку! — Брже помози! овдіє има людій! — пойду мало напредъ, кадъ алъ на одной цвѣшной поредъ великогъ пошока ливади, по коей се гдѣ кои гдно великій растъ видяше, прекрило обоєго пола людство! — Светозаръ као младитъ веселе нрави, и добръ духомъ, и лѣпа сердца будутьи, за дружство погинуо, восхитисе радостію, и хошашє съ устремленіємъ шамо, на кое се насмее Косма, О! о! спани момче! рекне му, кудъ си наваліо? Мысмо овдіє любезный мой непознани, а людій шу има свакоякихъ, валя да пазимо на нашу чєспъ: учшиво можемо имъ се приближиши, и глєдаши веселу младежь, како играю, ста-

статя мадо на страну и слушати мусіку, а не таки между ній утерчати; нїе то никаково торжище, но люди се веселе. Особито теби, рекне Светозару, препоручуемъ, да се изъ явогъ протосердечія овдіе не покажешъ продерзливъ! морашъ быти політчанъ, иначе бы те за едногъ безобразна младитъа, може быти, осудили. Подайте свакомъ по пристойности честъ, и пазимо, да кога не увредимо; ово су граждани, они ако се и веселе, и пію, шалусе и смѣю, при свему тому као памешни люди, правило пристойности и честности знаду наблюдавати. Мы шъемо имати може быти прилику овдіе се сада съ честнымъ Лицамъ познати.

Со шимъ увѣщаніемъ пойду. Светозаръ, кому е текъ сада 16 пролѣтїе цвѣтало, съ нѣговимъ дивнымъ спасомъ шѣла, съ нѣговы округлы ружичны образы, великимъ и прекраснымъ очима, обрапи взоръ свію на себе: онъ као невинъ, умѣсто што бы се заспыдію и смутію, гдѣ на нѣга многїи гледаху, свободно и веселымъ лицемъ учтиво имъ се поклони. Ово се дружству особито допадне. Младъ еданъ Господинъ прїиде къ нійма, и любко се на ній осмѣваютьи рекне имъ: „Изволите Господо моя ближе, мы данась праз-

празнуемо обновленіе нашегѣ свѣта — мило пролѣтіе — ходите и прїимите участіе наше веселости. Ево! придода испый Господинѣ, указуютьи рукомѣ на нѣке ту младитѣ, ово су вели мои ученицы; ясамъ у Граду Профессорѣ. На то Косма: Могу ли имати честь Господина Філіппа Філософіи Профессора поздравити? На служби ясамъ, отговори овый. — Особито се радуемѣ, да имамѣ ту сретѣу Васѣ и лично познати, кога ми е вещь честно име познано. Принмамѣ мени за особиту честь, отвѣща Профессорѣ, и я пакѣ за велику сретѣу, придода Косма, Вамѣ се съ ова два моя младитѣа у школу препоручити. — Со тимѣ се више радуемѣ, отговоривѣ Профессорѣ, поведе ихѣ мало на страну. Пыта ихѣ, откуда су, чїя су дѣца, и гдѣ су спали на препитаніе; кадѣ му казаше между прочими, да су при старомѣ Даскалу Парменїону, насмеесе „шко Васѣ тамо упути за волю Божїю? — О шта я съ тимѣ Старцемѣ много пута посла имамѣ, нешьете любезнии мои при нѣму обспати мотѣи. — Еда ли е онѣ тако opakѣ человекѣ? — Не толико што е opakѣ, но има тако нешто у себи, да га нешьете мотѣи терпити. Трапезу бысте немали добру; но перво што е сребролюбѣ,

я друго при свой нѣговой науки будала, а све насѣ за будале держи, онѣ све зна, а кадѣ га памешанѣ мужѣ измѣри, никакове важности у нѣму нѣс. Терпи га наше общество: будущи да е богатѣ, не был' по смерти своѣой оно благо, што има, на сироте оставѣо. Не прѣимите ми за зло, што за нимѣ говоримѣ; понеже изѣ любви као страннимѣ кажемѣ то, што бысте до мало времена и опѣ другихѣ чути могли. Жао бы ми было ове дѣ-по воспитанне дѣце, што бы се као млади повседневно сѣ нимѣ бывающѣи ружнымѣ духомѣ запоили. Вы не бысте были у соспоянѣю то-лико нѣй исправляти, колико бы ихѣ онѣ кварѣо. Ако га ѣошѣ познали нѣсте, познашѣете га, докле га чуеште, како булазни, и какова луда и крива понашѣя о добродѣтели, о моральной науки, и о псѣхологѣи има! За малу дѣ-цу, кою онѣ учи, може поднеши, будущи да не може сѣ нима високо шѣво почевни, а шѣво бы и могао, не смѣ опѣ, Капехеште, кон му три крашѣ у недѣли дана у школу опходи и хрѣстианску науку предае; нѣга се бон, као огня живогѣ; иначе Поепта е великѣй, и Елинѣ да му пара не има: но правѣй е Флегматѣкѣ, кон цѣло свое блаженство у чанку и бокалу налази. О словесной души шай и не мысли, а

о безсмертію нѣномъ ни понятія не има. Богъ му е чрево! — Садъ любезный мой! я нѣга тако познаваютьи, и Вамъ као спрацнымъ не казащи, были бысамъ мирне совѣсти могао быти. А ел' истинно онъ таковъ, Выше те га сами искусити, него радсамъ, да га са своимъ ущербомъ не искусите. Но яшью весьма честно мѣсто и за маню цѣну найши, гаѣше дусе ови младитъи, овака красна дѣца имаши чемусе ползоваши.

Косма му на шаковой любви захвали усердно, и обѣщасе, даше онъ у свему нѣгове совѣте слѣдовати.

Ту проведу съ овимъ честнымъ дружествомъ шры дана. Даньомъ кое на зелены ливада играютьисе, кое чрезъ прекрасне оне шуме проходаютьисе; а нольомъ у прекрасне полске домове склонесе. Ту се съ многими ови младитъи познаду, но съ Профессоромъ Філіппомъ у крайнье пріятелство спуне. Овыи молодой человекъ добаръ и наученъ, веселе нравы, и шаливацъ отъ овогъ свѣща, цѣло е ту дружство веселіо.

Четвертый дань Косма са свои младитъи навали дома. Профессоръ му даде едно препоручително писмо на нѣкоегъ честногъ у испомъ мѣсту старешину *Веодора Малаша*

да

да ихъ прїими себи, обѣщаваютьсѣ имъ, да тѣе и онъ до кои дань дойти. Ови се опросте и оду.

Но кадъ дойду у градъ, не застану свѣгъ старогъ газду; кажу имъ нѣгови младѣи, да с прїимїо писмо нѣко, и одма на путь опишао, и казао преко нїй овымъ, да како дома дойду, имадусе изъ дома нѣгова изселити, да онъ младишѣе такове шерпипи не може, кои на нѣколько дана на спрани гдѣ остаю. Богъ да прости! рекну ови, то мы и хотѣемо, оду абїе спарещини, предаду писмо и овый ихъ едва дочека; даде имъ двїе собе прекрасне, и человѣкъ ученъ будущи одма се сѣ младишѣи у лѣпе и паметне разговорѣе упусти, одма ихъ у свачему, што с за младе люде полезно, наспавляши почне.

По нѣколько дана дойде имъ и Профессоръ, мило му буде, кадъ му се ови почну хвалиши, да имъ е добро. Опведе ихъ у велика училища, позна ихъ сѣ нѣки ученицы. И будущи школа се їощѣ не починаше, оплазили су по лову, прохождавалисе и по разны мѣспи; изходилису на море: чрезъ дѣлый Май све сѣ Профессоромъ дружески проведу. Време буде дома се прибрати, и кнїге отвориши.

По.

Послѣдній дань пре шпопѣду се вещь школе почести, у вечерѣ, дойде Профессорѣ младишьемѣ своимѣ, и между прочими съ нима разговоры навали на ній, да иду съ нимѣ старогѣ Даскала посѣтити; будущи да е съ пуца вещь бы дошао, и по више овый шаливѣ као младѣ человекѣ за просмѣянисе мало съ нимѣ, него што бы нѣгово дружба и пріятелство пошребовало: Светозарѣ и Чедомиль остану дома, а Косма съ нима айде! Ходетьи имѣ рекне Профессорѣ, супрашье се нѣгова школа почести, зашто вели треба да му щаспливѣ почешакѣ желимо. Но пай, придода, ни по Недѣлю дана у школу свою не дойде; има одногѣ младишьа доброгѣ, мыслимѣ, да му е вещь и онѣ дошао, кои му дѣцѣ предае, а онѣ само надзирава.

Кадѣ дойду у нѣговѣ домѣ, пышаю младѣе, гдѣ имѣ е Господарѣ; на овый вопросѣ вершарѣ зацѣнисе смѣяти „ О Господине! као да самѣ по Васѣ поручіо! ходите мало, молимѣ Васѣ, у вершѣ, да видите чуда, што нигда у живому видѣли нисте. — Айде съ Богомѣ! рекне Філіппѣ, но гдѣ е Вамѣ Господарѣ? — Та зашто Васѣ и зовемѣ, ходите само у вершѣ, онѣ е тамо іошь при вечери, путьишьете отѣ шежкога смѣха, доклега видите; но я идемѣ

демъ на предъ, а Вы лагано дойдите за мномъ подъ сѣню, пакъ му се немойте одма указаши, но стойте и слушајте мало мой сѣ нимъ разговоръ. — Вражкій Албанезъ! рекне Філіппъ, онъ е науміо сѣ Старцемъ нѣку Комедію наиграши. Пойду лагано сквозъ вертъ и, приближивши имъ се къ сѣни, спану но текъ што изъ померечине са спране баце взоръ на старца, кои при столу сѣ испушъенымъ пербухомъ сѣдјаше, напрегнусе отъ шежка смѣха; кадъ га виде, безъ браде и безъ бркова! — „Кои га діаволъ обрја и награди подъ старость? Вертаръ почне сѣ нимъ разговараше.“ Но Господине! Высте весма паметно урадили, шпосте браду и бркове обрјати дали?

Старацъ. Ел' дасамъ паметно урадіо?

Верт: Како нѣ паметно, молимъ Васъ! Кадъ сте садъ као каковый младитъ, на мою душу не бы Вамъ ни найлѣпша у граду Господична замѣрши могла.

Стар: (Гледаюпъисе по свои црвени и буцмасты образы) Ха! ха! ха! Како сада изгледамъ море! —

Верт: Какогодъ Бахусъ; јоуцъ сте лѣпши отъ нѣга.

Стар:

Стар: Ха! ха! ха! — дай едно огледало, да га се видимъ море! —

Верта: Таки тѣу Вамъ донети Господине. — Со тимъ истерчи на полѣ — естел' га видили, молимъ Васъ, што е человекъ овый учинио отъ себе! — Спайте мало овдѣ, не указуйте му се ющъ, само да видите, што тѣе чиниши; а добро е наквашенъ, я идемъ, да му донесемъ огледало, да се види, како е лѣпъ.

Старацъ сѣдѣши при Столу, почне самъ булазнити „Некемъ да пойдѣмъ, сто имасъ браду! сада не имамъ браду дчаномъ! — нисто брада: ей! душо Яно! — докъ ме сада видисъ! — Окемъ младо! — ама море младо нейма новце дчаномъ! — а сто младо, и я нисамъ старъ!

Устане хитро отъ стола, протече свое старостию укочено шѣло, извѣясе силомъ, вращъ кочи, ноге исправля, и спане нѣке комплименте правиши. На кое она двоица съ поля гледающѣи га, да се искидаю отъ смѣха. Епо ти му вертара съ огледаломъ „Ево Господине, погледайтесе, какосте лѣпи, као отъ 20 лѣша Юноша, нишъ бы шко рекао, да више отъ 25 имаше.

Старацъ. (огледаютьсисс) Хмъ! хмъ! хмъ!
враскій цовекъ! — А сто е то море? (ука-
зуютьни перспомъ на оба образа велике две
бразде).

Верта: Е то е ништа, то не пада шако
у очи.

Стар: Хмъ! Враскій цовекъ! но добро,
(остави огледало, подбочисе едномъ рукомъ
и поиде велике кораке правити) Знаесъ море!
али — некемъ да ши го каземъ! —

На то Філіппъ и Косма уаару „Добрий
вечеръ! — (Старацъ се садъ сбуни, спанесе
кресшити) Кое дявола садъ те звао? А што
е деко, да отъ Бога найдешъ? —

Вершаръ намигне на нѣга, да му се не ру-
га, но да каже, да е садъ лѣпшій, на кое овый
одма окрене. „Е! гледайте садъ, како е лѣпъ
постао нашъ сосѣдъ! на мою душу младый
е сада него я! —

Вершаръ. Е! ша онъ нѣе годинами ни старъ,
но брада га е стара чинила, онъ е чловѣкъ
у найлѣпшій година свои.

Філіллъ. Ющъ шьемо мы нѣму у свашови
играши.

Стар: (смешетьсисе дично се шепта по сѣби)
Све ке быши, само ако —

Верш:

Верт: (Нешто знаютьн, кудъ се нѣгове мысли клоне) рекне, Шта ако? Посао е тошъ Господине, само отъ Ваше волѣ зависн! —

Спар: Хе! хе! хе! (опетъ узме огледало и гледи се).

Фил: (лагано къ Вертару): Богъ и душа пребашьему супра молитву читашн, та онѣ е и досадъ піо, ал' нѣе лудъ было, кои му е врагъ садъ?

Верт: Душе ми мое онѣ се негда залюбіо.

По доволной овдіе шали и смѣху разиду се дома. Супра дань дойде Вертаръ Філіппу, и каже му, да е Старцу цѣло нѣкій пундравацъ подъ кожу се увукао, да се онѣ заистѣ у нѣку залюбіо, него вели валя да му у прагъ уидемо. Но еств! — лукавъ Спарацъ нѣе свакій дань піанѣ, чувасе тако, да му тайну никакъ постигнути не могоше.

Кадъ преко зиме остави ши намъ Старацъ школу и нѣкуду оде! пукне гласъ за нимъ, да е опишо у Јерусалимъ, нѣки пакъ казываху у Аѳонску гору: кудъ му драго некъ иде, макаръ и не дошао: старъ мужъ, ако е честанѣ и паметанѣ — буди бы и не было наученѣ — и ако више никакове вѣспроде у глави нейма, но смирисе, спрощу вѣка свога сходно посшупа, Богу се моли, и преправлясѣ

кѣ гробу; онда е управѣ почитанія достойный спарацѣ. Но кон нїе као што треба у свое пролѣтїе процвѣтао, тай тежко да зрѣлый у своей Есени плодѣ принессе. — Хуля быо, хуля и остае. —

Обратимосе садѣ опетѣ нашимѣ младитьсмѣ. Они цѣла зиму кое у училищами, кое у сообращенїю сѣ Профессори тако лѣпо проведу, да и не осѣте, како имѣ време пройде. Светозарѣ нїе више као найпрїе простѣ быо, но сѣ толикомусе садѣ духѣ у совершїю, колико му е предѣ тимѣ сердце благоображено было. Онѣ е се могао вещь сѣ совершеннымѣ людма у прекрасне разговоре пустиши, и отѣ свїю любимѣ и почитасмѣ быо. Едва су чекали лѣпо, да се по окрестны мѣсти пройду. Но текѣ што пролѣтїе настане, прїму писмо отѣ Отца, да тѣе имѣ у Маїю месецу дойши, кога сѣ они сѣ радостїю свакаї данѣ броепшїи ожидавали, и шо ихѣ препящствовало, да се никудѣ далѣ удалиши нису могли. Зазеленесе вещь шуме и дубраве, обновисе вещь цѣла природа, благодатно Естество отворїи нѣара своя, и све прїятности по лицу земномѣ богато разсыпаше.

Светозарѣ измолисе еданѣ данѣ отѣ Косме, те га отпусти сѣ нѣкимѣ младитьсмѣ,
сѣ

сѣ коимъ естѣе особито пазіо, на нѣколико дана на нѣгово полско Добро; гдѣ онъ сиромѣ случайно шу у одной великой шуми нагази на нешто, чему се нѣе надао, найде оно, што нѣе спражіо. Едно Юпро другъ му се забави сѣ младьима у нѣки пословы, а онъ узме спрѣлу, справи ю лѣпо, пакъ зовне слугу и изиде мало, у шуму проходагисе; — сѣ одного брѣга на другій, изъ едне дубравѣ спущаютьсѣ у другу, и спражешьи звѣріе, оду далеко. — Слуга найпосе навали дома, вратусе дакле: но слуга похити берже и Светозарѣ нехопяшега слѣдовати „Иди ты рекнему, кадѣ ти се шако хити; я знамъ и самъ дойши. Слуга оде а онъ остане самъ. Уморенъ и шако, а солнце бѣше яко препекло, разслаби га сасвимъ, и жеданъ будущи поиде воде спражити. Спѣзница една упрѣвена, коя се увѣяше у долину, учини га внимателна, и текъ што се спусти у долъ, онъ дойде на воду, напѣсе и умые, пакъ гледа около себе ужасне величине дрѣвеса, коя се чиняху, да су іощѣ Адамова вѣка, и слуша, како лѣпо пѣице пою: на еданъ пущѣ чуе са стране нѣкій дивный девочкій гласъ, гдѣ пѣва! онъ троне, упишасѣ и слуша, чуе шако, да и самѣ слокове изговора разпознаваше у пѣснѣ, обаче видити не

не могаше „ израженія се печална быши чуаху ,
- коя се овако почию ,“

I.

Пойте миле и любезне
окол' мене све пшицице,
Торжествуйте и славите
Свѣта обновленіе.

II.

Не завидимъ, уживайте
Пріятности естествомне,
Кое сердце у печали
уживати не може!

III.

Цвѣтай личный полскій цвѣце
и украси пролѣтіе,
Да се съ тобомъ сретъни кше,
ако за ме и не.

IV.

Я се тѣшимъ съ поточитъи,
у кое ми сузе каплю,
Васъ дань съ нима улыщитъи
много краты и нощю.

Светозаръ обзирае, нигди никога не ви-
ди! поиде мало на страну, отъ кое се гласъ
чуаше, кадъ алъ поредѣ едногъ малогъ пото-
читъа угледа жецку особу, коя престала бя-
ше пѣвати, сѣди на триви замышлѣна, и
не.

нешто плеше, Младиць се л
 ближи, легне у праву, и чека, 215
 нула, да ю види. Но ова устане и, п
 одной малой спази: Свеспозарѣ ю види, мла
 дѣва, румена као ружица, прекрасна спаса, и
 нѣжна спрука, у движенію чистосе превѣ, о
 дѣло нѣно не тако скупобѣно быти видяще
 се, но лѣпо, кое нѣнѣ дичный спрукѣ ува
 жаваше: Младиць хопяще їей проговорити,
 но не могаше, обвладаю нимѣ онакова чув
 ства, коя га смуше. Онѣ прилегне больма у
 праву и крадомѣ мопраше ю самѣ у себи
 говорешьи „Боже мой! ово мора нешто више
 оцѣ человѣка, мора быти какова нѣмфа, за
 кое После баснослове, да се такове у шума
 ми, и нарочито при попоцы находу: гледи ю
 нди сада, кудагы: а ова се упути управѣ
 низѣ пошокѣ. Свеспозарѣ похити за нѣомѣ,
 алѣ кадѣ укажесе шу еданѣ домѣ, у кои она
 сада уиде. Домѣ бѣше повысокѣ, обаче у о
 круглости своей маленѣ, но весма лѣпо у
 спроенѣ отѣ самога камена, и стѣне вѣшь
 элене показываху глубочайшу древность. „У
 кои кадѣ уиде ова у очима Свеспозаровымѣ
 свяпыня, и врапа за собомѣ зашѣори, спанѣ
 мыслили сиромахѣ, шшопгы садѣ; солнце вѣшь
 бѣло бѣше, и мракѣ се изѣ глубоки они ду
бра-

* ~ ~ ~ *

стуспяваши почне. Любопытство у нѣ-
у да дозна, какво е то существо, и воля
дома да се врати, начну се у нѣму борити:
садѣ се окрене да иде, садѣ се заустави, и
на овый пустынический домѣ гледа и слуша. На
еданѣ путь ужегусе на горнѣмѣ спрату свѣ-
ще и почусе лѣра, уз' кою оный гласѣ чуе,
кои е мало пріе при потоку слушао, но рѣчи
саслушати не могаше, што у пѣсни изговара.
Нейма ту ништа, помисли у себи, а ову тай-
ну морамѣ дознати, а овдѣ морамѣ нотѣн-
ти, морамѣ унутарѣ уити, пакѣ штогодѣ
Богѣ да! — Пойде управѣ на вратѣ, на коя
е она ушла, и уиде у дворѣ (авлію), види ед-
ногѣ старца сѣ бѣломѣ брадомѣ, гаѣ у ходни-
ку сѣди, поредѣ нѣга малый еданѣ столекѣ
поставленѣ бѣше, и на нѣму свѣща гори.
Ето ти изѣ кухине едне старнице сѣ сломѣ,
метне чанакѣ на столѣ и сама се спротѣу
старца посади „Милиса нешье вечерати, упы-
та старацѣ“ Зваласамѣ ю, рекне стара, но
каже, да не може ништа ести. Светозарѣ у
ходнику близу нѣи изѣ померчине гледи и слу-
ша. Ови вечераю и ништа више не говоре.
Дай да имѣ се явимѣ, помисли у себи, и у-
правѣ кѣ нѣйма пойде: Добрый вечерѣ! назове
имѣ „ови га любовно предусретну. Еште ли Вы

ОВ-

овдѣ домошнинъ? упыта га младитъ. Есмѣ отвѣща Старый. — Я се молимъ, не прѣимите за досаду, за ову нощь ме у Вашъ домъ узети: изишаосамъ быо мало по овомъ мени непознатомъ мѣсту пройтисе, пакъ замеркнемъ, на трагъ се врати не могу, а неймамъ гдѣ у Пустыни пренощьити. Сб драгомъ душомъ сладкій Сыне, рекне старацъ, и ошма га посади за столъ „пыта га, опкуда е, и како е ту дошао; каже Светозаръ, да е отъ Леониде близу Лариссе, но да се сада у Аѳини находи; по томъ каже, како е ту дошао. Онъ желяше се сб нимма у ветый разговоръ упустили, но овѣя упъуте, само шпо га вечерати нудяху. На то епо ти имъ оне исте дѣвице, пергнесе мало, кадъ види ту непознана Юношу, поклонимусе учпиво „Мы имамо и Госта, рекне, а Вы мени ништа не кажѣте? На кое Старый осменесе, имамо мы любезно дѣште мое! но нисмо му се надали, да пристойнию вечеру стоповимо. О ясамъ благодаранъ добрый Отацъ рекне Светозаръ, ово е вечера прекрасна, но ели ово Ваша дщи? Наша Сыне, да чѣя бы была. Божѣя пакъ наша. — Дѣпо дѣште, да ю Вамъ Богъ живи, на лицу се нѣномъ види, да има пошпено и сердце, а кадъ е то, нешье ми любовь отрещи,

ци (осмьгаютьсье на ню) у присушствіи
своицхъ добрыхъ родинелей сѣспи кодъ мене!
О защо не любезный мой! мы примамо чест-
ногъ младитѣя плаково захтеванѣній за сре-
пью, сѣян Милиса, и разговарай Госпа; онѣ
— Богъ ме — некѣ и опрости, при нами
бы и задремащи могао: мы као стари люди,
а у нѣкой бриги будущи, мало се разговара-
мо, ниши може младѣ человѣкѣ са старима
у разговорѣ свакій пущѣ ону забаву найти,
кою са себи подобнимъ находи. Милиса сѣдне,
и по маломѣ разговорѣ и вечери зовне Све-
тозара у собу, узме свою Лурѣ, почне уда-
рати и узѣ ню шако пѣвати, да Светозарѣ
отѣ милине изванѣ себе дойдѣ. Стари су
продолжавали ющѣ време на полю при чаши
вина. — Добра моя Милиса! рекне їой, пѣвай-
те ми ону пѣснь, кою сше данасѣ при пото-
ку пѣвали. — Выште даке мене данасѣ слу-
шали? — О да како; иначе не бы Васѣ може
быши ни смопрію, ниши бы самъ я овдѣ быо.
— Но я Васѣ молимѣ, отпойте ми ющѣ е-
данѣ пущѣ. — О молимѣ Васѣ! Вы као нашѣ
гостиѣ не треба да молитѣ, кадѣ я сама у
тому увеселеніе мое находимѣ Вамѣ по воли,
што е годѣ честно захтеванѣ, учиниши. Но
я сада оно вѣпью мошѣ погодиши. — Да ка-

ко-

косте данасъ пѣвали? — Ясамъ данасъ была у онаковаго расположенію, што самъ у онай парѣ у сердцу моемъ чувствовала, оно самъ и у пѣсни изжавала. — Ако сте Вы онако чувствовали, као што сте данасъ пѣвали, то сте Вы печальный.

Милиса. И во вѣки остаемъ.

Свето: Смемъ ли пыпати за узрокъ?

Мили: (Повлачешъ на нѣга свое красне очи) Да нисте Вы што годъ о тому моимъ Старымъ говорили?

Свето: Боже сохрани! ни рѣчи, а погрѣшю бы за то што?

Мили: Не бы ми мило было; я печаль мою по вешьей части опѣ ній крѣмъ, иначе бы ихъ увредила. Ето пи имъ на то Старце. Но, што сте упъутали, што не пѣвашь госту дѣте мое? Пѣвалисмо, рекне Светозаръ, садъ хотъемо мало да се разговарамо; Добро Сыне мой! добро, Вы се разговарайте, я идемъ спавати, опведи потомъ госпа Милиссо у Старога собу, тамо самъ намѣспидла: со тимъ оде.

Свето: О како добре Родителѣ имате!

Мили: Они нису Родителі мои, они су Отацъ и мапи Родителей моихъ.

Свето: Дакле не имате Родителе?

Мили:

Мили: Отацъ ми е живъ , опишао е на путь , но мамица ми се е преставила, има вепъ три године.

Свешо: Естел' се Вы оваѢ родили? —

Мили: Нисамъ! Ясамъ се родила у Палмїну.

Свешо: ГдѢ е то, ел' далеко?

Мили: Нїе далеко, поредъ мора еданъ ма-
лыи граднть, може се отовудъ пѣше за при-
часа опити.

Свешо: Пакъ за што сте овамо дошли?

Мили: (узване) Тако е щастїе съ нами
поспупило. —

Свешо: Я бы самъ радъ быо извѣспити-
се о приключенїамъ шимъ, на коя Вы сада уз-
дануєте; мое е любопытство Васъ ради. —

Мили: Я почитуемъ у Вами то лѣпо сер-
дце, кое о мени толь нѣжно соболѣзнуе, оба-
че — мое не допушта Васъ учаспникомъ мое-
туге учинити. Вы сте оваїе нашъ гостъ
и должностъ е наша Васъ лѣпо дочекати, уго-
спити и весела паки отъ насъ опдустити,
а откровенїе моихъ приключенїй родило бы у
Вами може быти желанїе средства какова ис-
каши, коими бысте мени хотѣли помощи:
но судба е мени такове отпрекла и мене во-
вѣки печали предала, мени се помощи не мо-
же! Ясамъ любезный мой! оно изгубила, што

МИ

ми е найдражайшее на свѣту было, онога самъ се лишила, за кимъ ми се сердце утѣшити не буде, и нигда лице отъ слезъ осушити. — И опетъ я бы ущербъ оный моего благополучія сносила, опетъ бы ужасный оный ударъ кое како претерпѣла, да ми се друго зло къ овому не приложи! — мало е се видило моей судьбине оно ми опузети, што е мени наймиліе и найлюбезніе на свѣту было, но почне ми намешати оно, што и опнюдъ пріимити не могу (при овимъ речма заплачесе) извините ме любезный юноше! што Вамъ не могу шако младому тайну ову открыти, хопя да бы ми се со пимъ као тежкій камень съ сердца свалио.

Светоз: Сожалуемъ! и со пимъ вещьма, што ми се прилика оприче Вамъ дѣйстви-тельно показати, колико о Вами сожалуемъ. Можно, да се Вы у тому варате, што кажете, да е Вамъ судьба сва средства опрекла, и да се Вамъ никако помощи не може.

Мили: Оно што самъ изгубила, занста нигда више добыти не могу: но за избетими вшоро зло, кое ми се намешъ, не держимъ средства іощъ за изгублѣна, пущь ми е съ едне стране отворенъ. — обаче любовь моему бѣдному Родителю, и овимъ Старымъ,

КОН

кой се ко гробу вещь приближаваю, мене отъ моего намѣренія задерживаю.

Свето: Добра моя Милиссо! Высте мое сердце опягопили! Есте ли Вы постоянни при той мысли, да ми тайну Вашу не кажете, и можете ли Вы мене тако опустити, да ме неизвѣстие свагда попомъ мучи? Мени се не види, да е то Вашему сердцу свойственно! —

Мили: (потбутивъ) Што е Ваше име?

Свето: Мени е име Гвезозаръ! —

Мили: Светозаре мой любезный! Лице Ваше показуе, дасте Вы поне три четири годне младый отъ мене, я самъ дѣвица у совершенномъ моемъ возрасту; следовательно за пристойно мени судимъ мою повѣсть, кою нитко кромѣ моихъ родителей до насъ не зна, Вамъ тако младомъ казаши, хотя изъ саме бесѣде Ваше я Васъ за памятна младитѣя, и благосмысленногъ юношу держимъ. Ничто меньше мое тѣе сердце оудѣ изятіе учинити, и законъ моего разума у помъ мало нарушити, увѣраваюсьсе да тѣе моя тайна при Вами оспати, яшью ю Вамъ открити.

„ Но будущи да бы ова моя повѣсть мало више времени пошребовала, а ово е вещь

поз-

поздно, Вы сте знамъ и уморный, да я Васъ опведемъ у собу, у коей мой спарый опацъ оппочива, пакъ Вы лѣпо спавайте, а заупрашъемо нашъ разговоръ паки повестя, и свѣтъ те отъ мене, оно што желите, чупи.“

Супра дань рано устане Спарый, обучесе и изыде проходаписе. Светозаръ ющъ не бѣше радъ себе изъ обятія Морфеа отторгнути; но кадъ гласъ Милиссе почу, гаѣ у одномъ маломъ исподъ прозора вершу пѣва, пергнесе, устане и погледи доле, види ю со одномъ у руци кантомъ, да залива цвѣтъ: Овыи се одма обуче, и похиши доле, едва чекаше повѣсть нѣну чупи: Текъ онъ на врата вертоградска, алъ сто ти му нѣ съ едномъ. рукомъ прекрасне ружице укосъ. Осменесе на нѣга, Вы сте мене любезный мой у намѣренію предварили.

Светоз: Не знамъ, кое е Ваше было? —

Милис: Я самъ похипала съ овымъ ружицама, да дамъ Старой, да Вамъ у собу унесе, и чело главе мешне, да Вамъ лѣпо, докле ющъ спавайте, мурішу.

Свет: А не бы самъ имао честъ, да сами унесете?

Милис: Я бы по съ драгомъ душомъ утѣнила, но видила самъ, да е мой спарый о-
пацъ

тацѣ изъ себе изишао, и нѣкудѣ отишао, и Вы сте остали сами.

Светоз: Пакѣ? што бы сте се Вы зато успручавали?

Милиц: Е! — не пристойсе сердце мое честной дѣвици младитѣ у собу, гдѣ онѣ спава, уити; што бы ми моя Стара рекла! хотя да су мое мысли чисте, и мое сердце какогодѣ и Ваше испорочно, ништо меньше должни смо мы млади не само испорочность нашу внутренѣ хранити, но и внѣшнѣ не треба, да поводѣ другимѣ дамо о нами ружно мыслити; но я Вами желимѣ на здравіе отпочиванье.

Свето: И я Вамѣ желимѣ добро ютро!

Она му на шо даде ружице и сѣдну на едно зелено канапе, гдѣ она поведе повѣсть свою овако:

Я сама се родила у Палміону, шо сама Вамѣ ющѣ ючерѣ казала. Мой е отацѣ Сынѣ рожденый овогѣ Старогѣ, при конѣ се я сада находимѣ. Овий е истый старый у свое младо време као шерговацѣ силно благо шекзо быо, и будущи више дѣце нѣ имао, кромѣ моего Ошца, слѣдователно мой Ошцѣ зѣло богатѣ и на гласу шерговацѣ поштане. Онѣ почне шерговати сѣ нѣкимѣ шакожде

ве-

всма богатимъ изъ Морее шерговцемъ имѣ-
 немъ *Георгій Політа*. Овыи имадаше шры пре-
 красна Сѣна; найстарій быо му е около сво-
 ихъ 28 година, кой е са своимъ Опцемъ у
 Терговину примѣвнъ быо; средній му е Сынъ
 на 21 годину, наспао; зваосе Күріллъ; — ахъ
 камо ша сретѣа, да га нигда ни познала ни-
 самъ! — Онъ ніе полықо лѣпъ быо; но оне
 доброте, оне честности, и онаковогъ раз-
 ума младишь може быши подѣ солнечнымъ свѣ-
 томъ нещѣесе найши! — Я се на опако по-
 мене у нѣга залюбимъ, и со шимъ му дадемъ
 поводъ, да се и онъ у мене залюби! — Роди-
 шели наши по примѣше, и мило имъ буде.
 Но будущи да самъ я онда текъ у пепнае-
 сту годину ступила была, опложе инди іощѣ
 поне двіе године чекаши, и по испеченію шогъ
 време не насъ, да се узмемо, благословиши.
 Съ каковымъ смо нестерпѣніемъ по време че-
 кали, и какво е силно любовь у сердцахъ на-
 шимъ дѣйствіе имала, я Вамъ описати не у-
 мемъ, ниши е опъ потребе со шимъ печаль
 мою обновляти, само да кажемъ, какошье намъ
 судба наша ово наше пре, него шпо шѣмо
 до нѣгадойши, блаженство уничтожиши; нѣ-
 му конецъ учиниши, а мени во вѣки да се
 мучимъ, печали предаши.

Р

Нѣ.

Нѣму наповаре одну галію Еспапа и пошлю га сѣ нѣомѣ у Купрѣ; по нѣкоемѣ времену прѣниммо гласѣ жалости, да е се галія иста, купно и сѣ нимѣ заедно потопила! Ово пер-во наще Фаміліе нещастіе начало буде край-нѣмѣ нашемѣ паденію. Родитель нѣговѣ отѣ жалости падне у опчаяніе, разболесе и умре. Сынѣ старій како по томѣ разумѣмо при-граби све, што е дома было, богатство, напо-вори галію, оде нѣкудѣ у свѣтѣ и нестане-га; а наймлады сирома, младѣ тако као Вы, дойде, и сѣ моимѣ Опцемѣ учини рачунѣ, прѣими приличну сумму новаца, и враписе у Отчество, шта е и како е далье сѣ нимѣ не знамѣ. Мой Родитель по томѣ чрезѣ разне случае више іошѣ пуца штепуе, и не само да све, што е имао, богатство свое изгуби, но іошѣ сирома многима дужанѣ остане. У исто време еданѣ особито благонадеждный случай отвори му се терговини. — Што ще да ради; нейма толико новаца, да бы могао на ново терговину повести. Оде у Аѣину, и кодѣ познанныхѣ своихѣ замолисе, да бы га помогли. Отѣ нѣкихѣ добые нешто, но то не буде доста. Упуте га едномѣ бога-томѣ Старцу, кон многие лежешье новце има. Овыи му даде подѣ лихву лѣпу сумму, сѣ

ко-

гоіомъ мой оцацъ радити почне. Пѣтомъ овыи истый домъ и све овдѣ полско Добро, кое е было нѣке изъ града нашегъ удовице, по смерти нѣной омилуе мой Оцацъ, а іощъ више Старый, да купи. Но будущи, да мой Родитель іощъ се не бѣше толико помогао, да све свое дугове поисплащье; платити бы могао, но као шерговацъ шта бы после съ празномъ рукомъ! не усудисе збогъ заимодавцевъ купити, да 'му не рекну: Кадъ ты можешъ Добра и домове куповати, можешъ и намъ платити. Найпосле инди оде у Аѣину своемъ старомъ предреченомъ Пріятелю, и соверши съ нимъ тако; да овыи дойде и домъ купи, пакъ да му мой Оцацъ пошайно исплати, и подъ извѣтомъ, да му е старый Пріятель домъ поклонію, дойде у нѣга обитавати.

Старацъ на шо соизволи, и како потомъ искусимъ, не изъ челолюбія къ ближнѣму своему, него изъ собственне корысти свое: што му драго, опетъ се и сребролюбцемъ зато може захвалити, кадъ се челолюбъ ошнѣній у потреби може помощи.

Дойде убо истый старацъ прошасте есени у Палміону и купи овыи домъ, у кой се мы по нѣколко дана преселимо: будучи у

граду нашъ собственный домъ нисмо ни имали. Кадъ зимусь у послѣдне дне месоясїя оде мой Ошацъ у Аѣину¹ и доведе истогъ Старца на дань на два у гости; као свогъ Прїятеля да га части; кога я тада первый крашъ видимъ „ Ово е, рекне мой Ошацъ, мени, оный Господинъ, кому мы имамо честь за нѣгово кѣ намъ прїяшелство благодарити, я му се по должности поклонимъ: Драго ми е, да имамъ сретью ихъ познати, и со шимъ као стара человекѣа полюбимъ у руку; а онъ мене милостиво загерли и полюби. Человекѣъ омаленъ, старъ и съ великомъ брадомъ, мало горбавъ. Первый юощь дань искусимъ я нѣговъ духъ, не допаднемисе нѣгово около мене нѣво осмѣиванье, умилни разговори, и шала, кое се старымъ не приличи. Шша тѣе овый Старацъ са мною, мыслимъ.

Кадъ ал' онъ поиште мене отъ моихъ родителей за жену! пусти ми ошацъ и стара мало у ушеса, и кажу ми, да не бы само я него и они поредъ мене сретњи были. Истина, велу ми, да е онъ старъ, и нїе твоя прилика, но человекѣъ е добаръ, богашъ, и нигда се женю нїе, ниши има кога. Поживишѣе онъ кою годину съ шобомъ, и оставишѣе намъ шолико богатство, поредъ когъ попомъ мо-

шпи-

пѣнтьєшь себи по воли млада мужа узєти, иначе онѣ прєстєє нашѣ Прїятели быти, а отѣ нѣга смо се текѣ помагати почєли. Исусє мой! помыслимѣ у себи, како тѣу я о-вако млада, коя ни 19 годину совершила ни-самѣ, пойти за Старца, кой ми дѣдѣ може быти! — Ющѣ ко тому ружна людина! — Я да пойдємѣ, коя самѣ се по смерти могѣ любезногѣ Кврїлла заклєла, да се я нигда ни за кога, буди шко быо, богатѣ, лѣпѣ, младѣ и шта му драго, удати нешѣу.

Добрый мой Светозаре! не замѣрите мя, шпо тѣу Вамѣ рєшєи, я искренно исповѣдамѣ оно, шпо у мєни чувствуємѣ; я мужєскїй полѣ любимѣ као и свака моя друга шпо любити мора, ово є намѣ отѣ природе; само є Естєство на умножєнїє и содержанїє рода чєловѣческогѣ ову любовь, овыи священнѣишїи дарѣ у сердца наша ухило, да мы любимо мужкє, и да они гину за женскимѣ: обачє нейма тогѣ на свѣшу, нити шєга быти, кога бы я као моєгѣ сладкогѣ Кврїлла возлюбила, и кога бы я удостоити могла, да оно прєзднєє у моємѣ сердцу мѣсто, гдѣ ми є онѣ быо, исполни.

Сада разсудитє сами сладкїи мой! како мєни шєжко пасли мора за онаковогѣ Старца
пой-

пойти, кога я, да искренно любимъ, не допушта ми ссраце, а припворно да чинимъ, забранюе ми моралный у мени характеръ, родителю пакъ моемъ и Старымъ овымъ душамъ, кое я нѣжно любимъ, и сыновне чествуемъ, учинила бы со тимъ, како они сами кажу, оо, што нѣ дѣте нигаа родителемъ своимъ учиниши кадро было! Изъ свега шого заключиши сада можете, да се я находимъ, што оно пишу мудрецы, изъ между Карібде и Сцїлле (*) ако будемъ за нѣга пошла, исполнила самъ желаніе родителей моихъ, но со тимъ бацыла бы себе во вѣки у бѣду, и сердце мое предала бы мученію, избежь ми пакъ ову гибель вредимъ родителе мое, и зато бы ме совѣсть грызла, мудрость насъ учи у шѣсноти, да кадъ се изъ между два зла находимо, изберемо менше, но я се изъ между два тако еднака находимъ, да не знамъ, кое бы избрала.

Светозаръ, кои ю внимателно саслуша, поболе чисто на сердцу о овой прекрасной дѣвицы, о овой мудрой матери будущей, коей щастіе отрече да мами постане! — Кой шье

(*) Карібдѣ и Сцїлла, была су два на узкомъ морю погибелна вершлага, изъ между коихъ бѣдно е было пройши.

тѣе тай у нашему граду немилосердый и то-
лико страстию плѣненный и избезумленный Сп-
рацѣ быши, упыта ю, кой тако за малу
любовь, мало Вашимъ Родителемъ прїятел-
ство, и то не безъ свое ползе, таково на-
гражденіе себи захтева?

Милос: Вы нѣга морате познавати, и
изъ моихъ рѣчей моглисте се на полакѣ сѣ-
пнши, я Вамъ га нешью ни шанши, онѣ се
зове *Парменіонѣ*? Онѣ е Даскало у малымъ
Школами, онѣ е и отѣ ономадѣ кодѣ насѣ
быо, и сѣ моимъ е отцемъ на пущь опишао,
онѣ тѣе до кои дань дойти, но не вѣруемъ,
да тѣе ме овде више заспати! Ономадѣ кадѣ
самъ га видила, нисамъ га силе га убиле ни
познаши могла: обрїяо и браду и бркове, да
се со тимъ то Боже учини младѣ, и менї до-
падне; а не зна, да ми е гаднїи у очима, него
прїе што е быо.

Светоз: (Со удивленїемъ) Сп-рацѣ Парме-
ніонѣ? — нашѣ Даскало? — О слупа ма-
тора! — та знамъ, колико му е и зуба у
глави.

Милос: Чннимисе, да ихѣ вепъ и нейма!
Онѣ Богѣ ме мой Господине! —

Светоз: Дакле шта мыслите? хопъете ли
се склоннши?

Ми-

Мили: Боже сохрани! волимъ умирети, него за нѣга пойми, ясамъ наумила мой животъ у нерушимомъ дѣвству, и цѣломудренно до мое смерти провести; да пѣу со тимъ опца увредиши, я знамъ и сама, но што пѣу? Жао ми е вѣпма старогъ Опца, кои ме е нѣколико кратъ, кадъ самъ му се о помъ пужила, плачевну у своя милоспива обаятія пригерлю, самъ се заплакао и рекао ми „ Сладко и любезно мое дѣте! я самъ видимъ, да онъ нѣ швоя прилика, но я ши помощи не могу! Опцу самъ ши говорю, но онъ мене у шому не слуша, лако е теби, каже ми, да му е рекао, шы си старъ, и животъ се швой къ концу приближава, кой я ющъ ни половину совершио нисамъ.

Свешоз: О проклетый Сшарацъ! я самъ при нѣму сѣ моя два брата, нѣколико да на у дому быо, но кадъ намъ казаше, каковъ е онъ, одемо другомъ, По шомъ я га нисамъ више ни видю, но чуемъ отъ брата, да се обрѣао — Хмъ! хмъ! хмъ! — найпрѣе е быо као Вукодлакъ, а садъ као какова баба! Дѣпогъ младоженѣ! Сожалуемъ Васъ любезна моя Милиссо! сожалуемъ и сердце ме мое бо, ди, и держао бы мени за найветше шастіе, кадъ бы Вамъ могао какову помощь указа-
ши,

ни, обаче — то е тежко за Васъ, што Васъ долгъ сыновній ко Родителемъ веже!

Милис: Садъ кадъ дойду, и окупе ме, молишьусе и клекнуши предъ отцемъ и плакашпью некъ ме се окане, ако што не бы, идемъ у свѣтѣ!

Светоз: Не може та сшварь добра моя Милисса! силомъ быши, не може на то Васъ преко Ваше воље ни Родитель присилати: дойде ли дѣло до погъ, да кудъ побѣгнете, сигурно убѣжище имати можете при моемъ Родителю, дойдите Вы само у Леониду и запышайте за Господина старогъ Харитона иначе Любоміра, прѣимитъе Васъ као свое дѣше, и оно прѣятелство, што бы Вашъ Родитель изгубио у таковомъ неваляломъ и безчеловѣчномъ (Богъ некъ ми опрости) Спарцу, обрѣвши буде у нѣдры добродѣтелногъ могъ отца. А што се шиче Ваше удамбе, то шье се на Вашу волю оставити, на то заиста не шье Васъ нишко присилати. Добро кадъ кому учинимо, ако шье мо, да се благодарѣнїемъ назвати може, не треба, да се намъ врапи, едина шокмо признашелность прѣятна намъ быва; обаче и она отъ воље зависи онога, кому добро шворимо, а не отъ наше. Нигда онай, кой изъ любви къ добродѣтели, и изъ должности человѣчества,

НО

но изъ свое нѣке корысти добро кому учини, оцшупити може у души своей ону пяху, райску и небесну сладость, као оный, кой безъ сваке свое корысти, изъ любви токмо, кою смо дужни имати ближнимъ нашимъ, благодарѣнїе швори, и другогъ у нужди помогне.

Со тимъ устану и преко верта ходетпья имъ продолже бесѣду. Светозаръ се завѣща, да ако и како буде могао, постаратъесе о нѣномъ избавленїю. Стара е вещь была ручакъ справила, и да се сви скупе, изгледала, дойде намъ и Старый, сѣли су ручаши, но и на Свѣтозару примѣте, да садъ нїе у онаковомъ расположенїю, у каковомъ е синопъ быо. Выстѣ нешто забринупи Сыне, рекне Старый Я? За што бы самъ забринутъ быо? — Я самъ добре волюе, но мыслимъ то, дашъедусе другїи бринупи за мене, понеже не знаду, гдѣсамъ, морамъ таки ити: Добро дѣте мое! поручайте, пакъ ето Милиса нека Васъ овуда преко изведе, за полъ другїй часъ тамо сте, гдѣ желите, иначе сами не бы сте знали погодити. А да коимъ сте путемъ овамо дошли, упыта Милиса: Е нїе шу было пушта, Богъ бы знао, кудъ самъ я ючеръ са слугомъ крозъ шуме и дубраве продерао.

Онъ

Онъ по ручку лагано извади еданъ дукатъ, и подъ свой паниръ подмете, устание попомъ и дѣло имъ захвали, опростисе и оде. Милиса га изведе на одну спазицу, и и лагано у разговорѣ изиду на едно беращице, съ коего му она рукомъ покаже на равница спанъ свога друга,, Добро моя Милиссо! я идемъ отъ Васъ, но мысль моя при Вами остае! Сердце оно у мени, кое самъ Вамъ донео, я више не носимъ са собомъ. Ово Милиссу удиви и на, сердцу сокруши, Светозаре! сладкій мой! Вы мени шугу къ шуги моей прилажете, Вы мое сердце смущавате! Высте ющъ дѣте, цвѣтъ неразвѣнъ, мое намѣреніе ружно нѣ было, мое су мысли чисте, я да самъ знала, да тѣе Васъ моя повѣсть толико узнепокоиши, не бы самъ ю Вамъ ни говорила!

Светоз: О любезна моя! а тко о тому сумня, тко се на Васъ шужи? — Я Васъ за нещастіе Ваше и сожалуемъ.

Милис: Добра душо моя! я по вѣруемъ, я и есамъ сожаленія достойна, обаче толико участіе шуги моей отъ Васъ, печаль мою умножава, мысль моя при Вамъ велише, остае сердце оно у мени, кое самъ донео, не носимъ више са собомъ! какове су рѣчи то, какова израженія? Я бы самъ волѣла овде предъ Вашимъ

шимъ очима мертва оспати, него бы сте
 Вы таковый младись, кой е текъ цвѣшати
 почео, младись веселе нрави, презвенъ и ра-
 зуменъ, мене ради печаленъ постао! — Ако
 е само Ваше о мени сожаленіе, я Васъ зато
 любимъ и почитуемъ, добрымъ бо душамъ
 по е свойственно о бѣди иногъ сожа-
 лиши, но не толико любезный мой! колико
 се Вы мени чувствителный показуете. По-
 вращите Вы у то Ваше толь нѣжно сердце
 спокойствіе, и радуйтесе о нѣму, оно е со-
 кровище пребогато, благо неощѣнено. О небо!
 (лагано у себи) на кою тѣе другу мою то
 щасливо жребіе пасши, коя тѣе блажене ча-
 се у нѣговы любовны обятіями брѣшши, ка-
 ковый — изящный разумъ, какова доброта
 сердца, какова блага душа у овоме младоме
 чловѣку обитава? — (велегласно) Добра ду-
 шо! Вы мене духовно любите, ясамъ о томъ
 увѣрена; такова е любовь найблагороднѣя,
 она е чадо сладке добродѣтели, она разликуе-
 се ошѣ глѣлесне и пристрастне, коя више
 мучи, него насъ ублажава, више несрѣпнымъ
 него срѣпнымъ учини. — Такову нитко
 кромѣ Небо наградиши не може: Она мене у-
 вѣрава, да Вы на мене заборавиши негытете,
 дойдитсе ми опешь до кой дань, шашъ ме
 ющѣ

Ющъ застанете. Но нещю, да ми смутни будеше, я нисамъ ющъ за шо може быти то-лико нещастна, колико се Вамъ нещастна видимъ.

Светоз: Я Васу любимъ, као мою сестру, почитуемъ као цѣломудрену дѣву, а сожало-вати морамъ као страдашелницу. — Примми мое цѣлованіе, као опѣдиноупробногъ брата (полюбисе съ нїомъ) до кой дань посѣшпшю Васъ и опетъ, ако — но! — буди како было, зашпмъ шю быти, съ Богомъ.

Она му жели сретъанъ пупъ, испрати га до некла очима и вратисе на трагъ. Светозаръ кадъ оде у градъ, приповѣди цѣлу повѣстъ Косми и Профессору, не мало удивесе ови, кадъ чую, Проклеша человѣка! рече Профессоръ, право намъ Вершаръ каже, да е дїяволъ маторый баціо негдѣ свое око. Они младїи людїи немирни, дай ка~~к~~ да нду шамо, едно видити испу дѣву, какове е важности, а друго нешъеду ли Старца заспати; нужно имъ буде и Светозара повести: будущи сами не бы могли мѣсто погодити; айде, кадъ тамо на полдне приспѣду, дѣва ихъ смотри чрезъ окно, позна свогъ доброгъ Светозара, срадуесе, изиде предъ нѣга, но чудяше-

чулишесе спираннымъ, нїой сасвимъ непознаннымъ люда. Предусретне ихъ учтиво, Светозаръ каже за ову дѣвицу, да му е еданъ брашъ а другїй Профессоръ, обаче не кажу юй, да су нарочито къ нїой дошли, но да су у лову были.

Она се одма постара имъ ужину справи. Стара е была нѣкудѣ изишла, а Спарацъ е легао быо по полдне мало почивати. Она имъ постави столъ у Верту подъ еднимъ орахомъ, из легкой справи у любкому хладу, донесе имъ ужинаши и сѣдне ихъ разговарати. Нѣна разумна, и при тому умилна съ благоразумїемъ и учтивостїю бесѣда, кое и мужескїй полъ, а колми женскїй уважава, освѣдочи у полной мѣри ону похвалу, кою е о нїой Светозаръ предъ нїйма говорїо быо: Нашъ младитъ добаръ вкусъ има, рекне у нѣномъ отсутствїю Профессоръ Косми, сирота дѣвица придода! Какова бы то прекрасна мати, и цѣломудренна люба была, пакъ да ю узме онакова матора людина, нїе ли то Богу плакати, поредъ онакова сува паня шакову красну, и цвѣтущу вѣшву гледати. Јо! — Медведъ найлѣпшу крушку изе, рекне Косма. — На то ето ши нїе съ лвромъ, Я хошбу мое госте съ мусїкомъ мало да ве-

се-

селимъ (тихо осмеиваютьсье рекне) — О любезно сердце! Вы се ответь около насъ шрудите, отговори Профессоръ, съ чимъ пье мѣ мы Вамъ захвалиши. Оно любезни мои госпи, што отъ добре воле пко чии, нѣ никаковъ трудъ; Богъ зна, кадъ пью я ову сретью имати у оваковомъ лѣпомъ дружеству были. Мени е судба моя (поправляютьни лѣру говори) веть опредѣлила мѣсто, гдѣ пью я као птица у кавезу живопѣ мой проводиши. — Дакле Высте у доброй надежди? упыта Косма. Отповудъ можете судиши, у каковой еамъ, отговори она; птичица у Кавезу наиболее бы, када бы знала казаши, какво она щастіе затворена у отношенію нѣни въ другихъ, кое свободно по воздуху, и по зелены дресвы прелетью. — ужива.

Почне у лѣру ударати и дивну арію пѣвати. На шо ето ти имъ Старца Пармениона у Вертѣ! — Яо! Ето ти ми Куге, рекне сирота, кадъ га види, кой га бѣсѣ садъ овамо донесе.

Профессоръ и Косма убѣгну мало на страну и сакрышесе у траву, да виду, шца пье почети, а Светозара сама съ ніомъ оставу, кой наслонисе на нѣно раме и за перкосиши Старцу нѣжно ю едномъ рукомъ пригер-

герли. Старацъ беше се упуштио управо спазомъ ко ораху, но кадъ дойде ближе, и смошри младитъа поредъ нѣ, савъ се стресе, аки бы га громъ ударіо; онѣ спане и укоченѣ погледи; позна Светозара, и распалисе гнѣвомъ, поцрвени, као куванѣ ракъ, пакъ окрене Сербски, да не бы дѣва разумѣла „Сто е то дчаномъ? — кое те дяволѣ овамо донеселѣ, бре? Младитъ смешетьсе“ „Проститѣ Деко, я Васѣ не познаемъ, Како да ме не познаесѣ море? — проклете деристе! куда оно досло! (поклонисе Милисси, скине капу и мешне на древо, пакъ нападне опетъ младитъа).

Милис: Што вичѣте, што Вамъ е?

Старацъ. Мо некесѣ да го се бонсѣ, некесѣ да го идесѣ? Со тимъ машисе за сану отѣ дивіе Крушке грану, понеже ништа у руци не имадыше, да га удари. — Као Даскало дяка вели може поднешти; но лоша му еретъа буде, привіена грана у нѣгови руку повуче за собомъ другу, и шерновитъа будупъи заквачи му пароку, перва га яко огребе и на еданѣ пушѣ пушти ю, со тимъ и ова се друга горе ошине, и пароку му сѣ главѣ отнесе, забѣлимусе глава сва гола, као шелетъа, кадъ се обвари. — Ха! садѣ да
Вамъ

Вамъ е огледало рекне Милисса, жалостный мой младоженя! Светозаръ се зацѣпи смѣяпи и оптерчи кѣ онымъ у праву, ови се отъ тежка смѣха превіяху у прави. Старацъ скоро покрые тьелаву главу руками, моли дѣву, да му пароку скине, но ова нехте; а онъ оде сирома спазомъ на полѣ, да донесе — какову мопку, да скине пароку свою. Профессоръ и Косма устану и за изиграпи сѣ нимъ ющѣ болѣ Комедию, дохвате му Пароку, пакъ ю савію, и на верхѣ древа ю хите; потомъ чекаю га, да се на врапи верта помоли; пакъ да му на срѣщеніе изиду. Ето ти га вещь еланъ пупъ сѣ долгомъ у руды бапиномъ. Профессоръ сада узме Милиссу подѣ руку и поиде спазомъ Ему на срѣщеніе, Косма и Светозаръ ихъ слѣдоваше. Старацъ будущи кратка вида, не види ихъ, докле ови предѣ нѣга не дойдоше, ухвати му Профессоръ едномъ рукомъ мопку „Хо! хо! идешъ на насъ старче со томъ мопкомъ? А где чуда? Та ово е нашъ Кврѣ Даскало. Старца сада пролѣтна спопадне грозница, кадъ види овогъ младогъ человекъ, кой му е и тако много пути рена подѣ носѣ натрео, кольми садъ у овомъ случаю; смутисе, погледи на нѣга, пакъ бацы око на дѣву, со тимъ смотри и ову двои-

Q

цу

цу острагу, поскрежета отъ люпости зубма, хошаше иѣшто ретѣи, но устне му занграю, не може, хипи отъ себе ону мотку, окренесе отъ ній, и оде као и опаренъ на полѣ. Изиду и ови. Старый доматѣинъ быо е ветъ устао; поздраву га ови и кажу, да су у лову были, и сврашилисе као незнапи, да га посѣпше „Драго ми е, рекне честный Старацъ, да сте любовь шу кѣ мени имали: Васъ е овыи молодой (за Светозара) довео? онъ е ономадъ кодъ насъ и пренотѣю, имамъ га за нешто и карати — некъ не запинѣ другій пушъ златно гвоздѣ подъ таниръ. Припоѣдао е намъ, рекне Профессоръ, како сте га лѣпо дочекали. Е, да! слабо е, отговори Старый, угощенъ и быо, мы овдѣ у пустыни ни за новде свашта не можемо имати. — Сѣдите, молимъ Васъ! — Запыта ихъ, есулъ ручали, кажу, да ихъ е Милица лѣпо дочекала и угостила.

Они се овако разговараю, алъ ето ши имъ Парменіонова вершара „За Бога люди, рекне овымъ, гдѣ сте? Отъ кадъ Васъ тражимъ! Текъ што сте Вы опишли, а Господинъ Соколовичъ дойде! — Светозаръ отъ радости са сполице скочи „Старый папа мой дошао? — Јао! владкій мой, пришерчи и вѣспника

ника полюби, смее се и понграва, као дѣте
отъ радости, а сузе му потеку. — Милану
со тимъ приведе во умиленіе, она га пригерли,
О ты Ангеле земный! благо теби съ тако-
вимъ сердцемъ, колико ми е онъ чувствите-
ленъ любезномъ опцу своемъ, какова е чиста
ова радость, коя му сладку слезу изъ красны
нѣговы очію изводи.“ — А како ты знаде, да
смо мы овдѣе, пыша Косма Вершара. Одма-
самъ, рекне овый, за Вамъ терчао, видѣосамъ,
кудъ одосте, пакъ ми каза еданъ овдѣе у
шуми Козаръ, да сте овамо отишли. Про-
фессоръ спрощу Окна седетьи смотри ста-
рогъ Квръ Даскала, да се узъ оно древо пужа,
гдѣ му е парока бачена: Море есилъ што чуо
за твогъ Господара, упыца Вершара? Има,
рекне овый, два мѣсеца, како самъ се съ нимъ
састаю, и по томъ прѣимимъ писмо едно,
има и тому вещь прѣе неделѣ, да тѣе дой-
ти, но нейма га, бѣда га знала, гдѣ е.

Профессоръ. Бога ти Сумоне отиди еданъ
часъ у вертѣ, ево тѣе ти показати Свето-
заръ, и донеси ми мою мараму, найди тѣе
ю онде на ономъ великомъ ораку, послао бы
дѣте, но онъ не може дохвапши. Овый се
сперчи доле; Светозаръ му рукомъ съ вра-
ша покаже, на шо Профессоръ и Косма по-

хиту и съ друге стране верпа сви проща се увуку, и лагано близу ораха дойду, закло-несе за дрѣва, пакъ гледу и слушаю, шпа тѣе садъ овый са своимъ бѣанымъ Старцемъ, кадъ га тако изъ ненада види, почести.

Текъ овый шпо дойде подъ великій о-рахъ, и глѣдаши почне около себе, гдѣ тѣе шу мараму видиши, спарацъ, кога онъ на круш-ки поредъ ораха примѣшю не бѣше, сбазы пароку, коя погоди на овога пасши. Овый се тергне, машисе и дигне ю са землѣ; най-пріе помысли, да е какво дшичіе гнѣздо, но по томъ види, што е, базы очи горе и кадъ види свога Госу; кои нѣга ющъ не видяше, чисто одревеный. Кои врагъ! рекне, елъ онъ? — Онъ вонспинну! — Господине! — та што е то отъ Васъ? откуда Вы овде? На то онъ спузисе низъ древо, сердипъ на Верпара повиче: Кои дьяволъ тебе шу донео? — И не види, да овый нѣгову пароку у руку держи, но спане ю по земли пражити. — Та шта пражите за волю Божію? — Е! сто пражимъ? пражимъ оно мое враско паротѣе, шу е сада пало. — Овый му покаже пароку, Та елъ ово? Но! враско посла, колико самъ се му-щю. Овый му лѣпо привеже пароку. — „Гдѣ сте забога Господине! — Е! гдѣсамъ! — а сто

сто ты шу раѣсѣ? — Та я Васѣ спражимѣ. Хотьешелъ еданѣ путь дома дойти? — айдмо дома. Пойду спазомѣ; она троица у наоколо скоріе отперчу: кажу старомѣ Домашьину „А! оставите га Бога Вамѣ, маторѣ чловѣкѣ а лудѣ! обвезаосе — но! нїе требе да говоримѣ! Што нїе нѣгова прилика, нїе! — дай Милисса дѣше мое, понуди добре госте ове чашомѣ вина. Дѣва одма донесе, сѣдну при чаши вина, и тихо се разговараю, на кое сто ти имѣ нѣга, но текѣ што набури главу на врата, ове смотри, и таки шергнесе напругѣ: Сумонѣ оде за нимѣ. Мало за тимѣ овый се врати „Но! гдѣ ти е Господарѣ? — Сѣде на коня и оде нешто сердитѣ, отговори Сумонѣ. — Некѣ иде безѣ прага, рекне Старый, не могу га шерпити ни пошто, неймати гаднїе на свѣту видиши, као стара мужа, кадѣ се побудали и нѣку роллу као младѣ радѣ е играли, а не може. Мой Сынѣ се нешто заплес сѣ нимѣ, пакѣ ветѣ не могу преко нѣгове воле, а иначе не бы онѣ прага мога преступїо. Та Бога Вамѣ шчо е онѣ, запыша Косма, онѣ нити Гречески, ни Сербски говори како што треба, Я не вѣруемѣ, да е онѣ Грекѣ! — Е! Грекѣ! Албанецѣ, не зна ни еданѣ языкѣ чештишо, а отѣ свакогѣ гогово у Европи по-

не-

пешто, хула отъ овогъ свѣта, у црковъ
нигда шай не иде, све держи за будалѣ, а самъ
е найветъа будала. Наверзаосе около тогъ
нашегъ дѣшета, но Боже сохрани! А! — шай
ли е посао, рекне Вертаръ, зато е се онъ
обрѣо. А што Вамъ каже за шапу, гдѣ е
остао? Запыта Милисса. Каже ми, рекне Спа-
рый, да се свратио мало пастыремъ, а онъ
дяволъ маторый нѣ могао толико стерпѣ-
нїя имати, да заедно дойду.

По доволномъ оvdїе разговор у зовне Косма
Профессора насамо, Знапе ли што е, рекне
му, я имамъ оvdїе Васъ нѣшто важно пыта-
ши. Да чуемъ! — Како се Вамъ допада ова
дѣва? Добра! разумна дѣвица, а при томъ и
лѣпа (смѣшетьсе) Вы валя да сте на ню
окомили окомъ? — Заншто есамъ! отвѣща
Косма, но боимсе, да всуе не буде, зашто
чуемъ, да се нешье нипошто удавати! — Пра-
во! ударивъ га Профессоръ по рамену, рекне.
— Мене шилъе Господинъ уакъ у отечество
и совѣтуе ме, да се таки женимъ, я самъ се
при нѣму дѣце ради найвише досадъ задер-
жавао, садъ пакъ дѣцу, како ми пише, ветье
никудъ шилати; слѣдователно мене оппуща,
и шилъ ме на нѣгова Добра, штошьу вели ми
шудьнна помагати, водемъ да се шы по-
ма-

мажешъ. — Онъ село има свое? — Да како! То е лѣпо! — Но! кадъ е шако любезный мой! не старайшесе ништа, моя тѣе о шому брига быши. —

На шо сто ши имъ Сүмона „Кажите Вы мени Господо моя! Хопьете ли Вы иши, менѣ бо за чеканье нѣе. Профессоръ узме старогъ *Палемона*, дѣду Милиссиногъ мало на спрану, и открити му намѣреніе Космино“ Мени е шо особито драго, рекне старый; обаче опложимо дѣло на кои дань, да я ню на шо предуготовимъ: будущи да се она сирота за первымъ своимъ щастіемъ у жалости находя, и швердо е се завѣщала, да се више нигда ни закога удавати нешье: но дасе намъ овдѣе сада удобна прилика на шо ню склонити, да завѣшъ свой наруши; понеже избавила бы се оногъ старогъ дедака, за кога ю ошацъ сасвимъ приволява, да поиде, а мени е шо жао, я бы ю воліо за млада мужа дати, буди онъ и ништа не имао. — Господине! рекне Профессоръ, ово е младить благороданъ, благае нрави, учшивъ и прекрасно воспитанъ, а и о богатству нѣвовомъ, будущи да га нѣговъ Уякъ держи, Вы тѣе те се извѣстити. Уякъ му е Боляръ, и како самъ отъ многихъ слушао, мужъ, да му нейма у многима пара,

я

я Васъ увѣравамъ, да Вы Вашемъ дѣтету усвѣтѣ овакову сретѣю нашли не бы. Но гледайте; на долго не оплажите, гвоздѣе, докле е врупше, ковати треба. Нѣговъ е улкѣ дошао у нашъ градъ, да га води, а Ларисса е далеко, неше се за шимъ мотѣи ходити, а јошъ ако га одма, како ми каже, у Отечество отправи, гдѣ е чакъ Сербіа! Безъ сумње дѣло бы се ово мимоншло.

Старый на то пошъути и мыслисе — „Знаете ли што е, любезный Господине, рекне Профессору. Я хошя да овогъ младишѣа пріеидяо нисамъ, ништо менше изъ малогъ съ нимъ данасъ познанства, и разговора, онъ се мени допада, ко тому и Вы ме о нѣговой добротѣ увѣравате, зато я се нимало не сумнямъ, да тѣе мое дѣте сретѣно при нѣму быти, но само кадъ бы се Господинъ Любомиръ кои данъ у граду задержавати хотѣо, да я могу Сына мога на то обратити: кое тѣе мени доста трудно быти изъ узрока тога, што ласка себи, да тѣе се онъ посредствомъ старогъ Даскала у первое состояніе положити, изъ когто е насъ бѣдный случай, ако сте разумѣли, извергнуо. Обаче себи што помощи, а дѣте свое до смерти несретѣнимъ учинити, ніе памешно. Мы ако смо и по-
стра-

спрадали, опетъ е намъ толико оспало, да бы могли, како е насъ мало, поштенѣйше живити. Но шко тѣе шо нѣму да докаже. Онъ тѣе данасъ дойши дома, я га и до кои часъ чекамъ, и како дойде, моетѣе перво быти о томъ разговоръ повести.

На то Профессоръ „Добро Господине! Кааъ е тако, а оно мы идемо; и яшъу буди коимъ начиномъ спарогъ. Господина Любомира на кои данъ при нами задержати, нѣ могутѣе, да тѣе ми у тому любовь опретьи, хотя да нисамъ имао срещъу до данасъ лично га познавати, но изъ нѣговогъ пера духъ, сердце, и све му познаемъ; Філософъ е правый, я едва чекамъ, да га видимъ, но мы идемо, а Вы буди бы какова грана была, коя бы се на пущь, Ваше дѣше къ щастію ворящій, положила, настойте поѣчително уклонити ю.

Со тимъ захвале они сви честномъ спарцу, полюбесе и оду.

Айдс нѣка иду они любезныи мои чистапели! найшитѣемо ихъ и по томъ у граду, но да мы останемо при нашемъ честномъ Палемону, и дочекамо Сына нѣгова *Арїстіла*, да видимо, што тѣеду говориши, како тѣеду дѣло раскрпиши.

Текъ

Текъ што Аполло и послѣдне свое, конми верхове высочайшихъ шокмо древесъ озаряваше, зраке на другу страну свѣта собере, и пишина нощна настане, сто ши нмѣ Арістіпа и съ нимъ Куръ Даскала. Арістіпъ смущенъ и сердитъ скочи съ коня, Милисса истерчи предъ нѣга, хопяше му руку полюбити, но онъ ю опшурн отъ себе „Иди безъ прага! — Она се сирота смути и погледи на Парменіона“ Знамъ вели вепъ и видимъ, зашто е мой Родипель на мене сердитъ! но нека! Старацъ їой на прѣхн уста, и перстомъ одерли око. — „О авеши матора, та ругоба си и шако, што се дедачишъ! Старацъ повтори свое, со тимъ се она яко увреждена призна, почне плакати, и похити старомъ своемъ дѣди на шужбу, Та нешью га шерпиши, та не могу нѣгово поношеніе (секиранъ) сносити, да бы самъ знала у едну руку соли, а у другу хлѣба по свѣту просити. Со тимъ ушерчи у Собу, простресе на колѣна предъ дѣду. Сладкій Ошацъ! любезный мой зашитишелю Бога! ради избавише ме, смилуйтесе на ове мое сузе! Старый се на то смути, дигне ю, пригерли ю благодарнымъ своимъ персима“ Што е дѣте мое! Што е опетъ садъ? — Она му приповѣдати почне,

како

како їой се оцацъ сердитъ показао, и будутьи да е и спарацъ Парменїонъ съ нимъ дошао, дакле ю морао нешто облагати, хопяше, да каже, како їой е онъ поносїо, но Старый їой прихвати рѣчь „Знамъ дѣше мое! знамъ веть, ясамъ съ окна моимъ очима видїо, но зато ништа, стой овдїе, садъ пьешь нешто видити.

На шо ето ти имъ Арїстїпа съ бычемъ у руцѣхъ и за нимъ Даскала у собу „Но ты лѣпа ппичцо! повыче на свою дщерь, пу си се сакрила? прищерчи, да ю удари, но Старый залетясе къ нѣму и едномъ рукомъ за бычь, а другомъ нѣга ухвати! Дедъ садъ. — Арїстїпъ дойде у ярость, пощервений“ Неймашъ власти више надамномъ, ако самъ птн и Сынъ, и оцацъ самъ; имамъ власть надъ моимъ дѣшетомъ, (стане се терзати) — И я имамъ надъ моимъ! рекне Спарацъ, пакъ га депи о сподъ, и нѣколяко пута онымъ испымъ бычемъ опали га. — Милисса прищерчи, простресе по своемъ опцу и прїими на себе нехоте два удара „За име Іисусово старый Оцацъ! поврапитесе мало, удрите мене, колико Вамъ сердце иште, оставите могъ Опца! — Спарацъ Даскало уплашенъ прибѣгао быше у буджакъ, и внезапнымъ овимъ сраженїемъ чиняше-

яшесе, да не зна гдѣ су врата, на коя бы у-
макао. — Старый Палемонъ успремисе садъ
сѣ бычемъ къ нѣму “ А! а! младоженя, та и
ты си овдѣе, овый се намъ екупи у клупче,
и ющѣ на себе нѣе ништа ни прѣимю, стѣне
га дрека „Пардоне моа Монсѣе! пардоне моа!
— Но нашѣ Палѣмонъ Французски не знаа-
ше, макне ти га намъ бычемъ два пущѣ,
кос овый, кадѣ до живца осѣпти, скочи на нѣ-
га, и успремисе Палѣмону, но овый га тако
заощѣа около себе, да е на средѣ себе сѣ нимъ
ипреснуо, пакѣ онда дохваши свою шрековачу
и пошпено га излема! — по томѣ отвори
врата и обоицу на полѣ испера! — Разяренъ
едва проговори „Проклѣши люди, дошпа сте
ме довели! но што му драго отѣ садѣ; што
су спражили, шѣ су и нашили! — Жао ми е, да
самъ ти — (нехте изговорити, ударе му сузе,
прислупи Милисси, коя мараму на очима дер-
жаше) — Не бойсе дѣте мое! жао ми е, што
самъ шѣ нехоше ударю! Не бойсе ништа!
све е вѣшь совершенно, но айде щакѣ! ни часѣ
ни полѣ мы сѣ овдѣе задержавати нешѣемо,
айде самномѣ, я самъ шѣби срѣшѣу нашао. —
На то уиде Стара „Што е то човече? по-
выче, кон Вамѣ е дяволѣ, какову буну чини-
те? — Палѣмонъ у мѣсто на нѣно пыланѣ

да

да їой даде отвѣтъ, пошерגיע свои бычѣ, а ова ти намѣ ди! низѣ степене, не смѣде се ни обазрети. — Палімонѣ хода мало горе и доле по соби „ Милиссо! дай віна мое дѣте, де! пакѣ се спреми одма на пушь. Ова донесе стакло віна, и едномѣ чашомѣ понуди Старогѣ. Добро, любезно дѣте мое! садѣ узми што хошьешъ, пакѣ да се шаки иде. — Она плачущи“ Но куда? — Ты шо не пышай, само замномѣ! —

Ова одма узме халинице свое, и спреми-се сасвимѣ. Спарацѣ припаше мечъ, и задене буздованѣ за поясѣ, узме свой великій шпапѣ и ню за руку, пакѣ айде! — Изиду шако, да они и не осѣте, и текѣ што се мало у шуму удале, мѣсецѣ се роди. — За Бога Отацѣ, куда мы сада идемо? Запыта Милисса — Не старайсе ты ништо, ослонисе само на Бога пакѣ на мене, рекне Старый; ако мое совѣте прѣимишь, ако мене послушашъ, быши пьешъ сретна и яшьу быши упѣшенѣ. Предѣ саму зору спигну у градѣ, дойду у еданѣ гостилникѣ: Садѣ ты мое дѣте! рекне їой, наслонисе мало и проспавай, я тьу по обѣду лешти, а садѣ идемѣ сѣ Г. Профессоромѣ да се сѣстанемѣ. — Предѣ само полдне ето га сѣ Профессоромѣ заедно „ Добра моя Милиссо
здрав-

здравствуйте, рекне Профессоръ полюбнеше-се съ нїомъ, я се радуемъ о Вашемъ пришестію, кому се занста надао нисамъ. — Нисамъ се воистинну ни сама надала, да тѣу прину-жденна быти нощомъ прско овакове шумѣ у Аенну дойти, но што знамъ, случай е съ со-бомъ тако донес; нїе ми жао мене, но овогъ старогъ Отца, кои се мене ради узнемирава, мене ради люти, и толико труда сноси, кадъ бы требало, да остатокъ своего живота спо-койно проведе, безбрижно поживи, и смирисе еданъ путъ, доста се у младо свое време му-чию и трудію, ахъ! Богъ нека суди оногъ, збогъ кога се мы узнемиравамо, (при овымъ рѣчма заплачесе).

Палімонъ. Милисса! дѣште мое! ты желишъ, да се я еданъ путъ смиримъ, да остатокъ могъ живота спокойно проведемъ, а не знашъ, да такава судба отъ тебе зависи! — Отъ мене? Отъ тебе и отъ твое воле! Отъ ме-не и отъ мое воле? простите ми, не разу-мѣмъ, како бы то могло быти?

Палім: Весма лагко!

Милис: Охъ! онда бы я мене за найсрет-нїю на свѣшпу почитовала, кадъ бы самъ и-спинишо у моей совѣсти признати могла, буди бы и съ каковымъ драго ущербомъ моимъ
сбы-

сбылось, да сама я послѣднѣ дне живота Вашегъ благополучными учинила, да сама я Вашу старость олагшала, и Васъ совершенно утѣшила, оный бы благословъ мени, кой бы сте ми Вы дали и кои бы, као заслуженый у души моей признала, неощѣнно за мене благо было.

Палімонъ. Савъ швой ущербъ у шому бы се состояо, што бы си преко швое волье, кою ти сама чувствителность у швоему сердцу радъа, исполнила мою, коя отъ чиста разума и духовне мое къ теби любви происходи. — Познана ми е она рана на швомъ сердцу, но познано ми е и то, да докле е годъ оно само, долле се излѣчиши не: буде! — присвои нѣму друго сердце, кое е оному, за коимъ ты шужишь, подобно, и увѣрена буди, да шье му цѣлительный мелемъ быши, — избацы изъ памяти еданъ пущъ оно, што ти е случай похитію, пакъ пріими оно, коимъ те судба хоще да утѣши! — ты си рождена дѣте мое! да маши будешь, повинуйсе закону естеспвенному, немой се безъ нужде древомъ учиниши безплоднымъ! — Неразумный швой Родитель изъ мале нѣке свое, безъ кое бы могао быши, корысти, тебе пресилыва за стара пойти мужа, а теби се ево младишь еданъ явля, кон те

те е омиловао и радъ те е за супругу имати, онъ е добаръ, ты га познаешъ, а имѣнїя што се шиче, како ми сво Г. Профессоръ каже, добро се находи, има уяка, кои га као свогъ сына держи. Любезна моя! рекне Профессоръ, младитъ е овый нашъ Косма, кои е ючеръ съ нами у дружеству быо, я га познаемъ весма добро; годину дана како заедно живимо, и онъ при мени Філософію слуша: но кажемъ, нѣгову доброту, нѣгову благоувѣпливость, учтивость, быспропу разума, и проча нѣгова душе и сердца качества, я не бы имао рѣчи, коими бы га доволно похвалили могао! — Я колико самъ пупи на нѣга погледао, свагда самъ у себи помыслио: Све си му дао о Боже! подай му јошъ добра, и нѣму подобна друга; и по моему мнѣнїю, да е по свѣшпу спражю, болю за себе прилику найши не бы могао, него што сте Вы. — Признайте любезна моя! ове мое рѣчи за искренне. — Не отбацыте ово благо предложеніе, утѣшите со тимъ ову стару душу, кои Васъ полико люби, и о Вашему щастїю промышлява. — Милисса по долгомъ молчанїю „О Боже! — како тьу я завѣтъ мой преступити! Како тьу перво мое щастїе заборавити! Оспавите ми кои дань, да се промыслимъ, и

да видимъ; хотѣулъ мотѣи себе побѣдити, хотѣулъ мотѣи сердце мое пому младитѣу склонити, све кое како, но едно ми тежко на сердцу лежи.

Профес: Дайте се разумѣти! — свачему се начинъ найти може! — Красна моя Милиссо! жао ми е, што, може быти, не могу Васѣ доволно увѣрити, колико я Васѣ любимъ и почитуемъ, и какова бы моя радость была Васѣ щастливу видити. —

Милис: Я о тому сладкѣй Господине! ни мало не сумнямъ, я Вамъ више на толикомъ, кое ми показуете, прѣшелству благодаримъ, него што бы самъ изговорити умѣла.

Профес: Никакову благодарность! — Вана добродѣтель не само отъ мене но отъ свакогъ любовь и почитаніе заслуже, но кажите ми, што е то, што Вамъ тежко іоць на сердцу лежи? —

Милис: Овый мой старый Отацъ, овый мой щедрый благодаритель, како тѣе нѣму быти безъ мене! да му е моя мапи жива, не бы самъ се старала, но овако што тѣе га успарости послужити, што ли упѣшити; Спара е нѣгова више на страни Сына свога, него на нѣговой, она е — Старый на то изъ друге себе изиде, и рѣчь іой пресѣче „Е моя Милиссо!

R

лиссо!

лиссо! ты мыслишь, да пью се я врапити нима, Боже сохрани, нигда више, нескѣ живи: она са своимѣ сыномѣ, на частѣ имѣ све, я самъ мое узео, што самъ имао, съ коимѣ могу умѣренно живѣтьи поштено мой животѣ провести, а какову самъ и досадѣ отѣ нѣ послугу имао, каково ли отѣ нѣга почипаніе? Мой Сынокъ! после твое матере да ми ты ниси была, я се не бы ни часѣ, ни полѣ при нима задержавоа. Гдѣ тѣе человекѣ тудѣ сына тако присвоити као свогѣ; я самъ се о тому доста трудю, обаче все, онѣ е однако отѣ мене ревао, опсадѣ што му драго,

Профес: Дакле Арістипѣ ние Вашѣ употребный Сынѣ?

Палім: Онѣ е Сынѣ мое жене, мой ние, она е нѣга съ первымѣ своимѣ мужемѣ родила. —

Профес: Е, дакле Вы можете живити поштено и безѣ ній.

Палім: Како не бы могао! — я самъ вѣтъ Милиссо моя! за мене уредю, я идемѣ у Лариссу градѣ, имамѣ тамо добра Пріятеля, кой намѣ и Сродникѣ пада, пры пуша ме е вѣтъ себи звао, на шай начинѣ, да му я предамѣ мое новце (о, стрѣханѣ самъ, што самъ
ихѣ

иждѣ при себи хранію) да онѣ съ нима ради, пакѣ да ме держи какогодѣ опца до смерти, а кадѣ умремѣ, на частѣ му. И я бы се было досадѣ на то склонію, но чувао самѣ теби новце, мой Сынко! да те срьшну учинимѣ, сада пакѣ онай, кон тебе проси, еданѣ пенязѣ поредѣ тебе нетѣе да пріими: я самѣ старомѣ Господину казао, што я могу поредѣ тебе дати; но шта ми е отговорію ево и Г. Профессорѣ е чуо „Вы ако имате любезный Господине! вели ми, излишни новаца, и видите, да шѣе Вамѣ преко честногѣ уживленія претепія, учините каковой сироти благодѣяніе, а овдѣе, гдѣ нужно нѣе, на што да даете; я новаца не попотребуемѣ, но момѣ Сыну добру и честну супругу, а шакову самѣ у Вашой кпвери быти разумео.

Милис: А Выште вещь о мени и разговорѣ имали? —

Палим: Любезна кпвери мой! швое кѣ мени повиновеніе, швол ова нѣжна и сыновня любовь, и всегдашнѣ до данась почитаніе, нису ми дали ни сумняшисе; да шѣешь се ты мени овдѣе покорнѣ указати, я самѣ твердо увѣренѣ быю, да ты волю мою, коя ее твоему шастію клони, покварити не будешь, ниши ми е крапкость време (будушнѣ да

се старый Господинъ задержавши не може) допустила, дѣло ово продолжавати, но совершимъ са свимъ! — Сада ты далѣ не отлажи, момакъ е овдѣе, мы не поштребуемо никаковы церемонія, я тѣу ти мой Отчеческій благословѣ дати, вѣнчайсе по закону, пакъ миръ Богу! — Учини Сынокъ еданѣ путѣ конѣ и твоей и моей бриги, и увѣрена буди, да тѣешь ты щаспливе отѣ сада твоега живота дне бронти.

Ова дѣломудренна и сердца чувствительна дѣва, при овимъ рѣчма сыта се надлаче; она се лагко на шо разрѣшити не могаше, но найпосле као паметна и добра сердца мудре совѣте благодѣтелнога старогъ свогъ Отца отбацыши нѣе могла, побѣди себе и разрѣшисе пойти. Старый ю пригерли и полѣе ю сузамъ „ Сладко и любезно чадо мое! нека ти Небо онай благословѣ низпошлѣе, кои ты сердце мое жели, мени не остае ништа више, што бы за мене желю, токмо одну тиху смерть, но о! како я доволенъ съ овогъ свѣта отсадѣ полазимъ, како се я щасливъ у мрачный гробъ спущамъ; моя е Милица сретъна и я самъ со тимъ утѣшенъ, я самъ со тимъ величайше на ономъ свѣту благо получю.

Пре-

Профессору то особито мило буде, продолжи разговоръ съ нїомъ, опростисе и оде.

На вечеръ Г. Любомиръ у своему обита-нїю дао е господску вечеру: онъ е созвао Священника, Профессоре, и друга нѣка опѣвна Лица: представе му будущу невѣсту, кою онъ родителски предусрѣдне. Любезна моя радосте цѣлующьни ю, рекне, утѣшенїе мое, кога самъ я у моемъ Сыну лишенъ быо, здравствуй ми, благоденствуй съ моимъ овимъ Сыномъ опсада. Светозаръ опетъ опъ радости нїе знао сада, што да ради, гдѣ му она, кою е ерешьну быти желїю, снаа постаде! — Супра дань у тишини и безъ сваке буне оду рано у црковь и ово двое млады святымъ бракомъ сочешаю. Господинъ Любомиръ ни мало се нїе хопѣо задержавати, онъ узме дѣцу, Милицу снау свою, и нѣногъ старогъ Отца, и врашисе у свой блаженный Елїсїумъ.

Онъ їой покаже све свое Добро, даде їой ключеве опъ свїюхъ стаяхъ „ Ты си сада овдїе Газдарица, рекне їой, и овыхъ моихъ младыхъ Сыновъ маши да будешь. — Онъ старогъ Палїмона не хотїаше оппустиши, и со тимъ Милицу совершенно утѣвши. Онъ учини сада одну часшъ, зовне Арїстїда Жи-

вописца, Священника изъ Села, своего Воденчара, нѣгову жену и ющъ нѣколко честныхъ спарцевъ, кое е добро познавао „Овый е дань за мене щасливъ любезни гости мои! рекне имъ, и со шимъ све около спола посади, о-вопье быти вещь седамнадесеста година, опѣ како се я овдѣе у моему блаженному Елісіуму находимъ; я самъ дне мое за све то време спокойно и весело провео, но овый ми е данась паче свѣю наизнаменищѣй! Колико е мене Богъ благословіо, колико ме печална ушѣ-шію! Дошао самъ самъ и почео живити као Пустынникъ, сада какова ме радость окружава, кога я гледимъ околѣ мене. Судба е мени единца моѣ узела, но по шомъ даде ми ето тры Сына, даде ми снау, даде добре и любезне пріателье! ни еданъ на свѣту пустынникъ опѣ мене сретній нѣе могао быти! — О любезный мой Неспуре! Богъ да ти душу твою опрости, како бы ты было, да ме садъ видишь! — Я самъ намѣренъ быо кспти мое у овому блаженному мѣсту, гдѣ ме е Небо толико благословило, оставити; обаче! — опѣ ономадѣ извѣщенъ будемъ, да е промышль Божій друго нешто за мене заключіо. По свой прилицы мора тѣу се я у мое Отечество вратиши, морати тѣу ову любезну мою

мою Фамілію отповудъ извести; я самъ разсуждавао, и свакояко рачуніо, но найпосле ми шай Калкулъ изиде, да морамъ у опечество ити: разсудите и сами, што бы ова моя, кою ми е Богъ дао, Фаміліа по моей смерти овдіе чинила! — отъ свака пры Сына данась супра починюсе пры племена! Гдѣ бы су се инди временемъ овдіе смѣспити и могли? — Да ихъ пошлѣмъ безъ мене, а я да останемъ, жао ми е; особито могъ Светозара, волю бы се живота разстати, него нѣга: нашъ Патріархъ Яковъ ніе могао свога Сына прекрасногъ Іосифа вельма любити, него я нѣга. Но занста и на мене е, подобно нѣговомъ, жребіе пало. Онъ е отъ брата свогъ побѣтао у Месопотамію самъ, и вратіосе после 20 година съ оноликомъ Фаміліомъ; тако самъ и я овамо самъ дошао, и сада нѣколико душашьбу ссобомъ опвести.

Другій дань зовне свога Светозара, Косму и Милиссу, и каже имъ, да му е пріе двіе недѣлѣ долазіо изъ Сербіе любезный нѣговъ Милорадъ (оный истый, кон га е шу довео) и при нѣму 5 дана се задержавоа, приповѣди имъ, какому е веселе гласе изъ Опечества донео, како е се земля мало смирила, и да Царь сада отъ рашныхъ шрудовъ оппочива:

како

како е све у лѣпѣйшій порядокъ ставію, царство свое мудро уредію, законе гражданске, на конма се обще благополучіе утверждава, установію. Како га народъ садъ любіи, и о своему се благоденствію радуе. Каже имъ и за себе, како га Милорадъ еднако у ошечество зове, и како га и другіи пріятели видиши желе, а премолчи предъ нима писмо отъ самага Цара, у кому га и онъ самъ моли, да се еданъ путъ у свою землю врати, ако не себе, шо поне дѣце ради, да шо учини, село му е убо напругъ дао (отъ кога му е Милорадъ и приходе сада быо донео) има съ чимъ пошпено и Господски живити, дѣцу свою, кою му е Богъ изъ ненада дао, срещну учинити, и на общу ползу ихъ употребити. Но я дѣцо моя! придода имъ Старый, залюбіо самъ се у овай шихій, и спокойный мой животъ, ни пошто се отъ нѣговогъ мѣста отпоргао не бы, да ми ніе васъ! Васъ ради морати пѣу шо чинити, васъ ради морати пѣу се отовудъ отседити: обаче тако да найпріе тебе Космо отправимъ тамо, пакъ да ми више Села у оному дивному измежду шума и холмища предѣлау, близу оне воде Берзаве, гдѣ су оне древне развалине, дадешъ созидаши на ово подобіе домъ, и све што треба, кое тѣешь

мо -

могъи за ово лѣто, и преко зиме све совершиши, пакъ до године, ако буде Божія воля, у ово време тамо съ дѣдомъ на гошова да дойдемъ. Понеже я ни на селу, а ющъ ѡенше у граду живици могу; мѣсто многолюдно мени бы ошъ садъ памница была, я самъ радъ съ любезнымъ моимъ старцемъ Палімонъ у пишини, и безмолвно оставше дне живота провести, и ово пѣлесно бремя пихо у пустыни низложити.

На то дойде имъ и Палімонъ, кому онъ открье свое намѣреніе, Палімону се то допадне, и опредѣлисе и самъ съ Космомъ и Милиссомъ тамо ити. Дозову еданъ данъ Арістїда на ручакъ, кои имъ обрисуетъ на Паргаменту домъ, и све, што треба, како да се устрои.

По нѣколко дана узме онъ Косму, Милиссу и Старца и отведе ихъ у едно спрощу Корфа мѣсто поредъ мора, и ту найду галію, да се Адриатическимъ моремъ до Котара града отвезу, ошъ коега нїе тако далеко Хердеговина. Ту се съ нима опрости, и полюби, они се навезу и моремъ оду, а онъ се сврати у Ларїссу градъ. Ту посѣти свое нѣке прїятеле и Митрополита, кои га любез-

нѣй-

и вѣйше 7 дана при себи задержи, и едва га о-
смый дань отъ себе отпусти.

Каждъ дойде дома, предузме дѣцу свою
испытывати, шта су за ту годину у Аенни
научили, шта су видели, чули, и прочая:
милу му буде, кадъ искуси, каковый су успѣхъ
за одну годину и шу при онымъ краснымъ
людма учинити могли.

Предузме ихъ сада учити коня лшиши.
У вечеръ како бы се захладило, а доста кратъ
и у юпро рано, празникомъ, кадъ не бы и-
мали нужду поредъ Посленниковъ быти, поса-
дио бы оба сына на конѣ, и усѣо бы и самъ
на свогъ коня, пакъ бы се прошли по они
красни шума свуда: изишли бы гдѣ и на рав-
ницу и шу бы ихъ пустю, некъ се ушер-
кую на коньма, некъ еданъ на другогъ ме-
чемъ налетѣе; казывао бы имъ, како треба
мечемъ замаивати, и како се у случаю опѣ
непріятеля бражити, како се валя хитро на
коню окрешати, како сѣ коньемъ преко ка-
кова рова, либо воде прескочити, како се
може сѣ коня терчетьсгѣ одма доле, и о-
пешъ на нѣга одма горе ускочити, како кру-
то и управо на нѣму сѣдѣти; и прочая ова-
кова, у чему е онъ као старый ветъ войникъ
добро искусанъ быо. Показывао бы имъ,
како

како треба копѣемъ се съ Непрїятелми борити, како на коню копѣе, кое бы прошивъ нѣга лепило, може рукомъ ухватити, како ли оно е на непрїятеля треба управити, и бацати: како щитъ на лѣвой мышци валя держати, съ нимъ се опъ спрѣле и непрїателскогъ меча храниши, и т: д: говореть имъ, да е то нужно за свакогъ чловѣка знати, а не само за войника; понеже нишко не зна, што му се гдѣ догодити може. На коню добро яшити знати, у оружію се разумѣвати, и на води умѣти пливати, ове су способности, особито мужеекомъ полу, потребне; овакове науке, веляше онъ имъ, хотя не изискую великій разумъ, ништо меньше изъ дѣлнства се у нима упряжнявати морамо.

Еданъ путъ у вечеръ пошле старый овый Господинъ по Арїстїда, и поручи му, да дойде сутра рано, да изиду кудъ у ловъ. Непокойна е ша ношь за Светозара была, едва е чекао да сване. Юшь зора ни заплавила не была, дойде овый; оправу се лѣпо, узму што треба на едно два-тры дана, зовну и Воденичара, сѣдну на конѣ и оду.

Старый Господинъ Светозара све поредъ себе имадыше, нити га смѣяше кудъ отъ себе пуспити, понеже конь подъ нимъ као хала

хала беше, слуга еданъ такодьеръ устоупе имъ слѣдоваше. Чедомиля е посадио на мирногъ коница, као што е и самъ тихъ и миранъ, и препоручи га такодьеръ едномъ слуги, да га чува и на нѣга пази. Време лѣтно и препака велика беше, продру шай дань сквозъ зелене шуме и густе лугове, и нашуку спрѣлами, и копѣями, куда су на кони пролазити могли, много звѣрѣя. Кадъ у вечеръ мѣсецъ имъ изиде, сазовусе и изиду на едну лѣпу поляну, да преношбу. Но текъ шпо они вапру наложе, и разговараютьсѣ, како су шай дань весело провели, почну вечеру готовити, ал' сто ти имъ испомъ поляномъ, по коей нѣови кони пуштени бяху, нѣки людѣй, засвѣшлисе оружѣе на нима; нѣи до едно 15. Они се упуте кѣ коньма! Шта! ово нѣе чистъ посао, рекне Арѣспидъ, кон е страшливѣй быо него нешый зецъ, кога на ражанъ да пече, напидаше: ово су вели или шапи, кон су дошли конье наше украспи, или разбойницы каковыи. Не бойтесе ништа, мужественно повиче Старый, но одма за оружѣе, пакъ юришъ на нихъ. Но ты Арѣспиде узми дѣцу, и скоро сѣ нима у шуму бѣжи, и прилегните у траву, пакъ тѣупитѣ. За Бога Господине! Васъ четворица на нѣи онолико!

— Пакъ?

— Пакъ? — Я се самъ петорице не боимъ, а ова проица мотъи тьеду се съ прочими борити. — Узму инди оружје на себе, пакъ Старый съ голимъ мечемъ напредъ. Замномъ Юнацы, рекне, само не бойшесе ништа! Аристидъ убѣгне съ дѣцомъ у шуму. Старый, кадъ се приближу, окренесе напрагъ, и притворно повыче „Камо они други! иду ли? — (аки бы су они Богъ зна какову чепу ющъ у шуми имали). Разбойницы похите коньма. Старый, кои е бы свога и Светозарова коня научю, како ихъ по Имену зовне, таки обадва му дощерчу; скоци на свогъ, као каковий младить, а другомъ прихвати узлу и рекне Воденичару; те усѣдне. Разбойницы се тада спеку, и со тимъ даду способъ двоимъ слугамъ уграбити друге конье. Старый разумѣвши, да су Албанези, повыче имъ „Юнацы! не гин’те безъ невоље! Заклинѣмъ Вамъ се Богомъ и овомъ сѣдомъ брадомъ, да ни еданъ ноге ошовудъ изнеши нешьете. Еданъ на то хиписе на нѣга буздованомъ у чело, но Старый буздованъ ухвати у руку, другий залеписе съ мечемъ, и хопяше му коня пробости, но Старый варне мало съ коньемъ пакъ мечемъ нѣга фисъ! по глави. Овий падне, сто ти имъ слугу! — Садъ ова чешыри на конь-

ма

ма разбойника окружу на ногу. Старый по-
 выче на слуге и Воденичара, да се у далье е-
 данъ опъ другоу, и конье непрестанно оба-
 даю, и потеркую, да не могу коня пробости.
 Но сирома Воденичаръ, кои ние нигда яшю,
 сѣдю е на коню, као деревяный Янко, по за-
 повѣсти Господина у страху ономъ ободе
 коня вѣшма, него што бы требовало, а конь
 будущи и тако е, као што смо рекли, опъ
 свега плашливъ, и жестокъ бы, врупънсе
 подъ нимъ а онъ пуфъ! на землю. Конь се
 описне бѣгати, но Светозаръ, кои е изъ шу-
 ме овый ешатеръ гледао, смотри га и зовне
 га по имени, кои му таки оштерчи. Садъ Све-
 позаръ отторгнесе Арістиду изъ руку „ Пу-
 штай ме, повыче, маримъ я за мой животъ,
 ако мой Опадъ погине, со шимъ турн га
 опъ себе и скочи на коня, пакъ онда успре-
 мисе изъ шуме управъ у рать вичупъи:
 Нікола! Марко! Несторѣ! овамо дайте и ва-
 ше момке! — Злодѣи познавши на томъ ви-
 ловишомъ коню дешинъ гласъ, слетяусе садъ
 къ нѣму до едно чепъри. — Старый кадъ
 по види, з сердца на еданъ путъ добме, и не
 доштерчи на обрану свогъ Сына, но чистю до-
 леши на коню, и одма двбицу бузлованомъ
 у главу са земліомъ саснави, оставши дво-
 ца

ца почну бѣгати, но Светозаръ едногъ спигне, и съ коньемъ га погази, а на другогъ хити копіе, кое му се у ледѣ забодѣ, кои поперчи до никле пакъ падне. — Между тимъ вѣи до едно 7. обколели слуге, подѣ коима конѣ бяху злодѣи убили! Стои звека мечевѣ. Но кадѣ видише Старогѣ и Светозара, гдѣ лешу имѣ на коньма, уплашесе и почну бѣгати „Харітоне! еси живѣ, повыче Старый на Воденичара.“ — Живѣ самъ Господине, не бойшесе ништа, но за нима! — Старый и Светозарѣ на коньма, а Воденичарѣ и слуга пѣше, и спигну отѣ злодѣевѣ осморицу „Предайшесе окаяни люди, поклонямѣ Вамѣ животѣ“ повыче старый. На то сви баце оружіе свое, и падну на колѣна, Милость! Милость просимо Господине! — повычу сви. Старый заповѣди Харітону и слуги, да покупе отѣ ній оружія, онѣ савѣ озноенѣ и марсовымѣ гнѣвомѣ распалѣнѣ, Проклещи люди! што сте учинили? — рекне имѣ, има ли васѣ више? — Было е насѣ 15, рекну они, едъ кои кромѣ насѣ живѣ остао, по не знамо. — А у шуми гдѣгодѣ не има васѣ? — Нема Господине! вѣра и Богѣ не има! шу смо сви были. —

По.

Поведу ихъ сада поляномъ, и стане Старый свое сазывати, ешо ти му едногъ слуге уочио. руку и на на одну ногу рамлѣ,, Но како ти е сынко, ты си ранѣнъ! Не маримъ рекне овый, да самъ и погинуо, само кадъ сте Вы оспали, и мой младый Господинъ, ахъ за нѣга самъ найвише бояосе. Старый сердшо на Свешозара,, Доле съ Коня! Онъ сяши. Клечи шу! безумный Сыне, кои свога Отца не слушашь, кои нѣгове совѣше не держишь; смерпный ме е страхъ сквозъ цѣлый живощъ мой за тебе прошао, кадъ самъ те видіо, да си у погибель ушерчао — Онъ клекне и дигне руке. Ошацъ! — сладкій мой Ошацъ! Ако самъ Васъ увредіо и Вы шо признаете, мало е ово за мене, о мало е, казнише ме (бризне плакани) иначе; болѣ бы было да самъ овдѣе — Молчи! повыче Старый на нѣга,, Ни самъ ли я тебе человѣку предао, да те чува, шко ти рече ошонудъ изилазати, да погиненъ! Шпо си ты као дѣше у оваковомъ случаю вреданъ учинити, какоси се могао избеумити? Я се морамъ воинспинну чудиши. — Ошацъ мой! а я јошъ вешма, како самъ се могао и онолко задержавати. — За свога Отца умрети! — О Небо! — На шо се Старый разжали, паднему около
вра-

врата, О любезно чадо мое! — Младить садъ радостію восхитисе, склони му руке свое около врата, и тако обонца се исплачу. Овомъ сладкомъ сценомъ сви у наоколо прогнупи бяху,, Сыне! любезный мой Сыне! проговори Старый! Богъ да изліе на тебе свою благодашь. — О Небо! коль сладкій, коль пріятный за мою душу паодъ овый моего воспанія, кои сада я у нѣму собирамъ! — Но — Сыне! да те Богъ живи, швое дѣло добро и благородно у полной мѣри соотвѣстствуетуе моимъ желаніямъ, ты си мой, я тебе опеть любимъ, но тежко ми е было, да си мою заповѣдь пресупіо: друго е мое дѣше! смѣлъ, но паметно смѣлъ быти, а друго продерзливъ, безъ разсужденія. — Мой Сынок! у каковыма самъ я сраженіама быо! — — За волю Божию Арістиде! што е опъ тебе? Яо Господине не пышайте! Ща жалостанъ да се ниси упередіо? — Но Сынок, рекне слуги, шы си яко ранѣнъ? Но ништа не бойсе — Два намъ коня пала Господине! Ништа зашо! Хвала Богу кадъ смо мы остали, и кадъ ми ови коньи пали нису. Но Юнацы! садъ ми кажите, има ли васъ више шу гдѣгодъ? — Ванъ ако е кои опъ насъ побѣгао Господине! и наче насъ више нѣ было опъ 15. Стану иц-

ди игражили, найду троицу мало живе а четворицу са свимъ хладне. Е! што е вамъ кривъ, рекне Старый, я самъ вамъ дѣпо казао: Юнады не гините! — Донесу ову четворицу,, А о! дѣпа лова, рекне Воденичаръ, хмъ! (пипа ихъ) На мою душу дебели су — Е, ша Богъ ме нису се измучили опца ранешњи, рекне Старый, Ядни люди! жалостна вамъ майка, на што е васъ родила! — гледешњи на ній поліесе сузами, и заплачеше Светозаръ и Чедомиль,, Хмъ! плакао бы и я рекне Воденичаръ, но не имамъ суза! погледи на Аріспіда и кадъ види, да и онъ плаче,, А што ты плачешъ смешениче Божій? — Болѣ ложи шу вапру, пакъ кувай вечеру; Юнакъ треба да будешъ као я море! Юнакъ! Аріспідѣ погледи на нѣга,, где садъ! ша овай се вешъ погорди Господине! — Иди несрешњо, сѣдјо си као пањ на коню. Я? — Ты, шы! мислишь, да те нисамъ видјо, кадъ си о землю депјо. — О Кукавицо! Добро, те си изъ траве смѣо гледати; — далѣ опъ мене! — шы нешто воняшъ, малъ да нешье быти, што е Господинъ рекао. — Люди Божји, рекне Старый, оставитесе сада шаленя, дайте овамо ону чушуру сѣ палиномъ, да опшерамъ ове мысли, и мало се поврашимъ; онъ

се

се напїе пакъ даде и Арїстїду, но текъ што овый принесе къ устама да пїе, Воденичаръ рекне: А гле! какви су садъ опещъ ово, што иду? Овый ти намъ мало съ чупуромъ у шуму не побѣже. — Старый узме Чедомила за руку, пригерли га „Лѣпо мое дѣте! знамъ, да си се уплашио, за то най и шы серкни капъ двїе, пакъ подай брашду, узми Свето-заре Сыне! шо е садъ вамъ у мѣсто ме-децине.

Сада налѣжу велику вапру, но Старый Господинъ узме дѣцу и Арїстїда далеко на спрану, при вапри седешьи не бы могли видити, ако бы шко дошао. Воденичаръ и еданъ слуга стошове вечеру, а другїй слуга съ голимъ мечемъ и буздованомъ чуваше повезане разбойнике. Докле они шу вечераю и подкрѣпесе добро руйнымъ виномъ, допле ветъ и зора заплави, но време буде облачно. Што пье мо сада съ овыми? упыта Старый, Штопьемо? Мершве птицамъ а живетье-мо перати у село овдїе за овомъ горомъ ша-ки, рекне Арїстїдъ. Сада убо покупе опъ нїй што су имали; у злапу и сребру найду кодъ нїй 12. лїври, то све узме Господинъ и изъ между свога дружства подѣли,
S a себи

себи и своей дѣцѣ ни едне перпере-узети нѣ хошѣо.

Ошведу ихъ у село, и Спарешинамъ предаду, но на шай начинъ исходашайствуе Спарый, да ниши ихъ погубиши ниши шакове здраве момке у зашвору ране, ошѣ коихъ Обществѣо пролзу узети може, него абѣе да ихъ предаду у военну службу, и тако буде; обуку ихъ одма, и ошреду, да ихъ пополдне носу у еданѣ, не далеко ошовудѣ градѣ, гдѣ е воинство было. Предѣ полдне проспесе киша, и Любомирѣ съ дружствомѣ шу заошпане, обѣдую сви при Кнезу шого села, и пополдне изиде Спарый Господинѣ мало на лѣлѣ. Еданѣ ошѣ злодѣевѣ, кои е, како се по шомѣ извѣште, поглаварѣ надѣ нѣйма быо, смѣтри га сама, и спане га вребаши, да излѣ надѣ нимѣ дивѣю яростѣ свою. Киша бяше престала, и Спарый угледа еданѣ малый вертѣ поредѣ дома; уиде, и шепасе шуда, али ешо ши му ошогѣ; церна людина велика, сакрыо ножѣ подѣ халину (кои пошомѣ докажесе, да е изѣ кунне украо:) пакѣ лагано и крошко пристуни Спаромѣ, подѣ видомѣ аки бы му хошео захвалиши, шшо му е животѣ у суду измолю. Спарый га любезно приими и проговори му, шо ошый беззаконый ош-

ча-

Чаляникъ на еданъ пупъ Старогъ рукомъ за перси, а десномъ попергне ножъ! но Старый хипро счепа га за гушу, и тако га онъ палцемъ подъ герло стегао быо, да е одма овый пренемогао, ножъ изъ руку испустю, и о землю лупю, но мало га е нещасный быо вещь ножемъ съ десне стране близу врапа окерваю, у истый ма стекусе люди, доперчи и самъ Кнезь. Што е то Господине? — Што е! Ето видишь, што е, (держепъи рукомъ, гдѣ га е ударю) Мало ме шай несретьникъ не уби: нопъась у пуспыни у оноликомъ съ нима сраженю одержимъ побѣду, нипи ране добьемъ, а садъ овдѣе мало ме шай не уби! Склопесе садъ на нѣга, кои недвижимъ на земли лежаше, гурну га, окренуга, нипи се миче ни помиче! — мершавъ. Дозову му дружество и покажу га: За Бога Господине! какосте могли тако сретъни быти, да га надвладаше, рекне еданъ отъ нихъ, та нѣмусе редко пара могло найши. — Да га нисамъ одма за гушу ухватю, не знамъ, што бы было, отговори Старый, и каже по томъ, како му се притворно приближю и проч: Кнезь одма оне, куда треба, отправи, а овогъ даде сараниши.

Зовне

Зовне пѣшомъ Господина и нѣгово друж-
ство, почастн ихъ чашомъ вина, и прія-
шелски ихъ предъ саму ноць отпусти. Пы-
таю пасыре у пуспарами и шумами, еда ли
се находу шуда каковн зли люди, нипко имъ
за друге казати не знаеше, кромъ за те исте,
кои су похващани. Но хвала Богу, отъ садъ
се не боимо рекну; проведу шуда два дни и вра-
щесе дома.

Светозаръ еданъ пупъ зовне Спа-
рогъ насамо и исповѣди му, да е онъ у о-
номъ сѣ разбойницы сраженію одну пуну
велику жессу лукаша добіо; каже, да е смотрію
сдногъ, гдѣ е у праву бацію, кадъ самъ видію,
вели, да ихъ преметьу наши, и тражу новце.
Я самъ, рекне, хотео Вамъ одма казати, но
кадъ самъ видію, да Вы нима дѣянте а за
себе ништа не остависте, премолчимъ: но
нисамъ се могао у совѣши никако примири-
ши, за то, ако самъ штогодь со тимъ по-
грѣшю, молимсе, опростите ми, а ево
новцы.

Старый се тихо насмѣе, будущи ве-
ли, да е онъ новце отъ себе у праву бацію,
гдѣ наши и шако не бы были наши, него бы
ондіе, Богъ зна, докле лежали, и шко бы
ихъ нашао, а ши си твоемъ сретѣомъ то

ви-

видію, инди по свакомъ. Праву новцы су-
твои, задержи ихъ за себе безъ найменшегъ у-
души смущенія свободно: погрѣшию бы си он-
да, кадъ не бы што таково мени казао.

Насцане мѣсецъ Септемврій, Арістідъ
сѣ нѣкимъ спраннымъ дойде Любоміру, и ка-
же му за овогъ, да има еданъ прекрасный ві-
ноградъ, кои бы радъ подъ родомъ прода-
ти, а нешь много спаши, віно вели на нѣ-
му како иша малвасіа роди, а нѣе толико
ни далеко, за три до 4. часа пѣше се може
опити. Како тѣу, опговори Господинъ, кадъ
ты знашь мое намѣреніе? — Поне радъ ку-
пите Господине, пакъ да га зимусь попіемо
— Та ты знашь да я не пїемъ ново віно.
— Арістідъ намигне на Светозара, и овый
га мамоли, ше плаши Странномъ не само радъ
но и виноградъ. Теби Арістїде, рекне, тай ві-
ноградъ мой Светозаръ покланя; вінопїемо
заедно попиши а виноградъ на часъ ти.

Кадъ е тако Господине! я благодаримъ,
рекне Арістїдъ, и зовемъ Васъ у испый ві-
ноградъ на часъ. Ты часпи до године, оп-
говори Старый, кадъ сѣ пвоимъ чабромъ у
нѣга као у швой собственый одешъ, а садъ
шѣу я да часпимъ, и шо тако мора быши!

— До-

— Добро кадъ тако мора быти! — Свака сила провлетла, а та некъ е благословена!

Дойде дань, да се спрему у бербу, Арїспїдъ све тамо уреди; Господинъ и дѣца лѣпо се обуку, и као у госте иду. Застапу тамо прекрасно друштво; понавнше Господа по томъ берду винограде имадоху, сѣ койомъ Любомиръ и њколько дана прїателски проведаху.

Онъ еданъ путъ прїе полдне узме Светозара, и изиде се мало сѣ нимъ проходати, све у поучителномъ разговору, како треба са свѣтомъ обходити се, гледајући овыи Богомъ благословенный предѣлъ оду далеко. Я самъ се дѣше мое, рекне, веиъ уморїо, а рано самъ и устао, сѣдимо мало у овыи лѣпый хлааѣ. Спусти се подъ одну велику липу. Старый се мало наслони, сведе очи и заспи, а Светозаръ сѣо кодъ њѣга и почне читати одну книгу.

На еданъ путъ чуе онъ њѣкїи смѣхъ, и плѣсканїе руку; послуша болье; гласъ женскїи! — Пойде на ону страну, и текъ што се на одну пустыницу отъ Отца удали, О! има шта и видиши! Великїи чопоръ прекрасныхъ дѣвица, прекрилиле одну цвѣтну ливаду као бѣло яшо голувица, играюсе и лагко по-

по-

по мягкой шрави као кошуте подскакую. Но упрепасшисе, кадъ изъ между нима смотри и гдѣ кога калугера подъ камилавками „Што шье то садъ быши, рекне у себи, шко овако састави ова два едно другомъ сасвимъ прошивна рода, овый посао валя да е каковымъ новымъ каналомъ пошао, до садъ овако ние было. — Као младъ дай да се приближи и чисто нѣко негодованіе изъ зависіи ощути у сердцу своему прошивъ оныхъ светыхъ Отаца; Што ние пушно ние! вели у себи. Кадъ тамо, ахъ види у церны халина и подъ камилавками младе, и прекрасне, као аггели, дѣвице! — На шо падне му у очи мзло далѣ у шуми столпъ церковный. Дозна инди сада, да су шо Калугерице, кое, како га видише, отберусе ошъ оныхъ бѣлыхъ и побѣгну на страну, посѣдаю по шрави и заклоне лица своя церномъ тончицомъ (піншухомъ). Мірске остану саме, и младить се упути сада кѣ овима; но есть! Ето ти му изъ шраве устане една калугерица млада іошъ жена, у лицу мало бледа, но чисты и гладки образа, очи велике имадяше, обаче смиренна погледа, стасъ нѣнѣ прекраснѣбше, и руке бѣле као снѣгъ, поиде управо кѣ нѣму „Прости сердце мое, рекне му, ние Вамъ संबод-

бодно овамо далше. Младитъ се шергне и порумени“ А за што? — Зато любезный мой! Защило смо мы Калугерице! — А оне? — Оно су мѣрске, но нѣе ни тамо свободно, понеже и оне се за садъ подъ моѣмъ властїю у дѣвическомъ Монастыру находе! — А еште ли Вы нѣова Мати? — Она се тихо насмее на нѣга, познавши изъ речїи нѣговы просту невинность, и на лицу любезну ону дѣпинску цѣлостъ. — Мати, самъ я нѣма да како! рекне му, и гледи на нѣга, како му се Кафшанъ отъ зелене кадифе справъ солнца приливаше — Но чїисте Вы любезно дѣте моє, упытага; на Васъ гледешъ, Вы сте отъ добраго племене, не само, опшуда судити могу, што Вы имате скупощине халине, но што и нѣка душе Ваше блистателность, нѣка пшомость, коя Васъ уважава, мене о помъ увѣрава. Младитъ сѣ нѣкимъ особишымъ почитанїемъ гледи на ню „ Я самъ сынъ старогъ Харїшона, рекне ѣой. Харїшона? Нисамъ имала честь познати шога Господина! — Изъ кога мѣста! — Изъ Елїсіума! — Не знамъ, гаѣ е шо. — Ел’ шо каковый градъ? — Нѣе градъ, просто е мѣсто у шуми више едногъ села: но молимъ Васъ, пуштите ме мало тамо, да гледи мѣ, како се играю оне дѣвице. —

А

А милуете Вы то гледати? — О! по-е мое сердце и душа, есул' само добре? — Наравно да кодъ мене добре мораю биши, но съ кимъ сте Вы овамо дошли, гдѣ Вамъ е дружство? — Я самъ дошао съ моимъ Опцемъ. — А гдѣ е Вашъ Отацъ? Ели ту гдѣ годъ? — Онъ е овдѣ горе, легао е мало спавати. — Я бы рада видити чеснаго пога мужа, кои има тако лѣпа, и шако добра Сына, како шцо сте Вы! — Хопъете, да Васъ отведемъ? — Ако нѣ далеко? — Ево овдѣ шаки на берегу подъ ономъ великомъ липомъ.

На то она зовне двѣ мѣрске дѣве, кое поведе съ собомъ, да сама не иде. Кадъ дойду близу. Старомъ, кой јошъ спаваше, покаже јой рукомъ, ово е мрѣ Отацъ. Сребрена му коса по рамену просуца бјаше, брада тако дѣрѣ и бркови велики, сѣди као снѣгъ, а лице му у прѣятномъ сну поруменило као у дѣшета, оберве космаше и мало вешъ просѣде, возраста крупна мужъ „Здрава Юнака што е кадъ годъ бѣо, гледешъ га, рекне калугерица у себи.

Сѣдимо мало дѣцо моя! рекне она, и дозволимо старомъ Господину некъ отпочива, и будушъи мало се ознојо бјаше, узме младитъ мараму и лагано га обреше „Садъ шѣ

се

се онъ пробудити, рекне овымъ: О какотъ се радо онъ съ Вами разговарати! Старый се промешколи, и отвори очи, но ющъ ове странне не види, дѣше му умилято приступи „Оцацъ! естел' доста вещь спавали? — Старый таре очи“ Богъ да прости! Я Сыне добро одужи. — Успайше, молимъ Васъ, люблетьи му руку, рекне, ево самъ Вамъ довео госте! Старый погледи. —

Госложа. На здравіе желимъ Вамъ отпочиванье Господине! —

Гослод. Понизно Вамъ благодаримъ!

Госложа. Простите Господине, што самъ се тако непознана усудила Вамъ дойти, и Васъ посѣтити. Вашъ любезный сынъ, красно дѣше, да Вамъ га Богъ поживи, доведе ме овамо.

Гослод. Драго ми е, примамъ мени за честь, но естел' давно овдіе? Зашто ме ниси пробудіо одма дѣше мое, кадъ си госте довео?

Госложа. Садъ смо овый испый часъ дошли Господине! и я му нисамъ допустила, да Васъ буди.

Гослод. Не имамъ честь познавати Васъ.

Госложа. Я самъ одавдіе изъ Дѣвическогъ Монастыря Игуменія.

Го-

Господ: Драго ми е, Ел³ далеко одавдѣ Вашъ Монастырь?

Госпожа. Нѣ далеко, оно оный столпъ, што се види. Извеласамъ мое младе духовне, некъ се пройду мало.

Господинъ погледи на ове у бѣли халина, — Нису то, рекне она, доле су оне на ливади остале, него имамъ нѣколко и мѣрскихъ, кое учимъ.

Светозаръ хошя да е вещь, као што смо рекли, и граждански се образю быо, ништо менше перво оно естественогъ воспитанія основаніе нѣ се могло у нѣговомъ сердцу некорениши, онъ ющъ добро нѣ знао, што е то пришваратисе, онъ приступи едной отъ овыхъ дѣви, загерли ю любезно „Отацъ! оволика бы вещь досадъ была и наша Драгиня, и она бы овако лѣпа была. Старацъ насмеесе на Игуменію „Имао самъ вели и я едно дѣвойче, кое е вещь скоро 3. године умерло, пакъ и садъ ю споминъ; и свака е дѣвица у нѣговы очію оной подобна. — Сладкій мой! рекне Игуменія, као дѣше, милоспива сердца.

Мы идемо доле маши! рекну ове дѣве, Добро, а Вы идите, садъ шюу и я шаки дойши. — Отацъ! идемъ и я мало съ нима, рекне Светозаръ; но Старый се нешто замыслио

сло бѣше, не опговори му на то, а онъ поиде, на кое Игуменіа: Господине не замѣрите ми; я самъ изъ мало рѣчій съ Вашимъ сынчншемъ искусила га и у нѣму сваку чесность, и благообразіе познала, но будущи дѣше е млада, и благозрачно, а Вы знате, каковый е нашъ монашескій чинъ, нисамъ рада ни найменшій поводъ дапи, тишину ону духовну, у кою се шрудимъ младае мое содержавати. — Старый іой прихвати рѣчь: Имате право! о! за то я Васъ вѣщаю іощь почитуемъ, и зовне га таки „Светозаре! наспрагъ. На кое онъ се врати.

Но ово име Светозаръ пройде Игуменін сквозъ цѣлый животъ нѣнъ! Она погледн на Старогъ, по шомъ на дѣше! Светозаръ? — Господине сладкій! да нисше Вы Любомиръ Сохоловичъ? —

Гослод: Дакле е Вамъ мое име познано?
Игуменія. И ово е Светозаръ?

Гослод: Но! шо е! акосте га знали.

Игуменія: О благословено Небо! Шшо я чуемъ, Светозаръ! — Светозаре сладко дѣше мое! падши му около врата, повыче, и обвладаю сиромомъ тако чувства, да едва проговори „Любезна крови моя! Сладко чадо мое! Кое маши толико време видила нѣе, ниши е сына и у-
про-

пробу свою познаши могла. Ты си сынъ мой, я бѣдна мати швоя, грону їой сузе низъ нѣно сада сасвимъ блѣдо лице, едва речи изговараше „О Боже великій! Какови су сладкіи дари твои! — Свезозаръ ю пригерливиши“ Мати! Вы мати моя? — погледи на Старогъ: „Отацъ! — Мати моя? — Старый ю узме кропко за руку“ Но! умѣришесе драга моя! — Ахъ Господине извините мою слабость! дозволише ми радоснымъ овымъ слезамъ олакшати мало сердце мое „О коль сладоспна чувства су мени ова, у коима ми се сада оно волнуе! — Сладкій Господине! падши предъ нимъ на колѣна „примите ову чувствителнѣйшу матернегъ сердца благодарность, ово е вторый кратъ, да я предъ Вами клечимъ, я Васъ любимъ као благодѣтелногъ Отца, почируемъ даже до обоженія, я великій узрокъ имамъ, зашто то чинимъ. Онъ ю дигне, заплачесе и самъ „Дѣте мое! рекне їой, време е, да ме извѣспите, естел' Вы прежде двѣ године едно вече мени у домъ долазили?

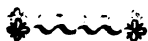
Она: О! Есамъ Господине! Есамъ я то щастіе имала, можеше се опоменути, какове самъ и онда шезде сузе мое надъ нимъ у посшела издила, но простите ми, што се Вамъ

ка-

казати нисамъ смѣла. — Я самъ се Вамъ у мужески халина и у оной пещери указала. То е давно было, но можете се опоменути; Вы сте прїимли писмо едно, да у ону пещеру дойдете? Но, есамъ прїимю, опоминѣсе добро. — Ясамъ оно писала. Любовь своему изчадію мене е ядну матеръ на шо принуди-ла, да самъ се извѣ полике землѣ у мужески халина дойти усудила мое дѣте видѣти. Я самъ онимъ, како сами знате, у пещери, кон су ме ухвапили были, казала, да самъ Косма и Ваше сестре дѣте, а самъ Вамъ име мое казала Конспаншинъ. Вы сте ме отъ оныхъ избавили, и са собомъ у Вашъ домъ опвели, но по томъ шако се догодило, да самъ одма отъ Васъ опишла. Светозаръ е онда малый быо. Вы сте нашли едно любезное писмо поредъ нѣга, кадъ е Вамъ преданъ? — Есамъ нашао нѣга, отговори Старый, и данъ данашни оно писмо я имамъ. — Я шю Вамъ цѣлу мою повѣсть пореду казати; но будущи да се саде задержавати не могу; отложимо на другій пушъ. За садъ е доста, што смо се видѣли, и што самъ Васъ увѣрила, да самъ я жалостна мами овогъ дѣтета: но кадъ се полно о моему житію извѣстите, хошете се зачудити, и быти шье.

Вамъ

Вамъ мило. Добро! рекне Любомиръ, но кадъ пьемъ се мы опешъ видипи. — Я пью Вамъ ово дана съ моимъ старымъ Священникомъ у Вашъ домъ дойти, я знамъ гдѣспіе Вы, я имамъ при Вамъ ющъ едногъ Сына! —

Любомиръ съ удивленіемъ „ Женска главо! ел' по могушье? —

Она: Ели само и садъ при Вамъ? — Ахъ! како ми е тежко было онда, што га видипи нисамъ смѣла, кадъ самъ долазила; онъ е у истой соби у постели спавао, гдѣ самъ овога видила! А како е име Вамъ тому дѣшепу? О Господине! не сумняйте о мени, я пью Вамъ колико сутра све искренно казати, нѣму е име Чедомиль! — Старый погледи на Светозара: — И Светозаръ „ Чедомиль, Чедомиль мой братъ? Братъ ти е сердце мое сладко отвѣща она крозъ плачъ, братъ ти е и по Отцу, и Матери, я самъ васъ обоицу подъ овимъ однимъ моимъ сердцемъ носила, Ахъ сладкій Господине! шпа самъ я за то двое дѣце суза излила, лагко бы ихъ обоицу у нима окупати могла! — Но я сада морамъ иши, дайте ми благодѣтелну десницу Вашу, да ю цѣлуемъ, дозволиште ми, да ю матернимъ сузамъ као драгоцѣнномъ Ароматомъ сада оросимъ, и сутра ме, найдалше преко сутра че-

Т

кай-

каште, ятбу Вамъ цѣло дойти. По томъ излюби дѣше, опростисе и оде.

Сада старый Господинъ и Светозаръ удивленіемъ поражени, гледу за ніомъ и еданъ другомъ, кадъ вещь она заиде, проговоре. — Отацъ! ел' шо истина, да е она мапи моя? — И я сада первый пушъ шо чуемъ; отвѣща Старый, ако намъ ово дана, као што е се обѣщала, дойде, извѣстипишемсе болше: можешъ ли се опоменути, да самъ ти іоуць лане казивао, да су тебе малеца іоуць мени донели, и я самъ те посыню, као и Чедомиля, но чуда, шта намъ жена каза, да е Чедомиль швой братъ! — А ел' шо могушье Отацъ! За што не! — Да е она Ваша мапи, я о тому више и не сумнямъ, нѣно подобіе лица, и она чиста радость, и восхищеніе сердца довольно бы ме о тому увѣриши могло; а кромѣ шого засвѣдочава, позываюшьисе на писма, коя и сада я имамъ, и позываюшьисе на то, да е вещь два крашъ была, као што е и была, видимъ инди, да истину говори; но опкуда е, какове е судбе претерпила, и проча нѣна приключенія, не знамъ, я тбу едва чекаши, да се извѣстимъ. — Сирота! я бы се радовао, рекне младить, кадъ бы се доказало, да ми е мапи; добра жена! — Добра сирота, кра-

красна жена, и паметна, отговори Старый, но шпета за ню, она е морала изъ каквога отчаянїя у Монаштырь опиши! О оцацъ! а бы ли се садъ нїой могло помотъи, да сбацы оне церне ризе? — Тко зна мой Сынокъ! были она што и хошѣла чиниши; она е како самъ видишь, за васъ обонцу знала, да сте кодъ мене, и могла е разумѣши, дасте вы при мени срешъни, могла е и надежду свою у вами имати, нїе морала у Монаштырь иши, но другїй узрѣкъ тому мора быши. — Светозаръ се сада мало замысли, и ударе му сузе. Старый га узме за руку „Но! — што е шо Сыне сладкїй? Зашто плачешъ? Тежко ми пада, рекне онъ, што не знамъ, шко е мой родитель. — О! — пакъ зашо шреба да плачешъ! Я самъ швой Родитель, Сыне мой! я самъ швой Оцацъ — я да самъ те родїо, не бы те могао вѣшма любити, него што те любимъ. А не имамъ ни тако нигдѣ никогда, слѣдователно све, што имамъ, я теби оставямъ, само буди ты добаръ, буди Сыне мой као што си было, пакъ се ништа не бой. Онай испый, кои те е родїо, небы те могао вѣшма любити, небы те могао дичнїега учиниши, него я. — Светозаръ! Дѣше мое! Ты ющъ мене не познаешъ, ты ющъ не знаешъ,

каковый самъ я теби путь къ щастію пвоему отворію! Само ты буди добаръ, пакъ се ништа не брини! — Я то све вѣруемъ, я о Вашой къ мени отеческой любви ни мало не сумнямъ; отвѣща младить, но при свему тому я избѣтъи не могу, да ми се кадъ годъ у живому отъ кога не пребады, да я нисамъ Сокóловичъ; нисамъ Вашъ, него отъ худыхъ Родителей присходимъ, и шудимъ те имемъ дичимъ.

Ништа то Сыне! — О! — ништа то, више значи внутреннѣ по благими сердца и душе свое качествами морално сирѣчь, благороданъ быти, него внѣшнѣ по заслугами праотецъ своихъ политично токмо таковымъ се звапи. Ты си внутреннѣ облагородьенъ, а за облагородити себе внѣшнѣ путь имашь выпворенъ.

Они овако у разговорѣ дойду у вѣноградъ, и супра дань вратусе дома: нестерпѣливо садъ чекаю Игуменію; ова е рѣчь свою обдержала; и претій дань ето ти е сѣ еднимъ старымъ Священникомъ и едномъ спарицомъ такодьеръ у церны халина. Покажу їой сада Чедомля, кога она радостію восхищена прегерли; излюби и сыта се надъ нимъ наплаче; 14 година чедо мое! како те честято видна

ни-

нисамъ, како те майка твоя полюбила нѣ, а родителъ е твоя на вѣкѣ те радости лишѣнъ! Време се приближиваше обѣду, и великій се сполѣ постави, зачудисе Игуменѣа, какѣ види оегоѣ Господина постолѣе, какво е краено и скупоцѣбно. Пошлѣ Любомирѣ по Арїстїда, и Священника изѣ села, зовне и Воденичара сѣ нѣговомѣ женомѣ. Мы тѣємо найпрїе обѣдовати, рекне Старый Игуменѣи, пакѣ тѣємо онда нашѣ разговорѣ почети; и тако буде. Она е слабо и обѣдовала, сладкимѣ чувствомѣ, у коему е нѣбно матерне сердце сада пливало, она се насытила: она не могаше се дѣще свое доволно нагледаши, како су зарва, румена, како су учпива, како научена; какво ли е драгоцѣбно на нима одѣло; особито велико на лицу нїовомѣ Родителя ихѣ подобїе представитїой га живо предѣ очи нѣга самогѣ.

По обѣду зажели Старый извѣспитисе, што е она и какови су нѣбни тайни случаи. Нека наши гости, рекне оцѣ нїой, при чаши вина продолже овдїе време, а мы тѣємо сѣ дѣцомѣ изити мало у вертѣ. Добро! отгвори она, но узмите, ако имате, и она писма, перво, кое сте кодѣ Светозара у повитку наши, а друго, гдѣ сте позовани у ону пещ-

щеру. Старый шо учини . Писма узме, позове дѣду и изиде съ нїомъ у вершѣ; сѣдну у лѣпѣ хладѣ, и она извади изъ нѣдара своихъ испы писама копію.

„ Добрый Отацъ! Есте ли Вы кому ша испа писма кадѣ годѣ сообщавали? — Нигда никому іощѣ до данась, отвѣща Старый. — Добро! придода ова, я за избѣтъи инди сваку, ако кою о мени имате сумню, и за болше Васѣ увѣрити, да самъ я права маши ове дѣце, гледайте Вы у ша писма, а я тѣу Вамѣ чипали ове копіе, видитьте, да ошѣ рѣчи до рѣчи тимѣ испимѣ писмамѣ согласуюсе.

Кадѣ прочита и старый се Господинѣ твердо увѣри, поведе она повѣсть свою овако:

„ У Сербїи Господинѣ Нїколай Бучинѣ, царскїй Міністрѣ Вамѣ е добро познанѣ? —

Нїколай Бучинѣ? о како ми познатѣ не бы быо! —

Ясамъ нѣгова жалостна кѣти! — Ясамъ она нещастна, ако сте за ню чули, *Косара*, коя е бѣдна слѣдствїя любви съ Вашимѣ сыномѣ искусила, и кою е любовь на вѣкѣ печали предала! — Ово су Ваши (показуютьи на дѣду) унуцы! — ово е плодѣ законнаго нашего брака! Признайте добрый Отацъ! да су ова 2 красна, и благонадеждна цвѣша на онбї

ЛОЗИ

лози проникла, коей сте Вы корень! — *Младенъ* е сынъ Вашъ быю, я самъ супруга нѣгова; любовь нѣе може быши ни съ кимъ на свѣшту ону роллу изиграти могла, кою е съ нами двома изиграда! Но за шо е опетъ она мене съ овымъ (за дѣцу) сладкимъ утѣшеніемъ наградила. Старый сада внезапнымъ овымъ извѣстіемъ пронупъ гледи на ню и ништа проговорити не могаше. — Она узме обое дѣце за руку, приведе ихъ ближе къ нѣму, „Клекните са мномъ овдѣе плачущи рекне имъ, клекните дѣцо моя любезна поредъ ваше мащере, и загерлите колѣна вашемъ старомъ Отцу, Вашему Воспитателю, вашему благодарѣтелю! — Нейма того подъ мѣсечнымъ свѣтомъ, кому бысте вы више него нѣму одолжени были. Старый на шо. — О милостива Небеса! сузамъ полившисе уздане и рекне, какову благодать на мене данась излиште! со шимъ пригерди радостію разслабленнымъ рукама оба своя унука, „Вы Унуцы мои? Вы Сынови Сына моего? О любезна опрасли! Светозаре сладко дѣте мое! каковый е шо небесный гласъ за мене, кои ми радостію перси мое исполни, каково небесно утѣшеніе, кое ме у новъ живошъ поставля, устаниште дражайша чада моя, у коима я моего Младена садъ

садъ гледишь, любезни Ангели мои! Красне
вѣще мое! — О преблагословенный Боже! ме-
ни ништа више не остае, што бы я на свѣ-
ту отъ тебе желити могао, кромѣ душевно
мое спасеніе. — Простите мени благодѣтел-
ный Отаць! рекне Косара, простите мени
за преступленіе мое, за погрѣшку мою, Вы
сте отъ мене увреждени, я самъ сына Ва-
шегѣ изъ Вашихъ родителскихъ объятий узе-
ла, на вѣки отъ Васъ разставила! — Утѣ-
шишесе съ овы два невинна младенца, за кои-
ма самъ я ове пустынье проходила, за кои-
ма самъ страхъ и неописане пруде претерпѣ-
ла! — Я самъ родителске милости исключе-
на, я самъ благослова нѣгова лишена, я садъ
и едно и друго отъ Васъ захтевамъ, отъ
Васъ молимъ, Вы сте мой Отаць, Вы благо-
дѣтель. На то Светозаръ и Чедомиль на-
ново клекну предъ нѣга „Любезный Отаць!
— мы молимо за матерь нашу! — Любомиръ
блага сердца и шако, а садъ видешьи ова два
невинна дѣтета, да предъ нимъ клечу и нѣж-
но се за ню, као за милу свою Родителницу
моле, сокрушисе на сердцу, окренесе нюй,
загерди ю любезно, као родитель „Ктѣри
моя! — я теби пращамъ! — я теби благо-
словъ родителскій дамъ! — ты си моя отъ

данась кшъи, я твой до смерти Отаць! —
Со тимъ ю полюби“ О кадъ я не бы слабость
особито женскога пола умео извинити, кадъ
я не бы естественну погрѣшку хощео опро-
стити, я бы самъ самъ погрѣшио. Твой е
Отаць дѣте мое! мужъ ответъ спрогъ,
онъ е погрѣшио! све е могло другаяче бы-
ти, но опростимо му. Богъ сваче дѣло
види „Успаните дѣцо моя, унуцы мои слад-
ки, любезна крови моя ушѣшипесе самномъ,
све е добро, и све тѣе добро быни: Жао ми
е само то, да те у шими рызами гледимъ,
и желимъ извѣшиписе, изъ коегъ си то уз-
рока чинила; еси ли се заклела, есил' чинъ на
себе прѣимила?

„Отпустимо дѣцу нашу любезный отаць,
тихимъ гласомъ рекне она, отпустимо дѣцу,
некъ иду, пакъ тѣу я Вамъ укратко по-
вѣсть и паденіе мое казати: На то дѣца оу
и она почне слѣдаующу повѣсть.“

„Добрый Отаць! я узимамъ сада смѣ-
лость овдѣе као съ моимъ отцемъ говори-
ти, Вы сте ме сами те чести удостоили.
„Како годъ съ отцемъ дѣте мое! рекне Ста-
рый, како годъ съ отцемъ, я самъ отъ садъ
теби тай, ниши се ты мене очужавай. На
кое она „Перву годну, кадъ сте Вы Вашегъ
сына

сына у Неродимлю у дворѣ царскій донели,
я самъ онда 15. мое лѣто брѣла; явесе мѣ-
ни изѣ испогѣ града еданѣ отѣ племени, на-
шему подобна, младишь; онѣ дойде са свои
Родители и мене запрѣси. Но будущи да е
моя Родителница (Богѣ да ми ю прѣсти)
наскоро се была прѣставила, за то рекне имѣ
мой Отацѣ, да поне одну годину причекаю.
Добро! отговори Господинѣ *Пладичь*, кога сте
Вы. безѣ сумнѣ познавали, младишьа испога
Отацѣ: кадѣ е тако, вели, а ово нека дѣва
прѣими нашѣ дарѣ, и мы шѣмо причекаши,
младо е, прѣбѣда и еднѣ и другѣ, болѣше и
быти, да у совершеный возрастѣ дойду. Прѣ-
нимѣ инди я нѣовѣ дарѣ, и они оду. Исти-
ну да исповѣдимѣ, мени се младишь нѣе по-
лико ни допадао, но были бы самѣ о тому
одну рѣчь моему Отцу проговорити смѣла! —
Момакѣ было е младѣ около своихѣ 20 лѣта,
и лѣпѣ е у лицу было да му се мало пара
найши могло, прѣ свой обаче нѣговой лѣпо-
сти, онѣ у очима моима нѣнѣта нѣе важѣо,
то ми се у нѣму гнусно учини, што е яко
снисходѣо женскому полу. Онѣ е почео было
сѣ дозволенѣемѣ Родителей нашихѣ кѣ мени
на посѣщенѣе долазити, обаче я, кадѣ самѣ
видѣла, колико онѣ важи, кадѣ самѣ искусила
нѣ.

нѣгово подлодушїе , суесту и женску ону мер-
кость , кое се нимало мужескому полу не при-
личи , омерзнемъ на нѣга и нисамъ га могла
нипошто терпѣти ; я му дадемъ мое о нѣму
негодованїе познати , но со тимъ горе ! ко-
лико самъ я на нѣга вѣтъма мерзила , толи-
ко е онъ сиромѣ мене вѣтъма любїо , и тру-
дїосе , да ми се допадне . Найпосле рекнемъ
му я „Господинъ младый Пладичъ ! нїе нужд-
но , да се Вы трудите мене о Вашей къ
мени любви увѣрѣти , да Вы мене смертно
любите , я о тому и не сумнямъ , обаче знай-
те то , да колико Вы вѣтъма около мене леб-
дите , и , колико вѣтъма о тому , да я Васъ
возлюбимъ , настонте , толико вѣтъма Васъ
негодуетъ , толико тай Вашъ отъ свега нѣж-
ный характеръ , кои бы се вѣтъ и у женско-
му полу опорочити могао , мерзимъ ; я самъ
женско , придамъ му , и више у мене му-
жества ощущавамъ , него Вы , и прочая овимъ
подобна я самъ нѣму често говорила , кое е
онъ све за совѣщъ отъ мене драговошно
прїимао , мене почитовао , и вѣтъ обожавати
почео . Я за искусити нѣга болѣе , узнемъ га
сасвимъ на теразїе моего разсужденїя , и пред-
ложимъ му у бесѣди кадъ што и прошивно ,
или што нїе сходно разуму , за провидити
духъ

духъ нѣговъ, или што е противъ правде, прошивъ добродѣтели, за познати му сердце: но онъ сиромѣ у свему мени дае за право, како я рекнемъ, тако е и тако мора быти. Помыслимъ у мени, ако ты тако мой брайко мыслишь, како што говоришь, то си ты слабогъ разума, ако ли пакъ мени похлѣбствувешъ, мени се улагуешъ, то си худогъ сердца, и характера, иначе у натурѣ быти не може, перво е инди зло, а второ ющъ горе.

Еданъ путъ каже мени нѣка моя друга, да онъ отходи къ одной у сосѣдству нашемъ, и да тамо равнымъ начинемъ около оне, како годъ около мене облетье и бае; а я хопя да га нисамъ толко миловала, опетъ ми жао буде, не изъ какое зависти, но гдѣ е се побожъ мой вещь назвао, и гдѣ морамъ отчину исполнити волю, и пойми за шаковаго женскому полу и страстемъ своимъ плѣнѣнна младитѣя. Како тѣе онъ мой мужъ быти, каковъ ли будущій, ако насъ Богъ благослови съ дѣцомъ, Ошадъ постасти. — Дамъ позоръ болѣе на сваку нѣголу спазу, кудъ ходи, и што твори, кадъ алъ имамъ шта и видити, преко нѣи десетъ дѣвица познавши слабость нѣгову, пакъ за изиграши шокмо суетну роллу съ нимъ свака му

Му се покаже у равной мѣри благонаклонна, и онѣ се кукавацѣ у сваку залюби! — и у любви толико разслаби, толико чувства свои поквари, да наипосле ни зашто друго на свѣшту нѣ маю; токмо за едно дружество женско, јошѣ да бы и ту весело было, но сѣдне между нѣй, пакѣ пустыи ни ромори, ни говори, само гледи, а оне се смѣю! — Я исперва нисамъ толико ни вѣрвала, да е онѣ тако яко у любви установленѣ, но еданѣ путѣ неспашно едно дѣвоиче, доиде кѣ мени и зове ме у дружество, гаѣ су се были многе собрале; сѣшмсе, дашѣ онѣ тамо бити, уземѣ мой везѣ и одемѣ, кадѣ алѣ онѣ сѣо изѣ между нѣи, пакѣ преде! Право! рекнемѣ му одма сѣ врага јошѣ, право! Господинѣ младый Пладичѣ! шпѣта што Вамѣ јошѣ прегачу нису припасале. Со тимѣ врагшмсе, и оставимѣ нѣга посрамлѣна, а нѣи у смѣху и кихотаню.

Како доидемѣ дома, одма завѣщамсе, да не тѣу за нѣга пойти, да бы ме Отацѣ не истукао, не опшерао, но макарѣ бы ме убио.

Јошѣ я нисамъ ни образе мое опѣ плача осушила, али спѣ ши ми нѣга, како уиде у собу, клекне преданномѣ, и спѣне плакати, нушо мое неволѣ и сѣ нимѣ! Господинѣ

Пла-

Пладитъ рекнемъ му, я Васъ сожалемъ, по помъ дигнемъ га, я Васъ сожалемъ, и весма сожалемъ, рекнемъ му; Вы имате добро сердце, но весма слабъ разумъ, я попреебумъ мужа, а не жену, гдѣ Вамъ е преслица? — Стане ми се садъ сирома правдати, молити, и заклиняти, да нигда више нецъе то чинити, Не, не! — рекнемъ му я вещь сердита, оставите Вы мене! кадъ имате на свакий перстѣ по одну, нисамъ я за Васъ, мени преба, као што реко, еданъ мужъ, коитъе увекъ на моей спрани быти; а не шаковый, кой за свакомъ дѣвицомъ, као петао за кошкама перчи, О! нѣ мени врана попила мозакъ; морамъ се чудити реко, како е се природа сама и у тому преварити могла, те Васъ е мужкимъ сошворила, кадъ ни капли благородне мужеске крови у себи не содержавате, кое мы женскій полъ у мужескими высокопочитуемо, но припяжавате како душе тако и сердца качества едне худе и слабе жене! Мужъ преба, да буде бодръ, разуманъ и свободанъ, мужъ да буде глава жена, како што и с. писмо говори. Мужъ преба да любви жену свою, но памешно и съ уважителнымъ поступкомъ, да му се жена не обезобрази, не размази. Оно е правый мужъ, кои свою жену шако научити уме, да га она

искрен-

искреннѣйше као свое щастіе на земли любви и почитуе, а при тому да га се бои, да предъ нимъ спрепи, да се стыди, и предъ нимъ ушпимава, таковаго даруй мени о Боже! ово ми буде послѣдня рѣчь, зашворимъ се у другу собу а онъ оде.

Еданъ пушъ у Недѣлю мой Родителъ доведе моего младоженю изъ церкви, іоуць съ еднымъ младичемъ на обѣдъ; Овый е младичъ дѣте мое! рекне ми, Господина Соколовича изъ Херцеговине Сынъ. Присшупимъ му чпиво, и полюбившиясе съ нимъ,, Радуемсе, реко, да имамъ срешъу познати ихъ, и молимъ за честно име? — Онъ любезный погледъ свой бзцы на мене, поклонисе и рекне: Мени е име Младенъ. Юноша какоште и сами знали, Богомъ украшенъ, мудро воспитанъ, и у найлѣвшему цвѣту, а и я млада и неразумна, приведе чисто мое сердце у движеніе, и я ошутимъ у нѣму нешто необычно. Любовь, о коей я допле ни правоъ понятя имала нисмь, почне у мене дѣйствовати. Сердце се мое у приятномъ, обаче и непостояномъ чувству спане волновати. Ахъ! ово е быо первый почешакъ моего нещастія.

При

При обѣду онъ е сѣдио спрощу мене, я сама могла лѣпо гледати, но што сама га више гледала, што ми се све лѣпши быти чиняше. Нѣговъ смиреномудрый разговоръ; нѣгова учтивость, нѣгово благообразіе и проча овакова; блага душе нѣгове качества, која га украшаваху, восхити мене преко сваке мѣре, и я се у нѣга смертно залюбимъ! — Охъ! —

По обѣду кадъ устанемо, зауземосе сви прохадати преко вопняка, кои е намъ таки више дома быо; онъ мене съ дозволеніемъ Родителя моего узме подъ руку и тако латано у разговорѣ удалимосе мало на спрану. На гаѣ кою рѣчь нѣгову я сама му отговорила, обаче мое оно исто изреченіе пошежко ми е изъ персію моихъ ишло; я сама у изреченію рѣчи кадъ што и замукла, и сошмимъ му нѣга внимателна учинимъ: онъ се насмее на мене и списне ми руку, „Господична рекне ми, я ако се не варамъ, Вы се у необычномъ расположенію находите? — Я се застыдимъ на то, погледимъ на нѣга и у тай парѣ ништа му отговорити не могахъ. На то дойде намъ и Пладить, но не знамъ или онъ мене вѣщимъ негодованіемъ гледаше; гаѣ се я съ Младеномъ исподъ руке водахъ, или

я нѣга, гдѣ ми садѣ као у пркосѣ шу дойде. Словомѣ, я шай данѣ а и цѣлу нощь неспокойно проведемѣ. По помѣ далго време ниши е Младенѣ свою любовь мени откриши, ниши я мою смѣла самѣ нѣму исповѣдиши. Мы бы нѣкѣй пушѣ и по тры и четыри часа заедно провели, и не бы толико рѣчѣй проговорили. Я самѣ нѣкимѣ Правомѣ по отѣ нѣга захпеваала, да ми еданѣ пушѣ каже, што му на сердцу лежи, понеже приличнѣе е мужескому полу по учиниши, нежели мени; но онѣ, колико самѣ примѣшиши могла, нѣе мене у оноликой мѣри любѣю, колико я нѣга. Найпосле я швердо завѣщамѣ у мени, да шѣу му я у первомѣ саспанку отвориши мое сердце, и искренно му показати, да онѣ мени на нѣму лежи. Преправимсе сирота, какошѣу почешѣи, а како шѣу му се изражавати, само тѣе ми мое сердце, кое се у сладостномѣ чувствѣу при нѣму находи, у онаѣ ма дѣкшѣрати.

Но у истому моему предпрѣятѣю забранисе моему Младенѣу кѣ мени долазиши; кое попомѣ дознамѣ, да е Пладичево масло было. Нѣгово убо злоревностно око усмоприло е добро, да су наша сердца соединена, и за шо больма почне настоявати, и около моего родителѣа баяти: пушти му найпосле у уши, да

се мы любимо. Отацъ даде на то позоръ, и искуси, да онъ има право: мене испусе и изгди, а младишъу запрети, да нипошшо више у нѣговъ домъ не дойде.

Онда я исходашайшвuemъ великимъ моимъ шрудомъ прилику и едно вече саспанемсе съ Младеномъ: паднемъ предъ нѣга на колѣна, полѣемсе сузама, и пламенишымъ рѣчма искажемъ му, што ми на сердцу лежи, исповѣдимъ му, колико га силно любимъ, колико почишемъ, и рекнемъ му, да я безъ нѣга живити не могу. Онъ, кон е мене и шако вещь любю, сада лагко пораженъ буде, дигне ме и пригерли „Мила моя Косаро, почне ми говориши, я тебе сожалуемъ! — О! и колико те сожалуемъ, што мое сердце, а другій нитко знаши не може, со шимъ више Любезна, што ши помощи не могу! Ты мени сердце швое, кое е у швоіой власти, даешъ, обаче рука швоя опъ Родителеве волье зависи! я ю добыши не могу. „Лучше е чисто сердце, опшговоримъ му я, нежели рука, само кажи шы мени, но искренно: понеже овдѣе се опредѣлява судба моя, коя шъе ме или къ моему шщастію, или погибели повести; кажи шы мени, любишь ли ме шако, као я тебе: понеже — но! — да чуемъ само, рекнемъ му? —

Ако

Ако си любезна моя! рекне онъ мени, любовь мою къ теби примѣшила у нѣкой умѣренности, и не толь нѣжну, толь чувствительну, колико ты отъ швое стране показуешь, то признай, да се мужескому нашему полу шако пристои. Мы любимо и искреннѣйше сердцемъ любими можемо, но ону нѣжность, оне знаке виѣшне у тому показывати, као женске што чине, отъ насъ ни една благоразумна дѣвица захтевати не може; я тебе сердце мое! толико любимъ, толико чествуемъ, да бы за тебе и мой сладкій животъ готовъ было положить; но преко свега тогъ да ше не увреди ово, што тыу ти рещи, — нейма дѣвице на свѣту, предъ којомъ бы я као предъ Богиньомъ клекао; Боже сохрани. Ты хотя да си Богиня сердца моего, понеже си съ нимъ обвлада, ништо меньше я нигда у шакову женскому полу свойственну слабость нисамъ радъ пасти, да предъ тобомъ клекнемъ. О! — не! Мила моя Косара не! оно су на полакъ жене, кои по чину. Предъ немощномъ женомъ клечати! — Та сама она дѣвица, ако е паметна, ако е добродѣтельна и правильно воспитана, мора се на таковаго сиромаша стнуести! — Я женскій полъ чествуемъ, я ихъ любимъ, као половину рода человѣческаго,

обаче мое мужеско Право не дамъ. Предъ ма-
шеромъ, предъ благодѣшникомъ, или Вла-
дѣшникомъ клекнути, за милость какову
молиши, а! то може быти и быва, обаче
предъ дѣвицомъ клекнути! — и чрезъ то
захщевати, да їой се допадне! — Срамота за
насъ мужке. — Ова се морална и мужествен-
на нѣгова разсужденія мени весма поправе, а
нѣму то исповѣдимъ, и безъ обиновенія нѣ-
му кажемъ, да я и зато нѣга їощь вѣшма
любимъ, вѣшма почишемъ.

Добро, лѣпа моя Косаро! рече ми, то е
све добро, но можешъ ли ты кодъ Г. Ошца
испословати, да онъ соизволи нашему браку?
— иначе любовь наша не токмо лишавасе
плода своего, но служити тѣе намъ обимъ
на пагубу нашу, на шугу и жалость чрезъ
цѣлый животъ! —

„О Любезный мой! — ошговоримъ му я,
всусе бы я предъ Родителя моего, кога до-
бро познаемъ, зато клекла, всусе нѣгова ко-
лена загерла, всусе мое сузе предъ нимъ
проливала! — Онъ е мужъ строгъ, онъ е у
своему предпріятію непоколебимъ — на моли-
ти се неда! Но едно едновито средство мы
къ тому имамо, побѣшми! — На то онъ „О
Любезна моя! можешъ ли ты ону, кою е онъ
ше-

теби као родитељ за 15 лѣта любовь показивао, тебе воспитао, и попеченіе о твоему щастію носіо, и носи, тако на еданѣ путь заборауиши, нѣга увредити, оставити, и замномѣ у свѣтѣ опити? — Я то све знамѣ, опговоримѣ му, я самѣ и више пушы о тому и сама мыслила, обаче видимѣ, да иначе быши не може. —

И тако на просьбу мою онѣ се наипосле едва склони, и ношѣомѣ побѣгнемо.

Дойдемо предѣ зору у едно маѣло село, и ту се вѣнчамо. — Сада мой Отацѣ поручи и на све стране распише, гдѣ бы годѣ насѣ нашли, да насѣ вежу и у Неродимлю отправе! и тако случаемѣ насѣ обое ухвате! Онѣ погргне на еднога, кон е мене за руку повукао, мечѣ „Пуштай, повиचे, садѣ тѣу ши обадве руке отсѣтъи; онай нѣе хошѣо мене пуспити, а онѣ га удари мечемѣ и одну му руку отсѣче: прочи се уклоне! Онѣ узме мене за руку и побѣгне самномѣ у домѣ еднога Священника. Учинясе сада буна, но на домѣ Священниковѣ нису смѣли напаси. Кадѣ у вечерѣ, ал' онѣ оде у истому Селу едному Сопнику (Капестану) и прѣими войническу службу: и тако мени у войническомѣ одѣлу са своимѣ Сопникомѣ дойде „Не бойсе, рекне ми,

ми, Косаро мой! ошѣ сада ништа, а самѣ прїимїю Царску службу, и со шимѣ избѣгао свако прошивѣ насѣ гоненїе. Захтевали су пога мѣста поглавари, да се има по закону за онога, кому е руку опсѣкао, казниши, но Соцникѣ се на шо ополчи „Ни пошто вели шо быти не може; нѣга другїй сада нейма власть казниши, кромѣ законѣ войническїй, но будупьн да онѣ нїе као войникѣ погрѣшию, тако га войническїй ни казниши не може, а не може ни гражданскїй: понеже сада е войникѣ, и пако онѣ оправданѣ буде.

По томѣ онѣ Царску службу извершупьн на нѣколико дана опонуадѣ оде, и мене кодѣ испогѣСвященника остави сѣобѣщанїемѣ, да шѣе се онѣ, колико скорїе буде могло быти, врашиши, но за цѣлы два месеца онѣ се не враши, между коимѣ временемѣ мой Опадѣ извѣщенѣ будупьн сада о мени, пошле люде и мене опнесу у еданѣ шу близу градѣ у тамницу; гдѣ я сиропша два дана проведемѣ, прешїй данѣ ношьюмѣ нѣкин дойду люди и мене опонуадѣ изведу: даду ми писмо опѣмогѣ Младена, да му одемѣ у еданѣ чакѣ на Болгарской граници градѣ. Пише ми, да е нѣговѣ Соцникѣ Тысящникомѣ посшао, и да е онѣ на нѣгово мѣсто ступїю, да сада прошивѣ
Бол-

Болгара иду и прч: Кажe ми у писму и то, да я као жена нешью яѣга мопьи слѣдоваши, но да тье онѣ за мене, гдѣ тью обсташи, урежденіе учинити, самномѣ се опростити и опити. О како мени то тежко падне, гдѣ се садѣ морамѣ сѣ нимѣ разсташи, и Богѣ еданѣ може знати, хошємо ли се игда више видиши.

Дойдемѣ инди у предреченый градѣ и шу сѣ нимѣ двіе Недѣлѣ проведемѣ; но каковый се тежакѣ нашѣ разстанакѣ сада учини. — Онѣ мене тѣшаше мужественно, онѣ се мени обѣщаваше опетѣ окоро дойти, мене посѣшити, и у ближне мѣсто, гдѣ се онѣ буде находіо, мене преселити. Како што дѣйстви-телно и свето учини.

Нашане Есень, и учинисе мирѣ сѣ Грецы. Врашисе мой Младенѣ, и цѣлу зиму самномѣ проведе. На пролѣтіе пріимимо ружне гласове о двору, да се сирѣчь молодой Князь Душанѣ — противѣ Отца — ополчио! По томѣ да су многіи, кои су на опчиной страни были, кои су га као Краля бранили, поставлени у шамницу, изѣ между коихѣ разумѣмо, да сте и Вы! И Младенѣ хоташе запо-путь у Ошечество узети, и Вамѣ као Родителю на помощь прибѣшши, но будущи да

у

у исто време я родимъ Светозара, Младену се моемъ сада ништа на свѣшу радостниѣ случили не могло, као то, што е Сына добыю, ахъ шужна я! коль крашка за нѣга радостъ е та была. Опложи инди пушь свой, на кои дань, купи Господу, недѣлю дана ихъ почасти, и съ нима се провесели. Между шимъ и я устанемъ изъ постелье, и онъ се спреми съ нѣколько отъ своихъ друговъ на пушь, опростисе самномъ и оде, остави мене съ некимъ дѣшетомъ у спрашу, бояласамсе, да се као младъ не избежуми, и родишеля ради своего не учини каквоо насиліе, и не дойде и самъ у тамниду. Но после два дана у вечеръ немало, зачудимсе, кадъ га съ дружствомъ видимъ, гдѣ дойде. Радостію восхищена истерчимъ му на срѣшеніе: Што е Младене? Што си се вратио? — Добро, отговори ми: Опацъ е мой вели быо зашворенъ, но опетъ пущенъ: узели га лѣпо ношьюмъ добри Пріятели, и съ нимъ побѣгли; тако ми вели, люди казаше, и о тому ме цѣло увѣрише: Но я се за то, придода, не бы быо вратио, обаче друго се нешто догодило! — Краль е ухватъенъ и у Звечанъ у започеніе посланъ; я самъ прїиміо заповѣсть къ Призрѣну ити.

Ко-

Косаро моя! дѣте мое! рекне *Любомиръ*, я Теби овдѣ однимъ малымъ вопросомъ пресѣцамъ бесѣду: Кажи ты мени, како е то могло быти, кадѣ самъ я у тамницы прешто тѣу пущенъ быти, писмо прѣимію, да е мой сынъ Младенъ умрео быо, а изъ твоихъ рѣчій сада разумѣвамъ, да е еще живіо. — Вѣруемъ добрый Ошадъ, ошговори она, Вы имате право, Вы сше писмо прѣинмили, но шко е оно писмо писао? — Я не знамъ, ошговори Любомиръ. — Ели Васъ Милорадъ изъ тамнице пустио? — Но — естъ! — Онъ е Вамъ и оно писмо писао, но онъ е у тому Васъ и преварио, Сынъ е Вашъ по оному времени іоуць двѣ године и полъ живіо, я тѣу Васъ о свему тому извѣстиши. Писано е Вамъ, да е при *Стояну Ранхову* у *Дренови* вечерао и супра данъ умрео? — Естъ, я ти могу испо писмо и саде показати. На што; нѣе отъ потребе, рекне она; доволно е, што Вы о тому увѣрени быти можете. — Обаче мени е за чудо, рекне *Любимиръ*, зашто бы Милорадъ тако самномъ поступио, и како е могао онъ предамноу толико претворанъ быти? — Могао е, зашто не, и онъ е све као Вашъ искренный прѣятель изъ доброу чамѣренія то чиніо. Онъ е се о тому съ другима тако

со-

совѣщаю; понеже Вы се иначе у онай ма не бы хотѣли уклонити, а былисте, какосмо разумѣли, на смерть осудьени! — слѣдовательно моралису Васѣ тако преварапи, дасе выше нити на сына ни на Краля уздаше; но дасе уклонитс, и животѣ свой спасете. Кое-су попомѣ све Младену исказали, и онѣ имѣ е захвалю. — Младенѣ е попомѣ у намѣренію быю Вамѣ дойти, но као Чиновникѣ у войны нѣ могао; а мысмо знали за Васѣ, гдѣсе находите. — Добро, дѣте мое! а како мени Милорадѣ мой пролѣтшось ту повѣстѣ не исказа; онѣ е мени долазію, онѣ е при мени нѣколико дана провео. — А шта е Вамѣ знао казывати; онѣ за мене и за дѣцу ништа нѣ знао, а за сына нѣ было више онѣ потребе, да Вамѣ говори, и жалости оне, кою е Вамѣ шоль долго време вещь и изѣ памешн изгладило, опетѣ Васѣ опоминье. — Хмѣ! хмѣ! хмѣ! машетѣи главомѣ Старый „Како е дакле мой сынѣ умрео. — Ештел' были разумѣли, да е онѣ и Полковникомѣ постао быю, упыта она? — Тосамѣ разумѣо оны дана пре штотѣ у тамницу дойти. О! нѣ онѣ онда іощѣ Полковникомѣ быю; нѣму е то обѣщано было, но найдусе ту нѣка препяпствія, коя га годину дана іощѣ опѣ шо.

га

га степена задержу; потомъ е онъ Полковникомъ постао. — Но, само по реду кажи ми, молимъ те, гдѣ тѣе и како тѣе дакле мой сынъ умрети?

Онъ кадѣ прѣими отъ Полковника своего заповѣсть, да се прибере съ воинствомъ своимъ къ Призрену; таки другій данъ опрости се са мною и оде: но по маломъ времени врати се на прагъ као Тысящникъ; каже ми, да е прѣимю отъ двора заповѣсть съ воинствомъ своимъ сада преиши у Албанію. Приповѣди ми многе кое какове незгоде, и распре дворске, кое е чуши могао. Ясамъ се, вели ми, самъ изискао, да ме у Албанію пошлю, гдѣ се многа войска младога Княза шада скупляше. Пошле инди мене съ дѣшетомъ напредъ у едно просто село близу Дурачина, коесе зове Калорѣва: а онъ тѣе на мѣсецъ дана потомъ дойши. Но цѣло лѣто споконлисе на одномъ мѣсту ніе могао. Предъ саму зиму дойде у исто село, и са мною буде до пролѣтія.

У Априлію мѣсецу одну ношь огласи намъ подѣ прозоромъ труба. Успанемо одма, ужежемо свѣшью, изиде онъ и отъ вѣспника прѣими писмо; прочита, и каже ми, да таки съ воинствомъ своимъ ити мора у Копаръ!

— Я

— Я као да самъ предчувствовала, дашь ми овый разстанакъ на вѣки съ нимъ быти! — Онъ мене препоручи на нѣку стару Госпожу, удовицу, при коей смо обитавали: остави ми на прошакъ доволно, и оде, прашиласамъ га полъ дана далеко, и кадсамъ се врашила дома, до саме ношѣи отъ плача преспала нисамъ, нити самъ се могла упѣшити, докле нисамъ отъ нѣга писмо прѣимила. Данъ еданъ пропустила нисамъ, да у церковь не одемъ, и да се за нѣга Богу не помолимъ.

И будупи у то време быласамъ съ Чедомилемъ трудна, едва самъ чекала любезно бремя мое низложити, и нѣму, буди бы како было, опити. У испый данъ, кадъ тѣу родити, прѣимимъ писмо отъ нѣга, да е Полковникомъ постао. О какова е то за мене радость была! — Но колико е она моему сердцу тада прѣятна, колико сладка и чувствительна была, толико се крашка и маловременна мени учини, и у жалость обрати! — Судбина е моя со тимъ вѣщама мене мучити хотѣла, да ме найпрѣ обрадуе, а пошомъ ме абѣе у вѣчну печаль, у вѣчну жалость и сверху моего щастія у юдоль плачевну низрыне! — Зато ми е и онакову любовь нѣжну у сердце улила, за то ме е отъ родителя моего

го удалила, у чужу землю отправила! — Сада їой овдіе плачь пресѣче бесѣду, она умолкне, и марамомъ сузе свое брисаше, на кое старый Господинъ „ Не плачи! не плачи дѣше мое! доспаси плакала: Заборавимо вещь еданъ пушъ оно, што више повратити не можемо; благодари и самномъ заедно Богу, да е намъ ово двое дѣщице ко ушѣшенію нашему даровао. Но кажи ми укралко, како е онъ умрео.

Текъ шпосамъ се изъ дѣшинье поспелье предигла, сѣднемъ и напишемъ му писмо. Ти си мене, велимъ му у писму, несказано обрадовао, шпоси тако младъ їощъ Полковникомъ постао, у коемъ те спешену достоинства я любезно поздравлямъ, купно са Светозаромъ и Чедомилемъ, кога си ово дана добыю и проч: Пошлемъ му писмо, пошлемъ му еданъ прекрасный златомъ извезенъ убусъ, еданъ такодьеръ златомъ изашканъ поясъ, златну челенку за калпакъ съ однимъ прекраснымъ бриліанпомъ, кои самъ изъ моего перспена извадила и проче лѣпеи скупощине уборе; и више самъ се жалостной мени! я у себи радовала, како тье му мило были, кадъ пріими, него што бы се самъ радовао! Кадъ пепый данъ буде, ал' ешо мени чловѣка съ два писма, докъ пріимимъ писма у руке, абіе

по-

познамъ едно мое, кое самъ Младену послала
 была! — Смушимсе сирота и шаки друго
 опшоримъ! Уперчимъ старой Госпожи у собу,
 паднемъ ѱой около враша, она прѣими писмо
 изъ моихъ руку, естане ме шѣшити, и рек-
 не ми, те сѣднемъ на крешъ; бояласе, да
 не паднемъ; понеже была самъ као крпа бледа
 — прошернуша слушамъ Стару, гдѣ чита, а
 кадъ рече: Младенъ погинуо! — Како самъ
 шо чула, паласамъ на крешъ, и за четъри
 дана ништа знала нисамъ о себи, едва ме Ста-
 ра четвертый данъ кое чимъ предъ саму
 мопъ поврати, осѣтимъ малогъ моего Све-
 шозара, гдѣ ме слабымъ своимъ ручицами по-
 мои хладни и блѣди образи герли, отворимъ
 очи и смопримъ Стару, коя га шако надам-
 номъ держаше „За Бога женска главо, крозъ
 плачь рекне ми, повратисе мало, смилуйсе
 на овогъ слабогъ младенца, кога си подъ
 сердцемъ швоимъ носила; погледай на оногъ
 невинногъ Ангела, кога ти е Небо ко ушѣше-
 нѣю дало, опоменисе сладка моя! да е отъ
 крови, и плоти онога, кога си любила, и за
 коимъ се сада жалостна съ душомъ швоимъ
 боришь. На шо дойдешъ мало къ себи, уз-
 мемъ дѣте, и осѣтимъ, да ми се смерзнуша
 у мени кровь мало поврати; пустимсе у
 тѣху

шиху меланхолію, поліємсе сузами и по-
пьюшимъ. Спара ми, Богъ нека ю у оной
вѣчности между Блаженне упокои, донесе нѣке
укрѣпительне каплице, те попіемъ: по томъ
даде ми, те мало и поемъ.

На то устанемъ, обучемсе, и онако сла-
ба одемъ у церковь, приложимъ милоспыню,
помолимсе за нѣга Богу; препоручимъ му
се съ дѣцомъ моіомъ у милость; и за вѣ-
щамсе, дащю 15 година церне халине но-
сити, за нимъ сѣтовати, за нѣга се Богу
молиши, по числу моихъ годинъ, кадъ самъ
га первый путь познала, и закунемсе, да више
нигда до гроба моегъ ни мысль мою за муж-
кимъ у сердце мое пустити нещю; кой самъ
завѣщъ мой и клепву мою до данась свято
хранила, о тому Бога, и совѣсть мою имамъ
за свидѣтеле.

Кадъ се врапимъ са Старомъ дома, осѣ-
шимъ, да ми е мало лакше, печаль моя бѣше
велика, обаче не тако рѣстерзаваше сердце
мое жестоко, као первый кратъ; ту самъ
по первъ искусила, у каковому се расположе-
нію чиста душа, и непорочна совѣсть са жа-
лостнымъ сердцемъ находи; какова е пверда
вѣра на Бога, какова е сладка надежда на
нѣга.

Уз-

Узнемъ писмо наново и прочитаемъ, извѣсшимсе точно, да е у едномъ близу Призрена сраженію погинуо; но да е со шимъ живомъ свога Владѣтеля младога Краля избавію, и цѣлый градъ отъ нѣкихъ буншовщиковъ спасао, кои су се у одну ношь съ шолкиными тысящами противъ града устремили были, съ намѣреніемъ градъ огню, а жителе нѣгове яросшномъ своемъ мечу предати; но не имъ се по желанію ихъ удало; они буду побѣждени и прогнани собственномъ мышцомъ Младена, кому судба не дозволила отъ Владѣтеля любовь, отъ граждановъ благодарность, а отъ свіюхъ славу, као сладкій плодъ своего вѣжества, своего мужества и храбрости за живота получитьи.

Изнесе ми спара Госпожа и оный златный поясъ съ прочими вещми, кое самъ му послала была. —

А шко е теби писао то писмо? вступи сада старый Господинъ. — Писао ми е самъ Сопникъ нѣговъ, кой е у истомъ сраженію быо. — А каковісу то буншовщики были, есули се они противъ Душана ополчавали и зашто, есиа разумѣла? — Противъ нѣга да како, они су были отъ Ошчине спране, покушавалису Краля пустити, кои е у Звечени

за-

зайворенъ быо, како шго сге и сами могли разумѣти. Началникъ Пешригъа града извѣщенъ буде, да се Князь съ малымъ числомъ воинства у Призрену находи; похити, како сказую, съ 10 тысящъ людѣй, дага ухвати, Краля освободи и на Еронъ поврати. И да не шу Младенъ са свои 3 тысящъ коняниковъ и около 4 тысящъ пѣшаковъ быо, тко зна, што бы ющъ учинити могао. — Онъ не знао, да е Краль у то исто време пущенъ быо, да е се са Сыномъ (предвидивъ свою смерть: будущи у весма се слабомъ здравію находи) како шгопѣ помаломъ времени и умрети, помирио и нѣму съ благословомъ кормыло правителства вручио быо. Нашъ е Младенъ истый до тогъ времена, на Кралѣвой страни спояо, и съ многими прочими противъ младогъ Княза умышлявао; но потомъ кадъ имъ явлѣно буде дѣло, и примиреніе Владѣтелей, преспану сви опѣ вражде, и внутреннегъ рапа пакъ се приклону, и покору младому Кралю; откудатѣсе и благополучіе цѣлому народу почети. — Но откуда е молимъ, то писмо теби донешено, запыта Старый, како ли е онъ близу Призрена съ бунтовщики сразитисе могао, кадъ е на повелѣніе своегъ Полковника у Котаре

X

оши-

опишо быо? — Албанези, опговори она, видетьи на своей граници много воинство младога Кнѣза, вознегодую, дигну оружіе и ополчесе противъ Сербовъ; Полковникъ надъ испимъ воинствомъ Сербскимъ потребовао е помощь, за то е между прочими и нашъ Младенъ тамо позванъ, кой како дойде, перво жребіе на нѣга падне съ Албанези се ударити: шу нѣму щастіе добро послужи, Албанезе разбіе, побѣду одержи, и за то Полковникомъ постане. Попомъ тѣе пріимити указъ съ воинствомъ къ Призрену се прибраши. — Добро! — Како тѣе далше съ тобомъ быши? —

Я по нѣколико дана кадъ издравимъ, наущеніемъ мое благодарѣтелище пишемъ у дворъ и за молимъ, штобысу имали призрѣніе на мене оставшу вдову съ двое неяке дѣце, и опредѣлили ми ужитакъ; но будущи да опговоръ одма не получимъ, улашимсе, датъу оно, штосамъ имала, попрошити, пакъ куда самъ онда съ маломъ дѣцомъ пристала: за то потужимсе старой мѣою Госпожи, кажемъ їой, гдѣ се Вы находите, и да бысамъ дѣцу Вамъ како на препитаніе, тако и на воспитаніе рада была дати: перво бы кое како ошъ своихъ устъ щедетьи могла ихъ надер-

державати, но остали бы невоспитани, не научени, и прости; понеже у простому мѣсту ни какова способа къ тому имала нисамъ. Совѣтуе ме инди Стара, да обое дѣце отнесемъ Вамъ, да клекнемъ предъ Васъ, и да молимъ, ако мене не, то поне дѣцу пріимите, но я ни како се усудити нисамъ могла. Признаваласамъ, да самъ Вамъ согрѣшила, слѣдователно сумняласамсе, да бы самъ ту милость кодъ Васъ имати могла. Но най-после кадъ принуждена будемъ, умыслимъ дѣцу Вамъ потайно поднести, само некъ бы они срешњи были, а мени што Богъ да. Наипаче и изъ того самъ узрока то чинила, будушы онако изъ опчаянїя добьемъ волю склонилисе гдѣ у дѣвическїй монастырь и шакѣ да проведемъ цѣлый животъ мой.

На кое Стара сирота заплачесе, сожалуетъ вели, да си принуждена то чинити, но кадъ е тако, рече, то азъ му опнесемо Светозара, а ово мало поне одну годину валя да га при себи имашь. И тако узмемо насъ две саме дѣте, напышамо за Васъ, да се близу Леониде находите; донесемо га у вечеръ у село, и сутра дань, кадсмо разумѣле за Васъ, гдѣсте, узмемосе преко шуме съ дѣтешомъ, и донесемо га къ одномуъ поредъ верта Вашегъ ис-

шочнику. Ту га повіємо, писмо поредъ нѣга оставимо, успавамо га, и на зелену га траву положимо; пакъ се уклонимо мало на страну и чекасмо, хошье ли шко на воду дойши, да дѣте найде: кое ако бы тво другій нашзо, и дѣте не бы Вамъ понео, мы бы быле изышле предъ нѣга, и казале бы, кому е дѣте донешено.

Сѣдѣнья намъ тако по полдне у хладу, превали вешъ и солнце къ западу, дѣте надоено спаваше однако, задремасе и намъ. Спара се мало наслони, а я онако сѣдѣнья пущимсе у мысли, подкраде ме найпосле и саму саяѣ. На еданъ пушѣ чуемъ нешто, тергнемсе и погледимъ; дѣте се расплакало беше, и Вы га лѣвомъ рукомъ къ персима своима пригерлили, а у десной одну стрѣлу и сѣкиру держите. Я Васъ будущъи познавала нисамъ, но ошѣ прилике на другогъ мыслити нисамъ могла. Пробудимъ Спару мою, и кажемъ ей: гледимо за Вами, гдѣ дѣте управъ у домъ отнесосте: О како ми се то разжали, и шнасамъ суза шу опеть я пролила! — Пойдемъ лагано са Старомъ поредъ плоша, и гледимъ за Вами. Кадъ вещь дѣте унесосте у домъ, и исчезну оно испредъ моихъ очю, као да ми солнце

де

це зайде; мракъ ми се предъ очима учини; да нисамъ имала ону Стару и паметну жену при мени, не знамъ, што бы отъ мене и было.

Любомиръ удивленъ о овой повѣсти, и што му више она казываше; то се нѣму сердце веть и ветьма къ жели отвораше слушаши ю; онъ садъ у радостно дойде восхищеніе, благосиляше судьбину свою, ублажаваше щастіе ово, и случай, кой му тако внезапно откри, да су му ово двое дѣчице, кое е онъ и тако отечески любію, отъ нѣговогъ употребногъ сына дѣца. Онъ матери каже, како е Светозара ту кодъ источника застао, како е онъ велику змію на нѣму видію, како га есть избавію, истомъ ономъ спрѣломъ ню устрѣлію и по тому ономъ сѣкиромъ, кою му е у руцы видѣла, примлашию и проч: — На кое она узданувши рекне: Я се и сама сада мени чудити морамъ, како самъ жалостна мати сѣ мойомъ дѣцомъ онако поступиши могла; но быласамъ, вели, у опчаянію, а поредъ того у млади мои година, шпосамъ и знала чинити? При овимъ рѣчма уиду обое дѣце у вертѣ и Светозаръ каже имъ, да ихъ гости зову: Идите вы! рекне имъ Старый, и разговарайте мало госте, садъ

садъ пьемъ мы таки дойти. — Говори дѣше мое далѣе, каковымъ си начинаемъ овога младьга опъ себе оппустила; оный испый при сполу, кой е съ нами обѣдовао, — мой воденичаръ — быо е паспырь, опъ кога самъ я нѣга узео.

Она: Испый данъ, кадъ смо Вамъ Свето-зара, како што рекохъ, донела, вратимсе сз Старомъ мойомъ дома, ишласамъ као безъ сердца, ноге подамномъ разслабилесе, сузе ми еднако низъ образе мое теку, пойдсмъ мало, пакъ станемъ, и съ благоволеніемъ гледимъ на Вашъ домъ, О Боже милый! кога овдѣе я оставлямъ, уздышупъи рекнемъ. Стара ме подъ рукомъ води, шѣши ме сирота, а и сама плаче, солнце се къ западу приближаваше, холмови и висока дресеса сѣнку опъ себе далеко бацати почну, видимо, да смо се задоцниле, дамо се у бригу, гдѣ пьемъ сада пренонъипи; кадъ алъ ето ши предъ насъ едногъ человѣка на коню, упутіосе бѣше управъ Вашемъ дому: поздравѣ насъ учпиво, и мы га запытамо, куда иде „Я идемъ вели дома, но кудастесе Вы тако поздно заузеле: — Мысмо се мало задоцниле, опшговори моя Стара, и гдѣ смо наумиле, данась спитъи не можемо, но гдѣ бы смо могле за ношъасъ пре-

но-

нопытти, има ли овдіе каковыхъ пастыревъ? Идите вели, оудѣ управо и како прейдеше ово бердашце, видитьеше стадо оваца и одну пастырску колибу, у коей добри люди обитаваю: прїимитишьеду Васѣ драговољно. Молимъ Васѣ брата, рекнемъ му я, а гдѣ Вы обитаваете? Я обитавамъ, рече, овдіе таки, при ономъ двору, акосте видѣли. — Видѣлисмо, рекнемъ я, и туда смо прошле, но чїе оный дворъ, шко обитава у нѣму? — Господинъ вели нѣкій, кои е изъ Сербїе дошао, поштенъ человѣкъ и весма любезанъ, моглисте му се свратити, онъ бы Васѣ драгомъ душомъ на пренощїе примїо быо, нѣму е име Любомиръ, но зову га сада Харїтономъ. — На пытанье мое опише ми цѣлу Вашу Фїсіогномїю, и Ваше одѣло, коимъ увѣри ме, да сте Вы истый мой свекровъ, мой вторый ошацъ, кому самъ я дѣте мое и утробу мою желила даши; шо ме яко ушѣши, захвалимо му, и предузмемо пушь къ пастыру, куда е онъ насѣ упушїо.

Текъ што мы узѣ бердашце оно изидемо, видимо сшадо оваца и едно дѣтенце за нима, кое намъ по захшеваню нашемъ покаже домъ свой, у кой мы дойдемо. Прости люди, но любезни, прїиму насѣ драговољно.

Су.

Сутра дань по рано доматица справи намъ ручакъ, почастн насъ и тако отпусти. Дойдемо дома; но ни како за дѣтетомъ спокійтисе не могахъ. Не пройде мѣсецъ дана, навалимъ на Стару, да идемо дѣте видѣти; зауземосе насъ двѣ опетъ — Охъ! Богъ нека іой за нѣну доброту, кою ми е показывала, плати, я іой во вѣки должна остаемъ; — Дойдемо нашой пастырки, коя насъ сада као мало познана іощъ вящшимъ усердіемъ пріими и дочека. Я нбой мою тугу сердца открьемъ, но тако, да мужъ нѣнъ не зна, понеже онъ человекъ твердо сердца быти видяшемисе, ни мало сожаленія не имадыше, хотя да е насъ любезно пріимао. — Но! — то е, кажемъ ти, што е съ нами обѣдовао, рекне Любомиръ, онъ е наипрѣ пастырь быо, но кадъ му умре жена, доведемъ га я овамо, и дадемъ му вдову, мою Воденичарку, те онъ постане мой Воденичаръ: о — великій е шаливацъ! далъ мое дѣте да чуемъ! —

Замолимъ Пастырку, да никому тайну мою не открыва, и она ми се на то твердо завѣща. Нѣнимъ инди, укратко да кажемъ, ходашаиствомъ я не само да самъ почесто за дѣте мое — Светозара — могла разумѣти, но нѣ-
кій

кій путѣ самъ са истомѣ Пастыркомѣ подѣ самѣ стѣне Вашегѣ дома доходила, и уврѣбаномѣ приликомѣ есамъ га видяла.

Дойде зима, кадѣ шо чинити нисамъ могла, но нѣ ми вѣшь шако тежко ни было, понеже разумѣла самъ, а и сама видѣла, да сте га сердечнѣйше возлюбилѣ, и акѣ бы благодѣтелна душа Ваша познавала, да е тай нѣжый цвѣтѣ изѣ собственогѣ Вашегѣ верта, почнешега отеческимѣ попеченіемѣ и любовію заливати и храниши.

Пройде зима и насташе пролѣтїе, кому се я, ни цвѣлой нѣгвой красоши и свой у естѣству оной прїяности, кою оно намѣ приносит, нисамъ радовала, као моему Светозару, моему первому жалостне мое любве цвѣту. У истому моему горящему желанію опити и видѣши га, разболемице Стара; нѣ могла си-ропта сама себи вѣшма и желиши; да оздрави, него што самъ сама їой я желила, и да самъ могла, бы їой полакѣ здравіа моего дала, само да устане и иде самномѣ: Мѣсецѣ дана продолжи у постели, буде їой мало больше; но на ноге їощѣ не могаше! — Иди! — рече ми дѣше мое! на мене не чевай, знамѣ, како ти е, иди и види свое дѣше. Срепънасамъ была, што нѣ далеко было, пѣше за еданѣ данѣ
рано

равно и рано могласамъ дойти. Предумемъ себи пущь сама, бояласе нисамъ никога, понеже свуда пастыревъ и земледѣлцевъ было е. Дойдемъ пастырки моей, у восхищенію терчимъ ей у обаятія, аки бы ми матери была, но и есть ми се заиста такава показывала: обаче застанемъ ю сада нешто печалну, погледи на мене, пакъ ю полюю сузе; на кое я жалостна матери сва препернемъ! — Што сама друго могла пада и мыслити, но да е се што моему Свешозару сбыло! Она то примѣти, ухвати ме за руку, Знаемъ вели, што ты мыслишь, но не бойсе, твоей е Свешозаръ здравъ и весел, я сама га и опономадъ видяла, но друго се мени сбыло есенасъ вели, по разстанку нашемъ обдари ме Богъ единомъ лщериомъ, коя ми опономадъ напрасно умре, знающи како си ты за дѣдомъ чувствительна матери, докле сама те видѣла, разжалимисе. Ту ю я поушѣтимъ, колико сама могла и одемъ по полдне съ нѣомъ къ Вашему дому. Застанемо Васъ у вершѣ подъ еднымъ зеленымъ древомъ, гдѣ спавате, а мой Свешозаръ съ еднымъ малымъ ягнѣтомъ и-гресе поредъ Васъ: мило ми буде, кадга здрава и румена шу видимъ, узнемъ га, и омилумъ, тако да Вы ни осѣшили нисте.

На

На то смопримо жену едну у испому верту, гдѣ нешто мотыкомъ копка. Ова е была спала и на насѣ гледала. Пастырка ю позрави, приступимо їой ближе и уидемо съ нїомъ у еданѣ малый разговорѣ. Каже она намъ, да е шу домостроителница. Я їой се нисамъ хотѣла казати, дасамъ испому дѣтешу маши, но кадѣ самъ ю искусила, да е разумна и честна жена, вепь у зрѣлыми годинами, вовѣримъ їой мою шайну, кажемъ їой се, и замолимъ по Богу, да бы ми дѣтешу умѣсто мене маши была; но при тому да никому не казуе. Она се мени и за едно и за друго твердо завѣща. Изнесе намъ, те поужинамо, доведе ми опетъ дѣте, да га се негледамъ, мыслетьи, Богъ зна, кадѣ шьуга опетъ видѣти: По томъ излюбимосе съ нїомъ као съ матеромъ и одемо.

Пренотымъ кодѣ добре мое Пастырке и сутра дань вратимсе дома. Но жалостной мени на шпо сада дойдемъ! Старамисе моя преставила! — Маши да ми е была, не бы самъ могла више суза излиши, особито што ми судьбина дозволила нїе, да се съ нїомъ опростимъ, да їой я усануше очи нѣне затворимъ, да ю я водицомъ окупамъ. — Другїй дань предамо нѣно упокоено

шѣ-

шѣло земли. — Мыслимъ, сада кудашку съ малымъ дѣтпомъ. Смерть е нѣна внезапу се догодила, за купью и оно мало покупства, што е имала, ништа уредити нѣ могла, кому и како оставля. Я не чекаютьи да ми се рекне, иди изъ купье; покупимъ мое вещи, узмемъ дѣте, и пойдѣмъ Пастырки, нисамъ смѣла съ некимъ дѣтпомъ пребошуме, но пойдѣмъ великимъ пушемъ, хоша да ми е мало заходнѣе было. Кадъ алъ а нандемъ на нѣке войнике, по говору и одѣлу познамъ, дасу Албанези. Велико ихъ число на предѣ идяше, а троица заостаали бяху; ове я спигнемъ „Юнацы откуда сте? упишамъ ихъ. Мыємо вели отъ Ермоскампа. А куда тако? — Идемо мы къ Салонику. Заведѣмсе дакле съ нима у разговоръ: кажу ми, да су у Сербїи были, спанемъ ихъ инди кое о чему пыташи; кажу ми за Краля, да е се преставїо и за младогъ Княза, да тѣе се скоро крунисати и проч: пытаю мене, откудасамъ. Кажемъ имъ, да самъ шу изъ сѣногъ Селца. Имате ли, веле, мужа; Имамъ да како припворно отговоримъ я, и садъ нѣму идемъ. Они садъ поведу нѣку бесѣду самномъ, кою я вознегодумъ, еданъ отъ нїи ухаши ме за руку, гледи ми у очи, пакъ узе

ми

ми мораму съ врата: а! а! — садъ знамъ вели. Но даде ми мораму опетъ, я спанемъ лакше ходити, да бы они за дружствомъ се описли, но кадъ видимъ, да они и не маре, што имъ друштво веть за одну гору заиде, окренемъ пушь, преко нѣкихъ ливада, и ша-косе отъ нихъ разспанемъ. Са самымъ мракомъ угледамъ колибу мое Пастырке, обра-дуюмсе, кадъ ю видимъ, понеже мыслила самъ, да самъ у шуми заблудила; и будущи да самъ зѣло уморна была, сѣднемъ, и рас-плаканному дѣтешу дадемъ сису; ал' ето ти мени она троица и съ нима юштъ еданъ, кои найпріе ніе бы, сва претернемъ кадъ ихъ видимъ. Не бойсе, рекне ми еданъ, не-пьемо мы ни какво зло учинити. Но паки да се овдѣе намъ исповѣдишь, што си и оп-куда си. — Ако намъ право кажешь, не бойсе ништа, акол' станешь мушпити, злопъешь пройши; Мы тебе познаемо! Вы мене по-знаете? — Весма добро! — Камо ти мужъ, кому си пошла? — О! млада си вели, ште-та бы ющъ была за тебе тамо ити, гдѣ е онъ; а другоъ знамъ, да не имашь. — Я на то клекнемъ предъ ни „Юнацы! Смилуйте-се поне на овогъ невинногъ младенца! — и опкудъ Вы мене познаете? — Тай мадежъ вели

вели на Вашемъ бѣломъ врату, два на десной
руки, и тай малый на краю лѣве оберве тебе
издае! Я имъ на по ништа нисамъ знала оп-
говорити, но само само клечетьи плакала.
Успаниште, почне ми еданъ кропко и учтиво
говорити, ухвативши ме за руку, успаниште!
Вамъ е име Косара! — Высте изъ Неродим-
ле! — Великога Вѣстера Царскогъ дщи! —
Младый е Соколовичъ погинуо! Высте сада
вдова! —

Кадъ я то чухъ, окренемисе шума о-
коло мене! опетъ клекнемъ предъ оногъ, кой
са мноу говораше, есамъ рекнемъ. — Драго
намъ е вели; и Вы морате съ нами ити. Мы
имамо заповѣсть, да Васъ, гдѣ годъ найдемо,
Г. Опцу водимо. — Плачемъ предъ нима,
любимъ землю, за име Божіе молимъ, да по
оптъ мене не чине; да тѣе мене Отацъ, до-
кле ме види, убити, да е се онъ на по твер-
до заклео; да е онъ еданъ Діоскоръ, хотя
да ми е Отацъ, да бы горе прошла, него Вар-
вара мученица и проч; ништъ не помаже! —

Найпосле наумимъ ихъ преварити, обѣ-
щамисе, да тѣу ветъ съ нима ити, но да
оставимъ дѣте овдіе кодъ нѣке паспырке на
воспитаніе; понеже волимъ таки овдіе поги-
нуши, него съ дѣшцомъ предъ Родителя изити.

До-

Добро! рече оный найстарій, да ошнесемо дѣше. И тако онѣ га самѣ узме, истогѣ Чедомиля, и дойдемо кѣ колиби; мене предаду едномѣ да ме чува, а нїи проица дѣше унесу, и истому паспыру и паспырки предаду.

Ако е шай инди оный Паспырь, што е сѣ нами обѣдовао — Вашѣ садашній Воденичарѣ — Онѣ Вамѣ може самѣ казати, како е было. — Онѣ е мени тако исто казывао, рекне старый Господинѣ, како годѣ што ми ты сада кажеш; но шта тѣе далѣе сѣ побомѣ быти? Кукавна женска главо, шпаци терпила! но шко ти е кривѣ, зашто ниси одна мени дошла, кадѣ си добро знала, гдѣ самѣ. — О! — Извините ме у тому добрый Ошцѣ, я бы то учинила, да самѣ садашнѣе памети была, но као дѣше у седнадесетой моей години бояласамсе я Васѣ, и спрепила како годѣ опѣ моего Родителя. Но, хвала Богу! рекне Любомирѣ, судѣно ти е зарѣ было, да шакове судбе пребацышь преко главе; — хопѣдул' те дакле опвести Опцу? — Ту ношѣ доведу ме у едно село, и солнцесе вешь роди, кадѣ ту спигнемо. Вредѣ ми никаковый чинили нису, но лѣпо и честно тѣшешьме, да шѣду они мене предаши Полковнику нїовомѣ, и да шѣе ме онѣ самѣ опцу предаши, и кодѣ

Ош-

Ошца испословати, да ми опрости, и у Родителску любовь и милость опетъ прїими, но я ни слухъ мой таковимъ речма нисамъ хотѣла дапи, понеже мога Отца нитко тако не познае, како'я. Укратко да кажемъ, я отъ ни претїй дань побѣгнемъ, добьемъ случайно мужске халине, обучемсе, и одемъ чакъ у Призренъ, и нитко ме живый познаши не могао. Посѣтимъ гробъ моего Младена, оросимъ ону сузамъ правицу, коя га вещь покрываше; онъ е кодъ Призрена у полю саранѣнъ, найши самъ могла лако; столпъ высокъ отъ чистогъ бѣлогъ Мармора више главе нѣгове съ овыми златны словы надписомъ „Овдїе у Марсовомъ полю подъ овомъ мраморномъ плочомъ вѣчно почиваю юначке кости Благородногъ Господина и младогъ Полковника Младена Соколовича, кой градъ нашъ Призренъ отъ внезапногъ непрїателей, и бунтовщиковъ нападенїа защиты, кой као вѣрный отечества сынъ кровь непрїателей проли, силу ихъ уничтожи, граждане отъ страха избави, но оле! и самъ свой сладкїй, отечеству же преползный и у двору во вѣки незабвенный животъ остави, у вѣчность се пресели егоже упокой о Господи съ Возлюбленными швоими у вѣчной шой радости.“

При

При овымъ рѣча Старому Херою, као чадолубезному отцу потеку сузе, онъ по-тѣпути мало, погледн на небо, и само уз-дане. Косаро дѣте мое, буди ми съ ово двое дѣде, съ ова два ваше любви цвѣт-ка, сладко мое вмѣсто Младена моего упѣшеніе, буди дщи моя, буди добра маши любезномъ овомъ породу. — Мой е сынъ погинуо; но ништа за то, я самъ сада со-вершено упѣшенъ, упѣшена буди и ты, за мене е доволно, само кадсамъ разумѣо, да е онъ животъ свой за своего Царя, и за животъ, щастіе и благостояніе многихъ тысящъ граждановъ поднео, на Марсовомъ полю ю-начки нѣга изгубо; и званію своему онако младъ удовлестворю. Отацъ самъ, боли ме сердце, обаче — како бы ме болѣло, да е было кровь свою изчепю, да е се было покварю, у раскошъ пао, себе и мене обезчестю, здра-віе повредю, и тако умрео! — То бы бы-ла жалость, то бы была туга во вѣки опла-каема! — а овако: вѣ малѣ поживѣ, и испол-нивѣ лѣта многа. О Небо милостивое Небо! прости ми, што самъ се было на нѣга за по-грѣшку нѣгову сердю: я му прѣштамъ, што ме е увредю, прости му и ты о великій Бо-же! Услыши гласъ Родителскій, прѣими моли-

шву мою, подай му вѣчну славу, вѣчну радость! — Казуй Косаро дѣте мое, како тѣе даље судьбина швоя сѣ тобомъ поступати, кудапънешь сада опшуда опити? —

Я бѣдна супруга исплакавшисе надъ гробомъ нѣговимъ, и ушѣшившисе мало извѣстїемъ о славной побѣди нѣговой, похитимъ опеть у любезну пустыню мою, гдѣ сама дѣцу мою и сердце мое оставила, но рассудите, колико е то мени далеко было ити! — Тай дань дойдемъ на Албанезске границе. Но моимъ несрешьомъ, на што шу сада нандемъ! — Ухвати ме близу едногъ села киша тако, да сама едва у село побѣгла, сва сама была у голой води. Одемъ у еданъ госпитлиникъ и шу пообѣдуемъ; предъночь се опеть развѣдри, и мени несстерпѣнїе мое и любовь моя она силна, коя ме е дѣци мойой вукла, не допуспу ми шу ни пренотыити и опморитисе, но да идемъ у нѣкин градъ, кой како сама разумѣла, нїе опшуда далеко быо, само што преко планине едне треба преити. Похитимъ што больма могу, но всеу мракъ оме! — Мѣсець е свѣтлю, могла сама напредовати. И шу сама познала, какову силу права любовь има, и не знамъ, може ли кой родъ любви силнїи быти,

ти, нежели матерня своей дѣцы: о шежко онымъ сыновомъ и дщерма, кои ову не признаю! — Ни самъ я осѣтѣла, да су ми ноте подамномъ разслабене, нити самъ се какова спрахса сама у пустыни опоминяла! — Текъ што я преидемъ планину, смотримъ по одной пространной равницы силну вапру: на много тысящъ мѣста као звѣзде изъ далека видяшесе горети. Олма помыслимъ, ово мора быти Лежиръ; мора воинство какво быти: како што се нешью у мысли ни преварити.

Видимъ градъ мало далѣ, гдѣ се бѣли справъ мѣсеца: чиняшемисе, да нѣ далеко, но потомъ самъ искусила: нужно ми е было крозъ Лежиръ пройти, но текъ што се я нѣму приближимъ, внезапно искресну при человѣка вооружена предъ — аме! Стани! повичу. Я сирота не што бы стала, него се чисто окаменимъ. — Тко си? Я самъ путникъ, опгоримъ имъ, идемъ у шай градъ. — Ты си увида? (шпюцъ) Боже сачувай! рекнемъ имъ, и, ако я шай будемъ, полажемъ мой живопъ. — Ако вели пы шай будешь, мы тебе за шо и не пытамо, мытѣмо знаши што е швое. И тако ме отвѣду своему Началнику, овыи ме по доволномъ испышаню пошле подъ спражомъ напрагъ;

доведу ме чакъ у градъ *Бобацъ*, и ту ме за-
 творе, гдѣ я годину дана проведемъ, истина,
 да нисамъ была у тамници само две недѣле, и
 попомъ пушена будемъ, нѣкій надъ робовы спа-
 рый Господинъ избави ме, но за шо мораласамъ
 кодъ нѣга годину дана отслужити. Не буде шо
 нѣму доволно, него хопье, да га юшь слу-
 жимъ, служба ми е лагка отъ свега была,
 а лѣпо ме е одѣвао, и весма ми е добро бы-
 ло, да ме нѣе мысль за дѣцу узнемиравала,
 како самъ иначе за свако ино щастіе мое ѣ
 заборавила была, остала бы заръ при нѣ-
 му чрезъ цѣлый животъ мой; и будутьи да
 никога имао нѣе, обѣщаво ми е све Добро
 свое по смерти своей приписати и оспа-
 вили. У мужкій самъ се халина тако при-
 выкла была, да нисамъ ни марила за женске:
 но опеть помыслимъ, нѣе прилика, да я мой
 животъ тако проведемъ. Спремимсе одну
 ношь и побѣгнемъ; но онъ некако одма осѣ-
 ти, пошле по мене и у первомъ селу уха-
 те ме: обѣду ме кукавицу по наученію нѣ-
 говомъ да самъ га покрала. Я се на шо упла-
 шимъ, и сретѣомъ мойомъ у ишому се-
 лу буду нѣки воилицы, смотри ме ихъ На-
 чалникъ, приступи къ мени честпанъ нѣкій
 мужъ, у совершенной зрѣлости чловѣкъ,

запыта ме, опкуда самъ и шпасамаь скривила: на ово любезно нѣгово пытанье грону ми сузе низъ образъ, и едва му опъ плача проговоримъ, кажемъ му, да самъ изъ Херцеговине, приповѣдимъ му, како самъ кодъ едногъ Господина служила, кой ме нѣ радъ было опъ себе оппустити, но побѣгнемъ, и за то садъ ме обѣдили да самъ га покрала. На то еданъ опъ оныхъ, кои су ме ухвашили, пури ме на спрану и замане шапомъ, да ме удари, но овый Господинъ разсердисе, тергне му шапъ изъ руке,, Далье! повыкне, неймашъ власть бездѣлнечеу присутствію Царскогъ чиновника нѣга ударити; я нѣга не дамъ; младить овый остае кодъ мене.

И тако они посрамлени оду, а я прѣимимъ чинъ войническій. Господинъ истый — Тысящникъ; нѣ ме на то присилявао, но я сама изъ оногъ опчаянїя прѣимимъ службу; заборавимъ и што самъ женско, и за дѣцу и за све, не маримъ! рекнемъ у себи, што ми годъ Богъ да, я ветъ видимъ мое добро юпро.

И тако я полъ другу годину подъ оружіемъ као и другій войникъ послужимъ. Я самъ Вамъ коня яшила, я самъ, у сраженію бывала, я самъ и сваку войническу службу,
као

као и другїи извершивала, и нишко живыи не дознаде, да самъ я жена. Найпосле дойде намъ коняникомъ краљѣвско повелѣніе, да кон е способанъ и зна книгу, прејде между пѣшакѣ, и тамо пѣе мотъи абіе чиновникъ постапи. Я кадъ разумѣмъ, да пѣшачка войска силна къ Албанїи се прибира, запросимсе отъ Тысящника, да ме оппусти тамо. Онъ мени таки напише прекрасно писмо; ево могу га Вамъ показати; я самъ га и за то съ собомъ донела (извади писмо изъ нѣдара съ великимъ печатомъ царскимъ и даде Старомъ, те прочита, погледи на ню и насмее се) — Овде те, рече їой, онъ за Сотника препоручуе. — И заслужиласамъ, рекне она; О! колико е крапъи мени Тысящникъ рекао, само да самъ мало старїя, да бы самъ давно ветъ не кодъ пѣшакѣ, но и кодъ коняниковъ Сотникъ постапа; обаче вели младъ си, їоуцъ ни наустница не имашъ; мысляхъ у себи, мой Господине, ако се шо узчека, то не пѣе быти нигда.

Дадуми шо писмо, захвалимъ моему Господину на опеческой любви и прејдемъ пѣшакомъ. У войническому чину была самъ ветъ отвердла, ници самъ се више смерти бояла, ни трудъ
осѣ-

осѣтъала, наумимъ цѣлый животъ шако про-
вести.

Кадъ алъ одну нощь снимъ моего Свето-
зара и Чедомиля! видимъ ихъ у сну обои-
цу у нѣкоемъ полю кодъ оваца; лице имъ у-
винуло, и на солнцу изгорело, руке имъ се
испускае, боси, неочешляни и пуна имъ гла-
вица гада; гладни и жалостни, очице имъ у-
сануле; сѣде на прави недвижимо, као да су
белестни. Я ихъ не могахъ познати, но
спала самъ на спрамъ нѣи, и сожалително
гледимъ ихъ, на шо една жена у чистю бѣ-
лы халина внезапно изиде предъ мене., Жа-
лостна мати! рече ми, што си се окаменила!
што стоишь, не видишь ли вели, да су то швоя
дѣца, не познае ли сердце матерне свою соб-
ствену кровь, шо е швовой Светозаръ, и швовой
Чедомиль, приступи имъ, загерли ихъ, руке
ти се швое одервениле! — Я на шо не да
узданемъ, но рыкнемъ како испа лавица, ба-
цымъ мечъ изъ руке, и полешимъ успреми-
телно, да ихъ загерлимъ; но со тимъ тер-
гнемсе, и како самъ се жалостна ухвати-
ла за крешъ у оной фантазїи, мыслимъ, да
самъ нѣи загерлила, лѣмъ сузе и не могу да
дойдемъ къ себи. Потомъ прекрестимсе, у-
спанемъ и сва дркшѣмъ, обучемсе и до

са-

саме зоре отъ плача не престанемъ. Ахъ бѣдна мати, рекнемъ у себи, што самъ учинила! како самъ на мою дѣцу толико долго могла заборавити! идемъ вели, буди како, идемъ дѣцу мою видѣти, съ нима живити, съ нима умрети. Божество е само хотѣло, да я мати будемъ, а не войникъ; ово е токмо изъ отчаянія и нужде мое заблужденіе было, Идемъ, но што зна, ели кое живо, три године како ихъ видѣла нисамъ. Продамъ коня, и мало се прерушимъ, пакъ се описнемъ на путь, срещна самъ была со тямъ, што се іоуць Полковнику нисамъ привила, ниши е мое име сада у пѣшаке записано было; а писмо то отъ Тысяцника коняниковъ при себи самъ имала.

Дойдемъ вѣшь у планине, кое самъ познала, да е ту мое пастырке колиба; сердце ми е отъ радости играло, едва самъ чекала, да іоуць само еданъ холмъ преидемъ; и вѣшь самъ ондѣ, гдѣ желимъ. За Светосара ни самъ се толико бринула; понеже знала самъ, кому самъ предада, но за оногъ младыегъ много самъ се бояла, нишъ самъ была гошово у надежди, да тѣу га игда више видѣши. Пашешьнимсе тако узъ планину, да бы самъ за вида спити могла, ето

шн

ти ми нѣкихъ людѣй пред-аме. Они су были отѣ свободногъ хора войницы, кои су као уводе напредѣ ишли и земле увидяли. Ухватѣ ме ту и познаду, да самъ Войникъ; науме, да ме вратѣ. Я между прочимъ моимъ изговоромъ позовемсе на Ваше име, и кажемсе, да самъ Ваше сестре Сынъ — Косма — за кога самъ вѣшь пре того разумѣла была, да се таковый младить при Вамъ находи!

Они кадѣ чуше Ваше име, пронути буду, сгледусе еданѣ на другогъ, и рекну мени, будущи вели, да ми тамо саде ити не можемо, да напишешъ дакле писмо, нека тай пвой уякъ овамо дойде. Я сѣднемъ и писмо напишемъ; на овакову просьбу нисамъ толико сумняла, да Вы нестьете дойти; обаче како-пью мощи Вамъ у присутствію ихъ какой знакъ даши, да и Вы рекнете, дасте мой уякъ, о томъ самъ се сада бринула. Найпосле замолимъ едногъ слугу, обдаримъ га чимъ самъ могла, и научимъ га, да онѣ добро позорѣ даде, кадѣ Васѣ доведу, пакѣ да Вамъ каже, да Вы Бога ради рекнете за мене, да самъ Ваше сестре дѣше. То се инди све по моему желанію у оной Пещери щастливо сбуде, како што се и сами опоменуши можете: отѣ оно доба ово е вѣшь 11. го-

дина

дина настала. — Знамъ добро, рекне Любомиръ, дакле ти си оно была? — Я самъ была любезный Отацъ, я испа, Высте ме ту избавили, и дому Вашему отвели. Опоменишесе, како самъ Вамъ казала потомъ да самъ я родомъ изъ Пекіе, да ми е име Коншанпінъ, да самъ познана была съ Вашимъ Космомъ и проч: а то ништа ніе было истина: само самъ за то мое трагове замешала, што самъ рада была дѣше мое видѣши, а ни самъ се смѣла Вамъ показати. Кадъ сте ме Вашемъ дому довели, измышлявала самъ начинъ, како тѣу предварити Васъ и у тому, да ми Косма мою лажъ освѣдочи за истину, пакъ кадъ бы Васъ увѣрила, да самъ я, као што самъ была Вамъ рекла, нѣговъ познанкъ, хопѣла самъ при Вамъ заостапи, и каковымъ нибудъ начиномъ и оно друго дѣше, ако бы живо было, Вамъ донети. И попомъ ако бы самъ Васъ искусила была, да Вы не бысте мени ни какво зло сотворили, не бысте ме Отду, кога самъ се я као грома бояла, силомъ послали, но да бы сте ме подъ свое покровителство прѣимили, и као бѣдну матеръ заштили поне дѣце ради, кою бы Вамъ за свѣдочила, да су онолико Ваша колико и моя: то бы самъ се Вамъ за исто изявила бы-

ла.

ла. Но у тому ми сретѣа не послужи, како се и сами можете опоменути, да сте се Вы у малому моему опсуштствію съ Космомъ састали и за едно съ нимъ къ мени, гдѣ самъ подъ однимъ древомъ спавала была, пошли. Я самъ знала, да е Вамъ Косма истину говориши морао, и сошимъ се моя лажъ освѣдочила, за то уплашимсе и побѣгнемъ, задоволна будемъ со тимъ, што самъ дѣте Светозара и по издалека видѣла; нѣга е Косма водіо за ручицу, онъ е се видіо здравъ быти, весео, и господски одѣвенъ: сердце се мое со тимъ успокои, дай да идемъ рекнемъ у себи, тражиши оно друго.

Рано е было, могла самъ ласно, да самъ знала, спити; но пометемъ путь и у гору далеко заблудимъ, да чакъ сутра данъ по полдне найдемъ исту пастырску колибу огнемъ спалѣну; упрахъ и пепео претворену! и ни гди никога ту не видимъ. Шта жалостна! рекнемъ у мени, ели ово она колиба? Рада быхъ, да не она, но всеу; предмети ме окрестни о тому точно увѣре! — Постоимъ малу ту, и видети да нитко не долази, пойдѣмъ мало на спрану, откуду звонца на овцаи чуемъ. Дойдемъ къ одномъ младомъ пастыру; ово е быо рожденый сынъ мое пастырке,
но

но дѣте за три године израстило, едва сама га познала; него онѣ мене у мужски халина познаши нѣ могао. Уйдемѣ съ нимѣ у разговорѣ; пытамѣ га за Матерь нѣгову, и за Отца! — Мати ми е вели умерла вѣшь има полѣ године, а Отацѣ ми е юпросѣ рано опишао Господину старомѣ. — Коему Господину, упытамѣ. Има вели ту не далеко нѣкїй Господинѣ, Сербинѣ, кой живи на своему Добру. — Пакѣ што тѣе тамо, ели съ нимѣ познанѣ? — Мой Отацѣ нѣга само по виду познае, но нѣе нигда съ нимѣ бывао. Ючерѣ се вели намѣ несретѣя догоди, изгоре намѣ домѣ, пакѣ е за то, вели, и опишао, да се моли Господину помѣ за мало новца, да се покрпимо, понеже све е намѣ погорѣло, докле бысмо вуну продали и: п: д: А имашь ли ты ющѣ коега брата? — Неймамѣ, ошговори ми. — Та я сама чула, рекнемѣ му, дасу твои Родители имали ющѣ едно мало дѣте мужко? — Е оно е шуѣе дѣте, нѣе наше, сиротче нѣчїе, кое е моїой покойной матери предано, да га опрани, но ми га держимо, како годѣ да е наше, я да ми е братѣ едноутробный, не быга могао радїе имати. А гаѣ е сада, упытамѣ. Ошвеога е Отацѣ собомѣ ошговори ми. — Зарѣ тако може вѣшь ходити?

ши? — О да како, пра величкій е вепь, ка-
 нюсе Отацъ, да га опнесе у градъ моему
 дѣди, да га дае на книгу: понеже покойна
 мами на смерти тако га е заклела, но нами
 се жао ющъ разспаши отъ нѣга, о, то е дѣ-
 те као какво господско; таковъ разумъ,
 такову бесѣду нигда отъ дѣтета нѣговы
 година чули нисте. — Ове рѣчи пройду крозъ
 сердце мое, кровь ми чисто помили у мени,
 грону ми сузе, окренемсе мало на страну,
 да ме не смотри тако смутъену: О благосло-
 венный Боже мой! рекнемъ у мысли, какво
 е сладко ово утѣшеніе, кое ты у сердце ма-
 терне уливашь! — Гдѣ е гробъ твое мате-
 ре, запытамъ га; Онъ ми покаже рукою
 подъ еднымъ великимъ распомъ каменну пло-
 чу, и оде овце свое вратиши; я сѣднемъ ту
 при плочи, и пошто се сыта надъ нѣомъ на-
 плачемъ, клекнемъ на колѣна, помолимсе за
 ню Богу, пакъ похитимъ опетъ къ Вами,
 да видимъ ющъ и Чедомиля, и да се саста-
 немъ са старцемъ пастыремъ, и рекнемъ му,
 да дѣте Вамъ преда; пакъ таки идемъ у
 монастырь дѣвическій, за кои самъ вепь зна-
 ла, да се ту близу находи, идемъ велимъ, да
 се покаемъ за све, и да се шу за моего Мла-
 дена душу а за ово двое дѣце здравіе Богу

мо.

молимъ и поспимъ; мужске ми хаLINE вѣтъ
омразиле бяху, ѣдва самъ чекала, да се гдѢ
смиримъ и женске обучемъ.

У самый мракъ спигнемъ близу Вашегъ
дома, и шу сретнемъ Пастыра, кои е се отъ
Васъ врапио быо, но дѣше не видимъ съ нимъ.
Поздравимъ га као непознана, и извѣстимсе
отъ нѣга, да е дѣше — Чедомиля — кодъ Васъ
оставио. На мое пишанье каже ми, да тѣе
му весма добро быши, да тѣега га Вы као
свое собственно держаши, и проч: Но хвала
Богу, помыслимъ, ово е доволно ко утѣше-
нiю моему, я отъ садъ рекнемъ ни какову о
нима бригу имати не буду, шокмо да се
молимъ Богу како за нии, тако и за Вашъ
благодѣтельный животъ, да га Вамъ Богъ
милостивый продолжи, да бы ихъ на пушь
спасенiя извели, ихъ воспитали, и обучили.
Пастырь оде своимъ путемъ, а я се свра-
тимъ у воденицу, шу при Воденичарки — Во-
деничаръ е Вамъ умрео быо — пренотымъ,
и сутра данъ ю замолимъ, да ми доведе о-
бое дѣце, да ихъ видимъ, говоретьи iой, да
я шу дѣцу познаемъ, чиясу, а за мене не ка-
жемъ ништа. И молимъ ю, да небы кому то
казала. Она одс и обое ми дѣце доведе; шу
ихъ

ихъ изгерлимъ, и матерніомъ милостию излюбимъ, съ ніомъ се опростимъ и одемъ.

Другій дань дойдемъ у испый дѣвическій монастырь, кои самъ Вамъ ономадъ рукомъ показала. Та сѣара, коя е са мноу дошла — именуесе Олімпідіора; онда е шекъ у оный монастырь за Игуменію доведена была, пріими ме драговошно: но кадъ іой кажемъ, да я нисамъ рада чинъ ихъ на себе пріимити, но само за време да се пу постимъ, и попомъ, кадъ хошю, да могу изиши; окупн ме единако да пріимимъ чинъ. Не могу шо чинити ни пошто, отговоримъ іой я, изъ узрока, што я имамъ два сына, отъ коихъ нисамъ се рада разшати, мое матерне сердце нигда се не бы за нима спокоило. Приповѣдимъ іой мою повѣсть, и кажемъ іой као матери сва моя приключенія. Я тшу церне халине, велимъ іой, као и друге носити, я тшу у свему послуживати, я послове женске лѣпо знамъ, Вышьепе отъ мене подзу имати, само да не будемъ обвезана навѣки съ Вами заосшати.

Добро! отвѣща ми она, кадъ е тако, а ты остани при нами, докле ти е воля, и изиши можешъ, кадъ узхопъешъ.

И тако я ту при честнымъ душамъ ево
 веть десетъ година, како мирно и безбѣдно
 живимъ. За дѣцу самъ имала прилику поче-
 стко разумѣши, бринуласе за ній нисамъ по-
 чти нимало, понеже казивалису ми, како ихъ
 держите, и опечески любите, аки бы сте
 знали были, да су Вашегъ любезногъ единца
 Сынови.

Я се теби не могу доволно начудити, рек-
 не Любомиръ, да ты не тако далеко оби-
 шавашъ, и не дойдешъ дѣцу свою видѣши! И
 да се ты мени не извинишь! — Простите ми
 сладкій Господине! я едно нисамъ смѣла, а
 друго нисамъ толико ни за нужно налазила.
 Но прежде двѣ године, можете знати, кадъ
 сте хотѣли Светозара у градъ послати, е-
 самъ Вамъ у мужески халина съ еднымъ чест-
 нымъ старцемъ долазила. — Знамъ добро, рек-
 не Любомиръ; я самъ се мало и сѣпѣао, да
 тѣшешъ ты дѣшету нѣкій быти сродникъ,
 и надарсамъсе датѣшъ ме супра дань из-
 вѣстити, но ты онда побѣже, и я самъ много
 жалю. — Онъ истый Старацъ, Богъ да га
 прости, умрео е; быо е ове Старе, што е
 самномъ садъ дошла, братъ, нѣга я пошлемъ
 еданъ путъ овамо къ Вамъ, има шому мы-
 слимъ, више отъ осамъ година. Онъ е съ

Ва-

Вами и са испымъ Вашимъ Воденичаромъ у верту вечерао, и кадъ е пошао отъ Васъ, нѣ се Вамъ ни явио, но оставио едно мало писмо подъ таньбиромъ, у коему Вамъ захвали, и кажесе, да е Вашъ прїятель, но да се нѣ хотѣо Вамъ показати. Онъ е мени онда гласъ весео донео, да сте и Вы и дѣца здрави, да ихъ Вы лѣпо держите и проч: — Любомиръ хмъ! хмъ! хмъ! опоминемсе добро и о тому! — я самъ сада о свему извѣщенъ: но молимъ те, кажи ми, како се ты сада находишь, еси ли прїимила чинъ шай, и оспасеш ли у монастыру.

Я чинъ прїимити ни по што нисамъ хотѣла, я самъ свободна, я самъ хотѣла ющъ пролѣтосъ монастырь оставити, и овамо къ Вамъ и дѣцы дойти; обаче прїимимъ гласъ, дасте се Вы у отечество врашили; вознамѣримъ инди тамо ити и Васъ пражити: но будущи на тако далній путь нисамъ доволно прошка имала, а онако шрудно ити, као што самъ у нѣко време могла, сада вещь не могу.

Я самъ пролѣтосъ, рекне Любомиръ, моего Косму у Херцеговину са женомъ нѣговомъ послао, и учинио самъ уредбу, да тамо, што е нужно, оправити, и не у селу, но у моимъ

Z'

шу-

шумамъ, на шомъ Добру домъ, спѣе и прочая даде направити, да се могу съ дѣцомъ на гошово преселити. Мы шъемо овдѣе само ющъ ову зиму провести, а на пролѣтѣе у име Бога хошъемо у наше отечество преити. Мени е младый Краль мое Добро поврашю, и мене е вещь шолько пути звао: но я да ми нѣе дѣце, нигда се не бы ошъ ове пущынье ошторгао, шу бы самъ я и мое коста оставіо.

На шо ето ти имъ Воденичара съ дѣцомъ, они устану и лагано у разговорѣ къ вращма пойду: Богъ ме Господине! шо е долгий разговоръ Вашъ, рекне Воденичаръ, гости се вещь и серду на Васъ. Айдеге Вы, ево насъ шаки. — О Любезна моя Косаро! шта ми наказыва, садъ знамъ, како ти е као и свакой матери: Видишь дѣцу, како су здрави, Богу хвала, какосу лѣпо изучена, одѣвена, и весела, я, хошя да нисамъ знао, чіясу, опешъ самъ ихъ отечески любіо, а особито Свепозара: оно, што е души моей сакрывено было, сердце е мое познавало.

Любезный Отацъ! да самъ я Васъ познавала, не бысе я онолико папила; дошла бы я одма къ Вамъ; мене е покойный Квръ Насласъ, оный старый доволно о Вашей доброти

ни увѣравао, но все! а друго рада самъ была и завѣтъ извершиши, 15 година вещь се наверхуе, отъ како я моего Младена оплакуемъ, отъ како я понайвише црно за нимъ носимъ. Но! то више да не буде, добра моя Косаро! рекне Старый; што е было, то е и прошло; ты више не преба да сѣтуешь; не то ево ти дѣце тѣшисе съ нѣма, мени е особито драго, да се ты ниси у монастыру остати заклела. Ризе тѣешь те жалостне свущи, и друге на тебе узети. Мое дѣше! опоменисе, тко ти е Родитель, и чияси супруга была! — Ты остаешь кодъ мене, остаешь кодъ свое дѣце. — Ахъ сладкій Господине! возопи ова — Не! — то да не чуемъ више отъ тебе, рекне Старый, я самъ твой Отаць а не Господинъ, и ты си моя кпѣи а не снаа. Разговоръ тѣемо нашъ савъ предъ госпима премолчатя. Стара е ова и садъ Игуменѣа? — И садъ! Ел' нѣой сва повѣсть твоя познана? — О, она е втора матери моя, я отъ нѣ ништа таила нисамъ! — Со тимъ болъ, оцвѣща Любомиръ. Зна она, да си ты рада была при мени остати? О! зна она то, зна Любезный Отаць! я самъ ю зато и повела, да се и она за мене кодъ Васъ. моли. — Не отъ потребе дѣше мое, я не могу

доволно Небу благодарити, што те е у по-
 ликимъ пвоимъ поданіямъ сохранило и што
 те е мени послало: я се нисамъ надао овомъ
 утѣшенію, овой радости. Я самъ мое и па-
 ко у овой дѣци велико утѣшеніе имао; я
 самъ ній као мою собспѣвенну, ако и нисамъ
 знао чиясу, держао, но Божество е хотѣло
 мою радость увеличати, мое щастіе со-
 вершено учинити; а сада и есамъ совершенно
 щаспливъ, и щастіе ово мое ни за самъ о-
 ный престолъ Неманишья променію не бы.
 Со тимъ иду унушарь гостемъ.

Воденичаръ: Господине заръ тако дуго
 Калугерице исповѣдаю! — Мы осѣдисмо на
 Васъ чекаюшья, былисмо се вепъ у бригу дали.
 Господинъ. Видимъ, отъ бриге ниси могао
 ни пиши — Прости те ми любезни гости, я
 самъ особитый разговоръ имао. Светозаре!
 дай дѣте мое, донеси вѣно друго, пакъ по-
 служи госте. Стара любопышливо погледн
 на нѣга, и на Косару, аки бы хотѣла нешто
 запышати; Господинъ примѣпти „Знамъ вели-
 што бы сте ради, разумѣвамъ волю Вашу
 (лагано) дѣло е мени изявлено, Косара е моя
 ктѣи отсадъ, она остае кодъ мене и кодъ
 дѣце свое, я Вамъ на Вашей машерной любо-
 ви, кою сте іой до данась показывали,

у-

усердно благодаримъ, и хощу Вамъ благодарность мою дѣйствително освѣдочити! — Воденичаръ: Господине! та шпа е то? — Вы се нешто радо съ калугерицами разговараше. Любомиръ: Ты лупежу вино то пакъ пьуши! — Онъ заповѣди Светозару, да удара мало гостемъ харфу, а Чедомилю рекне, да служи ихъ виномъ: Пійте! любезни мои, и весел'тесе, вы сте участницы данась мое радости, моего веселія: овый е дань за мене найщастливин; пійте! и будите весели! на мене не гледайте, мое се сердце сада у сладчайшемъ нѣкомъ унынїю находи, я нисамъ Вамъ у состоянїю радость мою, кою самъ данась отъ Бога прїобрѣо, виѣшиѣ изяснити. Нѣкимъ е овдїе отъ гостїю дѣло ово познано было, а прочимъ казывати нїе было ни отъ потребе.

Другїй дань рано стара Олімпїодора спремаютьсе са своимъ Священникомъ опетъ у монастырь почне Косару совѣповаши: ова е предъ нїомъ као предъ машеромъ сузамъ поливена у молчанїю стояла. Добра моя Косаро! Кшъери моя любезна! почне їой говориши, ты си при мени добру часть твоега живота провела, твоя добра наравъ, твое благоучииво къ мени повиновенїе, твоя крошость,

тосшь, твоя побожность, тодиго су те
 моему сердцу усвоили, да мени садъ шежо
 пада отъ тебе се разстаѣи: но при томъ ко-
 лико ти се радуемъ, што си ты у онаковы-
 ми твоими паденіями съ постояннымъ предъ
 Богомъ смиреніемъ снискала себи ту отъ нѣ-
 га благодаць, да си кодъ овогъ Господина,
 кодъ овогъ честногъ мужа тако любезно
 прїимлена; да си у оваковому щасливо со-
 стоянію твоя сладка чада, за кои маси многе
 сузе изливала, сада застала и видила! тѣши-
 се отъ сада съ нима, скини те печалне са себе
 халине, обуцысе у радостне, време е тому;
 доспа си съповала, доспа плакала, осуши
 веть образе твое отъ суза, буди весела,
 благоденствуй, и паметно знай уживати ща-
 стіе, кое си изъ милостиве Божіе руке да-
 нась прїимила: опоменисе свагда, шта си
 претерпѣла, шта си преко главе твое као
 млада преметула! — Чествуй Господина о-
 вогъ као рожденногъ Отца, слушай нѣгове
 мудре совѣте, присваяй полезна отъ нѣга
 правила, колико за себе, толико два пущъ за
 дѣцу твою, ты си маши, о свято име ма-
 ти! благо оной, колга достойно носити на
 себи уме. Природно е ктѣри моя! не само
 намъ, но и живошнымъ изчадія своя рожден-
 ну

ну отъ себе дѣцу свою любити, обаче чувствително матерне сердце съ числымъ разумомъ свагда у исполненію дѣцы своіой любви согласно валя да буде. Многа сирота маши или изъ недоспапка разума, или изъ особите нѣке слабости свое правило ово не наблюдава, више се сердцу, нежели разуму повинуе, пакъ любезна своя чада, млада онако и неразумна у первому цвѣту своему оште, покваре, и осуште, и на вѣки нещастными ихъ учине: Зато дѣте мое! Ты видишь, съ каковымъ е родителскимъ попеченіемъ овый мудрый, у презрѣломъ вещь вѣку свѣдому, мужъ ово двое дѣце воспишао, како имъ е младый нѣовъ разумъ у нѣко равновѣсіе съ невиннымъ ихъ сердцемъ поставіо. Онъ колико е нѣовъ умъ поучителными правилами шрудіосе просвѣпити, шолико е и чутства она у младому ихъ сердцу стараосе облагонравити: а ово двое чини совершенна и управъ мудра человекъ, сирѣчь быти просвѣщенымъ, и добрымъ. — Сада нѣгова человекълюбива душа съ каковомъ радостію отъ ове дѣце плодъ словесногъ оногъ сѣмене, кое е онъ у нѣово сердце сѣяо, чека и ожидава; нѣгово се сердце сладкомъ надеждомъ пиша, што само види, да му е у нима лѣпо
про-

процвѣшао, да га е обнадеждіо, но хошье ли му Божество добродѣтельный нѣговѣ животѣ допле іощѣ продолжити, поне да се оный нѣовесловесности цвѣштѣ претвори у плодѣ, не зна: ово е едно, кое онѣ у глубокой овако старости своей опѣ Неба желити може. И данась да се на другій свѣштѣ позове, кое бы су му последнѣ рѣчи быле, него „Косаро моя любезна! настави дѣло мое, продолжи дѣцѣ добро воспитаніе, позорствуй као чадолюбива и мудра мати, да се мой Свспозарѣ, и мой Чедомиль са златнога пупа, на кои самѣ ихѣ наставио и упустіо, и кои ихѣ у животѣ вѣчный води, не сврате; а Вы сладка чада моя! слушайте матерѣ, прїимайте со усердіемѣ совѣште мое изѣ нѣни уста опсада.

Косаро! — Свака е добродѣтель лѣпа, свака и по самому имену боголюбезна, обаче кадѣ важность добродѣтели разсудимо, ова е между прочими као солнце между звѣздами, то есть человекѣ, — кои е зато и сотворенѣ, да добарѣ буде, и у совершенство дойде, лѣпо воспитати. Вещье благодареніе опѣ овогѣ роду человекѣскому, нитко нѣе у состоянію учинити, нити сѣ чимѣ другимѣ добро на свѣшту когодѣ може умножити, као со шимѣ. За овакову е добродѣтельный Со-
кратѣ

кратѣ чашу отрова истію, за овакову е благословенный Агнецѣ Божій себе на крестѣ пре-нео, — ніова свята смертѣ колико е мїллїонѣ мїллїоновѣ другима истинный живоїѣ даровала.

Со тимѣ опростисе и полюби како сѣ нїомѣ тако и сѣ прочими; захвали старомѣ Господину на любви, онѣ ю лѣпо обдари и оппусти; Косара ю сѣ дѣцомѣ далеко испраши, и едва се отѣ нѣ разстане.

Тай данѣ Косара мало неспокойна буде, и као у нѣкой прїятной меланхолїи нѣга проведе; сутра данѣ недѣля будущи обучесе у прекрасне свое и чисто бѣле халине, пакѣ сѣ отцемѣ и дѣцомѣ сидьесе у селу у церкву: ту приложи милостыню, и отспои свѣшту Літургїю; кадѣ изиду изѣ церкви, узму опетѣ сѣ собомѣ Священника и Арїспїда и дойду дома на обѣдѣ. Добри мои Гости рекне Старый, я хотѣу данасѣ да весео сѣ Вами будемѣ. Богѣ да прости! отговори Арїспїдѣ, а супрашьемо вели опетѣ у виноградѣ. — Высте овдїе кодѣ мене као дѣмашни, приложи Господинѣ, сѣдїте, я имамѣ сѣ моима мало посла. Уиде у велику Саалу, зовне Косару, дѣцу, Евдоксію, тры слуге, двїе служкїнѣ, и одну служавку (коя само у соби служи) Воденичарѣ, нешьетелѣ кога шутїи, да и а
дой-

дойдемъ? ходи! ако те сврбе леда, по може часомъ быти, отговори Господинъ осмѣ-
 яваютьисе, и затвори врата за собомъ, сѣ-
 дите рекне имъ, сѣдните сви, дѣца нека стое-
 — Дѣцо моя! я Вамъ (свимъ вообще) овдѣ
 представлямъ мою ктѣрь, и препоручемъ
 любовь и сваку покорность нѣой како годъ
 мени, отъ данась да имате ню за праву у
 овому дому Госпожу, како годъ мене Госпо-
 дара да признаете: я нѣой у свему полную
 власть даемъ. — Евдоксія зашто опешѣ оспас
 домоспроишелница као што е и была, но
 зависипише и она отъ мое ктѣри, обаче
 нѣна се честь ни наименше со тимъ не на-
 рушава, моя тѣе ктѣи ню као маперъ взир-
 рапи, и сѣ нѣомъ се лѣпо слагати; понеже
 она е моего Светозара а попомъ и Чедомила
 одержала, она е 15 година ветъ у овому до-
 му, она и до смерти свое кодъ насъ оспае;
 Вы (дѣцы) да ю имате како годъ досадъ по-
 чиповапи, она е вамъ као мати была, и
 као мати оспае.

И вы (младымъ) не само мою дщеръ и
 Спару ову, но и дѣцу мою да чествуете,
 любите и повинуетесе имъ, хопя да они као
 дѣца никакову власть надъ вами имати ющѣ
 не могу, него изъ прирѣнїя къ мени, и нѣо-
 выхъ

выхъ матерей то сте дужни чинити. Предъ
нима никакову шалу, ни какакову рѣчь со-
блазнительну да не чуемъ, между собомъ да
се пазите, да се слажете и у порядку живи-
те; svakій свой посао прилѣжно, благоохотно,
и безъ свакогъ роптанія да извершуе, у не-
достатку и потреби каковой svakій некъ се
мени яви. Ево вамъ — извадивши свакомъ ябъ-
колик перперъ — на напишокъ, но паметно
да се владаше, да не прѣимимъ ружанъ гласъ
о вами. — Они устану и сви найпре нѣга,
потомъ Косару полюбе у руку и изиду. Ко-
сара приступи Евдоксія и любезно се съ нѣомъ
цѣлива.

Младѣи су столъ одма поставили, и
ела су не отъ многогъ вида но по вкусу, и
за здравіе добро сготовлена унесли. По обѣ-
ду Светозаръ е у лѣру ударао, а они су
сви юначке пѣсне пѣвали, Косара е нѣ-
нимъ яснымъ и дивнымъ гласомъ нима
предходила. Старый Херой дойде у умиленіе,
воспряне духомъ, опоменесе отечества, и
любезногъ своегъ народа, славногъ нѣговогъ
обычая, простосердечія, и чисте нелицемѣр-
не Сербске любви; сокрушисе на сердцу, и
пойду му сузе на очи: Богъ да насъ благо-
слови, рекне, и до године у ово време да насъ
онъ

ондіе, гдѣ мыслимъ, сподоби! Жаотъе ми бы-
ши блаженный овый мой Елісіумъ остави-
ши, но вала да га оставимъ.

Проведу тако до саме ношъи весело, и
како се захладни, старый Господинъ заповѣ-
ди слугамъ чепыри коня осѣллати. Два сы-
на лѣпо обучени сѣдну и пойду у поредѣ
себе напредѣ, а Старый сѣ Косаромъ за
нима, еданъ слуга на коню за младышъи, а
другій пойде за нима. Гости су сѣли на е-
дна колеса и лагано ныи управѣ къ селу
слѣдовали. Косара гледи на дѣцу, како лѣ-
по конѣ яшу; како имъ господски халине
спою: на обицы по долгой опѣ зелене ка-
дифе одежде пурпурне, крашке доламице, на
глави калпацы са злпными челенками, „ Мо-
лимъ Васѣ отацѣ! рекне Старомъ, зашто
ихѣ тако одѣваше, я не бы самъ по чини-
ла, они су іошѣ млади за таково одѣло, за
ныи е то іошѣ рано. — Я то и самъ ви-
димъ, ошговори Старый, обаче войническій оный
духѣ у мени у помѣ увеселеніе находи: я овако
спарѣ, пакѣ видишь, како се чисто держимъ: я
не могу да шерпимъ праляво обученогѣ, а ко-
лико година оадѣ у проспомѣ мѣсту живимъ,
колико самъ се на чпеніе книга давао, колико
ме е и моя изѣ почетка брига, а вещь и сама
спа-

старость смирила, и опетъ не могу оно, што
самъ у младо мое време навикао, да оставимъ,
по есть чисто се держати. Но за то я
излишній прошакъ со тимъ не чинимъ, пы
тьешь видити, како я господски а при томъ
малымъ прошкомъ живити знамъ. О моя
Косаро! сила значи лѣпо и паметно умѣти
живити, домъ свой разумно устроиши, фа-
милію и младитъе свое у порядку держати, есть
една важнѣйша наука. — Не велимъ толико
прошка ради, рекне она, но могу имъ се за-
рано чувства зашупити, могу се у свему
іоуць у нѣжной своей младости задоволи-
ти, и насытити, пакъ штопъеду попомъ
чинити, у чему пъеду задоволенство свое он-
да найши? — Имашъ право у томъ, и нигда
неваля дѣтешу много чинити; болѣ е увѣкъ
нѣке предмете уще дѣвати, у коима бы
оно и попомъ у старыма годинама, као
што кажешь, увеселеніе свое нашло, но я
пазимъ на то, о! те како пазимъ. Но ово-
лико треба да имъ чинимъ, нужно е, да
ихъ облагородѣвамо; како бы су иначе дѣца
себи присвоити могла оный благородный
поносъ, коимъ да се, као благородный, раз-
ликую отъ людій простога рода. Дашьешь
само позоръ сада на нѣи, како се они умѣду
предъ

предъ простима держаши, колико се пакъ знаду предъ отпѣнимъ обходити. А друго и то, дѣше мое! Я дѣцу весма радо имамъ, особито моего Светозара, кои ми е рану ову на печалномъ моемъ сердцу за моимъ Младенкомъ, моимъ единцемъ излечію, и мене утѣшио. Но за то знамъ я нѣи подѣ уздомъ держаши, и кадшто накараши.

Кадъ дойду овако у разговору у село, виду предъ однимъ домомъ велико коло дѣвица и младитѣя, гдѣ поредъ свирца играю. Нѣколико стараца подѣ бѣлима брадама посѣдали редомъ са спарицама своима, пакъ гледу ову веселу юность, како се окрепѣе и скаче. Предъ нима на одномъ маломъ сполу бѣле нѣке купце, изъ коихъ се напѣяху, и тако умѣрено, да ни еданъ отъ нѣи опитъ се не видяше. Но! — ово ми се допада, рекне Старый, мы тѣмо се овде при овимъ честнимъ людма мало отморити, сяшу конѣе и пойду Старцемъ. Цѣло е коло на нѣи погледало, „Играйте вы дѣцо моя, рекне Старый, играйте и веселтесе, данась е тому време. — Старцы съ особитымъ почитаніемъ устану, „Сѣдите! сѣдите любезни опцы, повыче имъ Господинъ, и мы тѣмо мало кодъ васъ сѣсти, да гледимо невинну ову младежь, како се веселу;

селу; они насъ сада наше младости опоминю, было е време, кадъ смо то и сами чинили. Ово е еданъ памешный обычай, мени се ово допада, овако исто и кодъ нашегъ народа у Сербїи бива, скупесе у светацъ младе и дѣвойке съ момцы, пакъ се у присуствїю своихъ родителей овако исто провеселу, гдѣ никаково безчестїе, никакова соблазнь быти не може. Ово е больше, него у керчму опиши, и кое по каковы мѣсты завушьсе, гдѣ се безчинїя чиниши могу, и гдѣ неразумне їощь юности невинность у опасность долази.

Имаше право Господине! отвѣща еданъ. Спарацъ, болѣ е свакай пушъ дозволити младымъ людма овако публично провеселитисе, кадъ нїовъ вѣкъ то ссобомъ доноси, нежелли по особъ, и пайно кое гдѣ; мы смо имали, придода, еднога старогъ Священника, кой е хопѣ ово забраниши; подразумѣваюшьи, да е то раскошъ; но молимъ Васъ какова бы то у тому раскошъ быти могла, кадъ опѣ оныхъ илѣ тѣе се машиши кое, чашу вина да поїе или и не: и то опѣ мужкихъ, а женско Боже сохрани! игра цѣло после полдне, и кадъ ожедни, напиесе водице пакъ добро! — Видишѣ како су лѣпе, како су здраве, и румене, Вино и нїе здраво за младе люде, но

за насъ Старце отговори Господинъ. Вино има силу у себи, оно дае огань, а млади люди и тако су пуни шеплоте, некъ юшь рано почну вино пити, пакъ су прошли! Приумножу у себи шеплотомъ вина природну ону свою шеплоту и со шимъ поквару сву кровь у себи. Погледаймо само женско, и малу дѣцу, а и опрасле юноше, кои водцомъ жедь свою гасу, и вина не пию, каковый красныи цвѣтъ на лицу имаю, како су пуна како млекоомъ наливена, и какво имъ руменило чиста водица дае, а они, кои вино и палину пию, понайвише видимо ихъ жупе и блѣде, увенуле, и слабе; нити имаду правый къ слукусъ, и оно што и изеду, желудкацъ имъ жестокимъ питьемъ разслабленъ, као обаренъ не може да скува, но лежи у нима по шри четьри дана, не могу сполицу да имаю! Какотъе дакле здравъ быти: а наипаче палина шкодити може, она вещьма и пали, него и вино, за то су ей и име палине дали.

Любезный мой Господине! рекне Священникъ, што е токмо што се тѣлесногъ заравія шиче, но разсудимо само шпа душа у тому шерпи, у какова беззаконія бѣдныи человекъ нешье пастни, кадъ се опіе, и не дыз што чини.

Вы

Высте у тому много криви! — Мы? — Вы! Вы! святыи отцы! — За што Господине? За то, што народъ не учите! — Я нисамъ орудъ по Греческой земли много ходю, не знамъ, како е, но у Сербїи, Болгарїи, Македонїи, и Херцеговини, шуда самъ быо и видю нѣке луде кодъ простого народа обычае, кое нитко тако не бы могао испребити и искоренити, као благоглаголивый Священникъ мудрымъ своимъ словомъ: Вамъ се ошче народъ наиболее повинуетъ, Вы бы сте могли све оно лѣпымъ началомъ и кротостію као отцы што се тиче благополучїя нѣговогъ учинити; што политика властію и силомъ у состоянїю нїе сотворити. Молимъ Васъ! кадъ смо унишли у разговоръ, изволте ме послушати, да Вамъ за примѣръ одну маалу повѣсть кажемъ, коя се дѣйстви-тельно предамною догодила.

У Херцеговини имамъ я едно село, кое ми е Царь, кадъ самъ военну службу оставю, поклоню. Первый путь кадъ у нѣга одемъ, идемъ и гледимъ домове, гледимъ народъ, кои ми судба моя и Царь мой вручава, мило ми е, и свако ми се чиняше, да е отъ мое собственне фамилие, кадъ алъ на еданъ путь чуемъ нѣку выку, и попѣвку, дойдемъ шамо, имамъ што и видити; предъ однимъ домомъ мно-

А а

же-

жество людіи обоего рода, дерусе и вичу пїяни, бацаю чаше и стакла пуна віномъ около себе како годъ луди,, За здравіе кума, за здравіе старогъ свапа! и шпа знамъ, напиесе пакъ прескацъ стакломъ о землю! — На еданъ путъ спадоше чаше и отсгоръ падаши; Кой врагъ! откуда шо опетъ; кадъ алъ нѣи нѣколько попелисе онако пїяни на домъ, мешули еданъ сполчипъ на дымникъ и пуне бокале сѣ віномъ, сѣли у наоколо на нѣке поиспречане даске, пакъ се деру пусти, колико игда вешма могу! — Видимъ, да су свапови, запытамъ за домашьина, пошлю ме у собу; кадъ шамо, іощъ вешъ чудо застанемъ; на средъ себе извукли столъ, пакъ едномъ Спарцу свезали руке наопако, обѣсили му пуно шише віна о врагъ, накишилага као Додолу разнымъ цвѣшьемъ, пакъ га дигли на столъ, да пу мора, не знамъ колико долго, као осужденъ спояши! а Спарацъ сѣдъ вешъ као овца! — Гледимъ по соби, све е шо полупано, све изразбіяно, віно изразсыпано ахъ! — Кудъ годъ человѣкъ погледи све штепу види. — Шпа е шо люди Божїи, какова е ово гибсль? Гдѣ е домашьинъ? — Покажу ми рукомъ на испогъ спарца на сполу, ово е, веле ми домашьинъ! — Пакъ кога яда ра-
дише

дите съ нимъ, што е то? Старино? та што е то? повычемъ. Мане главомъ сирома и нишпа ми не отговори. Еда ли е нѣмъ, упытамъ: Ние нѣмъ, отвѣщаю ми, но тако га е старый сватъ осудю, да не смѣ нишпа говорити, докле годъ онъ не дойде! — А за што? Е! тако е кодъ насъ просты людий обычай, да старый сватъ има власпъ овдѣе сада шалу проводити, како годъ онъ хопье! — Пакъ гдѣ е вамъ старый сватъ? Садъ тѣе вели шаки дойти. Кадъ алъ спопи намъ едногъ; пѣянъ прештенъ, закерлѣштію очима, „ Но брашьо! да видите садъ домашницю, како самъ съ ніомъ уредю. На то полешу ови сви на полъ, изидемъ и самъ, алъ на средъ двора (авліе) равнымъ начиномъ бабу кукавну везали и накипили ю, пакъ ю дигли на сполъ. Та што е опешъ што старице? Што ови люди чине съ побомъ? А она умѣспо да ми отговори, почне, „ Вакъ! вакъ! вакъ! Овиі другиі да се искидаю опѣ смѣха, я гледимъ на њи, и чудимсе лудомъ послу. Господине! рекне ми еданъ, нѣой е заповѣдію старый сватъ, да на свакогъ, ко бы іой што проговорю, лаяти мора. Но све быва изъ добре волѣ, Господине, то нѣой мѣ нишпа противно; она е данась сына оже-

А а а

нила.

нила. — Я видешьи люде напитки нисамъ ихъ
хотео ништа дираши, оспавимъ ихъ некъ
проводе свое, а супра пьемое се, рекнемъ у себя,
разговорити, кадъ сви при чистой памепи
буду. Одемъ Кнезу, да пренопьемъ; овыи
блше младъ человѣкъ но зрѣлогъ разума и
почтениѣшегъ сердца быти видашемисе.
При вечери приповѣдимъ я, нѣму, што су
тѣи свашови радили. Е мой Господине! рекне
ми онъ, ништа е то, да Вы видите, шта
оци зими, наипаче у мясоеде чину, и кадъ
кой свещца свога слави, да Васъ Богъ сохра-
ни, како тѣи люди лудую и изъ простопе
шма не раду! сила пути пошукесе и съ
кравимъ главами дойду мени на пужбу. За-
шворимъ Богъ ме вели я, и гдѣ кога и избѣемъ,
говоримъ имъ, и совѣшумъ, но све то ни-
шта не помаже. Тако рекнемъ я, старыи
обычай кодъ простопе како годъ священный
законъ почитуюсе: но то валя по мало исшре-
бливати.

Другѣй дань буде недѣля као данась, за-
молимъ Священника, да яви у церкви, да самъ
дошдо, кой село прѣмамъ, него спарешине
села и поглавари да се соберу после полдне
сви кодъ Кнеза, шу тѣеду ме познаши, и нѣ-
ке наредбе, и заповѣди прѣмиши. Одемъ у
цер-

церкву и будемъ на святой служби; видимъ людіи у церкви весма мало, а село е велико. Опче! рекнемъ Священнику излазешъ изъ церкви, за што е тако мало людіи у церкви. Господине, вели, а што имъ я знамъ, кадъ нешьеду да дойду. За волю Божію! отговоримъ му я, за што народъ не поучавате? За што ихъ у церкву не скланяте? Высте пастыри, Высте опцы, и слуге Божіе, ваша е должность по. — Наша е должность вели! алъ кадъ не слушаю! — У разговору овако пойдёмъ Кнезу, кадъ алъ предъ едномъ керчкомъ множество ихъ видимъ, гдѣ пію,, Ено видите вели ми, за што у церковь нешьеду да дойду, завукесе у керчму опѣ юпра како сване, пакъ до полдне пію палину, а по полдне до саме ношъи віно.

Кнезь насъ любезно дочека, при нѣму обѣдуемо; іощъ мы при споу сѣдимо, алъ ето ти намъ селяновъ; изидемъ предъ нъи: каже имъ Кнезь лѣпо,, Братъо моя! я имаю честь вамъ овдіе данасъ пудспавити вашегъ Господина и проч: како што е имъ и Священникъ у церкви явію, Радуемосе, отговору они, и са свакимъ почитаніемъ мы се имъ у милость, и опческу къ намъ любовь препоручемо: свако повиновеніе, и свако

ко подданическо послушаніе мы отъ наше стране као нашему Господину завѣщавамо; и прочая изговору они ту.

Гледимъ на нїи, люди добри и благоучививи; простота безъ політике, безъ притворности. Вы се мени, рекнемъ имъ, у милость и любовь опеческу препоручаете, а тѣмъ вамъ и быти правый оцадъ, я тѣмъ васъ любить, као мою собственну Фамілію, мое собственно племе. Вы мени завѣщаваете свако послушаніе и као Господину своему свако повиненіе, шесте и должни чинити; обаче колико шѣе быти изъ между васъ, кои шѣду оно за зло прїимити, што я будемъ имъ изъ человѣколюбїа а на нїово добро, за нїову сретьу предложити, и да буде, заповѣдити. — Должность моя изыскуе отъ мене, да я о вашемъ щастїю, и о вашемъ, као Подданиковъ моихъ благоденствїю, сѣ коимъ се и мое отъ данасъ скопчава, попечително настоимъ, промышлявамъ и шрудимсе, да васъ любимъ, хранимъ, и защищавамъ, као мое Сынове, за коестъ и ошвѣстъ давати како Богу, и Царю, тако и совѣсти моїей; а ваша должность отъ васъ захтева, да се вы мени са сыновномъ любовїю покораваете, сыновномъ крошосщїю мене предусрѣтаваете, законе нѣ-

кс

же и заповѣди мое, изъ коихъ тѣште вышше благополучіе искусити и познаши, съ благодушіемъ и безъ роптанія пріимите. Врата моя свакому отъ васъ у полдне, у полнощи бытишъеду отворена, приступъ къ мени буди за какову службу никому нешъе быти забраненъ, свакога тѣу я съ кропосстію, свакогъ васъ съ любовію къ мени пріимити, рѣчи са-слушати, и съ колико мѣрило правде съ собомъ доноси, свакомъ удовлесотворити, само будите вы отъ ваше спране люди и оставите! — оне ваше луде, кадъ жените и кадъ удаете, обычае, ваша она преко мѣре, кадъ свецца славите, пїянства, ваше у керчму недѣльомъ и празникомъ прежде свате службе отхожденіе и сва овимъ подобна раскошства да оставите, и на сва такова братіе моя, као да нигда кодъ васъ нису была, отъ данась заборавите! — по я хощу, тако е моя воля, а и заповѣдамъ. Госпишель, крчмарь и буди кой быо, кои бы Госпилиникъ и Керчму свою у празникъ прежде свате службе отворію, кромъ пупникомъ и Спраннымъ, пайши тѣе съ кесомъ горко казнь за таково преступленіе ошупити! — Люди Божіи и братьо моя любезна! разсудимо вещь, као што преба, пристои ли се оно чинити, што вы

про-

прости люди, кадъ се мало попустише, при томъ чините? Кажемъ имъ, шпасамъ у прошастый данъ гледао, како ли самъ много, кадъ самъ и изъ деркве изишао, предъ Керчмомъ напише ветъ видіо! — Есте ли вы люди? по-вычемъ на нїи, есте ли вы хрїспїани? — зашто себе убїяте, зашто здравїе свое кварите, ни зашто на овомъ свѣту не спрада человекъ, као за безумїе, и ништа га напрошивъ благополучна не швори, као повиновенїе разуму. Богъ всемилостивый не бы человекъ толикимъ спрашемъ и слабостемъ ни подвергнуо, да му нїе толь великій, толь прїзлящный разумъ даровао. Свакій опъ васъ, наставимъ имъ, ако и не припяжава високу науку, шо поне природнымъ разумомъ може, (само ако хотье стварь разсудити) зло отъ добра разликовати, и распознати.

Я тшу вамъ, рекнемъ имъ, за примѣръ оудїе у моїой бесѣди два человекъ довести: Едногъ порядочногъ, кой се по правиламъ разума влада, а другогъ беспорядочногъ, кои се спрашемъ своимъ повинует и нїима снисходи; рецymo, да су оба прости земледѣлцы. Порядочный и честный мужъ пази и позоретвуе на свое приходе, и спрамъ нїи умѣрава свое расходе, предѣлъ, кой нѣму разумъ по-

полаже, онъ не преходи, и зато честно и спокойно животъ свой проводи. Онъ у посленный данъ устане рано, солнце га съ плугомъ на нивы озари, онъ жуляивымъ своимъ рукама держи на плугу ручице, припискуе у церну землю, а дѣше му долгимъ бычемъ поредъ волова лагано ходи и звиздутьше. Чистъ оный, и у юпру свѣжій воздухъ нби уморене прохлаждава и крѣпи, пшичице имъ шеве умилнымъ своимъ гласомъ надъ главомъ пою. Вѣрна нѣгова супруга съ просто — сгошовленнымъ обѣдомъ на време дойде. У вечеръ съ уморны свои вочипши иде дома; невинна дѣвица ошаву свою на улици игру, и весела шерчу му на срѣщеніе; Онъ нби отеческомъ любовію то едно то друго на уморне свое руке пріима, милуе ихъ и дае имъ полско цвѣшьеце. Онъ сѣдне съ нима и са своіомъ женомъ за просту свою трапезу вечераши, у тихомъ разговорѣ изложи свакомъ свой посао, што тѣе кон заутра дѣлати, пакъ се помоли усердно Богу, захвали му, што га е благость нѣгова онай данъ отъ свакога зла сохранила, препоручимусе, као Отцу съ умиленіемъ сердца и иде спаваши: уморне свое членове нѣколико часовъ на постели одмара, и како чрезъ прозоръ зору

зору угледа, лакъ опетъ и олморенъ устасе, утренняя молитву очита, пакъ се опецъ благоохотно дѣла своего прѣйма.

И тако као добаръ хрѣстіанинъ цѣлу седмицу честно, и занимае се у дѣлу безпорочно проведе. У Недѣлю кадъ изыде съ утренне молитве изъ церкви, не иде у керчму, но управо дома; и као добаръ оцацъ и домашинъ совѣтуе се супругомъ своѣмъ, шпашьеду за обѣдъ, и ако она што купиши употребуе, даде ѳой. Ели му по тежко као утружденному до 12 часовъ, докле се изъ церкви не изыде, чекаши, да ништа не еде, пошле у госпиталникъ, ако самъ не има, и донесе мало палине дома, поіе чашицу найвыше двѣ, даде и жени, и прочимъ у дому, кои су за по, и кои тежке послове раду, пакъ мало што поеде и изыде глѣ у дружество, съ коимъ у разговорѣ проведе време, докле шретьй кратъ звона не благовѣстите у церковь иши; оде и смиренно у церкви Божественну Літургію съ прочомъ честномъ братіомъ отстои, и дойде дома; сѣдне пошшено са своѣмъ, кою му е Богъ дао Фаміліомъ, за столъ, пообѣдуе, чашу вина ако има, или купи изъ Керчме, то подѣли лѣпо съ прочими при споу; понеже и другии раду, и шруде и шаготу сносе. По

полд-

полдне ако и оде мало за пробавити време у гостилникѣ; сѣдне съ дружствомѣ, пїе кою чашу вина, разговарасе съ нима, но при памети остае, и презвенѣ дома долази, вино велимѣ имѣ, нїе намѣ за што дано, да се опїямо, и не знамо шта пворимо, но за подкрѣпленїе наше и мало за увеселенїе; оно е еданѣ прекрасный дарѣ Божїй, обаче памешно и умѣрено треба да га уживамо. Оно е памешнымѣ цѣлїтелна медїцина а будали убїточный отровѣ. Благе нрави, памешанѣ и прудолюбивѣ мужѣ налази свое увеселенїе у добры дѣлы, а лѣвшина и за себе и свою Фамїлію немарливѣ, пражи таковое у питїю. Будала и безпорядочный человѣкѣ што чини? онѣ преко цѣле седмице лѣнливо о дѣлу настои; сви му послови, коихѣ се онѣ хладнымѣ сердцемѣ прїима, праляво иду, а кадѣ дойде Недѣля, како сване, оде у Керчму, гдѣ заспане себи подобне, пакѣ до само полдне све палину пїе, не мари онѣ што е Недѣля, не слуша онѣ, што звона у церковь ниши опомню, нишѣ се сѣпѣа за свою жалостну Фамїлію. Кукавна жена доста крапѣ нейма зашто соли да купи, да му обѣдѣ о соли, изгледа на нѣга и чека га, шилѣ дѣше и зовега, кой найпосле онако пїянѣ кадѣ дойде,

де, и жена му рече рѣчь одну, шры - ста
вѣра шрыста душа. За косе пакъ сѣ нѣомъ
о землю! — То е хрїстіански, тако се Богу
посвященный данъ светкуе. — Найде што о-
нако дурновитѣ, те се наеде, пакъ опетѣ у
керчму, гдѣ га лѣпо друштво чека, пїе вїно
до саме нѣщи, и до полнощи! Сушра данъ
пошпосе мало изспава, кадъ успане, глава му
тежка! боле! деркше као прущѣ, пипасе по
жепу, новце све пошрошїо, сѣ конма бы ште-
дешїи и помало, и памешно прошешїи мѣ-
сяцѣ дана цѣлу Фамїлію издержати могао!
Жену Сыропу испукао и изпребїао, кукавну
дѣчицу у страхѣ и трепетѣ превео, и опе-
чалїо, святу и Божештвенну службу пренебре-
гао, совѣспѣ га мучи, изобличава и грызе,
сви му членови у цѣлому шѣлу спрепу, рас-
каюсе, ишао бы на посао, но не може, по
два по шри дана тако отбонпуе! —

Докле человѣкѣ у домѣ кому уиде, одма
види, како домашнїнѣ и домашнїца у нѣму жи-
ву. Акому добрыи и памешни, чисто имѣ е
све у дому и спределено, кудѣ годѣ погледнїшъ,
постелье имѣ намѣштене, судови ако су и
земляни, и дрвени, лѣпо опрани, огнище о-
бѣлено, свака имѣ вещь у цѣлому дому на
опредѣленомѣ своемѣ мѣспу стои, соба сва-

ко

ко ютро мурисомъ окадѣна, дворъ такожде спремленъ и почистѣнъ, ваяши, клете и подруми све се по у прекрасному держи порядку, и отъ свега ключеве добра газдарица при себи има, и отъ нѣе, шкѣ што попотребуе, ище, дѣчица имъ ако тѣду и у простому одѣлу быти, обаче лѣпо и чинно облечена, умывена, и очешляна, здрава, румена и весела; понеже мудра и чадолюбива мами зна, да чистота тѣлесна, и умѣренность у елу и питію есть право основаніе здравію, а гдѣсе тѣло у правому своему и отъ природе данному здравію находи, ту и души словесной оной у нами разумъ здравъ быва, и цвѣта, понеже онъ е у отношенію на тѣло као цвѣтъ либо плодъ на древо, а тѣло е оно древо либо корень, на коему се онъ содержава. Рани убо при корену древо, цвѣтъ начне венути и сушишисе. Блаженъ оный свакій и два пупъ блаженъ, кому е Богъ добру и памешну жену дао! — и отъ нѣе бо сила зависи, да добаръ мужъ буде, блаженъ и щасливъ оный плодъ употребе нѣове, исчадія нѣова, коя у зачатію своему щасливи постаю.

На противъ шѣга наставимъ мою бесѣду, гдѣ лѣвштине обитаваю, тамо е непочищено, тамо е неспремлено, тамо е дубре
одно,

едно, сирадѣ и гадѣ, свуда имѣ се по худной соби ухватила паучина. Онде имѣ видимѣ кашляву бабу, гадѣ се Сыроша скупила за пещь и сѣди на коекакови неопрани крпешина, онде малу дѣцу неумывену, неочешляну, гадну и жалоспну; голу, босу! Ахѣ пошшена сердца чловѣкѣ не зна, или пѣе сожалити, или се люпити мора, зашто то быва? Нищете ради? Убожества ради? Есть гадѣгадѣ и збогѣ того, но ошкуда е то убожествво? — По-найвише отѣ лѣности, или изѣ излишнихѣ прошковѣ родилосе: обаче велимѣ, я самѣ гледао добрыхѣ газда, кои шако худо живу: понеже не умѣду да живу. Каково ли е вамѣ, приложимѣ у бесѣди, оно ючеранѣ веселѣ, еда ли онако треба чинити! не чудимсе толико младымѣ, отѣ нѣи памети толико не захпешати, но токо повиновеніе старимѣ своимѣ, докле у зрѣлостѣ свою не дойду; него чудимсе сѣдымѣ Старцемѣ! за име Божіе! како имѣ срамоша не, како ихѣ оне сѣде власи не опомену. Та ша у одному кашлявому, погербленому, и слабому шарцу друго и имати можемо, него смиреностѣ, мудростѣ, добрый совѣшѣ и примѣрѣ побожности! — нека е найпростіи, ако е само благосмысленна духа, и пошшена сердца, ове добродѣтели мо-
же

же имати, кадъ хопье, и за шакове га мы любимо и почитуемо. Младъ е человекъ подобанъ пролѣтнему цвѣту, кои само наше очи увеселява, а старъ е зрѣлому у есень плоду, коимъ се гортань нашъ наслаждава. Спорога человекъ кадъ веть еданъ путъ шѣлесне силе и крѣпости оставу, треба да му душевне оне больше дѣйствовати починю. Таковъ е Господине кодъ насъ простыхъ людий обычай, рекне ми еданъ; Каковъ е по лудый обычай лупати стакла, проливати онако немилосливо вѣно, поразбѣяти прозоре, кукавна Спарца и Спарицу онако везати, и предъ невинномъ дѣцомъ соблазнь коекакову чинити, срамъ васъ буди, повычемъ, Заповѣдио вели старый сватъ; Нѣ старый сванъ, но старый пасъ и свиня, кадъ онако ради, судове, изъ конхъ е ео, и чаше и стакла, изъ конхъ е піо, разбѣяти и людма шпенту чинити; та заслужио е, да се не туче, куда се туче, но по тербуху. — Знаете кое какове будалашпине и убиточне обычае ваше держати, и не смѣте отъ нѣи да отступите, аки бысте Богу со тимъ погрѣшили, и законъ святой нарушили, а кадъ честный Священникъ и оцацъ духовный по должности своей попенѣсе на Каедру, да вамъ слово Божіе проповѣди,

ди, да васъ поучи, счепате капу, пакъ на полье! — Бѣгите Богъ ме: зане изобличеніе не можете да шерпите. — То имате право Господине, приложи Священникъ, имате право у шому, ясамъ самъ мое овдіе у селу люде узео на умъ, ево предъ овы честны старцы говоримъ, да сви оны, кои изъ церкви, кадъ хошъ слово да говоримъ, побѣгну, или су горди, и суемудрени, пакъ мечтаваю у себи, да више знаду, него ихъ Священникъ, или страстемъ, и порокомъ ошдани, пакъ приймаю слово оно свято за обличеніе, и сердусе, аки бы я управляо бесѣду мою на нѣга, и хошѣши да га изобличимъ: Я говоримъ по святомъ Евангелію, за исправленіе свима намъ во обще, а онъ дува на мене, зашто я открывамъ оно совѣсти нѣговой, кое е онъ суемудріемъ своимъ, и дяволскимъ ухищреніемъ зашаю мало бы: догодисе кадъ и кадъ, да се кому што хити, и нужно му е изыти, но! — шаковомъ се прашта, шаковомъ се не замѣрава; обаче лако ихъ е познаши. — Изволте Господине наставити Ваше слово, поправу ли се ваши селяни? — Я нѣи искарамъ лѣпо, и заповѣдимъ имъ, да више нигда оно, што су чинили, не чине, кажемъ имъ овако: Люди Божіи! Кадъ жени-

ше,

те, или удаете, узмите Священника, и іошѣ
едногѣ, либо два мужа, пакѣ опидите у дѣ-
войчинѣ домѣ, гдѣ сте ветѣ сѣ родители
нѣни уговорили, и запросили, и подайте што
зовемо ябуку; малый великій, како е кому
могущѣ дарѣ, као еданѣ знакѣ либо залогѣ
за сигурность обе стране. Опложите дѣло
на кой данѣ, да се и една, и друга' справа
сѣ нужными може преправити; но што сво-
ре по болье, да завистѣ откуда не посѣ
раздорѣ каковый. — Дошао е ветѣ данѣ, да
се млади бракомѣ святымѣ сочетаю; по нѣ-
колико добрыхѣ пріятелей зовните, и безѣ
сваке уке, буке, и выке, смиренно, и честно
у церковь идите, и дѣцу свою благослови-
те, и по закону вѣнчайте; пакѣ онда лѣпо
айде дома. Священника и найвише іоштѣ
двоицу можешѣ на обѣдѣ уставити; а про-
чимѣ захвали на пріятелству, и оппусти
ихѣ. Кадѣ пройде недѣля, двіе ли дана, до-
кле се новодоведена невѣста у дому твоємѣ
привыкне, обычае научи и са свимѣ се лѣпо
позна, докле мысли оне за родителскимѣ до-
момѣ изѣ главе мало избацы и лѣпо се сѣ
своіомѣ фаміліомѣ сроди и усвои; онда по-
могущѣству, и по вољи своіой справи частѣ,
зовни опетѣ Священника, онѣ е нашѣ общій

духовный Отацъ, предъ нимъ люди, а особливо прости ушпимаваюсе, и полагаю храненіе устомъ своимъ; при честной софри (трапези) швоей да се не найде, кой бы соблазнь чинію, штогодъ блядословію: и зовни друге, кога ти е воля, добре пріятелъ; доведи, ако хотьешь и мусіканте, пакъ лѣпо и честно провсселісе у швоему дому съ твои добри пріятели цѣлый данъ: обаче у свему разумно, и наблюдавающи свако правило пристойности. Едалъ мы не можемо весели быти, ако не лудуемо, ако не лупамо стакла и чаше; ако не разбіямо прозоре, и судове, изъ коихъ емо? Едалъ мы не можемо другу невинну, и непорочну шалу увести, да се насмѣемо, него домашьнна кукавна, и домашьнну, кои насъ любезно, као госте, у свой домъ дочекую, да вежемо, и онакова поруганія съ нима предъ дѣцомъ да чинимо! — то е шала? то е скандала, и ругоба; то е убійство, и расточеніе! — О Боже! Возопимъ, не постави ты имъ овога грѣха, не знаду бо что чину. Будъ се скупите толкии, ше кукавномъ човеку поедете, и поіете и черно и за нокша, шуадъ му и другу шшешу правите, и у дугъ га бацаше. — Подобнымъ начиномъ, и кадъ славише, могли бысте иѣколко пошпени людій

зовиути; кои е газда и има се добро, нека зове; отъ Богатыхъ нїе нужно много, но гдѣ кога особитогъ прїятеля, имаду бо они шта и дома ести; но сирмаховъ некъ зове, колико вишше може му поднести; дѣло е ово богоугодно, у святому Евангелію стои: Гладна наричати, и жедна напоити; свакій правый хрїстіанинъ ове святе речи Хрїстовѣ валя да опомене. Но вы тако не радите, я самъ, рекне имъ, моимъ очима ючеръ гледаю, штосте радили. Просыпате пусти ово вино, као да вамъ нигда вишше не треба! Колико е се добра многимъ сирмахомъ, само съ б-нымъ, што е ючеръ у погибель опишло, учиниши могло! — Зашто братьо сладка тако радите? — Знаете ли вы, да е грѣхъ смертный разумъ свой, овыи Божественный даръ, кога е намъ милостиво Небо по неиспытанной благости своей почтило, и обдарило, на зло употребляете. Примите овыи мой благій, и за васъ просте люде преполезный совѣтъ, кои я вамъ са отеческимъ усердіемъ, са отеческомъ любовію даемъ, желтъи свима, да сретъни будете, да Богу на славу поживите, да Цару вашему земномъ на радость будете, роду, и отечеству на дику, а себи на вѣчну славу. А не быши мо

В в а ж с ,

же, ако памешно, и умѣрено живити узумѣте. Умѣренность, и трудолюбіе любезный Братацѣ, и Сестрице, колико сте краси, како невинни, шко васѣ небы са умиленіемѣ сердца погледао; и шко отѣ смертныхѣ по лѣпоши вашей небы поголіо, дасте вы любезна чада прекрасне оне и небесне дщери, коей се на престолу огнѣзрачномѣ не само человѣцы, но и ангели, као чаду Божіему кланяю; но коль красно и име ньено Добродѣшель, возлюбите Братъо ова сладка нѣна чада, пригерлите ихѣ толкущему у персима вашимѣ Серцау. Примитьете за награжденіе отѣ ньи здравіе, богатштва, тишину доховну, мирѣ у дому, любовь, и почитаніе отѣ свакогѣ, особито отѣ мене, на кога и жребіе пада, да вамѣ будемѣ отацѣ, и да васѣ као Сынове мое на свако добро наставимѣ и упутимѣ.

И воистинну не буде напразно ово мое слово, по маломѣ времену кадѣ самѣ се шу са свимѣ преселіо, ясамѣ сѣ радостію гледао, каковый е плодѣ оно у нима произвело, како су се лѣпо поправили, и поболшали. Зато велимѣ какогодѣ една фаміліа у едному дому, ако има добра, и мудра Старешину, кой ньомѣ разумно управла, быва сретъна, и домѣ тай цвѣта; ако ли има ердѣу, лѣншину, и

вѣ-

вінопію, то цѣла фаміліа страда: шако и едно общество, ако има паметне, добре, челоуѣколюбиве, и праведне поглаваре, быва щасливо, живу у лѣпому порядку; ако ли по несретѣи какоуе кукавице нимѣ управляю, а оно пропада, и много страда. Мудра пословица Сербска: Сѣ главе рыба смерди.

Они овако у разговорѣ продолже време до самога мрака; младежь се почне разилазити; Любомирѣ се опрости са старцы, и они му захвалу на разговорѣ. Арістидѣ хотяше Господина сѣ дѣдомѣ у свой домѣ на пренощіе водити, но овый намѣбрауютѣи по захтеваню Косаре рано у віноградѣ сѣ дѣдомѣ изити, опречему шу любовь, и вратисе дома, гдѣ застане писмо отѣ своего Косме. Пишему, да е са своіомѣ любезномѣ Мілисомѣ здравѣ, и сретѣанѣ, да му сва по налогу шако опрауля, и уредѣуе, да га селяни нѣгови сѣ неисказаномѣ желіомѣ, као опца свога, чекаю, и проч.

Другій данѣ текѣ што е зора заплавила, Воденичарѣ узбуни слуге, да се у віноградѣ опрауляю; пошлю опетѣ по Арістіда, но овый имаютѣи нѣке особите послове, ніе имѣ могао шай данѣ дойти. Господинѣ пошлѣ Косару сѣ дѣдомѣ, и воденичаромѣ на предѣ,

а онъ изостане, да отговори на писмо своему Косми. Кадъ оправн человѣка съ писмомъ, сѣдне на коня, и предъ саму нощь у виноградъ стигне. Четвертый данъ дойде имъ и любезный Арістидъ; Као да самъ по тебе поручію, рекнему Господинъ, кадъ га види. А а самъ се, вели овый, боао, да нисше вещь обрали, — Ющъ нисмо ни почели, отговори Господинъ, за любовь дѣще нещю со шимъ да хитимъ; но супра некъ почи брати, да се време не измѣни; а мы пьемъ по полдне изипи кудъ мало по овомъ предѣлу: Светозаръ почне молишисе, да и нѣга поведу; Дѣте мое! рекнему Старый, што быти не може, мы идемо на два, тры дана, ако тебе поведемъ, бытишье жао Чедомилю, што нѣга не водимъ; а да васъ водимъ обоицу, како шье вамъ мати оштапи сама, коя се васъ доволно ни нагледала нѣе. Я се молимъ Господинѣ, поведите га, рекне Арістидъ, та Вы знате, да с нѣму безъ Васъ долго време, а Чедомиль некъ остане, онъ шолико и не мариши кудъ.

Но! понеже да се ты за нѣга молишь, некъ буде, отговори Старый. И тако по обѣду узму стрѣле и едиога слугу, и проче потребе за пушь преправу, заповѣди Господинъ,

динѣ, да се виноградѣ сутра по мало бере, и да воденичарѣ настаява надѣ посленници, сѣдну на конье, и оду.

Тай данѣ прешерпе бѣду велику, и мало ихѣ нѣе и живота стало; време имѣ се измѣни, и хладный вѣтарѣ яко дувати почне; отпѣ силногѣ шума, и звука нигдѣ ни звонца на овцами чути не могоще, да бы се гдѣ преко ношь кодѣ пастыровѣ склонити могли. У полѣ едногѣ поля ухвати ихѣ мракѣ, облачно, ништа се не види: Вѣтарѣ мало престане, и утишасе; но отпѣ западне стране таковии се густии, и чернии облацы появу, да чисто кѣ земли клону. На еданѣ путѣ навукесе на то исто полѣ, и почне гдѣ коя капля, као челоуѣческа глава на землю падати „Арістиде! ово нѣе добро, повеоче Старый, ови тьеду се облацы провалиши, и мы за тилый часѣ можемо у води, као у мору, огрезнути, но скоро да бѣгамо. Текѣ што они ободу конье свое кѣ шуми, отпѣ кое сретьомѣ нису далеко были, облакѣ се провали, и за нѣколико магновенія ока толика се силна вода изліе, да имѣ кони пливати почну. Старый одма коня Светозарева ухвати за узду: дѣте е пружило руку „Отацѣ! узмите ме себи, я вещь понемѣ. Онѣ ово едва изговори,

конь-

коньму се давити почне, и Старый не могавши вещь дѣте рукомъ лохватиши, кому се само глава изъ воде спропъу молнїе видаше, пружиму копїе: Держисе добро повиче на нѣга, и не бойсе нища „Господине! За Бога погинусмо, виче Арїстїдъ. Старый се забунїо около дѣтета, и не чуе, што овый бесѣди; держисе само руками за копїе, а ногами плавай, говори дѣтету. Дѣте у спраху, и не узыма на умъ, да е сѣ коня склизао, и да се обѣмн руками за копїе ухватїо, и ногами воду отбацуе. Пливачъ е добаръ быо, но смѣта му халина. Отацъ! сладкїй мой Отацъ! не могу выше, посустао самъ. Гласъ овый Старому е сердце раздирао, онъ се нигда у животу у ветьему спраху, и ветьой безъ надежде жалостнї находїо нїе, како сада. За себе нїе марїо, но за дѣте; говорити нїе знао ништа, но само: Не бойсе ништа! мало їощъ мало! Богъ тѣе насъ избавити. Дѣте сирото разслабн, едва ногами мицаше, а и самому вещь руке обумерле, готовъ баше копїе упустиши: на еданъ пуцъ конь подъ нимъ сѣ прежними ногами узъ бердашце едно поклецивати почне „Сынє мой сладкїй! повиче радостнымъ гласомъ, еси ли живъ? Мы смо избавлени: Со тимъ скочи сѣ коня, коньму

му

му готовъ пасти бѣше, на брегъ, но копѣе не упусти; водаму ту до пояса токмо бѣше“ Держсе добро повыче, и копѣе къ себи яко потегне, и дѣше извуче; дигне га на ноге, пригерли га на нѣдра своя, и почне плакаши; дѣше се мало поврати, „Вы сте Отацъ? — Я самъ сыне мой любезный, я, ооврати се, и ободрн себе, мы смо избавлени, ено се вещь ведри. Но! Хвала Богу рекне дѣше. — Како ти е сыне мой? Да ти се нѣ вода у успа улила? — Нѣе, него самъ се верло уморю. Е! Ништа по, ништа! само, кадъ насъ Богъ избави, со тимъ поведега за руку брегомъ шпимъ, и на нѣколко коракляи изиду на суво, и коня изведу. А гдѣ е мой конь Отацъ! упыта. Остави коня! рекне Старый, само кадъ си пы изышао, нѣе ми за коня; но кукавный Арїстїдъ и слуга Богъ зна, гдѣ су! — А нису изишли? — Тко зна; я самъ се о теби забуню быо, за нѣи самъ са свимъ и забравю. О Боже благїй! Коликимъ е бѣдный человѣкъ погібелемъ у своему живопу изложенъ. Тко бы се игда овомъ случаю данасъ надапи могао. Мой Сынокъ! Камо ти сретъа, да останешъ данасъ у вїнограду, као што самъ ти говорю. Та да смо мы овый случай предвидиши могли; рекне младить, знамъ,

знамъ, да не бы сте ни Вы ишли, но кое то
знати могао.

У разговору уиду у шуму, и пойду къ
едному великому, и нагнутому древу, изъ
подъ коега звѣрие нѣко, по свой прилики дивіе
козе, либо серне уплашене, у чопору, у-
стремуся бѣгати. Они обонца мокри, у го-
лой води, дойду подъ древо, свуку халине
свое, и исцѣде ихъ отъ воде. Старый ви-
дешь-да дѣше деркше као пруть отъ зиме,
намѣстига поредъ себе, и утерпа съ хали-
нами своими, узме му руке у своя нѣбара, и
тако се угрѣе, и заспи као дѣше, сладко:
но онъ кое отъ зиме, кое отъ бригае за Ари-
спидомъ, и слугомъ, до самѣ зоре очи свое
не сведе. Мало по мало изведрише, и изиде
мѣсець, гледи на ону поляну, синѣсе море
учинила баше. Кадъ алъ нѣко выкне. Дигне
главу, и слуша, съ кое е стране гласъ тай.
Онъ жаляше и слугу, за што му е весма до-
баръ и поштенъ момакъ быо, но опетъ
Ариспидовъ гласъ чуши желаше. Онъ уста-
не, и поиде мало на страну, отъ коему
гласъ долазаше, но далеко се описнуши, и
дѣше само оставити не могаше; спао, и слу-
ша: кадъ ал' ешоти му Ариспида съ конемъ,
и будущи шекъ што се данъ отъ ношњи
дѣ-

дѣлиши починаше, не може, да га позна „Арї-
спїде! есил' ты? — Господине! за име Божіе
гаѢ сте, повыче АрїспїдѢ, еспел' живи? —
Но хвала Богу Сынку, рекне Старый, кадѢ
те жива видимѢ, — ГаѢ е дѢте? гаѢ е Све-
лосарѢ, пыта, ел' онѢ живѢ остао? Старый
полюбившисе сѢ нимѢ „ О сынку! не могу
доволно Богу благодарити, што ми е нѢга
сохранїю; а за мене самѢ и све проче и забо-
равїю быо, онѢ е овде окупаосе добро сиро-
ма, пакѢ сада спава; но я кое опѢ зиме,
кое за шобомѢ цѢлу ношѢ око на око мѣшу
нисамѢ; а гаѢ е кукавный слуга? Дакле онѢ
нїе сѢ вами? — Е! по е онѢ прошао! —
отговори Старый; я како самѢ се около дѢ-
пета забунїю быо, ниши самѢ на тебе, ни на
нѢга пазїю; онѢ е у води пигинуо, и конѢ
СветозаревѢ у води е остао; я самѢ га за
узднцу держао, но у оному спраху ни самѢ
не знамѢ, како самѢ га пустїю. За Бога Го-
сподине! шпа то бы? — Какова е то казнь
на насѢ: провалїосе надѢ нами внезапу о-
блакѢ шако, да побѢшїи нисмо могли; но хва-
ла Богу те е и овако. Они узму изѢ мокре
порбе чутурицу сѢ палиномѢ, напїюсе по
еданѢ пупѢ, и разговараютьшїсе чекаю, да се
разсване: Каже Старый, како е шу на нѢке
серне

серне у померчини нагазіо, но докле угрес данѣ вели, хопъемо ихѣ потражити. Безѣ прага и Вашѣ ловѣ Господине! рекне Арістідѣ, я ово ветѣ другій пупѣ сѣ Вами у лову спрадамѣ: перво отѣ пущаія мало не изгинусмо, а сада се мал' не удависмо. Ништа то, отговори Старый осмѣяваюцьсе, не шкоди человѣку, да кадѣ што и зло какво претерпи, видншь какоъемо данась лѣпо време имати; како е се чрезѣ кишу вѣпарѣ, и оне громове воздухѣ прохладіо, отѣ кое какое невидиме у нѣму гади очистио, свѣжѣ и укрѣпителенѣ постао. Ено! како намѣ сунце благодатно своими зрацы позлащава зелене оне, и опране высокихѣ деревсѣ вѣтве (гранчице), на конма крystalне капице іошь вису. Дивна су дѣла Божія, мудро е нѣгово у законы естественны расположеніе.

На то устане и Светозарѣ, протре очи „Богѣ да прости, рече, я се сладко изспава“ Да ти Богѣ да на здравѣ, отговоре му ови; свакій сладко спава, кадѣ се окупа. Обрадусе Светозарѣ, кадѣ види Арістіда, пыта за коня свога, и слугу. Нейма коня више, ни слуге рекне Старый! но како осетьашѣ у себи, шкоди ли ти што? Добро у свему осетьамѣ, да ми е, отвѣща младить,

НО

но едно ми шкоди, што самъ гладанъ; а друго, што пошью садъ безъ коня? Старый му даде изъ шорбе парче погаче, и мало печеня; влажно е было, но нѣму могло е поднепти. Узме и Старый са Арїстїдомъ нѣколько залогавъ; по томъ наплюсе по еданъ пущъ, и по два лѣпогъ изъ еднога кондїра вина, пакъ сѣдану на конье; Старый узме дѣше предасе на свогъ коня, и пойду къ поляни, еда бы гдѣ слугу, или коня Светозарова, да е испливао, нашли. И текъ што се спусте къ води, чую на страни коня, гдѣ на ове заержи, погледе, и познаду коня слугиногъ; осѣдланъ, и за преждню ногу препетъ пасе; Но! овде шѣе и слуга быши, рекну овыи, и пойду ближе; кадъ ал' онъ легао спрощью сунца на шрави, пакъ спава: ови га пробуде „Но! како е сынко, оспадел' живъ, за волю Божию? Гле садъ чуда! ошговори слуга“ Та заръ се вы нисте подавили? Ту се еданъ другомъ срадуе, и приповѣда, како е се кой избавїю, пакъ пойду коня Светозарова пражити; полъ дана шуда свудъ обитью, но нигдѣ. Найду найпосле едно козарче у шуми, и пытаю га, има ли шу близу каковыхъ пасдыревъ. Овай ихъ упуши на нѣкоєга Г. спанъ, кои е шу шаки преко планине быо. Данъ у-

угрее яко, Старый и Арїспїдъ уморни, и сами едва су чекали, да тамо дойду, и мало отпочину. Полъ дне с ветъ здраво превалило было, угледаю исподъ шуме на поляни поредъ одногъ великогъ потока еданъ прекрасный домъ, съ многимъ у наоколо спаями, и корлашы. Боже помози! рекну ови, ющъ ако домашнїнъ дома буде, да насъ пошпено дочека. Кадъ се ветъ са свнмъ приближу истерчу четьри гердно велика пса предъ нѣи. Арїспїдъ, кои с создаи ишао, отъ страха ободѣ коня преко нѣке равнице, и нимало се назадъ не обзырѣтъи, бѣга пустый, аки бы га пси еднако вїяли, и шако далско побѣгне, да е слуга свога коня у бѣлу пѣну учнїю, докле га е стигао. Пси Господина и слугу мало съ коня свалили нису; но сретѣомъ едно пастырче и двѣ жене, кое су у испый паръ шу овце музле, истерчу са обраницомъ, и псе отбїю; иначе како су были као лавовы, шко зна шта бы было. Ешто ти имъ одногъ у добры година мужа, разаренъ на слуге, за што преко данъ псе не вежу, но между кога осакатиши. Пошпено се извиче, и слуге свое испсуге; приступи гостїма и учпиво ихъ поздрави. Естель вы домашнїнъ? упыта Старый. Я самъ, отговори овый „Не прїи-

прїимите за досаду, рече Старый, да се мало кодъ Васъ отморимо, и ако е Вамъ могушьє сѣ чимъ насъ дочекаши, то я за добре новце Васъ молимъ? Сѣ драгомъ душомъ Господине, рекне газда, изволише заповѣдаши, Вы тѣе те у свему, као у своему дому служени быти. Онъ одма заповѣди младьима, да ужину справу; на то дойде и Арїспїдъ. Та момче, шта теби бы, те онако побѣже? осмѣиваютьсє у пытага Господинъ, ал' си страшливъ, како истый зецъ! Та нїе Господине! нїе — него уплашїомисє конь. — Айде сѣ Богомъ! уплашїомисє конь, та гдѣ су ти руке? Они се овако разговараю, а Светозаръ текъ што не плаче за коньмъ своимъ; Старый му рекне „Не бойсе Сыне! теби тѣе старый Опацъ лепшегъ купиши, буди бы пошто быо. На то дойде газда, и гледи Господинова коня. Но! како Вамъ се допада овый конь? упыта га Старый: на кое онъ осменесе „Кажне Вы мени вели, есте ли Вы кадъ годъ имали їоць едногъ оваковогъ коня? Овый вопросъ Господину се допадне: Есамъ вели шу имао, и нотьасъ самъ га у оної киши, и олуи изгубїо, но за што? Оваковогъ испогъ коня мое слуге опъ юпросъ шу негди на ливадама ухватє; осѣдланъ лѣ-

по

по како годъ овый, и доведу га, ГдѢ е? — Ево га у шпали. СветозарѢ радостію се восхиши, потерчи у шпалу, и по имену га зовне; конь се општергне сѢ ясала, и истерчи предѢ нѢга. Ел' шо? упыта газда. Ово е да како. О! хвала ВамѢ Господару! Зовне слуге, те ихѢ лѢпо обдари „Но Сынко хвала Богу добысмѠ и коня; садѢ заборавимо све, што смо прешерпили. ПриповѢде газди, шта су се ту ношѢ напалили. ПотомѢ свуку се, и свое халине лепо очисте, и осуше, докле е ужина готова была, умыюсе и очешляю; пакѢ пойду ужинаши; младитѢ ни ешти ніе марію, само кадѢ е коня добыю.

По ужини, кадѢ се мало захлади, изведе ихѢ газда овый на свое ливаде, отвезде ихѢ у еданѢ великій вершѢ, покаже имѢ свою стоку, поведу разговорѢ о Економіи, и тако са самимѢ мракомѢ вратусе дома; ношѢ баше прекрасна, мѢсечина као данѢ, посѢде мало на полю при чаши вина, и гостима се захте спаваши: Газда имѢ даде намѢ-стииши, поиде и самѢ спаваши. Уютру рано уиде лаганѠ у собу гостима. и опвори имѢ мало прозоре отѢ стране оне, отѢ кое шума баше. Сладкогласни слави сакривени у зелено, и густо листвіе еданѢ другомѢ у-

мил-

милно отпѣва. Старый се пробуди „Спавайте Господине повыче газда, спавайте, я вели отвори хъ Вамъ прозоръ, да Вамъ мало ушрени Зефурь, и нѣжный оный гласъ птичїи у Собу унде, да сладь спавате. О любезный! отговори му Старый, Вы се много около насъ трудите: я самъ се лѣпо изспавао, я тьбу ушати, да изыдемъ на свѣжий воздухъ; а ови као млади, не хъ продолже ющъ мало у снѹ, и не хъ надокнаде, шпо ючеръ на ночь нису спавали.

Онъ устане, обучесе, и изиде са газдомъ у полье, пройду се по росной ливади, у лѣпому разговору, каже му газда овай, да е онъ изъ Едиссе Града, и да има ющъ два брата старя, кон такодьеръ шу близу имаду своя полска Добра, и на одной води Потамосъ Мавросъ зовой прекарне две фабрике отъ сукна; у одной се вели дѣла сукно просто; а у другой изрядно лѣпо. Ели то далеко? упыта Старый, моя бы вели воля была видиши те дѣлательнице сукна? Отповудъ до полдне отговори овыи, можесе лако тамо дойти; и я Вамъ кажемъ, придода, немойте мимоиша, да се тамо не свратите; а узпушъ е Вамъ и шако; ша отонудъ е близу и Елїсїумъ, идѣ вы обитаете, я се чудимъ, како

С е

Вы

Вы то не знате. А можесе сѣ коньма тамо прейти? О! да како, лакше много нежели кудасте дошли; а опонудѣ у Елісіумѣ іощь лакше, и удобнѣе можесе ити тако, да ни гдѣ нужду не будете имати, конѣ сяшивати. Люди шьеду Васѣ унупити изѣ между двѣхъ горе однимѣ прекраснымѣ, и зеленоправнымѣ удалѣемѣ чакѣ до Ваше шумѣ, и брега Кефалона, Старый заклучи тамо ити.

Каждѣ дойду овако разговарающьсе дома, затеку слугу, гдѣ коньѣ чиспи: Деждѣ сынок! рекнему Господинѣ, попашьсе около коня, пакѣ да се иде. Домашьинѣ любезно почне зауставляти, да се поне данѣ два при нѣму задержи, пакѣ да шьѣ и онѣ сѣ нима тамо ити. Я Вамѣ любезный мой благодаримѣ, ошговори Господинѣ, на свему; обаче я ити морамѣ; я самѣ неспокоянѣ у оваковы предѣли на одномѣ мѣсту бывши. Уидѣ у собу, Светозарѣ му е устао быо; но Арістидѣ іощь спава: Айде сынокъ справи се рекне му, пакѣ да идемо. Арістидѣ не хотяше дирати, некѣ іощь мало спава. Светозарѣ се обучѣ, и сидѣ доле; гледи како слуга конѣ опрала, Но! младый Господине! рекнему слуга, хотѣмо ли се данасѣ гдѣгодѣ давити? Пресѣкао шьсе езыкѣ, ошговори младиль. Домашьинѣ

имѣ

имъ лепо сложи у торбе сира, сува мяса, хлѣба; и прочая на путь, и донесе на конѣ. Старый рекне Светозару, да иде пробудити и Аристѣда, дѣте оде, но ни пошто оный не- шье да устане. Оде Господинѣ самѣ „Устай море! я одохъ; овыи устане таре очи“ Есулъ ти проклепи пси везани вепъ? пыта — А о! мой Брайко ющъ се боишь паса; Да? зарѣ су оны отѣ синопъ променули тьудѣ? — Та ено како дѣте, и слуга пролази поредѣ паса, пакѣ имѣ нешьеду ништа; Не знамѣ я ни закога, отвѣща онѣ, но знамѣ за мене. — Што ти е чловѣкѣ малогѣ духа, боисе па- са: боисе воде, боисе пустая; живи у само- му спраху као зецѣ. — Лагко Вамѣ е гово- рити, да самѣ и я было шoliko година вой- никѣ, као Вы, и я бы было свободни. Та ено Богѣ те видю, дѣте е отѣ тебе сво- бодне. — Хей а отѣ кога е родьено, рекне Аристѣдѣ, я нисамѣ вели у моему живому о- накову жену видю, као нѣгову матерѣ! Како? Тако! коня яши, какогодѣ наиболѣй юнакѣ, у оружию такошьерѣ искусни е, него многи отѣ мужкихѣ, а снагу пуста што има! — чудилисмосе ономадѣ сви, кадѣ е сѣла на коня, што е чинила: исправи юй се конѣ на спражнѣ ноге, и стане чисто управо. Све-

позарѣ їой притерчи, и хотяше коня исподѣ нѣ за узду ухватити. Не бойшесе велимаице! не бойте! онѣ се само игра подѣ Вами: а она се на шо насмея, пакѣ се сагну сѣ коня доле, и дѣше едномѣ рукомѣ ухвати за поясѣ, и дигне га горе на коня; по томѣ опешѣ га спусти на землю. Старый се насмеет „Сербкиня е оно мой брайко! рекне му, она, придода, да е швоя жена, могла быте и избиши. — Богѣ ме, я онаковой жени не бы самѣ ни смѣво мужѣ быти. Со тимѣ Господинѣ извади кесу, и хотяше сѣ новцы да захвали газди на дочеканю; но овый ни пошто не хотѣ прѣимити „Кадѣ е годѣ, вели ваша воля, и кадѣ годѣ Васѣ путь овамо нанесе, не было Вамѣ просшо, ако ми не дойдете. Мы Вамѣ усердно захваляемо, рекне Господинѣ, опростисе, и оду. Онѣ рекне, да му поздраву Братѣу, и каже нѣѣ, како се зову.

Солнце ветѣ по плавешности Неба у высочайшій степень дойде, и прамы зрацы своимѣ яко землю разгрѣе; обаче благопрѣятни опѣ мора, и Олѣмпа високе горе вѣшпритѣль часѣ на часѣ вѣяху, и теплошу ону, коя бы иначе несносима была, распворяху, на еданѣ путь чую нѣку лупу, и шумѣ водный. Но!

ОВ-

овдіе тѣе быти, рекне Старый, то мѣсто; мало по помѣ угледаю велику рѣку, гдѣ се преко зелени поля искривудала. Нѣговѣ путь бѣше спранце напредовати; обаче Господину се захте кѣ води се спустити, и поредѣ воде равницомѣ ити.

Спустивши се, кѣ води удивесе, кадѣ видше фабріке; силне спѣе бѣлу се около воде, и све се нове быти видяху, само еданѣ высокѣ домѣ сѣ малымѣ сполпомѣ кѣ шуми нешто удалѣнѣ отѣ камена устроенѣ, цернисе. Та ово е цѣла домовина рекне Арістідѣ, Заисто отѣвѣща Старый, но за чудо ми е, да я за то нисамѣ знао.

Кадѣ буду на два дужа нива близу, виду одну младу весма лѣпу дѣвойчицу, гдѣ стала у воду, и бацила керпу плашна, пакѣ се пригнула, и на свое бѣле ноге собира; она е нашемѣ Светозару найпре у очи пала, онѣ се бѣше тако у ню загледао, да ни на умѣ не узымаше, да Старый са Арістідомѣ гледа на нѣга, и смѣшисе. По свой прилици, рекне Арістідѣ: Светозаревѣ е конѣ жеданѣ, и ако се не варамѣ, онѣ бы га радѣ овдіе напоити. Е! да вели младитѣ, не глсдимѣ я то, него чекамѣ, хотѣ ли се оно дѣвойче исправити, да ю видимѣ, сли лѣпа, но она проклета крѣ плашна,

на, отегла се васъ дань у води. На овый иѣговъ простый, и искренный отговоръ, кои му отъ чистѣйше природе, и невинногъ сердца исходи, дадесе Старымъ на смѣхъ: „Деране шы! рекнему, а какову бы си корысть отшудъ имао, што бы си ю видю. Е мой Господине! замичу иѣгове очи за оне бѣле ножице. На то дѣвойче се исправи, и бащи взоръ свой на нихъ: ангелско иѣно лице, съ прекрасныма очима, и велики черни обрвмы, шихъ оный и простъ погледъ, исподъ долги иѣни преравица приводи и Старе у удивленіе, но сердце младитѣя у шрепетъ, „А о! оцацъ! да лѣпе дѣвице! у восхищенію радости рекне; Старый смѣшетьсь погледн на иѣга, и помысли, како природа вещь сама у иѣму дѣйствовати починѣ, како му се восхищителна она у сердцу радость на ружични иѣгови образы и свѣтлимъ очима изражава, и у каковомъ пріятному неспокойству видесе быти „Рано е іощъ за тебе дѣте мое! рекне му, да шы дѣвице гледишь: онъ се на то застыди, но и дѣвица равнымъ начинемъ взоръ свой на иѣга уставила бѣше. — Шта Господине! приложи Арістидъ, на мою душу и она иѣшто любко на иѣга гледи, мал' да се небы ово двое и до нощи іощъ познали,

На

На то се сирото дѣвѣйче зарумени, окрене главу, и стаде платно по шрави простырати. Ала Ошацѣ! шшеша што не напоисмо конѣ онде, гдѣ е се могло лѣпо ситѣи: А! а! Господине! чини ми се, да шъете Вы скоро и јошѣ едну снау досташи.

Дойду шако предѣ великѣй оный домѣ, сяшу конѣ сви четворыца, полѣ дне е было ветѣ добро превалило, изиде една дебела Госпожа на исходникѣ, сидѣсе доле, и лѣпо ихѣ поздрави. Одма имѣ даде ручакѣ справиши, и уведе ихѣ у собу; Ели овый домѣ упыта Старый, Кврѣ Платона, и Пелопиде? — На служби опговори Госпожа, ово е, и я самѣ Платонова супруга. — Кврѣ Лука Вашѣ, лепо е насѣ дочекао, рекне Старый, кодѣ нѣга смо нопѣась и нопѣили; онѣ е насѣ овамо и упутѣо; — Кврѣ Лука? Бога Вамѣ што ради, сл' здравѣ? Здравѣ е, и поздравѣо е све васѣ любезно; А гдѣ су намѣ Господари? Садѣ шъеду дойти, ту су у фабрики, послала самѣ по нѣи. Они се овако разговараю, Арѣстѣдѣ пойде на полѣ „Модимѣ Васѣ Госпоже, рекне, имате ли Вы овдѣе паса“ Има, да како! рекне Господинѣ; ено су наострили зубе, и тебе чекаю. Госпожа се насмее „Свезани су вели, не бойшесе ништа! — На то
дой-

дойду газде, поздравесе лѣбезно, и изиду прегледати фабрикѣ, и спасе. Каже имъ Старый, да не отовудѣ далеко, гдѣ шoliko година живи, и никако га прилика не навела, да ту дойде. Мы смо, рекну ови, скоро ово Добро и купили, и те смо спасе све сами правили, ништа вели ту не было кромѣ овогѣ дома.

По обѣду наслонисе мало старый Господинъ спавати; а Арістидѣ изиде съ газдами у фабрикѣ гледати, како се ту ради; Светозарѣ, као дѣше неспокоянѣ, на одному мѣсту стояши не могаше, онѣ овамо онамо проходаваютьнсе дойде кѣ потоку, сѣдне мало на брегѣ, и гледи, како се рыбыце по води играю; онѣ зажели кою ухватити, свуче горню халину, засуче свое златомѣ извезене рукаве отѣ кошулье, и тако стане по води и благу, а не види, да га двѣ дѣвице управѣ наспрамѣ нѣга преко воде сѣдѣти, гледу. Оне су се насмѣяле, кадѣ су видиле, гдѣ онѣ свое руке, кое су му бѣле као снѣгѣ, умерля у благу. Онѣ се загледи у нѣи, види ихѣ, гдѣ нѣке кошаричице плешу. Но нѣгово око искаше ту видити Белярицу, обаче ова ту не бѣше. „Ходите кѣ намѣ Господине! рекнуму ове; Онѣ се окрене напругѣ,

да га Арїстїдѣ откудѣ не гледи, кои му много за дѣвойке пркосаше; а отѣ Старогѣ нїе се толнко ни бояо, и знао е, да е Старый легао спавати: А како тѣу вамѣ — прейти? окренувшисе имѣ упыта ихѣ. Стойте ту мало, садѣ тѣемо мы тамо дойти, рекнуму, и нестане ихѣ. Младитѣ лѣпо опере руке, и обуче халину, пакѣ изгледа на нѣи, откуда чѣеду дойти. Кадѣ ал' чуе, гдѣ нѣко лагано звиждне, окренесе и види нѣи обадве предѣ вертомѣ, гдѣ рукомѣ на нѣга машу, тамо да имѣ иде. Онѣ поїде лагано, по томѣ обазресе, да га кто не види, пакѣ на еданѣ пуштѣ утерчи у вертѣ.

Онѣ му доїду подѣ руку, една сѣ едне стране, а друга сѣ друге, и поведу га подѣ еданѣ великин Орахѣ, на едно отѣ праве канапе. Ту сѣдану сѣ нимѣ, и почну се разговарати: „Пыпаюга, откуда е, чїй е сынѣ, хошѣду ли шу кодѣ нѣи пренотѣити, и проч. На кое онѣ нїма отговараюшїи мѣри очима и едну, и другу, една бѣше ветѣ у добри година, и поружна; но друга младѣ и лѣпа; обаче нїе као белярица, хотя да е господски обучена. Онѣ у бесѣди искусн, да е старїя сестра весма разумна, и добра сердца; дѣвица при себи, и при чистыхѣ мыслей; младѣу пакѣ

пакъ по иѣчемъ позна, да е мало горда, и подмиглива; а притомъ у любви гори, и чисто смущена. Старіой бѣше име Агра; а младьой Агапіа, обадвесу быле дщери Платонове. Щю насъ шако замышлено гледите, рекне Агра, нешьете ли насъ куповати: Мыслимъ шо, отвѣща младить, кадъ бы Агапіа „ како е лѣпа, имала Ваше сердце, и Вашу наравь! — Едал' се мое сердце Вамъ болѣ допада отъ иѣна? запыта Агра. Младить. Те много, но я опешъ радо имамъ Агапію, гдѣ е овако лѣпа; обаче шю самъ данасъ едно дѣвойче лѣпо ту доле видію, оно се управъ лѣпо може рещи! — На ову рѣчь презнесе Агапіа, погледи на иѣга, и чисто се промѣни у образу.

Агапіа. А гдѣ сте ю видели? Какова е шо Фігура?

Младить. Ту доле на попоку, прала е плашно.

Агапіа. Хи! хи! хи! — Оно е Вамъ лѣпо? Та нейма ни честите халине на себи. А! како нашъ младый Господинъ лѣпъ вкусъ има.

Агра. Пстѣ! (помркне на ню, да ю не хули).

Младить. Но! наша бесѣда ніе о халинама, но о лѣпоши лица.

Ага-

Агалія. Кадѣ сте доспѣли съ нѣомѣ се разговарати; естел' и ню искусили, да не има добра сердца? —

Младитъ. Я съ нѣомѣ нисамъ говорю, само самъ ю видю; я самъ съ нѣомѣ желю говорити, но нисамъ могао; и я нисамъ казао, да Вы не имате добра сердца; но да се мени сердце ове Господичне болѣ допада.

Агра. А елѣ она Васѣ видила Господине?

Младитъ. Само е еданѣ тихій, но и любовный на мене бацyla погледѣ.

Агалія. (съ негодованіемѣ дигне очи на нѣга, пакѣ на сестру) А! а! то е она мирна! оно ягнѣ беззлобно, и невинно.

Младитъ. Познаете Вы ню?

Агалія. Познаемѣ, да е една' Сирота.

Младитъ. О шкода' за ню! — Вы сте лѣпи Господичне; но она ми се ющѣ лѣпша види. (Узме юй руку, и милуе) Ала имате лѣпе руке, како су бѣле и мекане!

Агра. А има ли она такове руке?

Младитъ. Нисамъ юй руке видю, но ноге су юй бѣле као снѣгѣ.

Агалія. Хи! хи! хи! Какосте юй врагу ноге видити могли?

Мла-

Младить. Видіюсамъ кадъ е боса изъ воде съ глашномъ изышла; такосу їой се ноге бѣдиле као снѣгъ.

Агаліа. Да, да! бѣле су їой ноге, но испуцане пете.

Младить. Може быти, то нисамъ видію; кадъ сирота боса ходи, и не носи свилене чарапе, као Вы, ала су Вамъ врупье руке Господична! Вы дерктьете! Вы се нешто бонте мене. Агра се осмѣне на то, а Агаліа порумени, и узме руку изъ нѣгову. Но! сердитесе што? Я Васъ милуемъ.

Агаліа. Видимъ! мене милуете, но преданномъ другу хвалише. — Младить ю внимашелно гледи, и сваку їой черпицу на лицу чипа. — Ова завиди, рекне у себи, но ништа, мое їой сердце толико не замѣрава, млада е.

Господична! право ми кажите, имате ли Вы мене радо?

Агаліа. Као нашегъ госта зашто не! Агра устане, и оде съ кошарицомъ подъ едну крушку, и почне крушке брати.

Младить. Но! лепа моя, садъ смо сами, кажите ми, имате ли Вы мене радо? — Новый вопросъ она повлачетъ очи на нѣга, любко га погледи, и тихо се насмее, списне му

му руку, и ништа не рекне. На кое Онъ „Но!
я самъ со тимъ задоволянъ, я Васъ любимъ,
я Васъ милуемъ, полюбивши ю; ово е јошъ
ветій знакъ, него списненіе Ваше руки мо-
јой. Она се сва зарумени, и пусписе у слад-
ко унынїе, сердце е нѣно ветьма ударати
почело, и ню ветьма узнепокоявало. Она хо-
пляше нѣму нешто ретњи; овый чуе, гдѣ спа-
рїя крушке пресе, скочи на ноге, остави ню,
као да нїе сѣ нїомъ ништа ниговорю, и
оде тамо. Агапїи ово тежко буде, гдѣ ю
младить тако немарливо остави: потъупивъ
мало, и изъ едне мысли на другу, найдесе
најпосле увредьена быти; разсердисе, стави
себи у главу, да му више ништа не говори;
обаче ово бы неспашному Амору срамота бы-
ла, кадъ онъ небы по обычаю своему роллу
овдїе изиграти умео. Она погледаше, хотъе
ли јой се опетъ младить вратити; но овый
узме кошарчицу крушака, кою му Агра даде,
и понесе опцу кадъ устане, да га послужи,
знаютъи, како е онъ после сна сѣ лѣпымъ
вопьемъ радъ уста своя оквасити. Онъ и-
дѣше преко верта тако, као, да за Агапїю и
забравїо бѣше: ово нїой јошъ тежше падне.
Она гледи на нѣга, и садъ јой рѣчь на уста
дойде, да му што рекне, садъ опетъ уснитъ-
се,

се, нешьу му вели говорити ништа! некъ иде; садъ се каеше, што му се полюбиши да ла; садъ жаяше, што она нѣга полюбила не.

Младићъ о тому ништа и не мысляше, иде преко верша. Агра му јошъ цвѣтъа избере, и прашига къ врапма отъ верша, хотяше и далъ за нимъ иши, но увиди Сшарогъ, кой вещь устао баше, гдѣ се дагано по зеленой рудини создаи руке держетьи предъ вершомъ шета, и опздолъ отъ фабрикахъ Арістидъ и газде къ нѣму идяху. — Идкше Вы любезный, рекне му Агра, я нешьу садъ излазити; Добро! отговори младить, а Вы идите Господични Агапн, и я тьу садъ къ Вамъ дойти. Со тимъ изыде и осмѣваютье се на Отца, — Опадъ! да видите, шта я Вамъ носимъ! — А шко ши е шо дао, запыта Старый, да ниси ты самъ у вершъ ншао: Нисамъ, отвѣща младить, но дале ми Господичне; една ми е сама и набрала, — о! да видите какосу добре, има ньи двѣе. — Каковесу шо Господичне? бираютьи крушке пыта Старый. Обадвесу дщери овогъ Господина, — старѣга газде. — Та гдѣ сте Вы Светозаре, рекне приближаваютье се Арістидъ: я Васъ тражимъ и изгледамъ, а Васъ не има: Онъ му похиши съ крушками и со тимъ

хо.

хотяше га предварити, да га не испытуе, гаѢ е быо. — Но, Господине! рекне газда, есте ли могли добро почивати? — Како валя! отговорѣ ГосподинѢ. СветозарѢ видетьи нѣи шу заедно, гаѢ се почну нудити крушками, остави ихѢ и похити у вертѢ; но Старый му рекне, дасе не задержава, него скоро дойде, изипишьемо вели кудѢ на кони. СадѢ самъ шо испс и самъ мыслю, придога газда, да се кудѢ пройдемо, да болѢ вечераши можемо.

МладичѢ ходяющи спазицомѢ у верну зауставляшесе кадшто, и сгледающи вертѢ овый, избира цвѢтъе. Агра стояше предѢ сеспромѢ млашьомѢ и нешто юй говораше; кадѢ СветозарѢ ближе имѢ дойде, онѢ чу, гаѢ нешто Агра рече юй, Но! но! немой лудовати! — СветозарѢ приступи имѢ еѢ китомѢ цвѢтъа у руцы, поклони имѢ се, любкосе на нѣи осмеявающи; понуди ихѢ еѢ цвѢтъемѢ и будущи да чистота сердца нѢговогѢ нѢму се претвараши не допушчала; онѢ у мѢсто што бы Агапѣи поне изѢ полѣшке дайпре цвѢтъѢ дао, шо онѢ пружи Агри. Агапѣа и шо прѣими кѢ сердцу, и не хотяше потомѢ цвѢтъѢ изѢ руке нѢгове приимши, но ющѢ му мало сердично нешто от-

го-

говори, пакъ устане, окрене главу отъ нѣга и поиде на страну! — Светозаръ съ удивленіемъ погледи на старію, Господична! та она се нешто серди! да ю нисамъ у чему увредію? — Е! да! рекне Агра, она се само шали. Светозаръ поиде за ніомъ „Господична! та немойте ме задержавати, хитно ми е; морамъ ити, а радсамъ съ Вама мало бесѣдити. Но она то и не слуша. — Молимъ Васъ, кажите ми, ако самъ ю у чему увредію? Агра се смѣши на нѣга „Мало їой е противно было, што сте ю пріе мало саму оспавили, кадъ она съ Вами найветше задовољство находила; а сада штосте мени цвѣтъ дали пріе, пакъ сте онда ню понудили. — О! нисамъ я у тому нища погрѣшию: опишаосамъ зато отъ нѣ, да отцу они лѣпы крушака отнесемъ, ербо онъ отъ свега радо еде вотше, кадъ изасна устане, а што самъ Вамъ дао найпре цвѣтъ, то самъ изъ два узрока учиню, едно штосте и Вы мени цвѣтъа были дали, а друго Высте старія Сестра. — Не любезный мой! рекне Агра, я Васъ молимъ, Вы нѣой учините само по воли; зашто е она їошь млада, не зна разсудити; Вы мене увредити не можете, но ню лагко, а шо не быва опшуда, што бы она пакостна

сера-

сердца была, но што Васъ люби; пакъ їой се чини, да їой у равной мѣри любовь не возмѣравате.

Светозаръ. Айдете молимъ Васъ, да ю молимо! Богъ нека ми суди, а косамъ я быо у намѣренїю ню увредити, увѣрите ю о моей искренности, я нѣну наравъ їошь не познаемъ, кажите їой, да я ню искреннѣйше любимъ и молити ю, да се не серди на мене. — Я то све вѣруемъ Господине, я доклесамъ съ Вами при рѣчи проговорила, позналасамъ Вашъ характеръ, искусиласамъ Ваше сердце. Вы имате нѣко особито воспитанїе, Выте поредъ Ваше науке просподушанъ и сердца любезна; но Вы као младъ їошь нисте ни могли сообращенїе съ дѣвцами, и женскимъ поломъ имати, слѣдователно и оно художество знати се съ нашимъ поломъ обходить, Вы не имате: Чудна смо. ми любезный мой! Существа; у насъ слабому полу нїе сердце као у Васъ: мы кадъ любимо кога, преко сваке мѣре любимо и строю захѣavamo, да и насъ таковой люби: изступи ли онъ отъ свое стране наименше што, откудасе може хладность сердца, буди колико трунакъ была, познати, то се женско гдѣ кое како годъ фурїа разсердити може. Но Выте е-

D d

данъ

данъ младить у первому своему цвѣту, съ Вашимъ безпорочнымъ сердцемъ, коимъ чистѣйша она природа ющъ управля, како годъ и съ нѣнимъ; нити Вы право о любви понятіе имате, нити она имати може; нити е совѣтно у овусе, може быти, у цѣлому естеству силиѣйшу страсть тако рано упушташи. Со тимъ дойду къ нѣой: моле ю, говоре юй. А я! на то Арістидъ повыче младитьа, да иду у шетню, онъ се нима поклони и оде. — Е зашто си такова молимъ те? рекне юй Агра, какво ти е то пасіе сердце! да се на онакове любезне речи, на онолику просьбу не намолить, лѣпо ти е! — Имени си честь и као старіой сестри почитаніе со тимъ показала, да те намолити нисамъ могла. Чекай! потребоватьеш ты мене! — Валь даси чекала, да предъ тебе онъ клекне, ели! — Есть! дочекашьеш ты шо. — Ова ти се намъ на то разсерди, устане, и Чуєте ли Агро! немойшесе Вы само у наше дѣло мѣшати, пакъ ако онъ предамною не усклечи, обадва ока моя дамъ извадити; та готовъ е быо и сада клекнути, но онай га отзва. О! моя драга! Онъ мени ошъ сада више не треба, я за нѣга не маримъ, но не могу, да шердимъ, гдѣ ме на очи гледъ пре-

зи-

дирѣ, а овамо ме вара, да ме люби; а за што дакле мою служкиню, изъ кое руку не бы ора ела, предамноѣ хвали! до врага! мени шаковѣ делікапанѣ дѣчко и не треба! шокмо хотѣу да изиграмѣ съ нимѣ комедію, само да клекне предамноѣ, пакѣ даму онда наперкосимѣ, и Вамѣ перстомѣ покажемѣ „Видите! младогѣ філософа, и фісіолога, кой и сердца изъ первого вида познае, како клечи сада! — Агапіе! рекне Агра, дакле ти е и што противно, што е мене похваліо? — Онѣ е сестро! правду рекао, како се я не сердимѣ, што е мене ружніомѣ назвао? и есамѣ ружнія, но зато ништа! я се шѣшимѣ со тимѣ, што лѣпу быти, то е отѣ Бога, а добру быти отѣ мене. Шта ли имашъ противѣ оногѣ кукавногѣ дѣвойчета, како ли е она двоя служкиня? Не бы іой могла ести ора изъ руку! — какове су те речи, та то е грехоша! шта ли ти е сирота учинила? ты кажешъ, да іой ора изъ руку не бы ела, а я кажемѣ, да она не само тебе, но може быти и у цѣлому царству нашемѣ све дѣвице лѣпотомѣ своіомѣ превосходи, та она свакій посао ради пакѣ іой погледай руке, какове су іой, бѣлѣ него швое, и мекше него швое, коя слабо кадѣ рукавице и скидашь съ руку! пѣу-

Д д а

ти

ти, молимъ те, немойсе срамотити; жао ми е, што си ми сестра! — со тимъ изиде, а младѣа остане.

Солнце вѣшь кѣ западу приближаваше, гдѣ гдѣ јоушь высоке холмитѣе понкимъ своимъ свѣтомъ озаряваше, прохладителный вечеръ и тиха нощь наспаяше: Посленицы оставе дѣло свое, посѣдаю и полежу по справи зеленой, отмараютьсѣ тако, шалусе и смею, и чекаю вечеру.

Слуге шокмо и служкинѣ садѣ се у послу налазаху; едни сполѣ поставляю за Господу у великой сали, другѣи доле предѣ дворомъ за посленике заспыраху по справи, едни терче у пивницу и вуку вѣно у велики канта, другѣи носе ело, и редомъ посленике посадьую. Ови су за полѣ часа намирени были. Домашњица, и обе дщери пошто дѣло соверше и младѣе свое уреде, обукусе лѣпо у чисто бѣле халине и изиду мало предѣ Господаре и госте. Шешаютьсѣ лагано у разговору сретну Θεодору (красну ону бѣярицу) метула сирота на обраницу савѣенѣ платно, и хити дома: Шпа си радила до сада, пыта ю стара Госпожа „Послѣдний пушѣ рекне она, кадѣ самѣ платно изапрапа, солнце е вѣшь разслабило было, нѣе ми се о-
су-

фушити могло. Добро! добро! аѣте мое, рекне Сшара, иди дома и обуцысе, имамо госте, пакѣ настой надѣ младьима, служипьещѣ при столу, садѣ пьемо и мы дойши. На шо Агапіа: Да! шо іой іощѣ треба, да се обуче и накиши, валь да су ю просити дошли. Ты кушѣ! — Злошѣ, рекне маши, я ню не двоимѣ отѣ тебе, знашѣ! шы валь да о проситби и удашби мыслишѣ, ова се разсерди, но не смѣде рѣчь едну проговорити. — Е шо ти имѣ и Господе на коньи. Кудсте се вы тако подигле? рекне Платонѣ, Изишле смо мало предѣ Васѣ отвѣща сшара Госпожа. Ако вы нисте намѣ преправили вечеру, приложи газда, за таковый вели комплѣментѣ нешьемо вамѣ захвалити. — Не спарайшесе ништа, све е готово! Вечера Васѣ чека преправна и вѣно охладьено, овако у разговору дойду дома, Агапіа садѣ мысляше, штошѣ и какошѣ разговорѣ са Светозаромѣ почети, хошѣ ли мусе іощѣ сердита показати, или шѣе и отѣ свое стране отпустити и любовно сѣ нимѣ почети. Теодора іой е кость у герлу была.

Светозарѣ како скочи сѣ коня, таки приступи Агапіи „Господична! ухвативши ю за руку, сердителнсе іощѣ на мене? — Она по-

погледи на нѣга “ Пакъ што Вы марите , ако бы самъ се и сердила ! — А ! немойте то говориши ! мени то шежо пада , дасе Вы отъ мене увреждени признаете : я Васѣ молимъ , опростите ми ; я Вамъ искренно исповѣдамъ , да Васѣ любимъ и чувствуемъ .

Агалиа. Вѣруемъ , кадъ бы Вамъ то и на сердцу стояло , што езыкомъ изговараше .

Светозаръ. Дакле Вы мене за притворна держите ?

Агалиа. Изъ самога Вашега дѣйствія друго мыслити и не могу .

Платонъ. Господине ! Ова се наша дѣца вестъ познала .

Старый. Као млади , добро чине .

Платонъ. Ющъ можемо мы и прѣтели постати .

Любомиръ. Пакъ зашто не , Ваше су обе ове кшъери ?

Платонъ. Мое , на служби , обе .

Любомиръ. Да ихъ Богъ поживи и да сретъне буду . — Со тимъ сиду съ коня . Агра приступи Господину старомъ и полюби му руку ; на то и Агалиа закрасисе у лицу и спыдливо преjde му къ руци : Старый ю Господинъ ухвати за руку , Богъ ми те жнею душо ! — можешъ ми ющъ снаа быти ! —

Све-

зару; яшбу мало после дойти. Светозаръ узме Агру подъ руку, и уиде. Старыи су вещь и вечераши почели. Светозара понуду горе до отца и домашьина, но онъ не хте: сѣдне до старе Госпоже и Агре, Мало за тимъ дойде и Агапіа, и сѣдне до свогъ Отца: спрамъ младитѣа. Гдѣ е Θεодора? Запыта Стара, што не долази? — Има она мамиде посла на полю, отговори Агра, Мало за тимъ Стара изыде, да и младыма вечераши нареди. Кадѣ ал' Θεодору застане плачевну. Што е теби? вnezапу запыта ю. Она хитро хотяшесе претворити, као да нѣе плакала; обаче не може. Што е теби? повтори Госпожа, што ти се догодило? Она се стана изговарати со тимъ; да їой се нешто за родителн разжалило, и за то плаче; Госпожа со овимъ отвѣтомъ не буде доволна, окупн служкиње „Тави да кажете, шта їой се спало! На кое стара една служкиня каже, да ю е Господична Агапіа псовала, и ружила, и заповѣдила, да ни пошто не дерзне у салу ити. — Обукласисе, вели їой, бестію, и нажитила, да се ономъ младомъ Господину допаднешь, за коимъ си юпрось гледала: и прочая, што я тамо знамъ, што їой изговори: А гдѣ е она была сѣ младымъ Госпо-

ди-

диномъ? пита Госпожа. А знамъ я? Вы знаете, да су дѣвице саданѣ живи врази. Стара сердита, дуне и оде. Она зовне Агапію, испыта ю, што е имала съ Θεодоромъ; и кадѣ види, да е една токмо зависть, испсуете ю, и запрети, да ю више за животѣ дирати не смѣ; пакѣ онда зовне Θεодору у едну собу и пита ю по реду, што су между собомѣ имале; но Θεодора добра сердца будущи, у израженію своему вѣщю частѣ кривице на себе прѣими, само да мирѣ буде: она е, велише у себи, дщи те дщи, буди каква была; а я самъ сирота, коя овде за кору хлѣба служимѣ. Стара Госпожа заключи у себи, ово дѣвойче послати Луки — деверу своему — видѣти, да се младѣ дщи нѣна никако съ нѣомѣ сложити не може.

То вече Светозарѣ Θεодору видити нѣ могао: Агапіа признающѣ, да е Θεодора лѣпша отѣ нѣ, и видѣти овогѣ младитѣ, да е простодушанѣ, и добраго сердца, при томѣ разуманѣ, нещѣ гледати онѣ, рекне у себи, на одѣло, и што е она сирота, приволитѣ їой се, и со тимѣ вели мене щѣ презрѣти; зато пошлѣ ю у другій домѣ поредѣ фабрике, гдѣ су челядѣ вуну чешляли. По вечери старый Господинѣ съ Платономѣ

пра-

продолжи време у разговору при чаши вина. Светозару се задрема, и Госпожа му намѣспя спаваати; всуе Агапіа, да изиде, изгледаше.

Сутра дань Любимирѣ устане порано, обучесе, и изиде кѣ фабрикама: скинуо капу, шетасе поредѣ потока, и прохлаждавајушье се свѣжимѣ воздухомѣ гледи, како се ту ради: на еданѣ пупѣ ешо ти му Светозара свѣ Арістідомѣ: Но Арістиде! рекне Старый, хопъемо ли мы данасѣ дома? — Ваша воля, отговори овый. Заповѣди инди слуги, да оправил конье. Они овако ту разговарајушье се смошри Светозарѣ едну дѣвицу, гдѣ свѣ велике двѣ канте воде уиде у вершѣ; нѣму се учини, да е шо Агапіа; поиде тамо, да ю свѣ добро юпро позрави, но кадѣ уиде, у мѣсто Агапіе, застане ту бѣлярницу — Теодору — она се сагнула бѣше цвѣшье поливати. Младитѣ шако лагано приступи кѣ нвоѣ; да га она ни осѣшила нѣе; на еданѣ ма шергнесе, исправи; погледи ма нѣга и сва се згрумени: онѣ се на ню любко осмѣне, и ухвати ю за руку „И Вы спѣ одавдѣе? рекне юѣ. —

Теодора. Не знамѣ ни сама чесшишо, ошвудасамѣ! узданувши отговори му.

Све-

Светозаръ. Но овдѣ пребывате?

Θеодора. Юштѣ за кои дань!

Свет: Како е Вамѣ име?

Θеод: Мене зову сада Θеодоромѣ, но я имамѣ друго име!

Свет: Вы сте ючерѣ платно бѣлили?

Θеод: Видили сте ме доле на потоку. Со шимѣ машисе и узбере му еданѣ лѣпѣ цвѣпѣ.

Свеш: Захваљуемѣ понизно! а сѣ чимѣ тпѣ я Васѣ служипи?

Θеод: Я отѣ Васѣ не пошребуемѣ ништа.

Свеш: Хмѣ! поне еданѣ полюбакѣ? —

Θеод: Превали на нѣга свое красне и велике очи, осмѣнесе и погледи кѣ земли: То быти не може, рекне му!

Свет: За што Серце мое?

Θеод: Зато, зашто самѣ я сирота, а Вы сте Господинѣ! Но имамо мы овдѣ двѣ Господичне; Господарове дщери, отѣ конхѣ младѣа весма лѣпа, зашедите полюбакѣ шай за ню. Нисте ю видили? —

Свеш: Я нисамѣ.

Θеод: О само да ю видите! прекрасна дѣвица!

Свет: А ел' добра сердца? понеже лѣпота безѣ добротѣ кодѣ мене не важи много.

Θеод:

Теод: О весма е добра, и добра сердца !
 Вы пьете ю искусни. Есть мало люта,
 обаче одма се и повраши; я се чудимъ, да
 Вы ню нисше видели, нбой е име Агапіа.
 Младить гледи на ню, млада као капля, бѣ-
 ла и румена, спаса господскогъ, на лицу нѣ-
 номъ прятнѣйша она благородне душе свой-
 ства живо се изображаваху, спыдъ сѣ бла-
 гообразіемъ као красный цвѣтъ сѣ мири-
 сомъ сву лѣпоту нѣну уважаваху: порази-
 телна любкостъ, и смиренный нѣнѣ погледъ
 приведоше Светозара и у восхищеніе и у со-
 жалѣніе; онѣ гледетьи ню, рекне у себи
 „Шкода! — Како е лѣпа сирота и добра, и
 при овы красны дары шудьу купьу служиши
 мора! — Естел' Вы родѣ овому Господару?
 Запыта ю.

Я нисамъ, ошговори она, обаче Госпожа
 мене, како годъ свое дѣте держи.

Свет: Пакѣ кадѣ Васѣ као свое держи,
 зашто Васѣ на такове послове гони?

Теод: То е ништа; свакій мора радиши,
 да какопьемъ живити, ако непьемъ радиши:
 мени молодой радня іощь больше на здравіе слу-
 жи; то рекши узме канте празне, да иде на
 воду: Светозарѣ поиде кѣ врашма у разгово-
 ру сѣ нѣномъ: да сами враши опешѣ ю зау-
 ста-

спави: Теодора! любезна моя Теодора! може быти, да се нешъемо више видити; я данась съ отцемъ моимъ оплазимъ, но Вы шолкосте глубоко у мое сердце ушли, да я Васъ нигда, докле самъ живъ, забравити не-тбу! — ово нѣколико рѣчи, кое самъ съ Вами проговорю, свагда шъеду ми у ушеси мои звониши: могу ли се я Васъ опоменути, да ме сердце мое, кое Васъ шолко люби, не заболи, што се Вы у шаковому худому спаню находите! Зашто ми поне не откриете, опкуда сте, и шко су Ваши родители были: како сте шу дошли, и може ли се Вамъ помощи: Я самъ шо щастіе опъ Неба имао, да самъ одной почти Вамъ подобной дѣвици помогао, и ню срьшну учиню, можно е, да бы се Оно и овдіе на мое благо желаніе смилovalo! — Сладкій Господине! заплакавшій-се рекне, я Вамъ у крашко мою повѣсть сказати не могу; но ако бы сте поне до полдне заосташи могли, пакъ да ми доле на по-токъ на оно исто мѣсто, гдѣ сте ме ю-черь видели, кадъ самъ плашно испирала, дой-дете; шу бы самъ Вамъ житіе мое изгово-риши могла: я самъ овако млада сила препер-пила, сила преко главе мое премешула, и текъ што се мало овдіе смиримъ, и при до-
брѣй

брой овой Госпожи до смерти остатни заключимъ, догоди ми се нѣшто синочь, чему се надала нисамъ: Предложеніе нѣко мое Госпоже, хошя о моему щастію она промышлява, примити не могу, да бы сама знала у воу скочити, или зажмурити и у свѣтѣ опити. — Кадъ е тако добра моя Теодоро! я данасъ оспаемъ; мене оцацъ мой люби, онъ мою просьбу нещье отбацати, я тѣу Вамъ дойти: но сладка моя (сѣ наводненымъ очима загерливши ю) пріими овай полюбакъ отъ мене! — ово е еданъ простодушный знакъ искренне мое и чисте къ теби любви, онъ нека буде святыи залогъ моего сердца. — Довольно Господине! довольносте ме увѣрили: О колко е мени то Ваше изреченіе Ты пріятнѣе, него кадъ ми рекнете Вы, любезна ша капля изъ Вашего ока мени друго мыслиши и не да, но да сте Вы еданъ благодушный младить, и да су мысли у Вашему благими чувствами занимающемусе сердцу чисте и святе! — О лако е, Любезный Господине, познайни младитѣя ружногъ намѣренія! а юшь лакше доброгъ, первый се притвара, а второгъ сама нѣгова блага наравь, каковъ е, издае! — Теодоро моя! — (она погледи на нѣга) любишь ли ме искренно? — Сладкій Господине! — Не
 Го-

Господіне, рекне онъ, но Ты; не потребуе Любезна моя, права истина любовь шипуле, и полішике; я самъ швой! ты си моя! — Ако е мое ружно намѣреніе съ шобомъ, Небо нека ми суди! чисто е мое сердце, чистая любовь, непорочна е моя кровь, цѣломудріе я любимъ! — Взираи ме као рождена брата швоега, я шъу тебе као мою Сестру взирали. На то она у восхищенію загерли га, и наново са сузамъ поліе „Ангеле Божій у смертному шѣлу, какво е сердце швое! — то рекши умолкну.

Агапіа, коя е у вертѣ пошла была, да раннога цвѣтѣа набере, и Светпозара при першому саштанку съ нимъ послужи; у истный ма была е дошла до предѣ врата верта, кадѣ су ово двое чрезѣ вертѣ кѣ вратми пошли были: она, докѣ е нѣи шу заедно видила, остала е као безѣ чувства; она се шу сакрые, и слушающыи нѣовѣ шоль нѣжный, шоль любезный разговорѣ, исполнисе гнѣва, падне у опчаянїе; десетѣ е кратѣ као фурїа успремиласе у вертѣ уиши, и сиропой Θεодори у косе полетиши, и десетѣ е кратѣ ню желанїе, шшопѣе їощѣ шу видиши, и чупи отѣ того задержало. Садѣ се разсерди на младїтѣа и швердо завѣща, ни пошто вишше на нѣ-

нѣга око свое дигнути; садѣ опетѣ помысли, да тѣе со тимѣ себи а не нѣму и соперници своіой шкодити! На послѣдокѣ видѣшь нѣи онако у сладкомѣ унынію загерлене гдѣ стою, не може терпиши, уперчи у вертѣ; Овыи презну и пустесе, а она управѣ, онако гнѣвомѣ разпалѣна, полети кѣ Θεодори; ова сирота страхомѣ тронута, и спыдомѣ поражена, отскочи мало на страну. Младий О! о! рекне, и со тимѣ ухвати Господичну за руку „Што Вамѣ е? Што се сердише? Θεодора е една блага душа, една честна и невинна дѣвица: Она Васѣ Господична нѣе со тимѣ ништа увредила, што самѣ я ню преко нѣне воле мало задержао, и загерліо, я ню любимѣ, као сестру мою, и почиуемѣ као честну едну дѣвицу, я о нѣой сожалуемѣ, што е сирота, и завѣщавамсе ню щастливу учинити: она е любве достойна, я се у шому не варамѣ, она помощь постребуе, и я іой по могуществу моему отрѣти нешьу. Но зато я и Васѣ Господична! и любимѣ и почиуемѣ, само ако — Ова пресѣче рѣчь, пуштайше ме Господине, испергнувши руку, не имаше са мноѣ ништа! — а ты шѣещѣ бесшѣо една познаши мене, тѣко самѣ я.

Свс-

Светозаръ. Агапіо! сладка моя Агапіо! —
Што е то отъ Васъ? можете се Вы сердити на онога, кои Васъ любит? —

Агалиа. Вы мене любите? —

Светозаръ. Богъ ми е у тому свидѣтель.

Агалиа. О Вы дводушный младитъ! Я бы сама была са свимъ безъ мозга, кадъ бы сама Вамъ више вѣровала! — Што споишь ту канайлю една, продересе на Θεодору. Ова клекне предъ ню, дигне руке „Сладка Господична простите ми! — Кушъ повыче она. Светозаръ се окрене, и види ону, гаѣ клечи. „А! то е ветъ много, рекне, Господична! што Вы чините. Онъ дигне Θεодору“ Таки да ми идешъ изпредъ очію ѳбайгоро една! рекне іой Агалиа: Она сирота узе канте и оде плачущи. Светозару шо као камень тежко на сердце пзде „Агапіо моя! зашто си такава? Ружно е видиши сердце мое! тако лѣпу дѣвицу, а — не хотяше изретьи. — Шта а? рекне она, хотѣо си ретьи: а злу и люшу, а тко се небы лютію, бездѣлниче еданъ, тако да ти рекнемъ, невѣро и лажо, есили се синотъ самномъ онако любовно, онако нѣжно разговарао, а садъ тражишь другу! ты си Господинъ! а! зараѣа ми Господина, хи! хи! хи! Залюбіо се у мою скужкнию;

Е е

на

на частъ ти отъ садъ и съ бѣлымъ лукомъ, я те више и требамъ. На ове рѣчи Светозаръ весма се налюпи, и она му се на еданъ пупъ у очима измѣни, она више не быше предъ нимъ лѣпа дѣвица, но учини му се шарена змѣя! овакове рѣчи, помысли у себи, нигда нишко мени у живошу изрекао не. Обаче онъ се опетъ мало поврати, и више за некушати ю, какова е, него што бы више марію за ню, окренесе нъой: Агапію! узавши ю за руку, я Вамъ пращамъ за шаково безчестіе, она га отпури отъ себе: Я теби нигда. Опетъ онъ „Агапію! Выште люпи! и я Васъ опетъ любимъ! — Она: Нисамъ я служкиня, да ме любите. О мой драгій! една е у цѣлому овдіе предѣлу нашемъ Агапіа, Платоновна дщи, ако тѣбеш да знашь! Младитъ потайно се на смѣне: Я молимъ! —

Агапіа. Но я не слушама. На то унде Агра: Но, шта вамъ е сада? Та вы се нешто инашите; іао! — то е ружно опъ васъ! Агапію! ша шы опетъ ючераню шьудъ твою перашь.

Светозаръ. Молимъ Васъ Господична! Пытайте ю, некъ Вамъ каже, ако зна, зашто се серди! —

Ага-

Агапіа. О ты! — іоць смѣшь говори-
ти? А съ кимъ самъ те заспала, а? Срамъ
те буди! юноша, іоць му нису ни наустни-
це удариле, пакъ люби — да бы — честше
дѣве, но служкиню! —

Агра. Пспѣ! — Дѣвойко! — Какове су по-
рѣчи, іао мѣни, имашъ ли ты памети. — На-
мигне на младишья, да се мало удали: Све-
тозарѣ іой да знакъ, да ю моли. Но ова то
смотри „Добро! добро! — О! нешье отъ
того ништа быти! ніе Агапіа луда.

Агра. Воиспинну сестро! ниси ни памет-
на! Кажи ми молимъ те, што си сада съ
нимъ имала? —

Агапіа. (крозь плачь) Како што самъ и-
мала! Естел' га видили синоць, како е около
мене ходію, а' садъ га запечемъ съ ономъ
дѣвойчуромъ Θεодоромъ, гдѣ се загерліо и люби!
Я господска дщи, а она една сирота, пакъ
воли ню него мене; на частъ му дакле.

Агра. Е пакъ можешъ ты силомъ сво-
іомъ учиниши, да онъ тебе одну люби, а на
све друге дѣвице мерзи? — Та онъ данасъ
и шако оплази! немой се Бога ти срамопи-
ти, ни лудовапи, онъ е гостѣ нашъ; онъ
е дѣше іоць; аки бы онъ управъ и знао, што
е то любовь; онъ све чини изъ простосер-

Е е я

дія,

дїя, онъ се претвараши не зна. Ты мыслишь, гдѣ ты шако за нимъ лудуешь, да и онъ за тобомъ луде; но ты се варашь у тому. Онъ ниши зна любити, ниши на кога мерзити.

Агаліа. Да! да! не зна; само дасте га мало пріе видили.

Агра. Не! не! — онъ е добаръ! онъ сироме тебе радо има, но ты си бѣсна: я хотѣу, да се ты съ нимъ помиришь; та лудо! іошь ти може мужъ быти! —

Агаліа. Я да се съ нимъ миримъ, онъ да мой мужъ буде! Боже сачувай! Веть ако не бы више людій на свѣту было, него онъ еданъ!

Агра. Е добро, онъ те и не моли, а и ты кажешь, да за нѣга не маришь, дакле миръ Божій! што се люшишь? —

Агаліа. Ахъ! Веть ако умремъ, те се оной Бестіи не освѣшимъ!

Агра. Нешье ти ни она долго досадити, не бойсе! ово дана и она сирота оплази. Но помирисе ты съ овимъ Младитьемъ! — Хотьешь, да га зовнемъ?

Агаліа. Што Вамъ драго! я га молиши нешью!

Агра. Мане рукомъ и младитъ дойде, Но Господине! ево моя сестра хотье, да се съ Вами помири; айде полюбитесе преданномъ,

као

као синошь. Младипь ю ухвати за руку, и любко се на ню осмѣне „Добра моя Агапіо, Вы стеѣ отѣ свега чувствителна сердца.

Агалиа. А! а! чуешь га, ово е онай, што не зна політику! синошь Ты, а садѣ Вы! —

Светозарѣ. Е дакле Ты, я се заборавимѣ, прости ми. — Она окрене главу и шьуши.

Агалио, та погледай на мене!

Агалиа. Не пребашь ми.

Светозарѣ. Ал' я молимѣ!

Агалиа. Всуе ме молишь, ено пи мое служкинѣ!

Светозарѣ. (Гледи на ню и попъути, по помѣ Агри) Жао ми е, да е овакѣ лѣпа, а люпа, она мысли, да бы я ню манѣ со пимѣ любіо, што самѣ ону сиропу затерлю быо. Агапіо! я пи истину исповѣдамѣ, да те и садѣ іошь онакѣ исто любимѣ, безѣ наименше промѣне, хопя да си ме назвала лажомѣ, и свакоякимѣ именемѣ, и ако не вѣруешь, я пьбу теби любовь мою пламенишма рѣчма сво предѣ пвоіомѣ сестромѣ завѣщати, само попусти и шы мало отѣ твое стране. Я знамѣ, да е то иста пвоя упорность, и твоему сердцу пропивна: мени е жао, што данась морамѣ ипи, и да пи више не смѣмѣ дойти, ако се сада са мноу не помиришь; я
самѣ

самъ мыслю сваке недѣлье чesпѣ имати Васѣ
овдѣе посѣпиши, но садѣ видимѣ, да ми то
конечно опричете; мени е жао, но не вѣруемѣ,
да и теби нешье быши.

Агра. Хотьесе она Господине сѣ Вами
помириши, хотье, само Вы увѣрише ню, да ю
любите.

Светозарѣ. Та я ю молимѣ, сами видите,
но она нешье ни главе на мене да орене.

Агалиа. Молимѣ! тако се моли? На те се
рѣчи могу я поуздати, ты непостояный, и
еданѣ легкѣ → хотьше изретьи, но сестра ю
ухвати рукомѣ за уста. Пстѣ, немой быши
луда!

Светозарѣ. Пустите ю молимѣ Васѣ, пу-
стите, некѣ се изговори, да юй лакше бу-
де, я се на ню разсердити не могу, мой ю ра-
зумѣ може осудити, и отѣ моего сердца у-
далиши, а сердце ю мое сваки пушѣ изви-
нюе. Кадѣ сте мыслили тако са мноѣ по-
ступати, не басте ми се онако благосклон-
ный ни показывати. — И како желишь сера-
це мое да те молимѣ; да клекнемѣ предѣ по-
бомѣ? — То быши нешье, ниши може бы-
ши — Она шьути — Агалио!

Агалиа. Но! што хотьешѣ? —

Свс-

Светозаръ. Ништа друго, но еданъ любезный погледъ. Она окрене главу, и шури му руку, нигда вели по више быти нешье!

Светозаръ. Нигда?

Агалиа. Нигда во вѣки?

Светозаръ (погледи на ню и пошъути:)

Съ Богомъ докле любезна моя! я Вамъ нешьу досадываши, съ Богомъ! я Вамъ желимъ добру сретъу, и болю память. Моя е совѣсть чиста, я самъ Васъ више молю, него што бы требовало, я нисамъ Васъ ни у чему ни увредю, кромъ што самъ се оной сироти благосклонъ мало показао, и по више изъ сожалѣнїя што е сирота, а онако лѣпа, него што бы се я у ню залюбю. Захваляемъ ти Агалию! што си ми лѣпо правило дала, кое ми може на ползу слъжити. Господична Агро! немойте ми Вы што замѣрити, и молимъ между намъ ова мала Епоха нек' остане. Со шимъ пойде, но Агра га ухвати за руку „Я Васъ молимъ Господине! немойте юй замѣрити, простите юй, по любовь свечини. — Боже сохрани, да шъу юй я замѣрити, рекне младить, и дашъу я гдѣгодъ за нѣомъ рѣчь одну злу рѣщи: него по едно жао ми е Васъ, и нигда Васъ заборавити нешьу; но воиспинну ни оне иѣне рѣчи, кое

ми

ми е мало прѣ изговорила! Кадъ умремъ, ондашьу ихъ забораваши! при свему шому моею сердце зато никакова зла пожелаша не-тъе, съ Богомъ! Добро самъ я казао, да е она пакостна сердца, говорешъи у себи, и-зиде изъ верта, а она оспаде у вершу съ Агромъ.

Агра. Е! понизитисе! Клекну предъ то-бомъ, нашласи, шкопъе предъ женскимъ кле-чати! Мъя драга! то пы отъ Сербина и не захтевай, нису онин женкари; лудо е пвое захтеванъ было, со тимъ остави ю и изиде. Старый Господинъ быо е се са свимъ спре-мю, да иде, но домашинъ нилошто га пу-стити прежде обѣда нѣ хотѣо. Светозаръ весео смѣесе и шали съ Арістидомъ безъ сваке у себи промѣне, као да ништа нѣ ни было; Онъ о Агапицъ више и не мысляше, но о Θεодори, онъ се опомѣне, шта јой е завѣщао; сѣдне на коня и управъ поиде къ нъой. Найде ю съ едномъ старомъ женомъ, гдѣ кодъ плацна поредъ воде сѣди, и не-што везе. Онъ хотяше ню мало на спрану узети, и о нѣномъ се житию извѣстити: но она рекне му, Не бойтесе Господине ви-щца, ова е старица мени како голъ маши, а предъ нѣомъ смѣмъ свашто говорити. Сѣ-не

не инди младишь кодъ нѣи подѣ еданѣ малый ошѣ плашна на солнцу распетѣ шаторишь: текѣ што онѣ нѣой почне проповѣдати, како е сѣ Агапѣомѣ прошао, и како га е безчестила, како е оцѣ опетѣ ню молѣю, но всеу, и како е се на ню разсердѣю; алѣ сто ши имѣ спарца едного на колн, и сѣ нимѣ едно просто дѣвойче управѣ хѣ нима. Ово е быо слуга, коѣ е дѣшао, да Феодору носи Луки, а оно дѣвойче шу кодѣ плашна оспави. Сирота Феодора докле е видѣла свое халинице на колн, одма е се сѣшила, што е! Полѣ свое красне образе сузамѣ, и каже, куда ю шилѣ: Сицѣшь ми е вели сама Госпожа казала, да шѣе ме тамо послати, но нисамѣ се надала, да шѣе шо данасѣ юцѣ быти.

Каже спарацѣ, да е шо Агапѣа кодѣ родителѣй инословала, и да небы шо мани ни учинила, но спрыцѣ Пелопида, коѣ е Агапѣю ошѣ свѣга радо имао. Садѣ разсудите Господине! рекне Феодора младишьу насамѣ, што су овѣи люди наумили самномѣ! Но што му драго! я знамѣ, што шѣу чинили; жао ми е само шо, што не имамѣ часа сѣ Вами се разговорити!

Со тимѣ изиде, и спане се облацѣши, и халине свое на колн прегледаши. Светозарѣ

очи-

очима любопытствоваше, и даде баби разумѣти, да е радѣ съ нѣомѣ говорити. Стара то примѣти, и одма оно дѣвойче пошлѣ у пошокѣ плашно испирати, а старацѣ будущи пускѣо бѣше два вола, на конма е дошао, да пасу, оде и онѣ. Стара сада украско приповѣди младитѣу, да е Феодора изѣ нѣкоегѣ дѣвическогѣ монашпыра, у коѣму е као на искушению была, любѣгла: и Богѣ бы ю вели знао, куда е была нѣкоемѣ своемѣ рѣду пошла, случайно оудашѣе, приложи старлица, пролѣтось ударити, наша ю Госпожа омилуе, и прѣими ю, да ю держи као свое, и была бы срешна сиромѣ, но она младѣа дѣщи завиди їой, и никако не може, да ю шерпи, гдѣ е она лѣпша, и гдѣ свакомѣ, когодѣ дойде онѣ Господе, око за ню замече. Зато, настави баба, сада ю шилю Господара нашегѣ брашу, нѣкоему Луки, кой не шако далеко одавде има Добра' своя, пошпенѣ е человекѣ и добарѣ, но вѣшь временитѣ, нѣ вѣна прилика. Знамѣ га добро, рекне Светозарѣ, я самѣ съ опцемѣ моимѣ одну ношь ношѣю кодѣ нѣга; онѣ е насѣ овамо и упустѣо: но што намѣбраваю, да ю за нѣга удаду? — Они то хошѣду, опговори баба; обаче — она кукавичица шако млада непонѣшо волю не има,

има, да за мужа, ком іой готово дѣдѣ быти може, поиде. А друго некѣ бы вели и по было, но има машью злу жену и люпу преко мѣре! Я самъ іой синоць, тѣшетьи ю, тай совѣтъ дала; да иде, пакѣ ако никако обстати не може, некѣ дойде къ мени, я тѣю ю опнети у нашѣ градѣ, гдѣ имамѣ моихѣ познатыхѣ людій, знамѣ, да тѣе ю свакій радо и весело прїимити. — На то дойде имѣ Теодора. Дакде я се съ тобомѣ любезна моя! и не разговорихѣ, рекне іой Светозарѣ, ты идешѣ, кадѣ тѣемо се опетѣ видиши. А тко зна Господине! — бришутѣи сузе опговори — но я у мени предчувствуемѣ, да я тамо рсшати нешѣу. Майко моя сладка! машившисе руди, рекне Спарици, немойте заборавити на мене, и ако и како будете могли, закажитесе ово дана дойши ми: я тѣю имати особитый съ Вами разговорѣ; я се искаяти не могу, што за толико време шайну мою опкрыла нисамѣ: но како самъ и могла по чинити, кадѣ Васѣ познавала нисамѣ. Спара ю тѣши, и завѣща іой се швердо, дашѣ ю што скоріе буде могла, посѣшити.

Светозарѣ. Узме Спарца мало на спрану „ Знашѣ ли ты, упыта га, пушь одаде у Едісіумѣ — кодѣ Леониде близу? —

Ста-

Старацъ. Како не бы знао, то нїе одаме далеко, колико самъ крашъ я шамо быо.

Светозаръ. Бы ли ты мени учинїю оно, што бы я тебе молю? — а плашишь ты добро! —

Старацъ. Да чумъ.

Свето: Ты служишь кодъ пїи Господара?

Стар: Не! я имамъ мою купьбу овдїе близу у едномъ маломъ селу, но съ овы мои два вола, жадъ имъ што треба, дойдемъ, и послужимъ ихъ.

Свето: Ющъ боаъ! — Знашь ли што е! ты ову давицу да не носишь шамо, кудъ су ти рекли; но да ю узмешь, и на путь, кудъ се иде у Леониду, изведешь, пакъ по полдне гдѣгодъ шамо да чешашъ, докле я съ отцемъ моимъ не дойдемъ! Я щю молиши отца моего, да ю прїими, онъ е многимъ добро учинїю, знамъ, да ни отъ нѣ нешье лице свое отвратиши; я тьбу нѣга безъ сумнѣ намолиши, онъ е отъ свега добаръ, и душеванъ, онъ тье ню учиниши срешну: а ты тьешъ прїимити за то лѣпу отъ мене ябуку!

Стар: Господине я не смѣмъ то чиняти!

Свето: Не смѣшь? — За што? —

Стар: Я бы се за то кодъ овыхъ Господара замѣрю, а я отъ нихъ ползу имамъ.

Све-

Свето: Шта бы си се замѣрио! Я како видимъ, оныи толико за ню и не маре, оныи су ню као сиропу, како чуемъ, пролѣпось къ себи прѣимли, пакъ садъ ю другомъ намѣшю, а шкода за оваково лѣпо и добро дѣте. Я бы самъ молю Ошца, да ю иште отъ тихъ Господара; обаче овдѣе то извѣногъ узрока чинити не могу. —

Стар: (пошѣутивъ) — Знаете ли што? Поступимо овако! Овы испши Господари и маду поредъ пуша, кудъ се у Леониду иде, свое винограде, она зна, гдѣ е то, таки за ономъ горомъ, може сама опишши, и шамо Васъ причекати, а я тѣу се врапити дома, и казати Господаромъ, да е она побѣгла оповудъ.

Свето: Е! Како тѣємо, кадъ ю е оно дѣвойче видило? —

Стар: Ништа то! да мы Осодори сообщимо дѣло, и открийте юй Ваше намѣреніе, пакъ нека побѣгне сада, а я тѣу се и невѣщъ чинити, како да о тому ништа и не знамъ; послетѣу я дойти съ воловы и нихъ пражити. Баба почти, како свака баба у оваковому е дѣлу хитрѣя отъ дьявола, она тѣе то тако лѣпо, и пришворно знати казати, како е побѣгла, да нишко ни на умъ узети не буде.

Све-

Светозару се ово измышленіе допадне, онѣ обдари одма Старца, и пошлѣ воловомѣ, пакѣ онда зовне дѣву и Старицу, и открие имѣ свой планѣ. Старици то буде мило, но она се едва склони изѣ узрока, што се бояла, ако ю попражу и найду, послатимъеду ю у оный монастырь, изѣ коега е побѣгла, гдѣ бы ю као преступницу затворили, хотя да не была у чинѣ се монашескій іошѣ обукла, ниши да тѣе ту на вѣки осташи, заклела. Но кадѣ ю младить твердо увѣри, да она, ако бы ю и ухвашили, ништа спрадати не тѣе, ниши тѣе старый нѣговѣ оцацѣ допустити, да се она настрагѣ у монастырь, либо Господаромѣ пошле: датѣе онѣ ню изговорити и защитити, да бы и Богѣ зна какво друго зло учинила была, а кодыи то, што е у мирски іошѣ хаина изѣ монастыра, гдѣ нейма волю осташи, избѣгла.

Отбере инди сада свое собствение хаинице, кое е донела, а оне, што су іой ту дали, све остави: опростисе са Старомѣ, и препоручисе младитьу у милость, и покровителство, пакѣ побѣгне.

Мало за тимѣ старацѣ сѣ воловы дойде, и пыта за ню, гдѣ е, да се иде. Баба се шако пришворно узбуни „Кое кудѣ около по-

то-

пока спрашити ю почне, да се ни самъ врагъ сѣпити не бы могао. Светозару се то даде на смѣхъ „Иди баба Богъ те видю! рекне іой насамо, шко бы и помыслиши могао, да се ты претварашь. „Ю мой сынок! ошговори му, кадъ смо гдѣ принуждени лагати, преба шако да лажемо, да чисто и сами за истину оно держимо! Понеже я у тому дому шoliko година живимъ, нисамъ рада се сада подъ старость замѣрити, и нio-вога се хлѣба лишити.

Младишь іой захвали, и обдари ю, пакъ сѣдне на коня. Она му приступи и лагано, да оно дѣвойче не чуе, матернѣ препоручи Θεодору, и замоли, да іой буди коіомъ приликомъ, кадъ годъ яви за ню, гдѣ е, и како іой е.

Полдне вѣшь приближавашесе, дань яко угрѣяо бяше, Светозаръ у мысли за Θεодоромъ чисто успавленъ, и не осѣпти, како дома дойде. Ао мой сынок! рекне му оцацъ, кои на двору сѣ газдами подъ однимъ великимъ растомъ сѣдяше; Како си коня уморю! — Онъ скочи доле, нисамъ далеко Оцацъ! ни быо, но вруштина е. Хотьемо ли мы данась иши, придода. Добро намъ е и здѣ быти осмѣвающьисе ошговори Господинъ;
кудъ

кудъ бы ишли по той врушѣни. Ити, рекне газда. О! — Знамъ я вещь путь, отговори Светозаръ; Они се насмѣю на нѣга. При томъ спану слуге подъ испымъ распомъ поставляти столъ, да обѣду.

Агра мане рукою на Светозара; овый успане, и оде съ нѣомъ мало на спрану подъ еданъ отъ виновы лоза сводъ „Моя е се сестра, рекне му, раскаяла, что е чинила; она каже мени, да е се на Феодору рассердила была и хотѣла ю ударити, а Вы сте ю бранили.

Свет: А! раскаяласе! Не захтева, да клекнемъ предъ ню?

Агра. О Господине! нѣе она то отъ Васъ ни захтевала, простите Вы нѣой! Извините ю као младу, я Васъ молимъ! — Светозаръ озноенъ извади мараму, и убришесе, чисти нѣговѣи образи засвѣплемусе солимъ юощь болъ, Агра разговарающьсе шако съ нимъ, хлади га еднымъ вѣромъ, и намѣшпа му нѣгове смѣдье по челу косе. — Пращате ли юй Господине? —

Свето: О какво е то пыпанье? Я нѣой по тысящу пупы пращамъ, а не еданъ пупъ! Но гдѣ е Вамъ Феодора?

Агра.

Агра. О, оставите молимъ Васъ Θεолору! она ніе за Васъ, она е една сирота, а Вы сте Господскій сынъ! Вы треба благородно да мыслише!

Свето: Но благородно и да творимъ! а може ли благородніе што быти, него онакову сиропу сретньномъ учинити? —

Агра. У чему бы сте ю сретньномъ учинили? нешье те ю за жену узети! —

Свето: Да самъ за шо, я не бы на свѣ-шу ни лѣпшу, ни болю отъ нѣе тражію.

Агра. Дакле Вы ню предпочитуете мо-ю сестри?

Свето: О! Любезна моя Господична! Велика е разлика измежду нѣе, и Ваше сестре, я Вамъ шо искренно кажемъ, а Вы као разумна нешьете ми за шо замѣриши, а и да ми замѣрише, я се отъ Васъ уврежденъ не бы нашао, понеже сестру свою валя любити, и защищавати.

Агра. Дакле Вы више не марите за мою сестру?

Свето: Я їой желимъ сваку сретъбу, нека їой Богъ да оно, што она сама себи жели, ако што паметно себи желиши уме; обаче! — мени више она не треба! — На ову рѣчь нскочи Агаџа изъ віновогъ листвія, гдѣ е

се сакрыла была, и разговоръ овыхъ слушала „ Не требашь ни ты мени! жестоко по-выче: но избацы изъ главе, да тьешь игла више ону видити, кою мени предпочтнешь! — со. тимъ оде као олуя, легне на постелю у соби, и учинисе болеспна.

Свето: Е! Видите, што сте садъ учинили, зашто сте ме навели, да оно изрекнемъ, кое предъ нбомъ не бы изрекао, кадъ сте знали, да е овдје.

На то позову ихъ обѣдовати. Ню су ишли завати, и молиши, но ни пошто нје хотѣла дойти.

При обѣду кадъ се ветъ печенье донесе, Агра узме харфу и почне ударити, а Светозаръ узъ ню пѣвати; чиспый оный дѣпинъ гласъ пробуди ю на постели изъ нѣны печалны мысли као изасна; она успане, изыде на ходникъ, и склонисе на таково за еданъ столъ мѣсто, откуда га е могла лѣпо и гледати, и слушати. Она колико га веселгѣ при столу быти видяше, толико се ветъма у себи грызаше, и толико ветъма признаваше, да онъ за ню не мари. Не има шу ништа, рекне напоследокъ у себи, я морамъ нѣга молиши, я морамъ предъ нѣга клекнути, кадъ онъ нје предаме хотѣо; я не
знамъ

знамъ , кои е врагъ то , я као да два сердца
 имамъ ! Колико се я на нѣга вѣтъма сердимъ ,
 толико га вѣтъма любимъ : Колико самъ вѣтъ-
 ма желила , да онъ предаме клекне , толико
 га садъ вѣтъма почитуемъ , што нѣе то у-
 чиню . О луда моя женска глава ! шта самъ
 я отъ онакова Младитѣя и захпеваши мо-
 гла ! О упорно мое сердце ! и дурлива тѣуди
 моя , до шта ме доведе . Нисамъ ли я мола
 онде лѣпо поредъ нѣга сада сѣднѣти , сѣ нимъ
 веселитисе , сѣ нимъ шалити , и смѣяти ! —
 Нещастный е за мене оный часъ быо , кадъ
 самъ га найпрѣ видѣла , убиточный погледъ
 оный , кадъ самъ на нѣга очи мое дигла . —
 О друге мое и любезне сестре све , кое спе
 на свѣту , дойдите къ мени , да Вамъ кажемъ ,
 што е зло на свѣту за нашъ слабый долъ ,
 ако знале нисте . Я самъ жалостна мени , на
 оногъ лѣпогъ сѣ крилами дявола любко гле-
 дала , и за ону у руци нѣговой стрѣлу , што
 значи , пытала , но садъ самъ я искусила , тко
 е онъ ; садъ стрѣлу нѣгову ошутила , да е
 ошровна ! Ахъ она е у моему сердцу !

Она овако облечена у печалне мысли го-
 вори , а оный отъ спола сви устану . Го-
 сподинъ повыче , да се кони изведу , Свето-
 заръ радостанъ оттерчи по свогъ коня . Шта

жалостна плѣснувши се руками Агапіа, зарѣ
хотѣду да иду! — На то ето ти юй Агре.
„Ю! Агапіо не пѣшь госте испратити? —
Она юй падне у наручіе „Ахѣ сестро! —
Тко ти е кривѣ, рекне Агра, мы женске ко
немошный полѣ, валя да се предѣ мужкнѣ
смиравамо, учпиво и благообразно нима снѣ-
сходимо, да предѣ нима лица наша сшѣломѣ
покрывамо, а сердце нѣ наше, по изѣ далска
да нѣ любимо, показуемо, да се разумно
разговарамо, сваку пристойность наблюдава-
мо; и тако тѣмо нѣ се допасти: но ты
си сву твою цѣну само у одной лѣпотѣ по-
лзала, и мыслила си, да е свакиѣ будала, да
за едномѣ токмо лица красотомѣ заслѣпи,
а на проче даре душевне са свнѣ заборава.
Та при первому говору нѣ ли абѣе сердце
твое познао, и толико е простосердечнѣ
быѣ, да ти е одма казао, и опетѣ помощнѣ
се ниси умѣла. —

Она. Хуй! — Признаелсе уврежденѣ отѣ
мене? —

Агра. Те како! Онѣ се толико не пока-
зуе, алѣ ясамѣ примѣшила: но и заслужила си
презрѣніе.

У свему имате право! и я се за сваку
мою погрѣшку сада каемѣ, обаче измудрите
Вы

Вы мени начинѣ, како тѣу се я сада помо-
тѣи, пакѣ у напредакѣ нетѣе быти отѣ
пошребе, да ме више у тому совѣтуеште:
знашѣу се воистинну другоачіе владати.

Агра. А што ти я садѣ знамѣ! —

Она. Я бы влекнула предѣ нѣга и руке
му дигла.

Агра. Све е то ветѣ поздно! нейма отѣ
пога ништа, ено они одоше! Скоро, ако мы-
слишь.

Агапіа се сбуні, не знаядше, што тѣс садѣ
у хипошти, узме мараму, и повеже главу,
аки бы ю болѣла, и тако ю Агра исподѣ ру-
ке доле сведе. — Та што е то? осмѣваю-
тѣисе старыи Господинѣ, рекне, моя снаа
вели болестна! — Ова е рѣчь: *моя снаа*, ню
као молніа крозѣ нѣно у печаль упомлено
сердце прошла. Она му учтиво сва заруме-
нившисе приступи кѣ руци. Онѣ ню при-
мѣпивши смутену, и видѣвши, да іой сузе
ударе, Любезно мое дѣше! рекне іой, буди ми
добра, и храни здравіе швое, со тимѣ оте-
чески загерли ю и полюби „Светозаре! по-
выче, опростисе сынко! и захвали овдіе Го-
спожи, и Господаромѣ, кои су насѣ любезно
дочекали. Младитѣ се полюби са свима; Ста-
рыи извади кесу, и младѣе све обдари; Све-
що-

позарѣ ухвати Агапію за руку, погледнѣ на
 ню: Здравствуйте Господична, и простите
 ми, забравте на мене, забравте на све, што
 смо имали между нами, пакѣ тѣете мирна
 быти; и исправите сердце, пакѣ тѣете щаст-
 ливнѣ постати, полюбисе сѣ нѣомѣ. Пело-
 піда премѣтивши Агапію, како їой шежакѣ
 овый сѣ младитѣемѣ Светозаромѣ разстанакѣ
 пада, разрѣшисе ихѣ, као госте, донкле
 пратиати. Онѣ узме Агапію, и Агру на една
 колеса; Мы тѣемо Васѣ да пратиемо Госпо-
 динѣ! рекне Старомѣ. Ово Светозару мило
 не баше, кое негодованіе Агапіа примѣти, и
 оскорбисе. Вы тѣете мени Вашу любовь у-
 сугубити, полаетѣи ветѣ отговори Госпо-
 динѣ, ако ми ту честь покажете, и мене
 што скоріе у моему обиталищу посѣтите.
 Зашто не? отговори Госпожа, и Платонѣ,
 нисмо Господинѣ! преко свѣта, мы се радуе-
 мо, да смо се познали; Честь отѣ наше стра-
 не, сѣ радостію свакій путѣ, со тимѣ испію
 за сретѣна путиа їощѣ по чашу вина, и овѣ
 нима сретѣанѣ путѣ, а они имѣ сретѣанѣ
 останакѣ рекну, и пойду. Светозарѣ со Арі-
 стидомѣ на предѣ идяше, а Господинѣ лага-
 но на коню поредѣ кола разговарашесе сѣ
 Пелопідомѣ. Агапіа замышлена не скидаше
 очи

очи са Светозара: Кадъ што бы као крадомъ и на Старога погледала. „О Боже мой! рекне у себи; Какова е блага душа овыи Господинъ; какво благородно сердце у нѣму бие; какова е сладка бесѣда нѣгова, изящный разумъ, и чисте мысли у нѣму! нѣ чудо, да му е и унукъ онаковъ! — Онъ е нѣга заисто воспитати знао: Онъ колико, е старъ человекъ, и каковый красный на лицу юшь цвѣтъ съдържава! разумно воздержание, умѣренность живота, и чиста совѣсть! живо изображение свое швору. Колико бы я мене (рекне у себи) за срѣстну держала, и колико бы я мое щастіе ублажавала, кадъ бы ми судьба нѣга за второгъ отца опредѣлила! — Но! о проклета бестію! вѣтъ ако умремъ, те та се не осветимъ; ты си узрокъ свему была.

Она овако у мысли пуштена не узимаше на умъ веселу шуму, и сладке гласе свуда у наоколо пшичіе. Подобнымъ начинемъ, и Светозаръ тащашесе напредъ, на дружество, и нѣговъ разговоръ и не внимаше, нѣгова мысль за Θεодоромъ бѣше, нѣгово око вѣтъ искаши ю почне; угледаюсе виногради, младить се даде у бригу, како тѣе се сада предъ овима са Θεодоромъ састати. Онъ
обо.

ободе коня, и дружство за собомъ далеко остави.

Агапіа незнающи, шта нѣгово сердце на предѣ вуче, помысли, да онѣ ню избѣгава, и пркоси їой; слѣдователно налюписе „Да се врашимо, рекне спрыцу, видите, да оный младый не годуе насѣ. Е! да, не годуе, рекне спрыцѣ, чинисе само, а што зна, како му е на сердцу, може быти, ше и плаче, пакѣ му е срамота, за шо бѣга напредѣ; Нека га, есил' га, вели, узела на умѣ данасѣ, кадѣ е дошао на коню? Зашто, упыта она; — Знашь ли, гдѣ е было онда? — Што му драго Бога Вамѣ, нешѣу да знамѣ више за нѣга. Онѣ е тражіо Феодору! приложи спрыцѣ. Бесѣта една яко му се допала, некѣ е тражи отѣ садѣ! Та шо мени илежко и пада, рекне она, што се онѣ нїой лѣпи, пакѣ самѣ се бола, да га толико не оволшебствуе, да ю ссобомѣ не ошведе.

Старый Господинѣ понуди Пелопіда, да се враши „Не, отговори овый, шутьемо шаки изыши исподѣ нашихѣ віноградовѣ на елну прекрасну ливаду, пакѣ шьемо пустыши конѣ, некѣ мало пасу, а мы шьемо се сѣчушуромѣ склонити гдѣ у, каковый дебелый
хладѣ.

хладѣ. Богѣ да прости отговори Арістіадѣ, между тимѣ тѣе се мало захладити.

Дойду подѣ одну велику липу, отѣ кое се ливада починаше, ту се сидѣу, и конѣ пу-
сту, да пасу. Арістіадѣ се запертію сѣ чу-
туромѣ, коя имѣ е на путь дана „Спусти-
мо Господинѣ! вели, наша грѣшна тѣлеса на
ову мегку траву, пакѣ попаштимосе, докле
кони пасу, да ово вѣно попіемо. — Не! вои-
спинну, да нѣе просто, рекне Пелопіда, што
е вамѣ дано на путь, то некѣ стои, но
дай Агро сѣ кола нашу чупуру и торбу.
Дѣвица донесе, и ту лѣпо посѣдаю. Но Све-
тозарѣ неспокоюнѣ и замышлѣнѣ, како е ся-
шію сѣ коня, одма се отѣ нѣи удалію. Агра
пришаптѣ Агапіи на ухо, „Примѣчавашь ли
ты, вели, да овый младитѣ печаленѣ види-
се, и као да се са своимѣ сердцемѣ бори;
како е при столу быо весео, а гледай га садѣ!
Ющѣ тѣешь ты видити, да тѣе онѣ намѣ
до кой данѣ опешѣ долетити: А Θεодору
смо и тако оправдали, само ты памешнія
буди. Ово Агапію не мало утѣши. Та кудѣ
намѣ младый Господинѣ оде, рекне Пелопіда.
Енѣ га гдѣ хвата лептірове, отговори Арі-
стіадѣ, то му е сердце и душа шарене лепті-
рове хваташи; пакѣ донесе кѣ мени, да ихѣ му
испи-

испишемъ (молуемъ) Као дѣше, рекне Спз-
рый, садѣ зна што живи, и ты си лептиро-
ве хвалпао, кадѣ си малый быо, и у невин-
ной забави своє увеселение находю, а садѣ
находишь у чаши, и бокалу. Праго имате
Господине! све своимъ временемъ быва; меж-
ду тимъ Светозарѣ исчезне, и на еданѣ чет-
верпѣ часа, сто ти намѣ га весела, пуне о-
бадве руке носи лептирова „Овако да ми ис-
пишете лептира, смѣюпѣсье на Аристѣда,
рекне; — Есамъ ли Вамѣ казао, да тѣе онѣ ме-
не терати, да му лептире испишемъ. Пело-
пѣда пружиму чашу вина: Знамѣ да сте жел-
ни, рекнему. Онѣ поклонившице учтиво „Лю-
бимѣ Вамѣ руку, рекне, и узме и онѣ малко,
текѣ ко устнамѣ принесе чашу, и даде му на-
прагѣ. А! Бога ти Светозаре! не пни сра-
мота отѣ овыхѣ Господичнѣ, полскѣй мо-
макѣ за лептирова ходѣти? Зашто, бы ми
была срамота, я више на ови у лептира шз-
рени крыли увеселения находимѣ, него Вы у
тому вину, погледайте само, како га е есте-
ство украсило, Вы нисте у состоянѣю, хотя
и сѣ драгоцѣннѣйшимѣ шаромѣ исписати.
Но пусти тѣу ихѣ, да лету, то рекши, пу-
сти ихѣ на еданѣ пупѣ све лепияни, и о-
летѣ ошперчи преко ливаде.

Агра

Агра е ту тихо пѣвала, и дружество веселила; а Агапіа устане мало, и погледи на ону страну, кудѣ е Светозарѣ опишао. Пелопіа за даши способѣ, да се она сѣ нимѣ саспаши, и понѣколико рѣчій проговорити може, рекне: Агапіо! отнеси дѣте мое! ово парче пити младомѣ Господину, я га понудихѣ вели сѣ виномѣ, а за питу „Вѣра Божія и забравіосамѣ; Ова узме у чисту мараму, и оде тамо, любопытно изгледа га, и сердце іой у персима отѣ радости игра.

На еданѣ путѣ дойде іой са стране ова рѣчь у ушеса „Теодоро! сладка моя Теодоро! — Ово изреченіе удари ю у само сердце нѣно. Она прилегне у праву и слуша; она мисляше, да онѣ за нѣомѣ сѣтует, а да тѣе ю ту заспати сѣ нимѣ, о тому ни саняши не могла: понеже знала е, кудѣ ю е тай истый данѣ послала была. А кадѣ чу и нѣнѣ гласѣ, гдѣ рече „О мой милостивый Благодѣю! како годѣ, да ю громѣ удари, сва проиерне, и чисто се безѣ чувства учини; погледи около себе сбунѣна, чудисе, и кадѣ узе на умѣ, отѣ кое стране се гласѣ чуе, полегне опетѣ у праву, и лагано оппузи до близу нѣи. Кусторникѣ еданѣ густолиственный ладе іой способѣ заклонитисе, и гледаши ихѣ тако,

ко,

ко, да они ню видити нису могли. Θεодора! воистинну она! у себи говораше. — О Небо! едал' си ме са свимъ осудило! дадемисе са-тана, да ми пакость дѣствѣ! — Светозарѣ се исправи, и гледи, да не иде шко; Сѣди, рече, Θεодора шы шу, идемъ я, да видимъ, хошьеду ли еданъ пупъ ипи вещь. На то Агапіа „А! а! таковъ ли е посао! Чекайте садъ тѣу я вамъ обомъ читати буквице, но да се найпріе овой обайгори осветимъ. Скрипетъи зубы, полети Θεолори у косе; ова сирота врисне и юноши прибѣгне. — Светозарѣ „Но! но! што тѣете Вы? Приступите само овамо; дигните руку на ню, ако смѣте! шо е ружно отъ Васъ! А отъ Васъ е лѣпо, срамъ да Васъ буде! отмамипи шуау дѣвицу, нисамъ вѣрвала, да еданъ Господскій сынъ толико безобразенъ може быти! Агапіо! шо е много! Агапіо, жао ми е, да тѣешь се каяти! Агапіо! Вы не имате самномъ ништа, шко е Васъ овамо звао? — Што си научю сѣ ніомъ? Какоси ю измамю? Сѣ кмѣ си дошла овамо кучко една, а? Светозарѣ се разсерди, узме Θεодору за руку: Ходи овамо шы самномъ, да іой покажемъ предъ свима, шпосамъ научю сѣ тобомъ, да ю пытамъ, што ми е се толико на душу попела, некъ

ми

ми каже, какову властѣ има надѣ побомѣ! ходи овамо, пы си моя, я тебе любимѣ: клекнушьешь самномѣ предѣ моего Отца, а я тѣу говорити почети: не бойсе ништа! Со тимѣ хипро поиде. Агапіа сва пребледи, и иде, а ногѣ їой деркипѣу; онѣ погледи на ню, и будему жао; приступи їой, и кропко ю узме за руку „ За што сте тако пакостни, само да имате сада огледало, да се видите, како Вамѣ е та Ваша безумна яроспѣ, коя се шокмо изѣ суепне зависпи радѣа, нарушила лице! — Вы не имате властѣ надамномѣ! Ал' имамѣ надѣ моіомѣ служкинѣомѣ. — Она нѣс Ваша служкиня. Вы сте ю и тако данасѣ оппустили были. Я самѣ онде быо, кадѣ е старацѣ по ню дошао, на мое пыпанѣ каже ми, кудѣ сте ю послали, и да она нейма волю тамо быти. Я на то сожалуемсе, и подговоримѣ ю, да овамо доиде, и овдѣе чека, докле я дойдемѣ, пакѣ да замолимѣ Отца, да ю прѣими себи, увѣренѣ будущи, да тѣе ю Госпожа Мамица едѣа дочекати, и да тѣе она кодѣ насѣ безѣ сумнѣ щасплива постати.

Сада любезна моя Агапіо! у чему се Вы овдѣе увреждени признаете? Щто ли ей препити имате! нѣс Васѣ покѣала, нѣс сиропѣа, ни
о не

о не халинице хотѣла съсобомъ понети, кое намъ е при Вами заслужила, или їой е Вашъ Госпожа мами изъ милости дала. Она се, сво нека кажѣ, на Вашъ домъ ништа и не шужи, она бы при Вами и остала была, но нѣ имала волю онамо ити. — Ниши пакъ Ваши родители имаду Право надъ нїомъ, као надъ робомъ што бы су имали; ню преко нѣне волѣ кому предаши! нѣ ли она Вамъ отъ попребе, отпустише ю, некъ иде кудъ зна! О моя Агапіо! лако е сироту убити, но треба сироти помощи. Чисто мое, и честно съ нїомъ намѣреніе Вы тѣште видити сада, кковотѣе произвести дѣйствїе. Я ню оставити испѣу, да бы знао живота се свога лишиши. — Добро! добро! рекне она, да знате само, тко е она, и откуда е она побѣгла, чинимсе, да бы сте таки руке свое отъ нѣе опрали. — Я знамъ, да е она добра, и знамъ, откуда е она и побѣгла, но за то ништа, я се за то нимало не боимъ.

Со тїмъ приближусе дружствѣу, ови сви удивително погледе на нѣи. Младитѣ воле тѣи Феодору исподъ руке ободраваше ю, да се не бои. Оно е у среди мой Господинѣ отацѣ, рекне їой. Она кадъ види Старогѣ, удивнсе, и сва пребледи, радостїю внезапно

про-

Гісе за нѣ молимъ о сладкій отпачъ.

пронута клоне, разслаби, и на младитъ се
наслони. Теодоро! Теодоро моя! не бойсе! Она
се обнезани, сви се сбуне. Агра скочи и
мало ю хладномъ водицомъ умые; пожупи
сирота како испый смиль; но опетъ доиде
къ себи „Пустите ме, О! пустите! едва
изговарающи рекне, и со шимъ полети Ста-
ромъ у крыло, радостна чувства съ нѣомъ
обладаю, езыкъ юй се завеже, рѣчи нѣ мо-
гла проговорити, само што су юй сузе по-
покомъ низъ лице текле. Старый ю оте-
ческомъ милостию на руке пригерлю, чледи
на проче, хотъе ли му шко што проговори-
ти, шко е она, и што захтева. А кадъ ви-
ди свогъ любезногъ Светозара, гдѣ при ногу
нѣгову сузамъ подивенъ клечи, шако му бу-
де жао, и шако се на сердцу смупи, да му
и самомъ сузе на очи грону „Я се за ню
молимъ о сладкѣй Опѣцъ! рекнему младитъ,
я за ню плачемъ, за ню предъ Вами клечимъ.
Сыне мой любезный, повыче Старый „Казуй
што е, Тко си ты дѣте мое, и шта захпе-
вашь отъ мене, она се мало поврати, по-
гледн на небо: Много е ово за мене о вели-
кѣй Боже! Страхомъ разслаблена вшласамъ
као предъ судѣю; а благость твоя мене водила
е милоспивомъ моемъ ошцу. Светозаре! слад-
кѣй,

кій, и любезный мой Светозаре! Какъ ты поце мене не познаде, кадъ я тебе познам нисамъ. Сладкій Опацъ дайте ми благодѣтелну десницу Вашу, да ю цѣливамъ, да ю радостнымъ сузами поліемъ; ова е мене хранила, ова воспитала О Небо! преблагословенно Небо! у каковомъ сладкомъ чувству сердце мое садъ плива; кога я предамною садъ гледимъ, кога нѣжно герлимъ. Я самъ Вашъ любезный опацъ Драгиня! Светозаре! сладкій мой, загерлившига, валя да си мс вещь и забораваю! Ясамъ Драгиня пвоя сестра, ты си братъ мой, гдѣ е Чедомиль, ели и онъ у живопу. Я Ваша дщи, Вы мой дражайшій Опацъ.

Драгиня! со удивленіемъ рекне Старый, каковы по было! — Дѣше мое любезно! што ты говоришь! Нїе ли Драгиня моя давно вещь умерла! — Светозаръ радостію восхищенъ „ Драгиня! тыси Драгиня? Ты моя сестра, коя си умерла была! — Я самъ сладкій мой! рекне му она, я самъ Опацъ мой любезный! Драгиня ваца дщи, нисамъ умерла; но Вы сте на мене заборавили были. Сви прочи отъ чуда недвижими учинилисе, со умиленіемъ сердца гледу любезну сцену. Арістидъ сердца благочувствителна и мегка, плакаше као

МЛО

мало дѣше, Агра шакодьерѣ, но Агапіа се изванѣ себе видяше быти; нѣно се сердце у живошу ни еданѣ пушѣ у шаковому смущенію находило нѣе, као сада. И ты си Драгиня моя? упыша Спарый, дѣше мое сладко! Да како самъ я преваренѣ быти могао? Мени е казано, да си ты умерла. Я самъ те оплакао, и вещь прегорео быо, откуда сада, да си жива? — Вы сте добрый Отацѣ у шому преварени были, я самъ те разумѣла; сладкій Господинѣ Арістидѣ я Васѣ добро познаемѣ, дайте ми и Вашу руку, да ю цѣлуемѣ, доста самъ пушы као дѣше кое какове посластине изѣ нѣ прѣимала, доста пушы мене малу Вы сте на руку держали. Я Свепозара познаши нисамъ могла, онѣ е израстїю; а Васѣ самъ таки познала, како самъ Васѣ видила. — О Боже мой, возопи Спарый, нисамъ се ни шому надао! (погледн на Пелонїду, и Господиче) Мое дѣше! Отацѣ ю на смерти мени препоручи, да ю воспштамѣ, и Бога ради сретѣну ю учинимѣ. Мала е была, своегѣ Отца и не памти. Я самъ ю 7 година держао, ошечески любїю, и воспштавао; потомѣ дадемѣ ю у Ларїссу, да се учи, и шому тѣе скѣро 7 быши година: буде тамѣ долго време при одной доброй Госпожи: ошлзїю

самъ іой у то време, почесто надгледао, и као мое собствено дѣте свагда препоручивао, добро іой е было, и лѣпо се учила. Прежде двіе године пріимимъ писмо, да е умерла! Извѣсти ме садъ дѣте мое сладко! што е се съ тобомъ догодило? Да ти е Госпожа она умерла, то самъ разумео. Но кудъ си се ты дѣла, ништа не знамъ, само то, да си умерла, и я самъ до садъ тако вѣровао.

На кое она узавши Господина, и Светозара на страну, поведе повѣсть свою овако: „Госпожа моя, при коей самъ была, разболесе, и у недѣли дана умре. Она е имала одну сестру шакодьеръ жену временшу у едномъ граду поредъ мора. Ова дойде, и све, што іой е отъ сестре остало, покупи, будупи да моя Госпожа никога другога имала ніе. Она мене позове съсобомъ, обѣщамисе, да шеме лѣпо держати, и учити. Я нбой рекнемъ, да я то безъ моего Отца чинити не могу. Тупоры мои што су мыслили, не знамъ: доволно е то, да они мени кажу, да сте се Вы изъ Елісіума иселили, и у отечество опишли, и да сте мене на нѣи препоручили.

На мое пытанье, како бы сте Вы опишли были, да се мени, кои сте ме отечески

ски

ски любили, не явите: морало е, рекну ми, ша-
ко быти, понеже самъ га е Царь захпевао;
но онъ е тебе велу на насъ препоручію; а
должность е наша о теби и швоему щастію,
и безъ нѣгове препоруке промышлявати. Из-
говоре шу нѣке рѣчи и непристойне за
Васъ, кое я вѣроваши нисамъ могла, да сте
Вы сирѣчь све за свою корысть пословали,
а да за мене нимало марили нисте. Еданъ е
отъ нѣи имао сына, кой е намѣравао мене
за нѣга узети, и со тимъ оставше мое до-
бро, и новце присвоити.

Пошлю ме инди съ шомъ Госпожомъ у
Ноло, гдѣ я одну годину проведемъ. Дойде
ли еданъ пущъ испый шупоръ, кой ме е
намѣравао за своегъ сына узети: шужисе мо-
ей Госпожи, да га е шай сынъ оставію, и
шбкудъ у Англійску опишао, по нѣколико
шана почне мени Госпожа моя говорити, да
е послѣ преко мора у островъ Мавропонтъ
и нѣкій дѣвическій монастырь, да се како
и книжеству; шако и у рукодѣлію особито
шочити могу. Моя воля была шис, но ми-
шелъши, Вы сте и шако опишли, и нигда ви-
ше никога не имамъ, шпо знамъ чиниши; и-
шемъ. Доведе ме инди шу у монастырь, гдѣ
шробавимъ време до прошось. У месецу

Апрілію навале духовне, да ме обуку у свой чинѣ. Я поручимѣ моей благодѣтелици, да ми дойде, и гледа, што тѣе са мноу чиници. Но она мени опнише, да она дойши не може, но да чинимѣ; што ми е драго; ако тѣу се обути добро; ако не, а ты пиши шупоромѣ швоимѣ, некѣ се они спараю за шебе.

Ово ме писмо всема оскорби, недоумѣвамсе, за што бы ми шако писала, знаши не могохѣ, да самѣ ю у чему увредила: по нѣколико дана извѣстимсе, да е она лукава была, и пришворно самномѣ поступала, да е она мене за то у монастырь дала, да я ту чинѣ прѣнимѣ, и до смерти останемѣ, а мое новце шупори освою.

Добро! рекне Старый, а какову бы она оттуда ползу имала? Имала бы ту отвѣща дѣвица, што су юй се шупори обѣщали добро плашити. Но потомѣ дѣло се ово измѣни, и намѣреніе ихѣ лишисе своего конца: Госпожа моя подговорена буде отѣ шупоровѣ, да имѣ напише писмо, да самѣ я умерла, и да самѣ завѣщала све, што имаѣ, шупоромѣ оставити. Я то писмо случасѣ добьемѣ; Вы пакѣ, кадѣ прѣимите гласѣ, да самѣ я умерла, одете у градѣ, и како самѣ раз-

у-

умѣла, съ нашегомъ новце све отъ ныи узмете, и покупуете нѣке душьане на сиротинску спрану, за то се разсерду како тупори, шако и моя Госпожа на мене и са свимъ ме се опреку. Я паднемъ у опчаніе и изъ монастыря побѣгнемъ; найдемъ способъ преко мора превестисе, и намыслимъ за Вами у Сербію ити. Кадъ алъ у истому моему намѣренію разумѣмъ, да се Вы іощъ у Елісіуму находите: Боже помози! рекнемъ у мени, и пойдѣмъ къ Вамъ; пытамъ нѣке люде, кудъ се иде у Леониду, кажу ми, но пошто се отъ мене извѣсте, кому я идемъ: не има, отговору ми, недѣлю дана, како е шай Господинъ опишао у Сербію, всуе тпѣшь се, рекну ми, и трудити тамо ити, мы знамо, да е опишао. О како ми е по опетъ тяжело пало! заключимъ ити у Ларіссу и попражити мое Добро, у надежди да тпушоре найлажке добыти, понеже ималасамъ писма при себи, коимъ бы ніовъ лукавый самномъ поступакъ предъ судомъ изобличили могла.

Полазѣтши тамо, случайно дойдѣмъ ко овимъ Господаромъ. Госпожа ме весма возлюби, и при себи задержи. Остатпу, помыслимъ у себи, за време, небылъ добро познать.

знанство съ овимъ людма учинила, у коима
 бы Добро мое у граду спражити могла; по-
 неже я као дѣвица кому бы знала у граду
 ошити, кому се пошужити, како ли на судъ
 изыти. Я ту пребывающыи ополчисе на ме-
 не она младья дщи Господинова! ни у чему я
 ту дѣвицу увредила нисамъ, и опетъ никако
 ме шерпити не могла: За шо Госпожа
 науми, да ме пошлѣ нѣкоемъ своемъ деверу,
 кодъ кога сте Вы, како ми Светозарѣ каже,
 ономадъ ношъили. При самому моему по-
 лазку тамо, догодисе Светозару ту быти,
 кому се я на нѣгово пытанѣ, зашто пла-
 чемъ? пошужимъ. Онѣ, као да е знао, да смо
 свои, весма сожалеуе о мени, и совѣшуе ми,
 да овамо побѣгнемъ, и овдѣе исподъ ови ви-
 ноградій Васѣ чекамъ; обѣщамисе сироме,
 да тѣе предъ Васѣ клекнути, и за мене као
 за одну сироту молиши, и прочая; како што
 сте сада видели. — Я самъ сила жалила за
 Вами; я моего родителя, сами знате, да и не
 памтимъ; Вы сте ме милоспивый мой Бла-
 годѣшелю! изъ нѣгове кладне руке прѣимли;
 Вы сте ме опранили, Вы воспитали: Могу
 ли я шо забравити? И можете ли се Вы ме-
 не сада опрешъи. Опоментесе послѣднихъ
 испущающаго духъ родителя моего рѣчій;
 опо-

поменшесе завѣта Вашего, и оне отеческе любви Ваше, у којой сте ме имали; а иначе смилуйшесе на ове сузе мое, и помыслише, да самъ я сирота, коя нигди никога не симамъ кромѣ Бога пакъ Васѣ.

На ове рѣчи иѣне Старый се тако грозно заплаче, да ю пригерливши къ своимъ родителскимъ персима, едва проговори: Сладко мое дѣте! дщери моя любезна! можешь ли ты сумняши о моей къ теби любви? Колика е радость моя, што те опетъ живу видимъ, и колика мени тежко пада, да суневалыя люди шако съ шобомъ поскупали. Но ништа! научити тѣу я нѣи! пышашьмосе, што е за свою корысть пословао, или я, кои самъ изъ нѣови руку, као изъ волковыхъ нокашахъ едва новце узео, и на сироте дао; или они лукаве десице, коису были себи новце приграбили, а тебе до смерти у черно отбушьи хотѣли, но ты се не бой ништа, ты си моя ктѣи, и опданась я твоей Отацѣ, и благодѣтель, я тѣу за твое щастіе промышлявати, я попеченіе о теби, као о моемъ дѣтету, носиши. Како су могли толико безчеловѣчни быти, како се поне Бога као раби не бое, кадъ не имаду у себи морално као сыновы Вышняго, чувство!

Све-

Свѣтозаръ те е често споминяо, можеш ли се опоменути, како те е радо имао: Но дщери моя! не кажемъ ши за нѣга! Онъ е мой унукъ, онъ е опъ рожденогъ моего сына Младена дѣте, и онъ и Чедомиль! Мати е нѣова кодъ мене. О! докле ю видишь, какова е красна шо жена. — Вашъ унукъ! опъ Вашегъ сына ео удивленіемъ на младитѣа гледенъи, пыта. Мой унукъ и сданъ, и другій. Чутишьешъ нѣву повѣсть о тому; садъ разсуди дѣте мое, какова е радость моя была, кадъ самъ я шо разумѣо. Чада моя сладка, (разширивши руке): ходите опцу вашемъ у радостна нѣгова обятія, ходите, да васъ загерлимъ, да вамъ садъ мой родителскій благословъ дадемъ, душа е моя сада у найлѣпшемъ расположенію, и сердце мое пріятными чувствами исполнено; со шимъ пригерливши ихъ обое къ персима евома, погледи на небо, и поліесе сузами „Опче свѣтлый, и еоздашело милоспивый! благослови ихъ. — Садъ полюбивши ихъ „Драгня драго дѣте мое! свѣтлый Патриархъ нѣе съ вешнимъ усердіемъ могао сыну своему Іосифу, кадъ га е у Египпу видіо, благословъ дани, него я, што вамъ садъ даемъ „Будите добри, будите щасливи; живите у лю-

Бови, и почитуйте вашегъ старогъ Ошца, и вашу Мамицу. — Ови му цѣлую руку, и полюбесе между собомъ.

Агапіа, неспокойный духъ — прикрылася была близу, и на нѣи гледала, и све, што су говорили, слушала, но како їой е было, по свакій изъ предреченыхъ може судити! Рѣчи оне, коима е добрый Ошцацъ, како брата, и сестру благословію, да имъ со шимъ дужовну любовь у сердцу побуди, и нѣи едно другомъ больше усвои и сроди; она е разумѣла, да онъ нима благословіе къ браку нїювомъ дас. Обвладаю нїюмъ печалне мысли, сердце їой дисто исчезне, спустисе у праву, и учинисе као безъ чувства „Доклетъешь ты мене, о жалости моя! возопи, отъ данасъ шаяши, докле ме смерть отъ тебе не избави, долго тѣу я у лицу и тѣлу венуши, докле се не осушимъ, и нѣна се жертва не учинимъ. Но и заслужила сама: правосудное Небо никомъ дужно не оспае. — На шо дойде їой Агра, Но што е садъ опеть? — Дѣвойко, дигнувши ю — ты опеть лудуешь — Ахъ сестро моя сладка! отговори ова, да спе дошли мало пріе, да видите Θεодору, како е сретна, како ю старый Господинъ съ младышемъ загерли, како ихъ благослови, и нѣой.

нъойсе зявѣща, да тѣе їой оцацѣ быши; будите, вели имѣ, добри, будите щасливи, живите у любви, и чествуйте мене оца вашегѣ; О какова • то сретѣа за ню! О я бѣдна! што тѣу я чиниши! — Сестра ю тѣшенѣи поведе кѣ колма, Тко ти е кривѣ, рече їой, кадѣ си едномѣ ногомѣ у зло корачила, зашто и другу за нѣомѣ пошежешъ: ты си онде видила, како е ню Господинѣ любовно предусрѣо, и колико ю радо има; видила си и примѣшила чисту ону и восхищену радость младитѣа, кою му нѣжна любовь кѣ нѣой у сердцу нѣговомѣ радѣа: не ти было отѣ потребе за нима овамо дойти и слушати, што се они разговараю, кое ни шта приятно твоему сердцу донести не тѣе. О я бѣдна, горестно вопіаше Агапіа, о я несретѣна паче свію на свѣтну мой другу! Мени сестро! не пада толико тѣежко, што я нѣга на вѣки губимѣ, но што га она изѣ моихѣ обяшій похипи, она, на кою самѣ я найвѣшма мерзила; коїой самѣ я и за найменшій знакѣ любви, кадѣ бы їой тко показао, завидила! Іо моя сестро Богѣ сретѣу дѣли; на ню е то, кое ты за щасливо держишъ, жребіе пало, а тко зна, каковымѣ

е

е щастіемъ и себе Божество утѣшити на-
мѣрило.

Со шимъ дойду колма. Она се учини бо-
лестна, не хотяше у дружба више, но поп-
несе на кола и легне; не хотяше на мла-
дишъа ни погледаши, но пусти се у печалне
мысли, и као да заспи.

Дойде и Старый съ дѣвомъ „Но Арі-
стиде! рекне, хотъемо ли иши? Айде се дѣ-
цо оправите конье, ено се облацы подижу,
да не пройдемо као ономадъ. — Као ономадъ?
уплашенъ Арістидъ рекне. Богъ да уклони
отъ насъ онаковый случай. — Светозаръ съ
Драгиньомъ приступе колма, Агапіа устане,
„О Вы щастливи! не усугубляйте ми шугу
мою! рекне имъ. Она се сиде съ кола,
Светозаръ ю узме подъ руку, и изведе мало
на страну, и докле се Старый на ногу за
сретьна разшанка при чаши вина разговара-
ше, допле онъ ню пѣшаше. Агапіо моя,
мы смо се мало спорѣчили, но оно е изъ лю-
бови было, я самъ увѣренъ, да шы мене лю-
бишь, увѣресе любезна, да и я тебе любимъ
и почишемъ, као мою сесстру, као мою прия-
телицу, а на тебе заборавиши нешью, мы
пьемосе до кой дань и опеть видиши, про-
спи мени сердце мое, полюбисе съ моимъ
Дра-

Драгиньомъ, шы не можешь мене любити, а на ню, кою я као мою душу любимъ, мерзипи. Мы не знамо, што е Божество за кога отредило, безъ промысла Божія ништа не быва. —

Я теби да опростимъ горестно рекне му, я съ ньомъ да се полюбимъ? Ние сила Господична, ако хопьете, человѣчество ссобомъ тако доноси, и то бы сте и изъ собственне свое ползе учинили; да потомъ штогодъ не жалите! На то Драгиня! Господична! — Ни рѣчи да си проговорила! повыче, кровава си ми предъ очима. — Ова сирота погледи на Светозара, и видешьи, да се овый разсерди, и промене у образу, ухвати га кропкѣ за руку, Не треба любезный! да їой досадыемо, мени е жао, немилоспиво бы было ню сада противъ сердца нѣна ополчавати, кадъ га ние у состоянїю їощь побѣдити; опложимо на другое време; нисмо преко свѣта. Светозаръ сожалително гледи на ню. „О ты малодушна и злобна дѣвиде, красный цвѣте безъ муриса; мыслишь, да ти е їощь у власти, те се на ню тако осѣцашь. Валя да їой завидишь, гдѣ ю любимъ, и гдѣ она сретъна опѣ данась постас! Валь да бы си желила, да во вѣки швоа служ-

кня

киня ошпане! О моя драга Агапіо! — яко се у шому варашь, да е Божество хотѣло, да она шудѣа служкиня ошпане, не бы ю овако украсило, не бы іой овако благородно сердце дало, што е досадѣ была, шо е оно хотѣло искусити нѣно у добродѣтели постоянство, и оно мало, што е она пропатила, Богѣ шѣе нѣой шогубо наплатити, и есть награждена, понеже іой е блага нравы снискало; не бы воиспинну шкодило и за себе, кадѣ бы ты, — но некѣ спои, видимѣ, да ниси у шаковомѣ сада расположенію, да бы си искренне рѣчи у сердце пріимила, буди здрава, буди шасплива, млада си, дѣше си, исправи нраве свое, знай, да свакій, а дѣвица особито, безѣ добре нрави не може срьшня быти. Мы мужки ако гдигодѣ и поклизнемо, имамо способности исправити се, и удобіе до каковаго шасстія дойти; но вы дѣвице, као слабый полѣ, ако нисте благонравне, не можете совершенно быти срьшне. Многа суешна дѣвица полаже сву свою цѣну у лѣпотѣ лица, и у украшенію халина, а сердце и нрави, какове су, не гледи; но нека свака шакова зна, да честна и вредна, паметна и добродѣтелна младитѣа со шимѣ нешѣе обаяти! — а кишиша и вешрогоню,
кой

кой се у подобной суети находи, на частъ
іой, — купно съ онымъ щастіемъ, кое ты
съ нимъ уживаши:

Ове рѣчи коснушесе мало сердца нѣна, она
съ нѣкимъ почитаніемъ погледн на нѣга,
Ошкудъ ове рѣчи у нѣму, помысли, ка-
кова су шо у оваковому младомъ дѣшешу
разсужденія. Она садъ призна, да е другоячѣ
съ оваковымъ духомъ требовало поступати:
обаче касно. Она замышлена ништа му не
говораше; онъ поспои мало, попомъ виде-
тъи, да му слуга иде, съ Богомъ Господична
рекне іой, я оплазимъ. — Она на шо „Све-
тозарє! Любезный мой! шо рекши клекне
предъ нѣга, и дигне руке, ты се на мене сер-
дишь, но я се теби молимъ, ты оплазишь,
но мое сердце носишь, я се покоравамъ, я
признаемъ, да сама ты увредила, но я ни-
штемъ опрошеніе, я сама се раскала, я Тео-
дору любимъ, ходише! о ходише да васъ за-
герлимъ! Драгиня и онъ восхишительно по-
трче іой у нѣне разширене руке, и загерлу-
се, умолкну сви шрое, и едно другомъ сузе
у нѣдра изліе; съ конмъ оплакшавши себи
Агапіа, погледн на небо, О всесилный Боже!
нынь благослови а мене утѣвши; сладка моя
Драгино, ни си више Теодора, любезна моя

еєстро, ниси опсадѣ служкиня, прости ми, о! прости ми, што самъ пни сгрѣшила! Солнце мене озари, мрачне мое мыслы разгна, духъ мой просвѣши! я самъ къ себи дошла; извините мою слабость, о сердца любезна! прїимите ме у ваше прїятелство, не исключите ме ваше любви, прїятна тѣе быши мени и сѣнь ваша, о щасливый паре, ако ме шокмо искренно нѣе удостоите. Драгиня! сладка и любезна моя Драгиня! Люби Светозара, као право щастіе свое на земли, брой опѣ данась сретѣне дне сѣ нѣмѣ, и я се теби завѣщаю, о великій Боже, я се теби заклину о святое Небо, да тѣу до смерти у дѣвству животѣ мой проведи, до смерти мое сѣ чистымѣ сердцемѣ и смиренно теби служиши, тебе славиши, и теби се као опцу милосивомѣ, за све на земли смерти молиши, а наипаче за мою Драгиню, за моего Светозара, кога до данась нисамъ познавала! Садѣ ми е лакше, садѣ ми се са сердца сва тягоша свали, и оно свободнѣе куцати починѣ.

Светозарѣ удивлѣнѣ внезапной овой промѣни нѣной, погледи на Драгиню, но не знающе, што тѣе їой рѣши. Агапіа освободивши сердце свое печальныхъ оныхъ мыслей.

кое

кое су ю, као свирѣпе / фуріе, мучиле, дойде у благо душе свое расположеніе; и ощути пріятну у серацу своему пишину; кровь іой предузме природно свое печеніе, и орумени іой красне нѣне образе; кое кадѣ убрише отѣ суза, застію іощѣ болѣ Светозару у очи: Онѣ на ню сада, као на Ангела гледаше, и о промени овой разсуждаваше. „ О Боже мой! рекне у себи, едно токмо раскаяніе нѣно колико ю любезну чини, еднимѣ признаніемѣ своихѣ заблужденій, мыслей, као громомѣ разгна сву шму печали свое, како-ва іой е кровь найпре у бури пристрастныхѣ мыслей мутна была, и ню блѣду творила, и како іой се сада избыстрила, упишила, и ню румениломѣ своимѣ украсила.

О шы и любве и почишанія достойна дѣвице! како самѣ се я варао о швоемѣ серацу, добро е швое сераце, Любезна Агапію моя, добро е швое сераце, и добро е мени Драгиня моя казала, но юный швой вѣкѣ и недоспащочне іощѣ у теби разсужденія силе, оно су узнепокоиле быле, и тебе чистпо изѣ швое сфере исхишле! Но зашто любезна моя кляшву положи, да се нигда удавати нешѣшь? О Агапію отступи шы отѣ такове мысли, коя тебе противѣ Божія намѣренія опвага-

ИИ :

Чи: Богъ шье тебе као молодой опросити, тико зна, каковаго е тебе щастіе швое юношу опредѣлило; ты се у шаковому находишь состоянію, да можешь себи по желанію сердца свога, мужа спискаши. — Оставимо любезный мой! у сожалѣнію рекне она, оставимо шай разговоръ; ты си мой и Драгиня е моя, а Васъ любимъ, и духовну мою съ Вама любовь учинишь, да ми пріятнія буде, него и брачна, кою бы самъ съ шобомъ имала. Они овако у разговорѹ дойду ко колма.

Ту се лѣпо опроси и излюбѣ, едно другомъ завѣщаваютьи, да шьеду се опешь, скоро, и почесто видиши. Светозаръ хоташе свога коня Драгини даши, обаче она нѣ смѣла, но узме опъ слуге мирнѣга, а нѣга пошлю пѣше у виноградъ, да каже Госпон Косари, да су они ошишли дома.

Агапіа е съ Агромъ сестромъ, и са стридемъ ту спала, и Светозара съ опдемъ, докле нису за одну шуму зашли, съ очима пратила. „Иди о любезный сердцу моему на свѣту овому предеше, узданувши рекне у себи, иди по мысль моя на тебе до смерти мое остае. Съ каковымъ е напраснымъ устремленіемъ (рекне лагано у коли сестри) любовь сердце мое завладала, но нѣ.

Н ъ

не

но дѣйствиѣ не бы шолико силно было, да се нѣ зависть у мени противѣ Theodore родила. Я ти се радуемѣ, да си ю умѣла побѣдиши, отговори сестра; зависть е най-лудѣа страсть у нами. Она не само, што насѣ ништа не ползуе, него насѣ мучи, и сердце наше узнемируе. Ты си садѣ сама искусила, колико ти е лаккше сердцу было, докѣ си дошла у благодушїе, и помыслила у себи, ова дѣвица нѣ мени ништа согрѣшила, ни ти е была у намѣренїю мене увредити. Зашто бы се я противѣ нѣ ополчила; паче да се покоримѣ воли Божїой, да не ратуемѣ противѣ правде, да не вредимѣ совѣсть у мени; и тако исчезну зависть изѣ пвогѣ сердца, садѣ си спокойнїя. О моя Агапїе, тежко ономѣ, кой се спростемѣ ода. Спрассти су паклене фурїе, и мучителнице наше.

Докле Пелопида, сѣ вїномѣ наквашенѣ на коли проспава, ова паметна дѣвица, младу свою сестру доволно путемѣ поучи и ушѣши.

Господинѣ Старый, сѣ любезнымѣ своимѣ дружствомѣ замеркне, и їощѣ домѣ свой видити не могаше. Време облачно пму ноцну усугуби. Они вещь и невидяху кудѣ иду.

Ноч-

Почне изъ далека гремити, освѣпли имъ молнія, и спазу да конья у право путемъ ездю. Небойтесе дѣцо! напредѣ Старый съ голымъ мечемъ идушьи рекне имъ, мы путемъ идемо. Путемъ Господине! отвѣща, Арістидъ, но шко зна коймъ, и киша прокаплюе! Ништа зато рекне Старый, ако мало и покиснемо; нешье насъ распопити. Ал' ако буде, као ономадъ? — ако буде као ономадъ а мы пьемосе и купаши као и ономадъ. — Богъ ме Господине, како я видимъ Вы се зла не боите.

Старый. Лудъ се человѣкъ зла небои, но не треба при свакомъ случаю, као зецъ, да долазимо у препетъ; дѣды се нѣе чудиши, но мужъ, као ты да се бои, срамота! — Право, нисамъ те пытаю, докле бы си бѣгао ономадъ отъ оны паса?

Аріст: Јошь нисте заборавили? — јошь пьете Вы и старцу (за Воденичара) казати, но опеть у води што самъ се бояю, то самъ имаю право, онде е се явно живоша пицало, знамъ да сте се и Вы бояли.

Стар: Но, оно е друго: за оно ши не замѣравамъ. Обаче што се боишь сада? — гдѣ си ты видю, кадъ киша ситно роминя, као што садъ починѣ, и облацы шанки, да

Н ѣ я

шье-

тѣду сесрушити: то е еданъ весма рѣд-
кій у естеству случай! —

Они се овако разговараютьи, и шалетьи,
изыду на поляну, по коіой овце около пуща
Пасаху, падне имъ у очи и свѣтъя сквозѣ
прозорѣ, но хвала Богу, рекне старый, до-
бро смо погодили; ово е нашъ домъ. Ешто
ти имъ едногъ пастыра, кой съ пуща стаде
овце свое сврапъати. Ово е было Водени-
чаровъ Сынъ, кой имъ каже, да е мало пріе
и Госпожа изъ винограда дошла; и да су до-
ма сви здрави. Драгиня упоредъ са Свешо-
заремъ идяше, она воспряне духомъ кадъ у-
гледа домъ, кой іошъ подалеко баше, поведе
съ младитъемъ бесѣду, и съ услажденіемъ
спомену мило оно време, кое су шу мали
іошъ проводили. На то искрестну имъ два
гердна быка на пущь. Арістиде! повыче Го-
сподинъ; ево быкова! — у шай ма кадъ тѣс
онъ погледаши, засія молнія, и Арістидъ смо-
три, гдѣ еданъ копа землю ногомъ на са-
момъ пуну, и муче; а другій дигао главу у-
правъ на нѣи, пакъ маше роковы. На мою
душу овый намъ Господине прети! Госпо-
динъ смѣютьисе „ Дедеръ шы не губи вре-
мена, зашто ти е конь и тако послабъ. На
шо быкъ устремисе нима, а овый шы намъ

оба-

ободе коня, и што годъ игда може, преко
 поля спане бѣгаши, Старый се зацѣни смѣю-
 тши, едва проговори дѣцы „Небойшесе рекне
 имъ, Вы ништа; но само за мною, мало
 пьемосе ономъ на пушу, уклонити; и тако
 мирно пройду. Кагдъ дойду дома, алъ конь
 Арістидовъ самъ заперкуесе около дома. Го-
 сподинъ запыта слуге, кой предъ нѣга изы-
 ду, елѣ дошао Арістидъ, ови отговору да-
 ние; Господинъ проповѣди имъ у крашко слу-
 чай, шта е се съ нима догодило, идите ре-
 кне имъ те га тражити; да ние гдѣ съ коня
 спао, и убіосе; у момъ животу вели, нисамъ
 тако плашлива человѣка видіо. Слуге оду,
 а старый уйде у иушарѣ. Светозаръ Дра-
 гиню исподъ руке уведе. Косаро моя! рекне
 старый, погледай какову самъ ти дѣпу дщерь
 довео! ово е наша Драгиня, ово е она се-
 стра Светозарева, кою е онъ често спомин-
 яо и За кою смо чули были, да е умерла бы-
 ла, ево е живе! Косара ю загрли любезно!
 Сладко мое дѣте, и дщери моя любезна! —
 Она е подобнымъ начинемъ као и ты нѣке
 судбе свое прешерпила, рекне старый, и са-
 да смо ю случайно нашли. Проповѣде ту
 нѣну повѣсть, докле е вечера готнова была,
 и Косара ю весма возлюби, со шимъ више,
 шшо

што ню Светозарь особито любяше. Дозову изъ друге собе Чедомила, но нису їой хотѣли одма за нѣга казати; и онага познати не може, докѣ нїе Светозарь на нѣи обососмѣваютьи се ню внимателну на то учинїю. Она погледи на Светозара пакѣ на нѣга, велико подобїе лица, ню полно извѣсти, она му съ радостїю прешерчи „Чедомиле, загерливѣ га по малой почивки (Сладкїй мой Чедомиле, — колїкїй си и шы вещь нарастїю! Старый погледи на нѣи, пакѣ на Свяше Іконе „Боже мой благїй! рекне, слава буди теби, съ чимѣ си шы мене оддарїю, какова радость мене окружава.

На то проспесе киша на полю, и Старый се даде убригу за Арїстїдомѣ; шекѣ они сѣдоше вечерати, што ти имѣ Арїстїда. савѣ мокарѣ и калавѣ, стане шу проповѣдати како му е конь посервуо, и онѣ се съ нѣга на землю свалїю. Да се ниси убїю вукавче! запыта га старый. Нисамѣ се убїю оговори овый, него ево самѣ савѣ покисао. Но хвала Богу, кадѣ си отѣ быка побѣгао, смеютьи се рекне му: На то уїде Воденичарь, стане га съ очима отѣ главе до ногу мѣриши: Старый на мигне на нѣга, Воденичарь узме Арїстїда за руку, пица му пулсѣ; Го-
спо-

сподине овомъ бы нужно было пустити кровь. Но! ево мени куге рекне Арістіаѣ, кой те діаволъ садъ овамо донесе! —

Воден: Дайте му чашу вина лайше, да се поврати, та ево и сада дерктые као прутъ, ей кукавче, пошто си живъ, и быкова се боишь? —

Аріс: Боже мой, што ти е Воденичаръ, онъ се ништа не бои, онъ зна и пулсъ пи-папи, гдѣ врагу научи?

Старый. А іоць да си га видію, како е на едномъ мѣсту отъ паса бѣгао! —

Воден: Онъ? отъ паса? а гдѣ су му зуби были, е мой брайко, ништа ли невредишь!

Аріс: Иди слушто иди! Валь да си се ты съ псима кадгодъ клао! што ти е простакъ!

Воден: Видимъ и ты си благороданъ и мударъ. Та бога ти, елѣ истина, да тебе жена на поле ношьомъ изводи? Господине! Онъ несмѣе у помрчину самъ за главу!

Аріс: Больше тѣе за тебе быти, да идешь ону воденицу чувати, да ти буица загапу непоквири.

Воден: Имашь право! но ако буде быкъ на полю? —

Они се овако шалетьи, вечераю, алъ на еданпушь тако страшно загреми, да се сви про-

прозори на дому запресу; уплайриши намъ се Арїстїдъ, „ хвала Богу рече, те нисмо сада гдѣ у полю! На то пукне громъ, и онъ савъ прошерне. Воденичаръ погледи на нѣга; а! а! ово е нешто страшнїе, него быкови.

Арїс: Тко се шога не бон, шай се ни Бога не бон.

Воден: Хмѣ! а я кажемъ, шко се управъ Бога бон, шай извершусе нѣгову Свяшу волю, и хранисе свакога порока, пакъ у доброй надежди о Богу живи; и небонсе естественныхъ случаевъ, и гремлявине, као пы.

Арїс: А есилъ ты шаковъ?

Воден: То я знамъ.

Стар: Та пытай га именяче, некъ ни гаже, како смо се одъ ономадъ давили.

Арїс: О Господине! не споминише! ово е за исто естрашно и было! —

Воден: Каже ми младый Господинъ, но шшета, да я нисамъ шу быо, да видимъ смо овогъ шта ради.

Стар: Природно е намъ, люди Божїй, при опасномъ случаю и бояшисе, но како гом што неваля, отъ свега смѣлу и продерзаву быши, шако не валя ни весма плашаву и малодушну поспаши. Человѣкѣ некъ е свгда при себн, и некъ е бодръ, пакъ се неше

од-

одма, и отъ свашта уплашиши. А гдѣ се што живота шиче, шу се свакиѣ узыма на умѣ. Нѣкиѣ су люди и отъ саме природе слободни, а нѣки плашави, но много е и воспитаніе, и изъ младости упражненіе по-му узрокѣ, да шко свободенѣ буде, и да се при свакомѣ случаю одма не уплаши. Зато нужно се быши види дѣше изъ малена отъ нѣговы нѣжны ноката, колико учиши га, и свакой другой добродѣтели привикавати, толико и великодушію насшавати га, да се не бои, и отъ свашта преза, кодѣ про-стога-се рода, приложи Старый више суевѣ-рїа находи, нежели кодѣ просвѣщеногѣ и о-печь гражданско дѣше не смѣ ношьюмѣ само у поле изыши, као просто. Но Арїстидѣ што се гремлявине и громова бои, што отъ паса и быкова бѣга, онѣ има свой узрокѣ; громѣ може ударити, псето уести, и быкѣ убиши, обаче да онѣ ношьюмѣ несмѣ самѣ у своемѣ двору на полѣ изыти, то незнамѣ чега бы се бою. Человѣкѣ може ношьюмѣ, куда га годѣ нужда позове, и куда му годѣ драго иши, како годѣ и даньюмѣ. Ванѣ по едно, ако се шко зам людїѣ бои, конхѣ се и да-ньюмѣ боиши шреба. Нѣкиѣ, а найвише про-спи сказую, и булазне, да су шако и шако не-

нешто нощомъ видили, да су имъ нѣки духови предъ очи излазнили, вампірісе изъ гробова извлачили, и ишли у село люде давшя и прочая овакова суевѣрія, за коя не знамо или шьемо имъ се смеяти, као глупимъ, кои то вѣрую, или шьемо ихъ сожалѣвати, као просте, и непросвѣщене люде, кои много за овакова страдаю.

Они се овако при столу разговараю; алъ удари имъ зракъ месечный сквозъ прозоръ, „ Но хвала Богу, разведари намъ се, рекне Старый, пакъ устане и отвори прозоръ, дѣда оду спавати, а они продолже бесѣду на прозору и свѣжемъ после кише въздуху; глубока ветъ нощъ, сва животна успавала бляше, и луна шихымъ своимъ свѣтомъ све зелене предмете около дома озарила; Огый е въздухъ сада рекне Господинъ после гремлявине и кише найздравн, и за челоуѣка найукрѣпительнн, понеже очищенъ е кишомъ отъ сваке гади и праха, а громови растворенъ и истончанъ, чисто мирнши. Они у разговору окрашивши нощъ, текъ што легну спавати, птвичице узавру пѣвати; румена заря у ютру обѣща имъ краснѣйшій день. Старый устане, узме свое младье, и оде на посао: Едне пошле у виноградъ загершати,

дру-

друге шливе шрести, а самъ сѣ дѣцомъ и Косаромъ у вертѣ оде. Крушке и ябуке, кое е онѣ самѣ улагао (каламіо) обродиле, и плодомъ кѣ земли прешегнуте дремаю, любезни мои шруди! рекне у себи, последній кратѣ я Васѣ собирамъ. Тешко тѣе мени заисто быши, отѣ овога се мѣста отшоргнуши, и за вовѣкѣ се отѣ нѣга растати, у коемъ самъ я мои 16 дѣта щасливо провео! — Плодоносна еснѣ исчезаваше, листвѣ на дресви пожупи, и падаши почне, хладне нощи настану; и естество се цѣло, у виѣшнему виду измѣни, нечуесѣ више сладкій гласѣ пшица, вѣшрови свирѣпо дыхаши почну.

Настане вѣть и сѣда зима, забѣлесе горе снѣгомъ, смерзнусе потоцы, успава ихѣ студеяность, тихо подѣ ледомъ уздишу, нечуесе више нѣовѣ жуборѣ, ни любезно оцо преко камичака шапушанѣе.

Любомирѣ узме дѣцу и Косару, пакѣ оде у градѣ. Онѣ изнайде оне, кой су Драгиню у Монастырѣ оправили были, и нѣно благо себи присвоити хотѣли; прешегне ихѣ на судѣ, и они предѣ народомъ изобличени буду, изѣ цѣркве за годину дана истерани, сваке публичне службе на вѣки лишени, и у об-

ще-

щесство гражданско нигда да не дойду. А за оно добро, што е было поклонію, рекне Драгини, ако има волю ту у своему отчеству оспати, да їой све поврати, ако ли е рада съ нимъ ниши, и нѣгова се дщи наименоваши, да ништа не прїима, но да све остави на сироте. За Бога Опацъ! рекне му она, заплакавшисье, не бы васъ жао было мене, кою сте ме, као свое рождено дѣте держали, овдѣе оставити, и нигда се више самномъ не видити? Дѣте мое! отговори Спарый, мени бы и весма жао было, обаче я у оваковому дѣлу противъ швое воље, ништа учинію не бы, зато ти и опомниѣмъ, шы о моїой души зависишь, Я самъ имѣю власть, швое добро на сироте дати, кагб самъ чуо, да си ты умерла. Ты пакъ сама имашь власть оное, на прагъ узени. Не любезный опацъ, не! — Вы имате власть самномъ и съ момъ добромъ, и Вы сте шикову прїимали отъ онога, кой е мени и жivotъ мой, и исто добро даровао; и кой е духъ свой на ваши руку испустію; я самъ ваша дщи, я идемъ за Вами, а добро како сте поклонили, тако нека и остане, — аю е ваша воля, — не могу се я васъ, не могу любезне мое братіе разстати, и кога имамъ

овдіе? сѣ кимъ бы живила? Старый на то загерливши ю, добра моя дщери, любезно дѣше мое, рекне їой, шы си моя была, моя оспаешь! —

Граждани су безъ сваке сумнѣ держали, да шые имъ ова млада наслѣдница добро свое опузети, и правилнису были рачунъ, гдѣ су што попросили? Новцы су имъ коекуда подѣ лихву раздаши были, и журились сада, како тѣду ихъ скупши. Дойду сви ошмѣннїи поглавари Господину, и шану га молиши, да бы се претерпїю, и ихъ за време пречекао.

О любезни мои! рекне имъ великодушный Сербинъ, оставите то попеченїе, дѣше е ово мое, я самъ сѣ нѣомъ дѣло совершю, и нисамъ хѣшѣо ваше сироте уцѣвлиши, она вамъ оно добро, кое самъ я као шудѣе на сироте ваше поклонїю, данасъ као свое собственно на ново поклоня и дае. Ови се не мало удиве нѣговому великодушїю, и рѣдкой овой добродѣтели. Они нѣму любезнѣйше благодаре, особишю Архїепїскопъ, при коимъ нѣколико дана шу проведе!

Любомиру се наипаче допало урежденїе у истоме граду за сироте. Нїе шу было видити одерпана просяка, и буди какова бо-

гала,

галя, да се по улицами вуче, и отъ прага до прага милоспыню камчи и проси. Публікумъ е за нѣи дао успронти домъ, отъ много соба, у комъ су они пребывали, и по урежденію граждановъ сваке субботе, милоспыню отъ общества, на препитаніе свое пріимила; нѣшто у новцу а нѣшто у брашну, вариву и прочемъ. Но Поліція е све богалъ и сакаше почесто прегледала, и испраживала, у каковому се кои состојанію находи, и ели се кон, за каковъ посао, способанъ нашао, да што у Публікуму завреди; и шуне (бадіева) хлѣбъ не еде; абіе посао му даду. За болне, разслаблене, и ранявене малису особите болнице, враче и лѣкаре свое, кои су ихъ лѣчили. У боге фаміліе и удовице еъ много дѣчице свое, ималису граждани написате; и за нѣово содержаніе уреждено е было, да Господа и имутии граждани, спрощъ свогъ имѣнія и могуьства, по нѣшто новца у кассу сиротинску даю. А змледѣлцы отъ своего плода, у жишу брашну и прочемъ. Священство е народъ у церкви, поучителнымъ своимъ словомъ на то ободравало, да свакій правый Хрістіанинъ, ако мысли себи, и души своіой спасеніе и животъ вѣчный снискаши, валя да се опоменс-

ск-

сирота, и Хрістовы рѣчій; блажни милоспиви, яко тѣи помиловани будутъ, валя да се мало и отъ излишнихъ прошковъ задержава, да може благодѣшествовати, и оному бѣдному у нужди помощи. Да може гладна пахранити, жедна напоити, нага одѣнути, и сироту удовицу, съ неячкомъ дѣщицомъ утѣшити. Умѣренность и порядочный животъ, есть една особита добродѣтель. Она насъ содержава у здравію, и храни свакогъ порока, насъ богати, и у раскошь пасти не пуца. Колико бы многи отъ насъ, само съ онымъ благодѣнія и милоспывѣ чинити могао, што все и безъ сваке нужде, кое гаѣ преко године попроси! —

Добродѣтельный нашъ Любомиръ свакій путъ бы уздануо, кадъ бы о овому разсуждавати почео. Онъ ову последню у Греческой земли зиму, више у граду, нежели у своему Елісіюму проведетьи, найрадѣе е Архіепіскопу на обѣдъ ишао, зашто овый Божественный человѣкъ, имающе обычай као и онъ, буди каковый гостъ быо, съ тры, найвише чепыри добро сготовлѣна еля, нѣга дочекаши, и многимъ бы отъ граждановъ, кадъ бы га звали на обѣдъ рекао „Люди Божіи; нашто вамъ, толика дьяконіа; ниши бы

бы више онѣ хотѣо ести, него отѣ три, четири, по своему обычаю: та ове ваше велише посласнице, паче квару желудка нашѣ, неже ли да бы намѣ здравію што причиниле! Измышлявати само коекакова сладка сла за гортань, конхѣ сласть, докле шокмо, сквозѣ нѣга пройду ощущавамо, а потомѣ више кратѣ боль шерпимо, што намѣ желудка обшерещенѣ сварити не може: елѣ што памешно; та мы не живимо, да смо, но смо да живимо! я придола имѣ отѣ три отѣ четири сла, више нигда на мой сполѣ донести не дамѣ; пакѣ ме вели погледайте, каковѣ самѣ здравѣ, и руменѣ, и овако старѣ, пунѣ снаге и презвенѣ: мене глава нигда не боли; нишѣ се я кому пошужн, да неймамѣ аппешитѣ кѣ елу; и погледайте мою дѣцу, како су здрава, а вы по градови узелиште нѣкій обычай, да кон сте могушьи измышлявате по 10. 12 дѣаконіа, пакѣ пошомѣ дай врача, дай за блюванье, за пролишье; (лакфирѣ) и шта я вамѣ знамѣ. Они бы му се и насмѣяли, но и заправо бы му дали.

Наступи вещь и мѣсецѣ Априллѣ; Небеса больма и больма греяти почну; Озелену горе, лугови, и сва поля; цѣло естество новый образѣ на себе прійми.

про-

преспе разношарный цвѣтъ свуда; Чистъ после зыме и вѣшрова воздухъ, исполнисе прїятнѣйшимъ мирисомъ, узавру незлобне птичице по листвены древеси сладкимъ своимъ пѣнїемъ, торжествую дивное ово обновленїе свѣта.

Любомиръ се опрости са свои прїятелы у граду, коима е вещь познапо было, да се онъ у опечество свое сада о пролѣтїю вратиши намѣрваше, но нѣгово на вѣки имъ, „сѣ Богомъ оспай ретњи“ свакомъ е сузу изъ очїю истерало. Они знаютњи у каковой се онъ любви и милости кодъ садашнѣзъ свогъ Царя находи, коѣго се мечъ, даже и до самы нѣовы предѣла простираше, и кой цѣлой Грециї, и самимъ по Архіпелагу островомъ угрожаваше; препоруче му се, што бы у случаю имао призрѣнїе на нѣово мѣсто, и кодъ Царя, ако нужно буде исходатайствовао, да пощади ихъ сѣ koliko е могушьє, и сѣ koliko Право войническо у рату допуща, поне отъ кровопролитїя народня. Онъ нѣи доволно увѣрваше, да е Серблину, као доброму у оружію юнаку, свойственно и помиловаши, и koliko е могушьи отъ кровопролитїя пощадити; како годъ и свакому силному, што се пристои,

и природно му быши видисе, да е великодушанъ. А мене што се тиче приложи, докле годъ Божія воля буде, да уживимъ, нигда на васъ, како годъ мою собствену фамілію, забравити не буду и гаѢ годъ бы потреба была, и случай бы ми прилику дао, да Вамъ могу любовь мою оказати, по шьу вамъ съ радостію освѣдочити, колико я пріятелство ваше цѣнити умею.

Напоследокъ загерлисе съ Архіепіскопомъ, и пошпосе любезнымъ сузамъ полію, съ Богомъ сладкій и любезный пріятелю рече му, съ Богомъ на вѣки, я не вѣруемъ, да шьемосе шѣлеснымъ више видити очима. Видишьмосе ондіе любезный мой, — бришутьши сузе опговори Архіепіскопъ, — и дѣже нѣсть плача и рыданія; ондіе гаѢ шьемосе вѣчнымъ ублажавати покоемъ, съ коляко намъ временый и печали подложни живощъ овдіе изчезава, съ шoliko намъ се вѣчный и блаженный оный приближава. Архіепіскопъ и многи прочи, овако у разговорѣ, нѣга любезно испраше, и едва се распану.

Путующы онъ са своіомъ дѣцомъ и Косаромъ снаомъ, замышленъ долго ништа проговорити не могоше. Светозарь му пріступи на коню ближе, и спане га разговоръ:

.III.

ши. Що ти е человекъ на овомъ свѣту, рекне пробудившисе изъ мыслій, Косари, и какова су чудна дѣйствія душе наше; я садъ, вели гдѣ самъ се растао отъ овы людій, и помыслио, да се више нигда съ нѣма видити нешъу; тако ми е тешко пало, и тако самъ се на сердцу смутіо, да ми дѣте непроговори, опишао бы може быти, и дома, не бы ни наумъ узео, кудъ самъ прошао. Я самъ хотѣла сама, одговори Косара, Вамъ проговорити, обаче знаютьи добрый оцацъ! при овакому случаю, у каковомусе благочувствителна душа состоянію находи, нисамъ хотѣла Васъ бунити, и Васъ узнемиривати; пустила самъ васъ нѣколико магновенія у тихой и понешто пріятной оной меланхолін, провести. Пріятели Ваши, кое сте Вы любили, и отъ конхъ сте любимъ и почитаемъ были, за Васъ су вещь умерли; понеже тешко, да тѣте ихъ игда више видити. И распанакъ за вовѣкъ, искреннымъ пріателемъ и чистымъ душамъ мора тежакъ быти. Ништа на свѣту, рекне Старый, не може смершнымъ ко упѣшенію тако служити, како искренно пріятелство. Пріятелство е за свакій случай; ако смо у жалоспи пріятель насъ тѣши, и съ нами плаче; жалось и шу-

гу нашу со тимъ умалява: — у нужди? горели намъ домъ? добаръ пріятель и правый другъ, у кошули и неопасанъ у полъ ношъи, као у полъ дне терчи намъ безъ душе — што но рѣчь — на помощь; и насъ отъ погибели брани. Ако смо у радости, съ кимъ бы могли и нашу радость дѣлити; него съ добрымъ пріателемъ, съ искреннимъ другомъ, кой намъ ю са своіомъ искренностію, и чистымъ онымъ о нашемъ благополучіи веселіемъ усугубљава и увеличиваетъ. Касалисе живота? Вѣрный другъ за друга своевольно умирае. Тешко ономъ, кои неуме себи добра друга, и пріятеля добыти, а јошъ горе оному, кой шаковаго не зна чувати, не зна почитовати, него га изгуби, и нѣгова се пріятелства лиши.

Самъ человекъ, ни плакати ни пѣвати, ни ести ни пити не може. У почетку свѣта, како су смертни, ово душе наше својство искусили, одма сусе у содружества собирали, одма еданъ другомъ пріятелство зачинали, и шако имъ е свако благо намѣреніе, и свако добро дѣло, лакше къ своему спѣшило концу. Многій е вѣрный другъ болій, него и рожденый братъ. Мени тешко пада ово расшаніе отъ моихъ пріятелей,

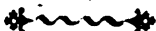
што

што ихъ више видити нешю; обаче они у сладкому воспоминанію ошаю при мени до смерши мое.

Но да видимо, кога тье садъ нашъ старый Господинъ дома застати? — Текъ што се солнце на западной спрани за одну гору спущати почне, и златне свое луче съ верховъ высокихъ древесъ сбираши, вечерни зефүри разгреяну теплошомъ нѣговомъ землю, тихо спану прохлаждавати, и мирисно оно, отъ цвѣтовъ испареніе по воздуху развевати; Они угледаю домъ свой, и нѣка два мужа, да имъ одъ дома укобъ иду. Какви су овы рекне старый, што предъ насъ иду? Со тимъ укобусе.

Мени се чини, да Вы мене оцацъ не познаете, ухвативши коня за узду, проговори страннй. Старый внимателно погледи, восхиписе радостію „О Космо! Сыне мой Любезный, одъ кудъ ты? Светозарь и Чедомиль по чувши, претерчу му, скоче съ коня, братацъ! нашъ, братацъ! у радости повичу! и падну му на перси; Онъ нынѣ любезно загерли, и ништа отъ радости не говоретьи; къ персима ихъ своимъ припискиваше. Сидьесе и старый загерли ихъ онако загерлене, и пошпосе радостнымъ оросе слезамъ, излюбю

любу се и поздраву. Косара е тронута о-
вомъ восхищенномъ радостію, гледала на
нѣи; и самой іой сузе пошеку. Старый ю пред-
стави Косми, и каже му, Ово е Сынокъ мо-
снаа, и твоя уйница за кою самъ ти писао;
Помысли, какова е радость моя была, кадъ
самъ я разумео, да су ова дѣца ошѣ мо-
крови, и Сынови мога рожденога Сына. Кос-
ма и Косара загрлусе и полюбе, Уйницо мо-
сладка, я ублажавамъ Судбину Вашу, мен-
су Господинѣ Отацѣ за Васѣ писали, и по-
вѣсть ми е Ваша одѣ вещь части познана;
моя е неисказана желя была Васѣ видѣши.
радуемсе да васѣ у добромъ здравію видимъ.
На шо приступи му Драгиня, а ово е при-
ложи старый, Драгиня наша! Косма съ уд-
вленіемъ погледѣ на ню, и полюбисе съ нѣомъ,
Сладка моя Драгиня! никадѣ те познао не-
бы, мы смо тебе сви оплакали были, но ка-
кова ми е радость была, кадъ самъ разумео,
да си жива. Милесса моя едва те чека видѣши.

Слуге имѣ исперчу и прѣиме конье, а
они пойду лагано пѣше, дома. Казуй Сы-
нокъ! рекне Старый, како е кодѣ Васѣ, ште-
чѣни моя Милесса, есилѣ сретѣанѣ съ нѣомъ.
О отацѣ! шко не бы съ онаковымъ сер-
цемъ сретѣанѣ быо? Она е здрава, и по-
тыс-

тысящу кратѣ све Васѣ поздравила, она е вещь (заруменившисе рекне) и маши поста-ла; и мене съ прекраснымѣ Сыномѣ обдари-ла. Старый се осмене, Богѣ да прости! то е моя радость: давно? — има вещь б недѣля. — Хотео самѣ Вамѣ одма писати, но быо самѣ у намѣренію самѣ дойти.

Они при вечери продолже разговорѣ, ка-же имѣ Косма, како е лѣпо све оправіо; домѣ созыдати дао; стае, пивнице, прекрасне вершове, винограде, и прочая; Само да се на готово преселу. Селяни Ваши вели му, съ неизказаномѣ жельомѣ Васѣ чекаю; и да вещь еданпуть дойдете, изгледаю. Проповѣди му, како е мудрый Царѣ Стефанѣ сада царство устроіо: мирѣ съ Грецы начинію, но што имѣ годѣ земаля узео, нїе имѣ повратіо; но-ва нѣка урежденья, весма лѣпа у Царство узео, законе памешне установіо; како е на-родѣ съ нимѣ доволенѣ, како га любви, и долгій му живостѣ жели. Старый слушаютьи ове радостне вѣспи, дойде у умиленіе, на-почи чашу вина, и держетьи у руды запой.

„Ой Дикуй отѣ садѣ славный Призренѣ гра-де, Веселисе Любезный народе! Свудѣ по свѣ-ту слава Ваша герми, ой отѣ радости пер-си играю ми. — Свешозарѣ седетьи, поредѣ

• нѣ-

нѣга, насмесе: посте Вы оцаѣ! сада со-
ставили, рекне му, нисамъ знао, да спие Вы
поета добарѣ! — Насмѣюсе дѣтешу свя,
при столу; та не кажемѣ ли истину, при-
дода младить, други се муче да направе стѣ-
хове, а мой Старый оцаѣ, пѣваютьи стѣхѣ
сочини, О ты паце! отговори оцаѣ! не-
знашь да е Сербину почти свакому природно
то, нашто да составля и пише. Ни у ед-
ному мой Сынокъ народу, нешьешь ты из-
между просты людѣи, цолико за Поешу рож-
дены найти, као у Сербскому; ници тьешь
чуши отѣ правоѣ Сербина, да онѣ скардне
и срамне пѣсме пѣва; о милосницы, и ми-
лосницами, као у Фессалии, шчо е чуши. Но
пѣва православный Сербинѣ при столу и
гостбини понайвише пѣсне церковне, изѣ
Святаго писма, а кадѣ горомѣ кудѣ ездѣ,
запѣвати намѣ юначку пѣснь шако, да се
гора отѣ звука разлеже. Греци исти, докле
су юначке пѣсне пѣвали, много су больше спо-
яли, а у саданье време, како се на лювовѣ
кѣ женскому роду дадоше, и о милосницами
пѣвати почеше, поженаришесе са свимѣ;
пакѣ ено, како имѣ Сербинѣ сада, мечемѣ
своимѣ, и юначкомѣ угрожава мишцомѣ. Най-
нѣжнѣя е кодѣ Сербина пѣснь, коя е занста

и похвале достойна, любовь къ старой майки, любовь милой сестрицы, любовь сестре къ брату; и любовь вѣрногѣ друга другу, коя се зове любовь духовна, чиста и свята любовь. Будѣ смо као смертныи люди, страстемѣ, кое насѣ узнмириваю, отѣ саме природе подложни, отѣ конхѣ треба да се хранимо, да насѣ у зло какво не навуку; шудѣ бѣдни нѣки люди, особито неискусна младежь, пражу сами начине, како шѣду ихѣ вѣшьма раздражиши, и противѣ себе ополчиши.

Каже Евдоксія Господину, — да га е нѣкій Господарѣ пражіо вѣшь два пупи, отѣ како е се онѣ у Ларісси находіо. Еданпуть вели долазіо е онѣ самѣ, а еданпуть сѣ двіе дѣве. Тко бы то другій быо него Платонѣ, одговори Старый, са своима дщерми Агромѣ и Агапіомѣ, сожалуемѣ, рекне да се нисамѣ дома нашао. Светозарѣ навали, да имѣ до кон данѣ опиду. Онѣ Агапію не бляше іощѣ са свимѣ изѣ памети изгладіо.

Другій данѣ рано изишшесе Светозарѣ сѣ Чедомилемѣ и Драгиномѣ изыши у ловѣ: знашь ли што е Светозаре, рекне Драгиня пошто се вѣшь на конѣи у шуму удале; Фабріке (дѣлашелнице) Господаровѣ моихѣ одав-

одавде нису далеко, ако хопьешь, да имъ одемо, и посѣтимо Агру и Агапію. Светозарь погледн на ню, и насмѣесе, право велишь, отговори їой, лань е долгъ, мошьемосе и напругъ врашнн. Мы се нешьмо придода она, при ньма ни мало задержавати. Заузмосе ннди преко шума, нахватаю множество млада пшиць, и Драгни своіомъ стрѣломъ убіе едно прекрасно еленче, кое їой Чедомиль из засѣду напера, и на кое е Светозарь стрѣлу избаціо быо; но не погодіе, за то му мало и замука буде Морамъ рекне онъ, и я таково што уловити; и тако не само пренебрегну путь у фабрике, него изъ едне дубраве у другу ходящн, и елене гонешн удалесе отъ слугу и свои коня, кои су подъ едномъ шумицомъ пасли, тако, да се за вида нису могли врашнн.

Ухвати ихъ ноць и мракъ густнн, да се нишна не видяше. Похите што берже, стану выкапн слугу да имъ конъ дошера; но ниши ту коня ни слуге. Кадъ вещь уморени посустану, сѣдну на едной поляни чевати, да се мѣсець роди, и шекъ што Светозарь легне и главу свою сеспри на крыло меше, а Чедомиль поредъ ньн сѣдне, велико се

се ношѣ око, иза едне горе укаже, кое верхѣ токмо горе вопервыхѣ освѣтили, но абіе полутавне свое луче, и на све предмете по земли проспе. Хвала Богу рекне Драгиня, добысмо мѣсечину, Светозарь іой блше на крылу заспао, жао іой буде будити га, обаче Чедомиль навали, да се иде и онѣ га пробуди. За волю Божию, гдѣ смо мы, шарушѣи очи, рекне Светозарь, и што тѣмо вели сада чинити. Слуге сѣ коньма нейма, моратѣемо пѣше табане жульпити; напершу свой ловѣ, и пойду кѣ западу насумце. Зора заплави, а они углѣдаю домѣ свой, у плашилисе сви шрое, како тѣведу се сада, кодѣ Господина изговорити. Светозарь рекне, да е онѣ у свему кривѣ, и да тѣе самѣ на себе цѣльцѣи процесѣ прѣимити; но бой на пры части да подѣлу. Обаче мапи ихѣ испсуе добро; а понайвише Светозара, и кодѣ Господина ихѣ изговори, и рекне да су они іощѣ сѣ вечера дошли, но поноцне; на то дойде имѣ слуга, кога пошлѣ Господинѣ по Платона, и поручи, да му дойде, са своіомѣ цѣломѣ Фаміліомѣ, у госте.

Попомѣ даде велику часпѣ справити, зовне изѣ села опмѣннѣе люде у госте. Онѣ даде сполѣ поредѣ источника, на испомѣ мѣ-

мѣсту, гдѣ е свога Светозара нашао, поставиши. Мирисне сада у пролѣтѣе липе, овый кристалный источникъ, у свое прохладителне сѣне, узимаху; Гости су сви други дошли были, но нейма іоуць Платона, полане е вещь далеко превалило было, и нѣга чекаютьи іоуць за сполѣ не сѣдаю. Госпожа Косара оправивши сѣ Евдоксіомѣ обѣдѣ, обучесе и сѣдне госте разговарати; а Господниѣ узме Арїспїда, и Воденичара свога на страну, и каже имѣ; да онѣ нима домѣ, вертѣ, воденицу и проче све недвижимо добро оставля, и покланя. Домѣ са сшаамо, великій вертѣ, и ливаде покланямѣ вели Арїспїде теби, а віноградѣ ти е поклонїо, мой Светозарѣ, теби пакѣ именоваче (Воденичару) даемѣ воденицу, малый вертѣ, и вопъняке: до данасѣ е было мое, отѣ данасѣ постае Ваше, пазитесе само, и у Брашской живитесе любви, као што сте се до сада живили; да тѣште мене свагда и любезно споминяши, о тому и не сумнямѣ.

На то ето ши имѣ Платона, са своїомѣ Госпоїомѣ, и двїема дщери. Светозарѣ исперчи предѣ нїи, и падне Агапїи около врата, она га загерли, и неможесе уздержати, да радостну сузу изѣ очїю свои

нс

не пусти. Ту се сви любезно поздраве, и сѣдну за столѣ, на кои се одма обѣдѣ донесе. Светозарь е сѣбо поредѣ Агапіе сѣ коіомѣ лагано почне говорити: Сладка моя Агапію! рекне їой, колико се Вамѣ радуемѣ, што самѣ Васѣ сада видію, толико ми е жао, што може быти, нигда се више видити не тѣємо! Я кадѣ самѣ разумѣла, одговори она, да тѣеше оплазити, нисамѣ хотѣла ни дойти и много бы паметніе за мене урадила, обаче едно нисамѣ могла сестри, и отцу волю опрешти; а друго желила самѣ Васѣ, їощѣ еданпушѣ видити; їощѣ еданпушѣ сѣ Вами се цѣливати; да ми Вашѣ любезный образѣ, у печальному моему воображенію, болѣ заостане! Мене су вещь троица просили; но я самѣ мою руку опѣ сви троице успегла — я се удавати не тѣю — Судба е мени мое щастіе опредѣлила, и мѣсто гдѣ тѣю я може быти, вовѣки плачевне дие мое проводити, назначила. О тому нишко незнакромѣ мене. — Но за одну тѣю Васѣ вещь молиши, и ако ми учините, сѣ полакѣ степною уполили, шугу. — О любезна моя одговори младить, а шта бы самѣ я Вамѣ умео одрешти: само, ако е у моіой власпи!

— Я

— Я тѣу Вамѣ попомѣ на само казати; придода она.

Господинѣ е госте разговарао; и Косара ихѣ е съ Кипаромѣ веселила. Нѣкѣй су се ошѣ ни Арїстїду и Воденичару непреставно смѣjali, како се ова двоица припиру. У таковој прилики Агапіа се са Светозаремѣ и при столу доволно наразговара. Найпослед Светозарѣ погледи на маперѣ, и да їой знакѣ да е радѣ устати. Маши примѣливѣ узрокѣ осмѣнесе, и мане главомѣ на обое, некѣ устану; устане и Чедомиль и Агра, полюбе спаромѣ руку и кажу, да су се ради мало пройши. Добро драга моя дѣчице, добро! продѣшесе, рекне старый; Светозаре Сынок! проводи госте свое свуда, нека виду, а мы шѣемо као спари и на ногу слаби, їошѣ кою осушиши, пакѣ што годѣ Богѣ да!

Агра за учиниши сестри поволи, да се може съ младшѣемѣ на само што, као последнѣй крашѣ разговорити, съ чедомилемѣ исподѣ руке, пойде у верту другомѣ спазидомѣ. Садѣ мя кажите Любезна Агапіо! рекне Светозарѣ, што сте ми казати хошѣли. Она на то уздане и пошѣупивѣ мало рекне му. Кажи те ми, обаче искренно мя кажите, любители Вы Драгиню, и хошѣете

ли

ли ю Вы за супругу узети. На овый вопросъ младить бацы на ню еданъ токмо нѣжній поглядъ, и нехотяше ништа, да їой отговори: Ели то све што сте ме хопѣли пышати, напослѣдокъ, рекне їой, Оно друго приложи она, што тѣу Васъ пышати, зависи много отъ отвѣта на ово! — Я Драгиную любимъ, отвѣща младить, као мою сестру, хопѣли естество у мени любовь ову духовну измѣнити на любовь кровну, да ю будемъ могао за супругу узети, и были намъ нашъ старый оцацъ на то соизволю; незнамъ. Довольно е то, да я до данась другу любовь у моему сердцу къ нѣой ошущю нисамъ, него любовь духовну, као братъ сестри, и то самъ исто и у нѣой къ мени примѣщю. — Мы се любимо предъ нашомъ матеромъ и отцемъ, као братъ и сестра, безъ наименшегъ у крови нашей движенія. Но истину Вамъ кажемъ, я первый кратъ, кадъ самъ ю видю, и кадъ нисамъ знао што е, другу самъ любовь къ нѣой зачео быо. Я самъ ю онда за жену имати пожелю; обаче сада о тому и немыслимъ. Ющъ едно рекне она, имамъ Васъ пышати. Лане, кадъ смо се первый кратъ видели, еше ли Вы како-ву любовь къ мени имали? — искренно ми
оба-

обаче и то кажите. — О сладка моя Агапіо, шша самъ я лане и быо, я есамъ любовь нѣ ку у моему сердцу оцущію кѣ Вамѣ, али као дѣше, кое сама наравѣ, а не разумѣ у правля; докле самъ у Вами нешто примѣшю, кое се мени допало нѣе, и о кому я судиши нисамъ умео; ополчимсе противѣ Васѣ, и мало ми нзѣ волѣ изыдете; а Вы такодьерѣ да сше имали разсужденія не бы сше ме онако злословили: но што е было-то е и прошло! Я Васѣ любимѣ као сестру, а васѣ почируемѣ као пріятелицу мою, и весма ми шешко пада ако се више нигда невидимо.

Они овако разговараютьсе, епо ти имѣ Старогѣ сѣ прочимѣ госпима у вертѣ. Овѣ исподѣ руке водешьи се сѣ Госпоіомѣ Плапоновицомѣ видѣвѣ ово двое гдѣ се нѣжно гледу „ ова се наша дѣца рекне, радо имаю Госпоже! — Као млади отвѣща она, я самъ вешъ вашегѣ Светозара моимѣ зетомѣ е тако нарекла; алѣ епо Вы оплазите „ Но Агапіо! рекне старый ухвативши ю за руку, како се вамѣ допада овый мой Домініумѣ? — Она се зарумени, и шихо се насмѣе „ алѣ по мое дѣше! милуюшьи ю рекне юй и окресе Госпожи, коя весма похваливаше устроєніе верта, и порядокѣ у свему, я жалнѣ,

при-

приложи Старый, што за Васъ нисамъ знао, Вы бы сте често кодъ мене бывали, и понѣ колико дана пріятелски бы провели а я кодъ Васъ такодьеръ; а и шло е наше на овомъ свѣту, отвѣща Платонъ, но паметно поживити, и у пріятелству еданъ съ другимъ дне провести.

Овый Господинъ за тры дана госте свое не отпусти, почасти се съ нѣма поштено и повесели, четвертый се данъ съ многимъ сузамъ едва распану. Но како е было Агапіи коя е ту за тры дана любовь свою съ Светозаремъ возобновила, на вѣки се може быти сама съ нимъ растати! — Она до дома нѣ свои образа осушити могла, ниши рѣчь родителемъ кои ю разговараху отъ плача проговорити.

Младитъу е такожде тешко было, и нѣгово е се сердце сила узнепокоило, но какову утѣшителну отраду онъ у Драгини своіой имадаше: онъ отпустивши изъ своихъ обятій съ тысящнимъ цѣлованіемъ нѣжну свою Агапію, стао као изванъ себе гледи за нѣомъ, и лѣе сузе, но Драгиня утревши свое сузамъ умивено лице приступи му кропко, ухвати га за руку, и любко се на нѣга насмѣ „ Сладкіи мой Светозаре! доста ветъ!

К к

опо-

опомени се любезный, да си мушко кому не приличествуе у женску меккость падаши, шта тье ти Мамица, шта тье ти спарый Отацъ ретьи. Со шимъ га поврапи, и ушъши; онъ ню загерли „Испину ти кажемъ Драгиньо, да ми ты ниси, колико самъ я за Агапиомъ сада чувствителенъ, незнамъ што бы отъ мене было; я самъ съ шобомъ ушъшенъ, но съ кимъ тье се она сирота ушъшиши; я самъ съ шобомъ сретъанъ, но хопье ли она имаши, съ коимъ бы сретъна была, кадъ каже да се нигда удавати не буде! — Сирота како тье свой вѣкъ онако лѣпа, онако научена безъ друга провести, безъ плодна остати! — у черно се обушши, и печално животъ свой провести! — мене може были клеши; О! не тье она шо учиниши, ошговори Драгиня; она е млада, промѣниши тье она мысль свою, млади люди рѣдко постояни бываю. На шо дойде имъ Спарый и Мати, и прекину имъ овай разговоръ. Но Сыне! осмѣваютьши се рекне му мати, а како видимъ, ты бы си волю да съ нами Агапіа иде, него Драгиня? — О! не Мамице! я ню не любимъ шoliko, колико мою Драгиню, и колико она мене, само жао ми е дю више видиши не тьеу. — Е! годину двѣ д-

на,

на, ако каковъ намъ зешъ изъ далека дойде, те пи одведе и драгину, онда нешьешъ ни ню мотъи видиши. — Алъ мы ню недамо далеко! — Есть! пыта шье насъ! — но како лю удамо, таки шьемо шебе жениши, Овако шалешъи се дойду дома.

Другій данъ рано старый Господинъ устане, пошлѣ Косму у Село, да зовне Священника и проче пріятелѣ нѣгове на ручакъ, и да дотера камиле, кое е за путь купію быю; а Арістїду рекне, да са слугами вещи нѣке помало спрема: то наредивъ изиде у вершѣ, скине капу и пустисе у благовѣйне мысли; пріятнии у ютру зефѣри, сиѣжне нѣгове власи по рамены ему разсипаху, и сребренну браду низъ широке нѣгове и юначке перси тихо колебаху; солнце веть отъ востока начне верхове дровесѣ, и Высоке Холмишье позлащавати, милый славуи у зелене гране сакрїо се пакъ све пшичице друге надпѣваше. „Боже вѣчный и Господи мой! Сердцемъ умилень возопи Старый „16 година вешь отъ како самъ я изъ моего опечества, а може быти и изъ подъ меча овамо избѣгао; благость швоя мене е о Отче! избавила, я самъ щаспливе мое дне овдїе провео, я у име швое данасъ намъ Бравамъ паки у мое

К а я

се

се отечество врашиши, ону землю, коя ме е произвела полюбити, Ты си мене благословіо! ипы си мене до данасъ помиловао; радостъ около мене прострео и веселіемъ сердце мое исполню; я самъ дошао самъ и сиромѣ, а врашьамъ се съ фамиліомъ и богатъ; я теби о благи Ошче и создашелю мой, усерднѣйше на свему благодаримъ, а се теби смиренѣйше у милость твою пакы препоручуемъ, помилуй мя, и благослови ми путь мой одавдіе, као што си благословіо Якову изъ Месопотаміе; благослови ми чада моя, коя си ми даровао: Моегъ Свеспозара, и моегъ Чедомиля, као што си благословіо ему возлюбленногъ Іосифа и Веніамина; благослови ми и остапогъ живоша моего, да мирно и у отечеству моему дне мое, конхъ е веть число мало проведемъ, да тихо и любовію пріашелскомъ окруженъ умремъ, да сосшарили кости мое ономъ землицомъ, коя ме е произвела, и за кою самъ као младъ кровь мою проливао, у гробу покрывемъ, прахъ оный и пепелъ оный опъ нѣи име шье швое благосиляти. Непрїашили мои нису сви изумерли, но ты Господи изсуни мечъ швой на нѣи, а не; сердце мое надеждамъ крѣпи се да, шью Богомъ моимъ и спѣну прїасти.

Онъ

Онъ ходящьи по верту, и воньницы, часъ на часъ заустави се и съ умиленіемъ сердца гледи дресеса, коя е самъ своимъ ручкомъ садю, и коя сада пролѣтїе цвѣтомъ посуло бѣше „любезныи мени предмѣти, рекне у себи, како ми е се сада пешко отъ Васъ распаги, незлобне птчице послѣдний путъ Вы садъ мене са сладкимъ вашимъ нѣніемъ овдїе увеселявате.

На то дойду му дѣца весела гдѣ се на путъ спремаю, поздраву га съ добро юпрю, и цѣливаю му руку: Кажу му, да су многи селяни дошли опростити се, и срепѣанъ му путъ желити; онъ се изъ прїяшны оны у нѣкомъ унинїю мысли поврати; узме ихъ за руку, и изиде предъ селяне. Но кадъ види, колико ихъ е дшло, и да многїи отъ плана ни поздравити га не могаше, стане по средѣ нѣи, веселый и любезный погледъ онъ на све бацы; обаче и самъ сузу у очима задержати не могаше „О да бы ме овакова ниста, и не лицемѣрна любовь ваша братїе моя сладка! рекне имъ, и у опечесству моему срѣла, какова ме одавде прапи! Ту се съ многима излюби, и лѣпо се са свима опростити: должностъ бы наша была, рекну они, Господине Васъ и испратити, обаче посленый

ный е дань, зналисмо да намъ не бы сте
 дозволили, но прїимите отъ насъ простыхъ
 людїй искреннѣйша сердца нашегъ желаны
 „ Богъ да вамъ даруе по тысящу крашъ
 срьпьянъ путь; Богъ да вамъ продужи до-
 бродѣтельный вашъ животъ: доста сте насъ
 поучили, доста у нужди помогли, и изъ све-
 того письма ушѣшили: прости те намъ
 сладкїи Господине, ако смо вамъ у чему со-
 грѣшили; прости те и благословите нашу
 дѣцу, Вы сте другїи милосердый Авраамъ
 коаъ насъ были! Мы васъ нїгда заборавети
 нешьемо, мы шьемо дѣцы нашей за васъ про-
 повѣдати! — Богъ да Васъ благослови за-
 плакавши се рекне честный Старацъ; и Васъ
 и любезна чада ваша, Богъ да Васъ огради
 миромъ, ушверди любовь между Васъ; умно-
 жи вамъ плоды земне, да у свакой изобилной
 радости, здравїю и благоденствїю животъ
 проводите. Ты шьешъ Арїстїде овымъ чест-
 нымъ люда у недѣлю она два бурета у
 Пивниды вїна изваляши, и даши нека се по-
 часте, и мени за срьпьяна пуша напїю, и
 провеселе, толье у мѣсно мене отговори-
 овый, Харїтонъ учиниши, а я идемъ Васъ
 до саме границе прашиши.

Нѣ.

Нѣве отъ овыхъ устави на ручакъ, а трочи се разиду. Докле е онъ госпе при столу разговарао, дошле Арістидъ съ Космомъ и Косаромъ све спремію: Седамъ камила была су натовареце, и коньи осѣдлани. Арістиду морао е дозволити, да га до границе Сербске прати. Наруче Воденичару, да пази на све, и чува домъ, докле се овый врати; време буде на путь се отиснути, Воденичаръ му е пао около врата, а Сынъ и ѣговъ и жена загерлили му колѣна: „Милостивый благодѣтелю нашъ! Вы насъ оставяте, сладкій Господине! Заръ више нигда да се не видимо: славо наша, сунце наше, ты отъ насъ вѣчишо заходишъ! Мы смо съ вами дичныи и кодъ васъ славни были! Светозаре! Чедомиле! Ангели наши станте, нехитите, да се Васъ нагледамо, о колико е пешко растати се безъ надежде више се видити! —

По доволномъ овако плачу едва ихъ старый ушѣши; уиде у другу собу и цѣлива иѣке, кое шу остаю свеше иконе, и сѣдну на конѣ.

Старый смотри иѣколико у богихъ гдѣ предъ до момъ стою, пружи Светозару одну кессу съ новцы „Подай имъ Ты Сынку, рече
кис

кне'му, изъ твое руке, нека между собомъ подѣлу. Младншь пружи едномъ Старцу, и рекне да съ прочимъ раздѣли. И шако кресту се на путь. Тысящу е крашъ Старый на трагъ на домъ, и на све предмете погледао и тысящу е се крашъ заплакао „Любезный мой земный раю говораше, и мени на свѣту мѣсто сладчайше, кое си ме до данасъ у нѣдра твоей держало, и свакими пріятностями мене наслаждавало, кое си ме какъ трошу печалногъ пріимило, и садъ ме съ оволикими благами отпускашь.

Данъ имъ бѣше прекраснъ, но у поланико угрее; плавшанъ воздухъ высоке горе покрыо. Тесалійске планине мало по мало изъ предъ очю ньювы губляху се, самъ веръ высокогъ Олимпъ ющъ мало се видяше, съ лѣве стране Албанске имъ се горе указивати почну; време пролѣтно, кадъ благодатна природа нѣдра своя отвораше, и сву поверхность земню пріятними своими дарами исполняваше: разновидни предмети свудъ у наоколю сердце смертнаго у сладко нѣко восхищеніе приводяху. Ондіе се види висока гора гдѣ се на другу любезно наслонила, оваде весела удалія съ богатѣйшомъ пашомъ предъ нима простерта; гдѣ гдѣ поузвишени окру-

ГЛН

гли Холмишъи, по коима гдѣ кое као рукомѣ посадено древо. Поредѣ великогѣ царскогѣ пуша, коимѣ наши путници идяху ужасне величине распови, рекао бы да јошѣ отѣ Адамова времена бытје свое имаю; на мѣсти страшне дубраве зѣю, коихѣ дно солнце отѣ сложенія мѣра озарило нѣе, но отѣ полакѣ вѣчная ношѣ тамо царствуе, и прѣштну нѣку жадностѣ ошѣ себе лѣши изтае: Внезапу у кажу имѣ се са стране отѣ кудѣ дивне равнице, и по нѣма тихѣи гаеви изѣ далека се плаветне, и као да дремаю, а кадѣ се дойде ближе зелену се, и као вѣнцы кипу и красу ова она цвѣтоносна поля. Свѣтѣй почти коракѣ овдѣе нове предмете сѣвовими прѣшностми нашимѣ путникомѣ откриваше.

Супра данѣ предѣ саму ношѣ спигну на Македонску границу, гдѣ се ова зема сѣднимѣ шокмо краемѣ сѣ Албанѣомѣ и Ерцеговиномѣ спиче: дойду у еданѣ градѣи и пу приношѣу. Арѣстѣдѣ хотѣше ихѣ далѣ ошѣ прѣшпи: обаче Старѣй Господинѣ не озволимѣу, што бы му прудно не было прео толке земле сѣднимѣ шокмо слугомѣвоимѣ напругѣ се врашѣати; особито знашѣи га да е и тако страшливѣ. Онѣ сѣ
нимѣ

нимъ при вечери у едномъ гостинику до полночи разговарајући се време проведе; и зато поранили на путъ нису могли, остану ту до после полдне: За едно обѣду; и случајно нѣки люди одаше у Лариссу по лазаху, онъ се сада съ овима съ дружи за едно пушоваши. Но таква плача отъ нѣга кадъ е се съ Господиномъ прашао, таква герлѣна и люблѣна са свима ништо заръ у свой данъ видю нѣ! Онъ говорити нѣ могао ништа, но само е све редомъ герлю, и отъ тѣшка плача ецао. На послѣдокъ едва е изрети могао „съ Богомъ душе свѣте! — и — немојте заборавити на мене — со тимъ оторгне се и појде мало, до опешь спане, погледн на нѣи, и на ново му сузе грону „Ющъ еданъ путъ! — Ющъ еданъ путъ да васъ загерлимъ! „ — О Божъ великій! зашто се я познадосмо, кадъ се мо рамо распати! О Небо милосливо, шта може бити сладе, шта сердцу нашемъ пріятнѣ, штали души нашей миліе отъ пріятелске любви! — Сладкіи Господине молиш се я за мене Богу, да и моя душа ондѣ дойде, гдѣ тѣе ваша доити. — Старый га до волно тѣвшаше, обаче всуе! на еданъ путъ окренесе „съ Богомъ, и тако као у нѣкои

сму-

змущенію оде, и нехотяшесе више окренупи. Ови га до никле сѣ очима испраше, по томѣ сѣдну и сами на конѣе, и описну се на путь. Другій дань Македонію на десно оставе, и у *Ерцеговину* ступе. Но, хвала Богу! рекне старый евосмо вещь у Сербской! ово е моя дѣцѣ! мила мами наша, ово е любезно опечество наше, ово е *Ерцеговина* земля здрава и лѣпа. Третій дань рано угледаю и высоке планине, преко коихѣ докѣ се преиде одма су у Савини своему селу. Старый показуе дѣцѣ рукомѣ Планине, кое се близу видяху, и да имѣ е село таки преко нѣи, но едва тай дань сѣ мракомѣ подѣ планину дойду, и будущи да се густѣ облацѣ навуку, и грозномѣ кишомѣ препити имѣ стану; а села се нигди близу невиди: даду се у бригу гдѣ тѣеду сада ношѣити. Алѣ на сретѣу смотре одну прекрасну дѣвицу около своихѣ 12. 13. лѣта сѣ однимѣ младитѣемѣ мало нешто отѣ нѣе старіимѣ, гдѣ пераю овчице свое кѣ стану, и пацу се да ихѣ киша неухвати. Дѣцѣ моя! рекне старый, елѣ далеко вашѣ спанѣ? Нѣе далеко заруменивши се опговори дѣвоицица, таки е овдѣе за овимѣ бердашцемѣ. — Можемо ли мы преношѣе кодѣ Васѣ имати? — О! Зашто не!

не! — Понду заедно. . . Сумо! ты можешь и самъ овце доперати, рекне дѣвица Юноши, да я водимъ Господаре мало берже, да ихъ киша неухвати. Со тимъ понде предъ пущицы а младитъ изостане овце теракутъи. И шекъ што се они къ стану приближе, киша падаши почне.

Спарацъ еданъ кои предъ домомъ спаше, изиде предъ ньи: тащице! рекне дѣвоиче полюбиши га у руку, прѣимите госте, а шерчимъ са Сумомъ овце доперати, онъ с овдѣ близу. Спарацъ ихъ любезно поздрави, и коня исподъ Господина прехвати „Есилъ ты Спарино овдѣ домашниъ? запыта га Господинъ. — Есамъ отговори Спарацъ. „Мы се молимо прѣимите насъ за ову нощъ“ не треба молиши, отвѣща добрый спарацъ, по слазите сѣ коня и заповѣдайте у нутаръ.

Одма вечеру даде справити, а камиле и конье подъ одну велику сѣницу увеле. Силна се киша проспе, и гермлявина да се чисто земля шресе. Мы смо сретъни домашнине! рекне Господинъ, што на вашу дѣцу наидисмо, иначе домъ небы вамъ смотрили, и Богъ зна како бы смо ову нощъ провели, имашьемо зашто вамъ благодарити „Богу милоспивому любезный Господине! а не мени

мени; отвѣща старацъ: Богу, кои насъ съ о-
вомъ благодатномъ кишицомъ посѣши, были
смо е ветъ жельни; я се радуемъ да е васъ
случан овамо нанео: странна и путника при-
мити то е дужность наша, кою Сербинъ
паче прочихъ почиуе; страннопріимство е
Сербину природно, онъ се радуе кадъ има
съ кимъ залогай хлѣба, и чашу вина подѣли-
ти. *Милице!* повыче на дѣвоичицу, дай дѣ-
пѣ мое плахту, и застри сполъ, а Суме-
онъ некъ иде по вино. За вечеру се нимало
не журише рекне Господинъ, мы имамо у на-
шими торбами вечеру, но само дѣце ради
мало поливке да угрею желудкацъ. Дайте по-
кой Господине! отговори старацъ имамъ я
съ чимъ дочекати да е васъ ющъ шoliko:
мыслите вы да мы прости люди емо на дра-
мове као граждани, што свашто купили
дораю. Имамъ мяса, имамъ Богу хвала си-
ла, масла, пастерме (сува мяса) што годъ
копьемте. Но сретъниште те самъ данасъ
вина донео, а остао самъ быо безъ нѣга; но
идите какво е намъ постолье; дрвени
анцы, дрвене лажице! као коадъ прости лю-
ди. Овый бѣше веселякъ нѣкій отъ свѣта;
два ихъ и сутра отпусти.

Дань

Дань е освануо прекрасанъ, небо плавно, и отъ облаковъ очищено, воздухъ свѣжъ съ шихимъ вѣпричемъ расшвара се, земля наквашена, киша пролѣтна све опрала, и живошворила, пшичице радостно свудат опешъ по шуми прелешю и пою. —

Садапъемо лѣпо да пушумо, рекне своимъ Господинъ: Но гдѣ е вели Милица, вадешъи кесу запыта. Она е вешъ Господине! истерала съ братомъ Овце, опшговори матери. Отацъ! рекне Светозаръ да ю зовнемъ она е овдѣе близу. А! — некако си ты окомю ону лѣпу дѣвончицу, смѣшешъи се рекне спарый: но, айде иди зови ю!

Светозаръ отерчи и заспане ю гдѣ се съ братомъ по ливади еднот кодъ оваца игра, и выа, и као да забораваи защо е шу дошао престане и самъ съ нѣма играши се. Она бѣгаюшъи отъ брата доштерчи нѣму, онъ ю опаше рукама, и као бранешъи ю держи. Ньой шо буде мило, мане брата, пакъ се спане нѣжно около нѣга умиляваши, и нѣгове свилене хаине похваляваши, рукомъ му косу намешпати, и на нѣга се осмезавши почне. Младитъ ю гледи и сваку юй черпу на образу испытуе: а она нѣму „Али си ты лепъ Господине! на ову рѣчь онъ е пол-

полюби: но съ каковымъ негодованіемъ она
то прійми! особино кадъ іой спаде братъ
перкосити, да ю е младить полюбіо, да ю
срамъ буде и прочая, докле ю найпосле и на
плачь наведе. Но Светозаръ ю утѣши опетъ
и зовне ю Господиню. „Ево паръ люди, рекне
Господинъ, како се они скоро познадоше! со
шимъ пружи іой шры дукаша у руку: она не-
хотяше да узме но погледи на маперъ „Узми,
узми дѣте мое! докле ши мамица нѣ види-
ла пакъ шѣшъ быши моя снаа. Е! да! нѣ-
жно извѣяюшъи се изъ руке Господинове, на
то дойде іой маши „Мамице! повиче, мене
Сума перкоси! А шпа си му радила да ши
перкоси? нисамъ нишпа! Светозаръ се смѣ-
„пышайте ю вели пышайте, што самъ іой
радїо. Она се заспыди, невинна кровь ору-
мени іой нѣне красне и гладке образе. Шпа
ши е радїо младый Господинъ сердце? пыша
ю старый: алъ ми право кажи! Она спу-
спила очи къ земли извѣя се. Но! што не
кажешъ рекне Светозаръ: но мамице, при-
ложи, вы нѣои нешѣте замѣриши, што самъ
я ню преко нѣне волье полюбіо; али е и за-
служила; казала ми да самъ лѣпъ, и похва-
львала ми халине мое. Старый се и маши

• на 1

на то почну смѣяти. Старый Юй силомъ даде лукаше предъ матеромъ. За Бога Господине! зашто то чините? рекне му, маа што смо васъ угостили, платъате! — Боже сохрани! отговори Господинъ, я на вѣшему угощенію и пріятельству благодаримъ, но я даемъ дѣтешу вашемъ ову багателку изъ милоштые.

Со тимъ спану се пращати, а Светозаръ завара очи Милицы пакъ ю полюби, и скочи на коня; но Господинъ и Родители смѣютъ се, намераю га да се сиде, и онъ отъ нѣ полюбацъ еданъ да прійми; то буди Шта бы ти садъ брашъ рекао, рекне Светозаръ да те е видіо како си ме полюбил! На то опросту се и оду.

Текъ што солнце на сѣбни полдне уклизиваше, наши се пушници попеню на планину, съ кое угледаю дивне равнине съ многими селми, на китъене. Ондѣ се жита зелене, овдѣ спада по богатой паши бѣде: виноград и верхови трудолюбно въздѣлани, вошъа свакоякогъ рода као шуме прегледати се не могу. Господинъ старый погледити отъ радости ударе му сузе „Каковымъ се сладостнымъ чувствомъ любезна моя Косаре рекне снаи, сердце мое сада исполнява, гледаю-

дающи овыи красный предѣль — мѣсто моего рожденія! — скопѣ е безъ разума — безсловесанъ, пакъ опетѣ му е мило мѣсто рожденія, а коль ми человѣку! — види се да и само естество насъ нѣкомъ сладкомъ Сумпатіомъ съ Опечествомъ нашимъ веже. Я незнамъ каковъ бы человѣкъ могао быши кой свое Опечество не бы любіо! кси свое Опечество не бы браніо, и кровь свою до нужде за нѣга проліо.

Ту съ яшу конье и съ шоваре камиле, пакъ ихъ пусше по одной поляни да пасу, а они сѣдну подѣ еданъ великій растѣ обѣдовати. Овдѣ шьемо се лѣпо дѣцо моя одморити, рекне старый, и некъ намъ се скопови одмору и напасу, пакъ кадѣ се мало захлади спушитъемо се у село: оно се одавдѣ невиди, но шу е близу за два часа наишише шамосмо.

Они шу обѣдую и разговараю се, алъ еданъ человѣкъ на коню искресну предѣ слугу еднотѣ, кои кодѣ коня бѣше; по маломъ са слугомъ разговорѣ ободѣ коня и оде. Ешо ши имъ слуге „шша те е онай пышао? воприси Косара? Пыша, ме отговори слуга за Господина елѣ истина, да е онѣ Господинѣ Соколовичѣ. Казао самъ рекне слуга, да спше

вы, поздрави вели Господина некъ ми опро-
спи, што му се явити сада немогу, но до-
чекашъ га у дому нѣговомъ; некъ се сешъ
шко самъ! со шимъ оде. Мысли спарый! ни-
пошто се сѣшпиа не може.

Солнце вешъ къ западу превали, и ше-
плошу свою губити почне: Господинъ бѣше
мало заспао и Светозаръ га пробуди. Слуге
су камиле наповарили были, и конье вешъ
осѣдали: дѣца сдва чекаю да виду нову до-
мовину своего дѣде. И шекъ што се низъ
гору спуште, село имъ се Савине укаже „во
дѣцо! хвала Богу вешъ смо дома рекне имъ
спарый. Отацъ хошьемоли наиприѣ у село?
пыта Косма. Не! не! Сыне, но управъ у
домовину (домініумъ) шта тѣу я по Селу
да бунимъ люде. Проити тѣе шу и недѣла
и двѣе, нишко мене нешъе знаши да самъ дошао.

Идушъ имъ шако мимоходу се сѣ лю-
ма „Аюбезный мой роде! умильенъ рекне
спарый, како самъ ше се вешъ зажеліо. Све-
тозаре! шы гдѣ кою рѣчь неизговарашъ чи-
сто Сербски, зато пази Сынко, на шо, и
немой Гречески извѣшти, кадъ говоришъ. Че-
домиль нашъ (рекне Косари) много чистіе
Сербски говори, а самъ шо и сама примѣши-
ла,

ла, отговори она, но садъ е дошао гди тье се научипи.

Овако у разговору пошто имъ остане село едно полъ часа на лѣво, угледаю домъ свой кои се подъ самомъ горомъ мало у страни изъ между зелене шуме и едногъ вошьняка забели. Къ востоку се дивне равнице простираху, опасане прекрасны зелены холмищи съ рѣдкомъ шумицомъ, а отъ запада мало къ сѣверу понагнута бердашца покривена съ винограды и плодны дресеси лежу: къ югу отъ самага дома пружила се изъ между двѣ високо горе, плубока дубрава, чрезъ кою великасе рѣка *Берзава* слива, и у којой се докъ солнце къ западу превали нопъ починѣ: висока дресеса верховы свои облаке подупираху. Къ сѣверу, отъ кудъ и село бляше, съ едне стране потока простиране ливаде, польскимъ цвѣтнемъ посуше надалеко пружиле се, а съ друге стране чисто полье по коему стока селска пасе. На потоку нѣколько Воденица, и двѣ валярице устроене. Изъ села путь великій и съ мало ушервенъ поредъ потока и Господинѣва вошьняка у велику дубраву улазаше, на кон наши пушницы сада нанду. Светозаръ съ своимъ брашомъ отъ радости на предъ отерчи, но

одма су опетъ напрагъ шергли. „Ошадъ по-
 вычу, да видите множество люди, и дѣвица
 на пушу. Они ово јошъ ни изговорили нису
 алъ епо ти имъ 7. Юнака на коньма и сѣ
 голы мечевы предъ нѣи у касѣ дошерту!
 Дѣца се и Косара уплаше, но старый се сѣши
 шта е. Свакиј опѣ овы мечъ у десной Ру-
 цы сѣ великомѣ и црвеномѣ марамомѣ дер-
 жао „да живи Господинѣ *Любомирѣ Соколо-*
вичѣ многая дѣшта! выкну сви 7. као изѣ сѣ-
 ногѣ герла, и шергнусе на прагѣ. У истный
 ма у високомѣ на дому чардаку засвирао
 трубе, и ударе у селу велика звона, спа-
 ромѣ буде мило и заплаче се. Кадѣ дойду
 ближе имаду шта и видиши! множество дѣ-
 вица — прекрасныхѣ Сербскихѣ дѣцерѣн, о-
 бучене све у чисто вѣле хальине у два реда
 опѣ двора пружиле се, сѣ едне и друге стра-
 не спазице, коя се опѣ двора преко вошьняка
 кѣ пушу пружила бѣше; оне держаху зелене
 вѣнце и руды, а мала дѣца обоого пола ко-
 тарчице сѣ разнымѣ цвѣшьемѣ; мало далье
 земледѣлцы стали у редѣ са зеленымѣ жи-
 томѣ и Серпомѣ у руды. Они сви са ра-
 достнымѣ восклицаніемѣ повычу „да живи
 нашѣ Господинѣ, и нашѣ любезный Ошадѣ
 Соколовичѣ. То рекши дѣве спану бацаху
 вѣн-

вѣнце предъ нѣга, а мала дѣда просыпати
цвѣтье по спази; земледѣлцы клекну предъ
нѣмъ „прійми Господине ова искрення чув-
швованія наша, повычу, прійми ове просте
знаке сыновне наше кѣ теби любви; ты си
нашъ Господинъ, ты си нашъ Отацъ и бла-
годѣтель! Спарый бризне плакаши, и хопя-
ше сѣ коня скочити, но пры Юнака пре-
перче му, узму га сѣ коня, и унесу у домъ.
Дозволиште ми любезна дѣцо моя! отъ пла-
ча едва проговараютьи рекне, дозволиште ми
да радостными сузами олакшамъ момъ сер-
цу; шѣсанъ е предѣлъ у нѣму, да я радостъ
ову смѣспити могу! О Небо! — много е
ово за мене! нѣки шу буду и отъ Господе,
особито воиническогъ реда „дивный Херой!
сѣ умиленіемъ гледетьи га еданъ рече, вы
мене непознаете? — дайте ми благодѣтелну
вашу десниду да ю цѣливамъ, она е мене на
путь наставила; я самъ *Стоянъ*, кога сте
вы као сиропу безъ Ошца и матере чело-
вѣкомъ учинили, между люде помѣшали —
мене облагородили. —

Време буде да му и Милесса руцы при-
ступи коя е се веть сѣ прочими поздравила
была „Милесса! сладко дѣше мое! полюбив-
ши ю есилъ срьшня? сладкій Отацъ! а мо-
жсѣ

желѣ се шко вашимъ звати а срещьнимъ не быти, а отъ Бога больше желиши не могу, пружи му младенца на руке „благословише Ошацѣ сладкій мога Сына! благословише га, да ваше доживи године. Онѣ га узме на руке и спане га любити „Богѣ да те благослови предрагое чадо мое, цвѣте лѣбезный, Богѣ да ти пошле россу благодати свое на тебе.

„Братіе моя любезна! рекне присушвующымъ, шко вамъ мое данасѣ пришествіе извѣстно учини? — Съ чимъ ли хотѣнїемъ шоликій се народѣ собра мене толь любезво предусрѣсти? — На овый вопросѣ изъ друге себе ешо ти му два спара мужа, шихо приступе, и еданѣ га по рамену удари. Здравствуйше Господине! веселымъ повыче гласомъ, и загерли га „Милораде ты си? — цѣлае се съ нимъ и погледи на другоѣ подѣ сѣдомъ брадомъ „добросте намъ дошли любезный Господине, овай му рекне и шакодьерѣ цѣлае се съ нимъ „Любомирѣ погледи на нѣга „Палімонѣ? мон спарый прїяшель? Я самъ Господине! — Любомирѣ га загерли паки и полюбисе съ нимъ.

Каже му по томъ Милорадѣ како су се многи нѣгови прїятели обрадовали, кадѣ су разумѣли да шѣе дѣшти, како су се договорили

рили да га сѣ особитомѣ честію и любовію дочекаю, и како су еднако време испытывали кадѣ тѣе дойти, да предѣ нѣга изиду. Я самъ рекне му данасѣ изѣ винограда ишао, и случайно васѣ подѣ распомѣ онымѣ сморію, и оцѣ слуге се о вами извѣспивѣ, шерчао самъ у село пріятелемѣ вашимѣ явити; они су прочимѣ селяномѣ шо казали, и дѣвице, кое су данасѣ у праздникѣ кола играле, узму; малу дѣцу скупе, и сви сѣ радостію предѣ васѣ изидемо. Зато пріймите любезный Брате како ошѣ своихѣ пріятелей, шако и цѣлогѣ общества ове искренне наше любви знаке, пріймите сѣ онымѣ усердіемѣ, сѣ онымѣ сердца движеніемѣ, сѣ коимѣ сморихѣ вамѣ отдали; пріймите честь и любовь, кое васѣ мы сви сѣ восхищеніемѣ сердца удоспоявамо, и кою сте вы заслужили. Милораде мои любезный! и брашьо моя сладка! бришутѣи образе ошговори имѣ спарый: сѣ каковымѣ сердца задоволствомѣ я шо ошѣ васѣ пріймамѣ и колико е сладка и пріятна любовь ваша мени, више може васѣ ова безѣ гласна суза моя увѣриши него и каковѣ благоглаголивый езыкѣ, обаче! — Со испымѣ вашимѣ шако публично мени указанымѣ почитаніемѣ, выште може были прошивѣ мене

зависть непріятелен моихъ изасна пробудили, а негодование многихъ прошивъ сами себе породили! — О любезный Господине реку прочи; зависть с ихъ прошивъ Васъ на вѣки уснула, и добродѣтель с ваша ню глубоко ветъ саранила. Вы тѣше видяши, вы тѣше сѣ радостію искусити да васъ цѣло опечество любви, да васъ опмѣнна лица почишу: самъ великій *Призренъ*, царства нашегъ Повелитель на великолѣпной више града Пірамиди ове доспохвалне и са злашными словы написане рѣчи чиша „Овдіе подѣ мраморномъ плочомъ вѣчно почиваю Юначке кости младогъ Полковника Сокловича и прѣкое рѣчи мотыитѣ време изъ оногъ камени изспругати; самъ каменъ и священный овагъ гробъ у ничтожити, обаче на сераду у народу остаю вовѣки написане! — и изъ воспоминанія народня нигда се небуду изгладити! Вы сте любовію Господине, реку Милорадъ многихъ и опмѣнныхъ лицъ, као швердомъ спѣномъ окружени, безопасно, и мирно воиншину у цѣлому Опечеству живяши можете, и ништа да се не боите, како годъ што се не бои и высокій Дурмиторъ кише и вѣшрова.

Я

Я самъ нещастанъ быо, опговори спарый, едногъ, како сами знате, великогъ и славногъ мужа злобу на мене навушы, обаче я самъ невинъ! шшо самъ я знао шпа е мой Сынъ, Богъ да ми га прости у двору онда чинію! А другогъ вѣра Божія не знамъ да самъ увредію! — Я самъ вещь спаръ, мои се дни исписую, я се за мене небоимъ, но за ову ми е дѣду, да они после мое смерпи шшо неспрадаю, хопя да су ова дѣца шолко нѣгова колико и моя. За шо желію бы съ нимъ се помириши: и шо нишко другій учиниши не може, него мои пріятели! — Но мы шємо о тому другій пушь имаши разговоръ уставши реке; а садъ валями народу кон ме е снако любезно дочекао захваляши, я самъ смешуо съ ума, радость ме е чистю сбунила была. — Ніе отъ потребе Господине! опговору ови, они су учинили дужность свою и опишли. — О! жао ми е! — но я шью ову мою погрѣшку поправити.

Онъ ихъ понуди при вечери оспаши, но они му захвалу и оду, съ обѣщаніемъ да шѣду га свакій данъ отъ садъ посѣтити, само му еданъ Милорадъ заостане, съ коимъ се доволно наразговара. У ожиданію вечере изиде съ Милорадомъ и съ Космомъ сгледа-

ши

ши домъ, и спасе; аѣпъ вершъ и прочая: похвали Косму да му, е знао шако аѣпо и по воли све оправши.

По испеченію едне седмице, учини велику часть Просте селяне даде дозвати у селскій суденскій домъ, и шу имъ сва пошребна пошла некъ се часту; а опшѣныя лица прійми у свои дворъ, и сѣ нима се любезнѣше повесела. По нѣколико дани сами му поглавари села дойду, и понуде га да прійми опъ нѣи рачунъ. Онъ пріймивъ рачунъ сѣдне еданъ данъ на коня и изиде сѣ дѣномъ цѣлый предѣлъ и своя поля прегледаши. Земле нѣке между селяны раздѣлиши, и у Прошокулъ спавиши. Косми преда све, некъ онъ управля, и селяномъ заповѣди да га за управителя признаду, да га чештвую и нѣму се повиную: видили се кому шно криво опъ Косме, шо да дойде нѣму као Опцу на шужбу. Но Селяни ту у Косми ону испу доброшу, ону крошость и любовь наши кою су и у старому Господину познавали.

Едно вече при вечери почне казиваши Светозаръ кудъ е се шан данъ сѣ братомъ пролазіо, онъ похваливаше предѣлъ шай, и уподобляваше га Елісіуму. Само мамице, рекне машери да издаѣше еданъ пушъ и видаше

те каковыи е красный предѣлъ орудъ къ планинамъ идушьи! — Мілессо! опговори она, анде да изидемо сутра! — Пакъ зашто не придода спарый, узмите дѣцу и изидеште. Евдоксія некъ иде съ однимъ слугомъ напредѣ, и некъ вамъ шамо гдѣ хошьете обѣдѣ справи, пакъ останиште цѣлый данѣ, а я шьу быши дома. — Будушьи нѣга често Господа и опмѣнна лица походяху, съ нимъ еу као съ намешнымъ мужемъ разговоре и увеселеніе находили. Милорадѣ е не отступно съ нимъ пребывао. Сутра данѣ инди рано устане Мілесса, оправи све што треба, такъ узме Евдоксію и едногъ слугу, и оду съ нѣкои прекрасной, кою зову Савинацѣ вои, — источникъ съ едне высоке отъ снѣгѣ камена стѣне силну воду испочаваше; и лѣто хладну како истый ледѣ, а зими пако топлу да се никадѣ замерзнути не може. Ову су воду просши держали за свешу, и сказивали да е ню свешый *Савва Неманитъ* и первый Архіепіскопъ Сербскій, священнымъ кезломъ изъ камена произвео: зато су ю за воспоминаніе Савинацѣ и назвали. Мілесса кадѣ све оправи, остави Евдоксію са слугомъ и она се врапи по Госножу и дѣцу. Изиде

и

и старый Господиъ, и шу се до саме н
шьи провеселе.

Кадъ се мало захлади заузму се шу пр
ходаши. Светозаръ съ Драгиньомъ испо
руке водетьи се, часъ на часъ стао бы и р
комъ показивао, како е естество ово мѣсп
украшено, како се дивно на ливаде и шумиц
гдѣ гдѣ на мале холмишья, гдѣ гдѣ на в
соке горе раздѣлюе; наковый благовонный м
рисъ по числомъ воздуху пики вѣсприши
шу развеляю, и како имѣ пшицие умил
пою. Отацъ! рекне старомъ, а више не ж
лимъ за Елісіумомъ, мени се ово мѣсп
іоушь болѣ допада.

Они овако у разговорѣ доиду къ вел
комъ пошоку, сѣдну на брегъ на зелену шра
ву, и гледу, како се рыбе — пасперме —
по кристалной води играю. Ове рыбе іоу
нисте ели, рекне старый, оне су тако пр
яшногъ вкуса и тако здраво ело, да се н
какова рыба съ нима споредити не може; и
пьемъ ихъ сугра нахвапати рекне Мілессо
Светозаръ на слони главу матери на кры
и засни: шай заспа, рекне старый, но да ма
мо, нека га мало отговори она, кадъ е в
чео, имамо іоушь време, но шы Мілессо! у
ми Драгиню и иди; знашь каквогъ Господи
имашь

машь дома. Нїе ми за нѣга, ошговори Мї-
есса, нѣга доикнїя болье чува него я; но
ко буде намѣ Косма дошао! — Текѣ шпо
Мїлесса сѣ драгипьомѣ оде Светозарѣ ужас-
ушѣ пергне се у сну „Но! што ти е? за-
ыша га маши. — О мамїце! што самѣ вамѣ
нїо! „ Сталисмо вели, а и старый Отацѣ
а прозорѣ, и вече будущїи гледїмо звѣзде;
адѣ алѣ една велика прекрасна звѣзда отѣ
ѣверне стране полети до никле преко Не-
а, пакѣ се ѣустреми управѣ на насѣ, мы се
пергнемо и отѣ прозора мало на страну у-
лонїмо, а она сквозѣ прозорѣ улети намѣ
собу! и као да у соби светѣу нїсмо има-
и, отѣ нѣе се цѣла соба засвѣшли и кан-
їло намѣ се предѣ С. распятїемѣ само отѣ
не свѣтлости упали! Вы сте на шо изѣ
руге собе уперчали, и на крешѣ пали.
Доба намѣ се сва блисташе, и а прешер-
їмѣ вамѣ на крешѣ; вы сте плакали но
нїшша проговориши нїсте могли. — Я на шо
уплашенѣ повычемѣ, паднемѣ старому Ошцу
около враша, и со шїмѣ се пергнемѣ! —

Косара погледї на старогѣ, и старый
ѣвїгнувѣ рамены, андемѣ рекне дома. А гдѣ
е Драгїня? упыша младїшь: она е сѣ Мїлесс-
омѣ ошїшла дома ошговори му маши. О-
шцацѣ!

тацѣ! а што тѣе тай санѣ значиши? Овы е нѣкѣй особишый Санѣ, онѣ празанѣ быш нешѣе. То значи - осмѣнувши -се рекне стѣрый да тѣешѣ быши великѣй Аспрономѣ кадѣ о звѣздами саяшѣ. Текѣ се они овы ко разговараю, ето ти имѣ слуге гдѣ шерчѣ. Но! што тѣе садѣ быши? рекне Косара „А дѣте Господине, повыче слуга скоро дома нѣва Господа васѣ чекаю! — Солнце шѣе што за гору зашло баше, и шиха се нощ починаше.

Кадѣ дойду ближе предѣ домѣ, виде а слуге конѣе по вошьняку проводаю. Драгине шерчи предѣ Косару „Мамице! имамо гдѣе сше, еданѣ великѣй Господинѣ, и сѣ нимѣ юощѣ проица. Свешозарѣ загерливиши ю „што жѣ лощна, да нису твои просѣоцы! — о шѣ моя лѣпа! полюбивѣ ю „мы тѣемо шѣебе удади за Парменѣона: знашѣ што самѣ ти ка зывао? за оно старо курѣ Даскало у Аѣиши — Иди молимѣ те, дай ми мира; опимаюшѣе се опѣ нѣва рекне му; гдѣ шѣе мыслишѣе женидби, мыслишѣе да и я о удадби. — Ты шѣе га бога ти Драгина, рекне машѣе, што ти не да мира.

На што изиду странни: еданѣ опѣе нѣе высокѣ мужѣ, постарѣ, лѣпо обученѣ и

ли-

ицу знаменитѣ челѣвѣкѣ. Онѣ се шихо на старогѣ осмѣне „добро сте намѣ дошли рене старый, и на срѣшеніе му похити. Спраный разшири руке, десномѣ га около пояса паше, а лѣвомѣ га загерли, пакѣ погледи а фамілію „Косаро! сладко мое дѣште Косаро! мила моя дщери! испознаешѣ Отца швога!

Она на шо врисне оцацѣ! мой Оцацѣ! ладкій Родителю! — падне му около врапа, и зацѣну се плачемѣ; дѣца су поредѣ старогѣ спали и у шрепешу гледали. Спраный ихѣ узме за руку, и приведе ихѣ нѣму лиже. Клекните чада моя любезна овдѣе, лекните и загерлите колѣна овому Господину! Онѣ е вашѣ старый Оцацѣ, као и я, нѣ е оцацѣ мамиде ваше, пріймиште благоловѣ отѣ нѣга. Оцацѣ люблѣтѣи бледе и узами поливене образе нѣне „чадо мое сладко! повраши се! дщери моя любезна, прогори, шеби оцацѣ швои праца, прости чадо и шы нѣму! Тебе Родителѣ швои любигерли, любію ми ше Богѣ благодатіюмѣ воіюмѣ. Она едва проговори „подержите ме любезный Родителю мало тако, и дозволите ми іошѣ сузе лиши, о колико су оне мое сердцу сада сладке!

Онѣ

Онъ осѣти да су му младишья колѣна
загерлили, восхиши му се сердце на ново,
на ново се заплаче, онъ ихъ дигне отъ зѣ-
лье, прегерли ихъ обоиду къ шрепещущимъ
своимъ персима, стане ихъ любими „ слад-
дѣцо моя! любезный Породе! благонаде-
ни цвѣши мои! прегерлите дѣду вашегъ,
пріймите благословѣ отъ нѣга, кои онъ
вамъ отъ Бога жели. Любомире! брате мо-
сладкій! загерливши га паки, прости ми! я самъ
теби брате согрѣшию, но прости и повраш-
спокоиствие души моѣй: я признаемъ, я не
повѣдамъ да самъ те увредю, но я се самъ
я каемъ, и молимъ прости ми! Богъ да те
прости по тысящу кратъ любезный мой
рекне Любомиръ, Богъ да ти прости и я
овомъ и на другомъ свѣту; а я самъ ти да
но оброщю: буди миранъ, буди у совѣстѣ
спокоянъ, нѣсть бо человекъ иже поживе-
не согрѣши. Ту се безъчисленно кратъ и
любѣ, и у дворѣ поиду. Я како самъ ра-
мѣво рекне Г. Николѣ да си дошао, оми-
самъ овамо похитю, я самъ за васъ све я
вещь полъ године разумѣво, и каню самъ с-
пушь у Тесалю предузети: но по шомъ и
вѣспимъ се да шьете вы овамо дойти. |
ючеръ у пушу, — пошао самъ важнымъ и
слобъ

ломъ у *Шхунтаре* — разумѣмъ отъ Селяна
иши, да сте веть овдѣе, пропустиши нисамъ
огао, да вамъ недондемъ, но жао ми е шпо
но зоромъ супра отходити морамъ: оба-
е скоримъ временемъ видитьемо се паки.
ко имамъ честь, рекне Любомиръ, ову Го-
поду познаши? Ово е Господинъ, отговори
тъ за одногъ, мой Секретаръ, а оный мла-
ый Писаръ е у Канцеларій! — овыи е пакъ
ой сможитель.

Вечера, господска буде готова, сбли су
ва Пріятеля еданъ до другогъ, и у любез-
Вишимъ разговору лѣшну ношь скоро до
оре проведу. Дѣца су непрестанно сѣ нимъ
Вдила; Косара се не може доволно свогъ Ро-
ишеля нагледаши, ниши онъ нѣе намилова-
ти. Она е нѣму во крашѣ повѣсть свою ис-
азала, но знамените случае гдѣ е шпо претер-
ила, нѣе хотѣла говорити. И будущи да
апере нѣе имала, зато нѣе се къ Отцу ни
рашила, но заостане при честному своему
векру и любезной дѣцы своіой (кою Госпо-
инъ старый и испущаше за живота свога
тѣ себе) у безмолвному овдѣе мѣсту, да
нихо по спраданію ономъ, животъ свой про-
еде. Старый су се при столу заръ и сто-
рашъ полюбили, и сто крашъ радостну

М т

сле-

слезу изъ очію пустиди. Дѣца вѣшь пойдѣ да спаваю, и маше се старимъ за руку: Дѣти ихъ Николай прегерли „Богъ ми Васъ любик мои Сынови „по е она звѣзда мои Свето-заре! рекне му мами, што си мало пріе снѣо свѣтлостъ е она нѣна радостъ намъ возвѣспила, а кандило што е ужегла, миръ е о вому дому и свимъ намъ явила.

Сутра данъ Любомиръ га долго зауставляше, обаче царско е дѣло нѣга у Шкушаре позивало, ошташи нѣе могао; онъ се опрости, и Любомиръ га съ Косаромъ испративъ рекне: Хвала Богу, те насъ благосъ нѣгова и со тимъ утѣши, отъ садъ шѣу мирнѣе днѣ проводити, мирнѣе умрети; Божіймъ е мановеніемъ и по морало быти; а се воиспицу нисамъ надала отговори Косара, да тѣе се онъ толико смириши: овако у разговору врату се дома.

По нѣколико дана кажу добри Пріятелю Любомиру, да е самъ Царъ душанъ рекао Господину Бучину, да се мора съ нимъ помириши. Како што му и самъ возвращивши се изъ Шкушара искрено то исповѣди. Живили су по томъ ова два стара пріятеля много година у крайнѣй любви и пріятелству. Любомиръ е на захшеваніе царско и у дворъ

дворѣ нѣговѣ често отходію, и отѣ свію дворяновѣ онѣ е сѣ великимѣ благоволеніемѣ и любовію свагда пріймленѣ бывао. Онѣ е быо человекѣ возрасти благородна, кости крупне, и аке: у лицу свагда, и сада подѣ сѣды власы руменѣ и благозрчанѣ; пунѣ и безѣ морщина. Чело е имао широко, обрве велике и черне; очи граорасше, изѣ коихѣ е свакій чисто нѣгово сердце и великій у нѣму духѣ премѣштити могао. И ако е и кой сынѣ своему родителю у свему подобанѣ быти могао: то е овому Господину любезный нѣговѣ Светозарѣ быо, о коем у шора часть слѣдуе.

Конецѣ первыя части.

Любезни мои Читатели!

свакой почти книги гдѣ коя погрѣшка
 акнесе: слѣдовательно и у овой нѣколько
 има, кое самъ овдѣе назначю.

р:	верста	у мѣсто	читайте
4	доле	4 стрѣла іой	стрѣла ю.
1	горе	1 водмѣ	водомѣ.
3	горе	3 кои те	кои ме.
7	горе	7 съ шшапомѣ	шшапомѣ.
8	доле	8 ови прое	сви прое
6	горе	6 не изрешы	ни изрешы
12	доле	12 Та я онако	ша онако.
4	горе	4 Припяшствіе	припяшствія.
9	доле	9 добрѣ духомѣ	и бодрѣ духомѣ.
9	доле	9 укосѣ	укобѣ.
4	горе	4 васу	Васѣ.
3	горе	3 дѣвицу	двоицу
1	горе	1 разбойника	разбойнике.
3	горе	3 шпошье	шотъе.
12	горе	12 а самъ Вамѣ	ясамъ Вамѣ
5	горе	5 Какѣ	кадѣ
6	горе	6 весело	весео
1	горе	1 ясамъ могла	ясамъ га 3.
9	доле	9 и сошимѣ му	и сошямѣ я
3	горе	3 далго	долго
4	доле	4 коликко шы	коликко шы мени
12	доле	12 и свешо	и све шо
13	горе	13 находи	находіо.

N

Стр:	верста	у мѣстѣ	Читайте	
333	доле	12	не шьемо шя	несьемо шя м
333	доле	12	находи	находю
336	доле	14	сѣ овими	сѣ овимѣ.
340	доле	4	у ишому	у ишому
344	горе	4	идемѣ вели	идемѣ велимѣ.
344	доле	5	кому самѣ	кому самѣ га
354	горе	1	на томѣ добру	на томѣ добру.
356	горе	2	поданіямѣ	паденіямѣ
357	горе	5	шы лупежу	пи лупежу
361	горе	14	у селу	у село
364	доле	13	одежде	одежди
375	горе	1	вишше	Ваше
381	горе	13	словесной	Словесный
381	горе	13	и души	и душа
388	горе	3	сестрице	сестрица
403	доле	5	искусніи	искуснѣя
437	доле	4	да е то иста	да е та иста
448	горе	1	иши	не быше иши пуша иши
460	горе	6	рекне Θεодора	рекне Θεодора
494	горе	7	пріймила	пріймали
497	горе	2	исполнсе	исполнсе
497	горе	14	садашнетѣ	садашнетѣ.
506	горе	14	пренебрегну	пренебрегну
507	доле	7	поноцне	поноцне
513	горе	2	помѣ	поме
545	горе	10	служишель	служитель
547	горе	4	возрасти	возраста.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE DEC 15 1965 H

69 11/1

CANCELLED

DUE SEP 68 H

2 **CANCELLED**

CANCELLED
JAN 26 1970

LIBRARY

